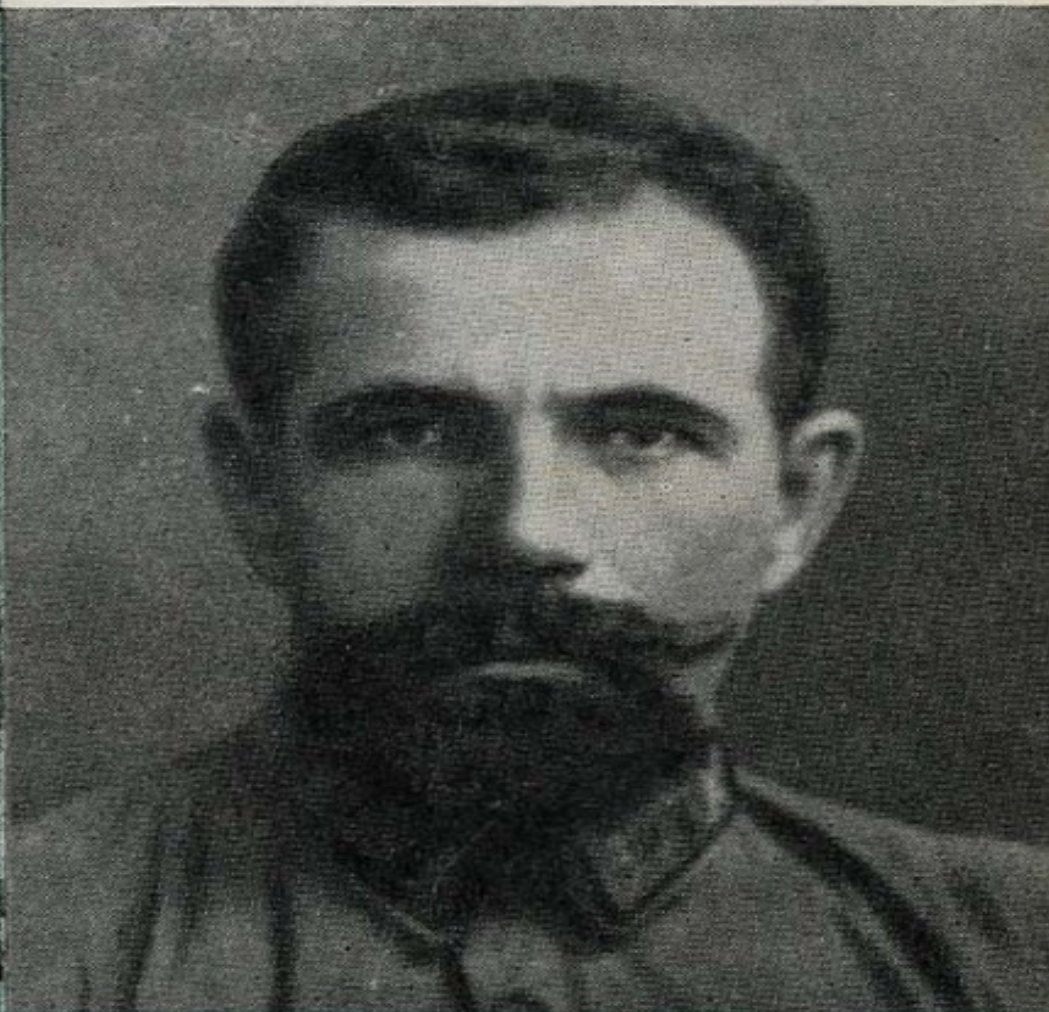
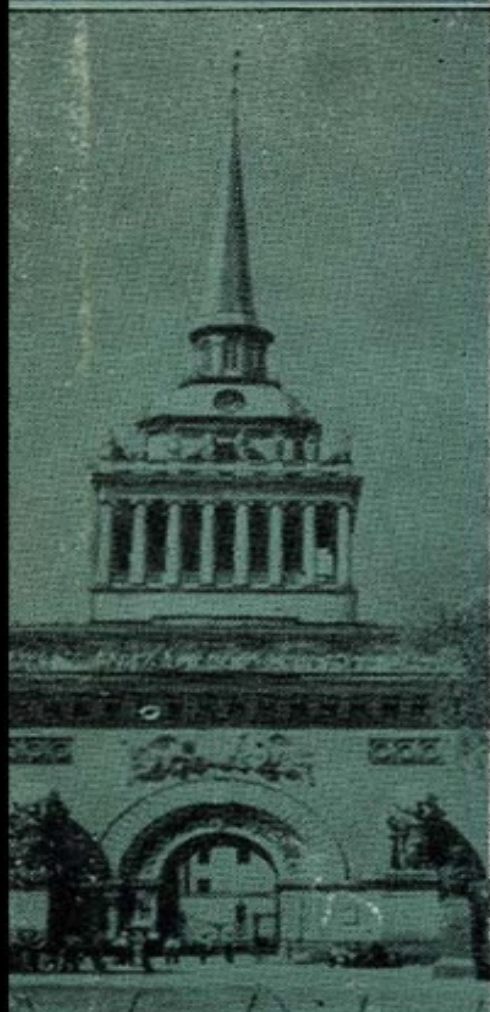

ДЫБЕНКО

Иван
Жигалов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

В яркой плеяде героев Великого Октября и гражданской войны достойное место занимает балтийский матрос, член партии с 1912 года Павел Ефимович Дыбенко. Председатель Центробалта, член первого состава Советского правительства, член коллегии Наркомата по военноморским делам, затем нарком Красного флота, талантливый военачальник и видный советский деятель, П. Е. Дыбенко прожил героическую жизнь. Об этом замечательном революционере, негибаемом большевике-ленинце и рассказывает писатель И. М. Жигалов.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Иван Жигалов](#)
    -
    -
    - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
    - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
    - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
    - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
    - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
    - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ](#)

- [ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ](#)
- [ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ](#)
- [ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ](#)
- [ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ](#)
- [ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

- [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
  - [51](#)
-

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 18

---

(643)

Иван Жигалов

ДЫБЕНКО

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

*

Рецензенты:

заместитель начальника Политуправления

Военно-Морского Флота контр-адмирал *Э. Ю. ЗИМИН*;

капитан 1-го ранга *В. Н. ФЕДОТЕНКОВ*;

Герой Советского Союза, член СП СССР

В. В. КАРПОВ.

© Издательство «Молодая гвардия», 1983 г.

N. Dorokh

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«ЧЕГО НЕ ПОИЩЕШЬ, ТОГО НЕ СЫЩЕШЬ»

В непроходимые леса и болота урочища «Зыбкое» в середине XVII века бежали из Центральной России преследуемые православной церковью раскольники. Беглые старообрядцы вырубали чащобы, вспахивали делянки, осушали болотную зыбь на берегах реки Карны, обзаводились хозяйством. Они любили свое отечество и, когда чужеземцы угрожали ему, забыв старые обиды, грудью вставали на защиту. Воспользовавшись изменой украинского гетмана Мазепы, шведский король Карл XII пытался через Стародуб, являвшийся тогда пограничным городом в юго-западной части России, захватить Москву. Жители слободы Зыбкой рука об руку с поселенцами-соседями преградили пути вражеским войскам. Вооружившись чем могли, они открыли настоящую партизанскую войну: от сильных отрядов укрывались, на слабые нападали, забирали в плен. Пленных шведов и добычу, отобранную у них, слобожане передали Петру, находившемуся в Стародубе.

Петр I по достоинству оценил заслуги патриотов: за преданность отечеству простил старообрядцев Зыбкова за их побег из Центральной России и особым указом в 1716 году закрепил навечно за ними земли...

Минуло сто лет. Началась Отечественная война 1812 года. Новозыбков стал центром формирования ополченцев всей средней России. Новозыбковцы, действовавшие в составе Брянско-Черниговского ополчения, геройски сражались с врагами, преследовали французских завоевателей до Вислы — Одера...

В 1809 году слобода Зыбкая указом Сената переименовывается в город Новый Зыбков и утверждается уездным центром, входящим в Черниговскую губернию^[1]...Проходили годы, расширялись границы города. В 1885 году железная дорога связала Новозыбков с Брянском и Гомелем. Быстро стала расти промышленность, расширялись торговые связи... Только трудовой люд от новшеств не становился богаче... В маленькой деревеньке Людково, прижавшейся к окраинам города, 16 февраля 1889 года^[2] в семье крестьянина-бедняка Дыбенко родился ребенок, которому суждено было стать легендарным борцом за народное

счастье. О жизни этого замечательного человека — Павла Ефимовича Дыбенко — и пойдет речь в книге.

Рано поутру Анна Денисовна, промаявшись всю ночь, разбудила мужа: — Беги, Ефимушка, за Сергеевной, видать, роды подошли.

Не по летам шустрая бабка-повитуха появилась быстро и, выдворив всех на кухню, стала хозяйничать: поставила самовар, достала из сундука полотенце...

В полдень раздался неистовый крик новорожденного. — Ишь какой горластый, — произнес дед Василий. — Это, батя, на Руси прибавился еще один бедняк. — По всем признакам счастливым быть парню, — сказала вышедшая на кухню Сергеевна. — Крепыш, большеголовый, лобастый, а глаза что угольки черненькие...

Мальчика назвали Павлом. Он был шестым ребенком в семье. А семья немалая — девять человек. Старшему сыну десятый год, а дедушке Василию — отцу матери — восемьдесят пятый.

Ефим Васильевич Дыбенко, выбиваясь из сил, добывал хлеб насущный. Анна Денисовна вела хозяйство, ходила по поденкам. За малышами присматривал старик. Он рассказывал им были и небылицы про лесную страну, где в далекие времена людям жилось вольготнее.

— Как почуют беду — начальство ли нагрянет, стражник ли появится — в лес подавались. А лес темный, дремучий, днем с огнем никого не отыщешь...

— И ты, дедушка, бегал? — спрашивал, уже научившись говорить, Павлик.

— Я-то? — И, помолчав, добавлял: — Приходилось. Укрывался. Чем недоимки платить было?.. Только поймали, выпороли, а недоимки внести заставили.

Жили Дыбенко в нищете. Земли полторы десятины, один суглинок. До масленицы едва хватало хлеба. Таких малоземельных бедняков много в округе... Осенью Ефим Васильевич после окончания полевых работ уходил на заработки — заготавливать осину для спичечных фабричонок, которых в Новозыбкове было несколько. Брал и ребят с собой, все же помощники, да и к труду привыкали.

Едва Павлу исполнилось восемь лет, и его определили к местному богачу-коннодержателю пасти лошадей. Вставать приходилось в четыре часа утра. Работа хоть и нетяжелая, но очень уж беспокойная. Лошади молодые, резвые, на ногу легкие, за ними смотри да смотри, чтобы траву или посев в чужом поле не помяли. Случись такое, хозяин семь шкур

спустит да еще жалованья лишит. А жалованье — шесть рублей за лето. Первый свой заработок Павел принес сполна и на лошадях накатался вдоволь.

Летом в семье Дыбенко трудились все, но наступала осень, а с ней новые заботы. Начинались занятия в школе, заработок сокращался. Ефим Васильевич, сам неграмотный, хотел, чтобы дети, особенно сыновья, были обучены. «Девочкам оно необязательно, — рассуждал он, — а вот парень безграмотный что слепой без поводыря».

— Учитесь, братики, теперь я помогать стану, — сказала старшая сестра Мария. Ей недавно исполнилось пятнадцать. С утра и допоздна укладывала она спички, а норма немалая — 250–300 коробков; по ночам вместе с матерью и сестрами стирала чужое белье.

В девять лет Павел поступил в школу. Он был прилежным, способным учеником, после начальной школы перешел в двухклассное городское училище, вечером работал на маслобойне, их тоже было много в Новозыбкове. Домой возвращался усталый, злой, ругал хозяина, который заставлял их трудиться наравне со взрослыми, а платил мало.

Отец хмурился, он не любил, когда «благодетеля» бранят.

— Свои законы не устанавливай, скажи хозяину спасибо, что дает подработать...

Павлу не хотелось спорить, хотя покорность отца угнетала. «Все от бедности, каждому грошу рад».

А отец не унимался, укорял Павла:

— Это все Алешка, отпрыск кузнеца, мутит воду. Ох, Павлушка, не доведет тебя до добра эта дружба.

С Алешкой Павел случайно познакомился. Шел вечером с работы, смотрит, ватага городских ребят во главе с сыном булочника Федькой, заводилой и драчуном, пристают к мальчику.

— А ну оставьте его! — властно сказал Павел. — Не стыдно, пятеро на одного?!

— Отойди, голытьба, а то я вот тебя! — Федька толкнул Павла.

Павел не растерялся, боднул головой обидчика в живот, тот только ахнул. Произошла потасовка. Разняли прохожие.

Оставшись вдвоем, Дыбенко спросил паренька:

— Чего верзила к тебе пристал?

— Обозвал меня пришлым голодранцем, сказал, чтобы мы с дядей убирались туда, откуда приехали.

А приехали они из Минска. На окраине Новозыбкова Иван Тихонович открыл кузницу. Мастер он на все руки: подкует лошадь или обрядит

телегу — смотреть любо-дорого; может вылудить самовар, залатать прохудившийся котел, починить часы. Одним словом, любое дело ему по плечу.

Ефим Васильевич Дыбенко говорил, будто приезжий кузнец человек опасный, находится под надзором полиции.

Было Ивану Тихоновичу за пятьдесят, как и большинство новозыбковцев, носил бороду, отличался добродушным нравом, любил детей, и те быстро привязались к нему. Встанут у раскрытых дверей кузницы и кричат:

*Кузнец палочки кует,
Алешка песенки поет...*

Иван Тихонович угощал ребят семечками, иногда конфетами.

Павел понравился кузнецу, он поощрял дружбу его с Алешкой, рассказывал им удивительные истории о борцах за счастье народное. Его любимым героем был Емельян Пугачев. Часто в воскресенье кузнец усаживал Павла и Алешу рядом и читал вслух роман Г. П. Данилевского «Черный год». «Неверно здесь про пугачевское восстание написано; уж очень господа выглядят добродетельными», — говорил Иван Тихонович. Прочитали они «Капитанскую дочку». Александр Сергеевич Пушкин, по словам кузнеца, правдивее показал Пугачева. «Только зачем Емельяну Ивановичу понадобилось объявить себя царем?»

От кузнеца Павел Дыбенко услышал о расстреле мирной демонстрации рабочих Петербурга 9 января 1905 года.

— Шли рабочие к Зимнему дворцу с иконами, хотели поведать царю о своей горестной жизни, а их встретили пулями.

Однажды Иван Тихонович попросил Павла отнести записку в книжный магазин Федору Георгиевичу Губареву. «Он даст тебе интересную книжку, мы ее прочитаем». Ходил Павел с поручением к учителю на Дворянскую улицу; вместе с Алешкой расклеивали ночью в городе антиправительственные листовки.

Раскаты грома первой русской революции докатились и до глухих лесных окраин: в 1907 году доведенные до отчаяния крестьяне Новозыбковского и Стародубского уездов поднялись на своих угнетателей — помещиков и деревенских богатеев. Два с лишним месяца сражались повстанческие отряды с царскими войсками и жандармерией. Павел и Алеша помогали держать связь между отдельными группами повстанцев.

Но борьба была неравной. Каратели жестоко подавили восстание, многие деревни сожгли, всех подозрительных арестовывали и бросали в тюрьмы. Четыре месяца сидел в подвале и Дыбенко. Дознание вел приехавший из Минска следователь. На допросах Павел упорно твердил: «Забрали по чистой случайности». Выпустили его за недостаточностью улик.

— Станешь бунтовать — в Сибирь отправим! — пригрозил следователь. — Там живо образумят не только тебя, но все племя социалистов...

Неискушенный в политических делах, Павел только позднее понял, почему следователь расспрашивал о социалистах, когда узнал, что в Новозыбкове жили и работали профессиональные революционеры Михаил Иванович Сычев и Федор Ефтихович Моторов; узнал он и о том, что, когда за границей стали издавать ленинскую «Искру» и «Пролетарий», его родной город стал одним из перевалочных пунктов по их распространению. Доставляемые из-за границы номера газет прятались между штабелями книг книжного магазина Губарева. (К нему Павел ходил по поручению Ивана Тихоновича.) За «литературой» направлялись агенты-распространители ЦК РСДРП. В Новозыбков по поручению В. И. Ленина приезжал М. К. Владимиров, выступал на конспиративной конференции социал-демократов, рассказывал о II съезде РСДРП. Когда в 1904 году был создан Полесский комитет партии большевиков, в Новозыбкове оборудовали подпольную типографию; в городе, писала тогда газета «Вперед», была «блестяще поставлена техника печатной пропаганды».

Выйдя из тюрьмы, Павел направился к Алеше. Поздно вечером пробрался к их маленькому домику, но дверь была забита досками. И где же Иван Тихонович? Если не успел скрыться, значит, в тюрьме. А что с Алешей? Может, и его посадили... С тревожными думами побрел домой.

На работу теперь Павла нигде не брали, занесен в «черный список». Не мог он сидеть на шее родителей, которым и так уж причинил много горя. Когда вернулся после ареста, отец беззлобно сказал: «Ох, Павлуха, укоротишь ты нашу жизнь». Павел уехал к дяде в Новоалександровск Ковенской губернии. За короткое время сменил несколько мест, везде платили так мало, что не хватало даже на пропитание. Устроился на железной дороге грузчиком, работа тяжелая, но заработок приличный.

— Отправляйся-ка, парень, в Ригу, — посоветовал как-то напарник по прозвищу Ерш. — С такой силищей ты богачом станешь. В Рижском порту грузчикам платят чистым золотом.

— Чего сам-то не едешь?

— Здоровьем слаб.

И Павел подался к морю, в неведомую Ригу. Отец выправил паспорт.

— Теперь ты взрослый, попытай счастья, — сказал Ефим Васильевич.

— Меня оно не баловало, все стороной обходило. — Советовал не ссориться с начальством. — Правду не сыщешь, за семью замками она схоронена, а в тюрьму опять угодишь. Уж так мир господом богом устроен...

— Бог все о богатых печется, а бедных забывает.

Ефим Васильевич покачал головой.

Мать сшила мешок с ляжками, положила в него чистую пару белья, икону Николая-чудотворца, перекрестила и протяжно сказала:

— Чего, Павлуша, не поищешь, того не сыщешь. С богом.

В мае 1908 года девятнадцатилетний Павел Дыбенко отправился искать работу.

До Риги добрался без происшествий... Город поразил своим величием. «Не чета Новозыбкову». Разочаровался, узнав, что порт не на море, а на реке, и уж совсем расстроился, когда отказали в работе. «Вот тебе и платят чистым золотом». Не удалось устроиться на вагоностроительном заводе и других предприятиях. Всюду одно и то же: «Своих бездельников хватает. Возвращайся откуда прибыл».

Деньги, что привез из дому, кончились. Пробивался случайными заработками: подносил вещи к поезду, убирал в магазине пустые ящики... Потеряв надежду найти постоянную работу, решил податься в деревню. «Может, в батраки где возьмут». И счастье улыбнулось. Зашел в одиноко стоявшую у дороги харчевню, смотрит, подвыпивший мужчина приглашает к столу. Сел. Тот молча налил стакан водки, пододвинул сковородку с жареной говядиной.

— Не стесняйся, ешь, пей, парень. Я добрый, — говорил мужчина.

Павел с жадностью смотрел на еду, но к ней не прикасался. Потом решился, но водку пить не стал. На жаркое нажал, сковорода быстро опустела. Половой принес другую, в кипящем сале шипела глазунья. И ее съел. Насытившись, отвалился на спинку стула, слушал «благодетеля». Звали его Крумелем, он купил шесть коров, двух лошадей, просит помочь перегнать их до хутора, куда-то под Либаву.

— Не обижу, парень.

Павел согласился, но об оплате не договаривался. «Добродетель» отказался платить за перегон скота.

— Деньги ты, парень, уже проел, — заявил кулак. — Работай за харчи.

Куда пойдешь с пустым карманом, пришлось согласиться. Через месяц

Павел покинул кулацкое хозяйство. Удалось пристроиться в Либавском военном порту. Но Рига не давала покоя. «Получу немного денег и вернусь туда», — думал Павел. Через неделю взял расчет. На билет хватило, да еще и осталось. Верил, что на этот раз повезет, обязательно устроится в Риге. И не ошибся. В первый же день Павел познакомился с двумя грузчиками, Львовым и Филатовым. Оба в недавнем прошлом балтийские матросы.

— У нас в артели много флотских, — сказал Львов. — А ты откуда притопа? В Риге, брат, не медом, а нагайкой потчуют...

Павел рассказал о Новозыбкове, о крестьянском восстании, и как-то сорвалось с языка, что попал в «черный список», потому дома на работу его не берут. Достал из кармана оставшиеся медяки:

— Все богатство — двадцать шесть копеек с грошем...

— Аккурат хватит на покупку замка в Старом городе. — Львов положил руку на плечо Дыбенко.

— Что ж, позову на новоселье, — ответил на шутку Павел.

— О восстании и о «черном списке» помалкивай, — посоветовал Филатов. — А то вместо работы угодишь в башню «Толстая Маргарита» — мрачную тюрьму в Ревеле. Там нашего брата котлетами не кормят.

Когда грузчики беседовали с Дыбенко, старшего артельщика не было. Появился он как-то незаметно. Увидев новенького, спросил:

— Кто, откуда?

— Иван Григорьевич, возьмем парня в артель, — попросил старшего Филатов. — Детина здоровый, работать может.

— Да ведь самим дела не хватает, — ответил старший, внимательно разглядывая Павла. Спросил: — Политическая благонадежность не замарана?

— У него все в порядке, — бойко ответил за Павла Филатов. — Чист как херувим.

— Все вы херувимы, — улыбнулся Иван Григорьевич. — Хватит ласы точить, пошли на разгрузку.

Дыбенко приняли в артель. Первое время получал он несколько меньше других, но денег хватало, даже домой послал. За богатырскую силищу, веселый нрав его полюбили грузчики. Жил в общежитии холостяков в Задвинске. Около месяца спал вместе с Филатовым, потю, м купил койку. По воскресным и праздничным дням они обедали у Львова. Его жена Мария работала на мануфактурной фабрике. У них двое детей — пятилетний Миша и трехлетняя Любаша. Ютились в небольшой комнатке фабричного дома.

К обеду нередко появлялись незнакомые Павлу люди. Среди обычных

разговоров — о дороговизне, о фабричных и портовых делах — речь заходила о политике, засилье тайных и явных агентов, от которых «дышать трудно», о зверстве полиции и жандармов, о том, что такой-то осужден и отправлен «куда Макар телят не гонял».

«Львов и Филатов подпольщики, и друзья приходят не без дела, — решил Дыбенко. — Но раз «крамольные разговоры» ведутся при мне, значит, доверяют, считают своим». И еще уяснил: Филатов тут главный, именно он пригласил Павла на занятие подпольного кружка, давал книги. Беседы с передовыми рабочими и прочитанные книги позволили молодому Дыбенко многое понять и по-новому осмыслить, как жить, с кем и куда идти, за что бороться.

Павел писал домой: «...Дела у меня наладились, встретил я хороших людей, их много среди грузчиков — большинство бывшие моряки. Очень нравятся мне Илья Филатов и Михаил Львов, оба относятся ко мне как к родному брату, всю жизнь помнить их буду. Так что у меня все в порядке. А как вы живете, родные, наверное, все бедствуете? Со следующей полочки еще пришлю денег...»

О назначенной на 1 мая 1909 года демонстрации Павел узнал от друзей.

— В общежитии останешься или с нами пойдешь? — спросил Филатов и предупредил: — Возможно, придется с казаками столкнуться.

— Обязательно пойду! — ответил Дыбенко.

Организованными колоннами с красными знаменами рабочие устремились в город. Вместе со своими друзьями шел и Павел, вдохновенно пел «Вихри враждебные веют над нами...». Настроение у него было отличное.

Людской поток приближался к городской площади. «Никто не даст нам избавленья...» Слова песни разносились далеко вокруг.

Припекало весеннее солнце, на деревьях лопались почки, появлялись еле заметные зеленые комочки; скоро, очень скоро зашелестит, заколышется молодая нежная листва. Казалось, ничто не предвещало беды. Портовики приблизились к трибуне, с которой, сменяя друг друга, выступали ораторы.

Павлу захотелось подняться на трибуну и рассказать о нищете своих земляков в Людке, бесправии рабочих в Новозыбкове да и в Риге тоже. Он посмотрел на друзей и решился. Вот Дыбенко на трибуне...

Только успел спрыгнуть на землю, над головой увидел морду вздыбленной лошади, блеснула шашка и сильно ударила по спине, к

счастью, шашка полоснула плашмя и вреда не причинила. «А ведь мог изрубить гад казак!»

Демонстранты рассеялись... Вечером начались аресты. Привели в участок и Павла. Дежурный надзиратель зачитал санкцию на арест: Дыбенко обвинялся в поддержке организации РСДРП и в антиправительственной агитации среди рабочих... К суду не привлекли, но работы лишился. Опять полуголодное существование. Друзья посоветовали поступить на бесплатные электротехнические курсы.

— Чтобы не шататься без дела, обучишься ремеслу, а мы потом тебя попытаемся снова вернуть в артель, — говорил Львов. — Харчеваться пока будешь у меня.

Полгода учился Павел на электрика. Его хвалили за прилежание и отметили это в документе об окончании курсов. Только электриком устроиться не удалось, товарищи помогли вернуться в порт.

Все больше Павел втягивался в подпольную работу. Готовился к вступлению в РСДРП, однако стряслась беда. Подошло время призыва, Павел должен был поехать в Новозыбков, к месту приписки. А он поступил по-своему.

— Не пойду служить царю, — сказал он Львову и Филатову, когда все сроки были пропущены. Товарищи не одобрили его поступок.

— От царевых холуев не скроешься, о тебе скоро вспомнят, — сказал Львов. — А нашей партии очень нужны в войсках свои верные и надежные люди. Служить тебя все равно заставят, поэтому явись и объясни: «Запамятовал, мол, виноват».

Не успел Павел воспользоваться добрым советом друзей. В ноябре 1911 года его вызвали в полицию, а затем по этапу отправили в Новозыбков. Следом за ним пошло «дело», в котором Рижское полицейское управление уведомляло, что П. Е. Дыбенко политически неблагонадежен и что он «злостно уклоняется от воинской службы».

Нерадостной оказалась встреча с родными.

— Стало быть, не нашел ты, Павлуша, счастья, — с горечью произнес отец. — Оно что тот журавль — летит высоко, до него не дотянешься.

Новозыбков по-прежнему тихий, пустынный... Заглянул Павел в кузницу, но там у наковальни стоял хмурый старик, а мехи раздувал лет десяти мальчишка, испуганный, забитый. И угли в горне горели тускло, нежарко... О кузнеце Иване Тихоновиче и его племяннике Алеше ничего не узнал.

20 декабря вместе с новозыбковскими, стародубскими парнями Павла Дыбенко повезли на военную службу на Балтийский флот.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«ПОЛИТИЧЕСКИ НЕБЛАГОНАДЕЖЕН»

Поезд прибыл в столицу 25 декабря 1911 года. Был по-зимнему сырой, зябкий день. Валил тяжелый густой снег, и пока новобранцы дошли до Крюковских казарм, основательно промокли. Когда закрылись огромные черные железные ворота с начищенным до ослепительного блеска медным двуглавым орлом и разлапистыми якорями, Павел с грустью подумал: «Что же мне тут уготовлено?..»

Унтер-офицер Драгунов, сопровождавший новобранцев, скомандовал: «Вольно, разойдись!» — а сам направился в канцелярию казармы.

На огромном плацу толпились молодые парни в полушубках, стареньких пиджаках, ватных куртках, зипунах и армяках из толстого домотканого сукна. На ногах у большинства лапти, кое-кто в сапогах, густо смазанных дегтем, некоторые в штиблетах.

Новеньких окружили прибывшие раньше, расспрашивали, кто откуда. И пошло перечисление: московские, курские, тульские, брянские, костромские, черниговские, новгородские... К Дыбенко подошел бойкий, рослый чернявый парень в зипунчике, подпоясанном синим кушаком, старой солдатской папахе, в берестовых лаптях; чистые холщовые онучи, аккуратно обмотанные тонкими конопляными оборами, обрисовывали стройные ноги. За плечами у парня висела балалайка на зеленой тесемке.

— С каких краев, приятель? — Дожидаясь ответа, новобранец достал из кармана красный кисет. «Паше от Варвары», — прочитал Дыбенко вышитую черными нитками надпись. — Закуривай.

— Привезли из Черниговской губернии, а работал грузчиком в Риге, — сказал Павел. — Может, слыхал?

Парень смотрел, ничего не понимая.

— Тебя как человека спрашиваю, а ты темнишь.

Подошли еще новобранцы. Их тоже заинтересовал видный, по-городскому одетый парень.

— Да вот так уж получилось, — чтобы рассеять недоумение, объяснил Павел.

— По двое стройсь! Живо-о! — раздалась команда.

Казарма... Огромное сырое, холодное помещение с каменным полом, через небольшие окна, стекла которых годами не протирались, проникал

тусклый свет. Двухъярусные койки, установленные длинными рядами с узкими проходами. Жесткие, набитые соломой матрацы, темные одеяла, которыми пользовалась не одна смена новобранцев.

После обеда — жиденького супа из солонины и ячневой каши — с вновь прибывшими разговаривал пожилой капитан 2-го ранга. Из его слов Павел понял, что Крюковские казармы — всего лишь сборный пункт, откуда новобранцев распределяют по флотским экипажам, где будут обучать морским специальностям.

— Вы обязаны беспрекословно выполнять все приказы и распоряжения командиров и начальников... Не вступать в пререкания, не нарушать дисциплину... — Офицер, чеканя каждое слово, долго перечислял обязанности нижних чинов.

А унтер-офицера Драгунова словно подменили. Когда ехали в поезде, не кричал, даже казался робким. Теперь превратился в «шкуру», так особо усердных унтеров называли за ревностную службу, собачью преданность начальству, постоянную слежку за нижними чинами.

Ходил Драгунов по казарме, покрикивал. Досталось и «балалаечнику» за то, что свою «чертову музыку» положил на койке под голову.

— Еще раз увижу, изничтожу! — угрожал унтер.

Придирался и к Дыбенко, вызывал на скандал.

— Скоро из тебя повыколотят дурь.

— Спокойно, Павел, спокойно, тихо. Не обращай внимания, — говорил Павел Свистулев, оказавшийся рядом с Дыбенко. Они познакомились в первый день на плацу. Высокий, с открытым лицом, Свистулев сразу расположил к себе. Сын маляра из города Буга в поисках заработка «исколесил матушку Русь вдоль и поперек».

— Ушел из дома после окончания четырех классов, поступил учеником железнодорожного телеграфиста, — рассказывал Свистулев. — За распространение листовок и прокламаций в 1909 году попал в Вологодскую тюрьму, откуда вызволил отец, взял меня на поруки.

Вечером перед строем Драгунов объявил:

— Утром придет комиссия, на вопросы отвечайте бойко, не мямлите, не жалуйтесь, ничего не просите.

«Наступает день разбивки, — вспоминает Дыбенко в книге «Из недр царского флота к Великому Октябрю», — является комиссия. Громовая команда:

— Встать! Смирно! Не шевелись!

Лейтенант в сопровождении кондукторов и врача обходит новобранцев и спрашивает, чем занимался до службы, грамотен или нет, где жил, был ли

под судом, и если был, за что.

Дошла очередь и до меня. Отвечаю:

— Окончил четырехклассное городское училище, жил в Новоалександровске Ковенской губернии, в Риге, Либаве.

Председатель комиссии прерывает:

— Во второй Балтийский. По росту годился бы в гвардейский экипаж, но... — В документах у меня значилось: «Рижское полицейское управление... Политически неблагонадежен».

«Хорошо, что еще новозыбковская полиция «хвост» не прислала, — подумал Павел. — Теперь эта «неблагонадежность» словно тень будет следовать за мной... А в гвардейцы? Невелика радость стоять на часах у царских покоев или на яхте «Полярная звезда» сопровождать цареву семью на увеселительные прогулки по Балтийскому морю. Постараюсь с большей пользой и для себя, и для других отбыть положенный срок на флоте».

Дыбенко и Свистулсва определили в Кронштадт, но в разные группы.

Через день более трехсот новобранцев по четыре в ряд под командованием унтер-офицеров пошагали к вокзалу. До Ораниенбаума ехали поездом, а через пролив по льду пешком. 16 января 1912 года прибыли в Кронштадт.

Казармы второго Балтийского флотского экипажа мало чем отличались от Крюковских. А вот полуротный унтер-офицер Павлов понравился Дыбенко: незлобив, хотя строг, требователен, бранился в меру, да и не задерживался: побудет час-полтора, и уж нет его...

На третий день новобранцев переодели в морскую форму. Начались строевые занятия. Руководили «петухи» — армейские офицеры; носили они флотскую форму, а фуражки с красными околышами, за что и называли их петухами. Были они отличными строевиками.

Через два месяца усиленных занятий от темна и до темна новобранцы приобрели отличную выправку и осанку. Рослый Дыбенко находился на правом фланге, задавал тон строю, ему особенно доставалось.

Все приготовления завершились. 5 марта 1912 года подъем сыграли на час раньше обычного. От Кронштадта до Царского Села прошли походным маршем. В положении «смирно» долго стояли на широком поле против Екатерининского дворца, смотрели на ворота, ждали...

Появилась карета, в ней Николай с наследником. Карета медленно продвигалась перед шеренгами моряков.

Начался торжественный парад. Под звуки сводного оркестра моряки чеканили шаг.

Закончился смотр. На матросов уже никто не обращал внимания, и они

отправились в Кронштадт.

Скоро стало известно, что царь остался доволен: отметил старания многих офицеров и унтер-офицеров, похвалил роту, в которой правофланговым шел Дыбенко, а мичмана Либгарда досрочно произвел в лейтенанты. «Не забыл» самодержец и «нижних чинов»: они получили «царское спасибо», по французской булке и пятидневный отдых.

Дыбенко и Свистулев обрадовались.

— Теперь можно и Кронштадт посмотреть, — сказал Дыбенко. — Два месяца живем, ноги сносили аж до самых вилошек, а кроме учебного плаца, нигде не были.

Договорились в увольнение проситься в первый же воскресный день.

Экипажи отдыхали. Начальники в эти дни подобрели. Матросов, в первую очередь старательных и прилежно относящихся к службе, увольняли в город. Унтер-офицеры долго наставляли, как следует вести себя: ходить там, где положено, по своей «ситцевой» стороне, а не по «бархатной», офицерской; отдавать честь, в кабаках не усердствовать.

Старые матросы тоже напутствовали:

— Не попадайтесь на глаза начальству. Лучше всего, как завидите адмиральскую карету, удирайте от греха подальше, прячьтесь в первые же ворота.

Советы друзей и наставников унтер-офицеров пригодились.

Путешествие по острову начали с окраин. «Туда Вирен редко заглядывает», — говорили «старики».

И вдруг как-то неожиданно из-за поворота улицы, что ведет к кладбищу, показалась рыжая лошадь, впряженная в коляску; «виреновский выезд» в Кронштадте знали мал и стар, а моряки и во сне видели.

— Вирен! — крикнул Свистулев. — Летим за ограду! — Оба мигом перемахнули через решетку и пригнулись к земле. Отсюда хорошо просматривалась безлюдная улица, по одну сторону которой ютились одно-двухэтажные домики, по другую — церковь и кладбищенская ограда. Два других матроса, не успевшие скрыться, словно по команде «смирно», ожидали на тротуаре приближающуюся коляску.

Коляска остановилась перед оторопевшими моряками. Вирен проворно спрыгнул, стал обходить вокруг, осматривать и обнюхивать смертельно перепуганных матросов.

Унизительная процедура осмотра завершилась. Адмирал уселся рядом с супругой, взял из ее рук вожжи. По булыжной мостовой зацокали подковы. Экипаж приближался. Павел Дыбенко и Павел Свистулев плотнее прижались к холодным плитам. Когда коляска удалилась, вышли из

укрытия, перепрыгнули через ограду, отряхнулись, подошли к продолжавшим стоять матросам.

— Ну как? — спросил Дыбенко. — Сколько суток отвесил Вирен?

Один из пострадавших выругался, сплюнул в сторону скрывшейся адмиральской коляски.

— По неделе, — сказал он. — Устав, говорит, не знаете, бездельники.

— Испортил, кровопиец, увольнение, — вздохнул Свистулев.

«В Кронштадте царил настоящий террор «опричника» — адмирала Вирена, — запишет в своих воспоминаниях П. Е. Дыбенко. — Этот самодур, по заслугам первым уничтоженный в дни Февральской революции, наглейшим образом издевался не только над матросами, но и над рабочими Кронштадта...»

Позади осталось пять дней свободы, как в шутку называли матросы дни отдыха, пожалованные царем.

Днем лейтенант фон Либгард построил роту и объявил об окончании службы в экипаже:

— Вы направляетесь на учебные корабли и в береговые части, там получите специальности и станете верой и правдой защищать отечество от внешних и внутренних врагов, — заключил лейтенант.

Дыбенко назначили на крейсер «Двина» (бывший «Память Азова»).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЭСТАФЕТА

14 марта 1912 года после завтрака полуротный Павлов повел матросов к Средней Рогатке, где у стенки стояла «Двина». Шагали мимо Петровского парка с памятником Петру I, основателю русского морского флота, овеванной немеркнувшей славой в боях за отчизну, прославленного в дальних морских плаваниях... Вот она, «Двина».

Матросы поднялись по трапу на крейсер. Дыбенко окинул взглядом палубу — дубовый настил чистый, медные поручни ослепительно блестели, судовой колокол словно отлит из червонного золота, и кругом ни души. Уже через сутки Павел понял, какими усилиями достигается чистота на верхней палубе. С побудки до отбоя пронзительные трели боцманской дудки, даже ночью они звенели в ушах; часто во сне Павел вдруг ошалело вскакивал, больно ударялся головой о стальной подволоок, снова ложился, но подвесная койка раскачивалась, скрипела, и уснуть уже не мог. Вскоре раздавались звуки горна, дудки и окрик:

— Встава-ай! Выноси койки! Быстро-о!

Так начинался корабельный день. Таким он будет и завтра и послезавтра... С побудки до отбоя люди в движении, словно заведенные механизмы. Устанавливая бешеный ритм, начальство рассчитывало, что у нижних чинов не останется времени для размышлений. «Им думать не велено».

За лоском и чистотой верхней палубы «Двина» оставалась плавучей тюрьмой под андреевским флагом. «Надо что-то делать, протестовать», — не раз твердил про себя Дыбенко. Присматривался к товарищам, искал единомышленников, но открыто заговорить не решался, знал: за каждым шагом следят шпики. «А ведь есть хорошие ребята и наверняка не только среди матросов».

На «Двине» много сменных кондукторов, инструкторов, унтер-офицеров, они готовили специалистов для флота — рулевых, артиллеристов, гальванеров, электриков, связистов... Всюду на кораблях сложная техника: приборы, машины, механизмы...

Сменный Охота внешне не отличался от других унтер-офицеров, но на матросов он не кричал и не ругался. Уже в годах, с появившейся сединой на висках, морщинами под глазами. Занятия проводил интересно, на вопросы

отвечал спокойно, обстоятельно. Объясняя действие какого-то механизма, приводил случаи «из жизни», особенно из недавней русско-японской войны, к которой, как заключил Дыбенко, Охота относился отрицательно, но подвигами русских матросов и солдат восхищался.

Однажды после приказания вахтенного: «Кончать занятия!» — Охота отпустил смену, а Дыбенко попросил задержаться.

— Поможешь разобрать вот это, — указал он на ящик.

Охота часто задерживал матросов, и Павел, оставшись с глазу на глаз со сменным инструктором, ничего необычного в этом не усмотрел.

— Открой, — проговорил Охота, указав на ящик. — В нем заглушки — детали, служившие для временного или герметического закрытия корабельных трубопроводов. Завтра на занятиях я расскажу, как умели ими пользоваться наши храбрые матросы Порт-Артурской эскадры. — Сменный помолчал. — Но задержал я тебя по другому поводу. Хочу вот о чем спросить: ты знаком с Филатовым?

— Первый раз слышу, — поспешил ответить Павел, почуяв подвох.

— И Львова не знаешь? — Охота улыбнулся. — Не будем играть в прятки, — серьезно проговорил унтер-офицер. — Да и времени у нас нет. О тебе я все знаю. И что значишься в «неблагонадежных», мне известно. Недавно из Риги вернулся приятель, встречался он со Львовым и Филатовым, те просили передать тебе привет... А теперь внимательно слушай и мотай на ус...

Узнал Дыбенко, что Охота, Филатов и Львов — большевики, давние друзья, вместе в РСДРП вступили, участвовали в кронштадтских восстаниях 1905 и 1906 годов.

— Знаю, Дыбенко, ты уже не новичок в подпольных делах, умеешь держать язык за зубами, — продолжал сменный. — Но учти, за тобой следит матрос Шмелев. За ним мы тоже присматриваем. Тебе нужно сделать вот что...

Охота назвал пять матросов и пояснил, как проверить их и привлечь к подпольной работе.

— Гляди в оба, — сказал сменный. — В прошлом году на «Двине» был провал, провокатор затесался. Знал, к счастью, он мало, поэтому, хоть и были арестованы хорошие ребята, основное ядро подпольщиков удалось сохранить.

Дыбенко вскоре овладеет «конспиративным механизмом» подпольщиков «Двины», так называемой «системой пятерок», и позднее в своих воспоминаниях запишет: «Что это значит? Это значит, что если я достаточно проверен, тогда мне поручают завербовать пять товарищей, с

которыми я и поведу работу. Каждый из пяти завербованных знает только меня как организатора, но совершенно не знает других членов «пятерки»... В случае провала... арестовать могли только двоих человек, следов к другим не было, никаких списков «пятерка» не вела».

Как-то Охота пригласил Дыбенко в трактир «Волна». В Кронштадте множество питейных заведений: портерных, трактиров, чайных, закусочных, буфетов, где продавалась водка — «крокодилова слеза» — рюмками, бутылками. Матросам и солдатам не возбранялось посещать кабаки. Командиры, а особенно старшие офицеры, старались не замечать, если нижние чины возвращались с увольнения под хмельком и с синяками. «Такие политикой не занимаются». Подпольщики же в портерных и трактирах устраивали деловые свидания, решали важные политические вопросы.

— Заметил, ты к «зеленому змию» равнодушен, — говорил Охота, — похвально. Я тоже мало пью и редко, но в портерные заглядываю. Переоденусь в цивильное платье и забегу поглазеть да послушать, о чем говорит народ. Пить нам — подпольщикам — нельзя. Но иногда для пользы дела, перед тем как возвращаться на корабль после деловых встреч, загляни в «Прибой», он самый близкий, «причастись», тогда вахтенный не станет придирааться...

На следующий день Дыбенко отправился на Цитадель-скую улицу, легко разыскал одноэтажный домик, в котором Охота снимал комнату у вдовы боцмана, погибшего во время боя в Цусимском проливе.

— Входи, входи, — пригласил хозяин. — Живу холостяком, в молодости некогда было жениться, а теперь уже поздно.

Павлу понравилась комната: ничего лишнего, много света. На подоконниках двух окон цветы. Два венских стула, кушетка, платяной шкаф. Из него Охота достал одежду.

— Примеряй, матрос, костюм телеграфного техника.

Рубашка, пиджак, брюки пришлись впору, даже фуражка с техническим знаком была в аккурат.

Трактир «Волна» располагался в самом людном районе близ Цитадельских ворот.

Охота рассказал о достоинствах трактира: в нем чисто, порядки строгие, пей сколько влезет, но не теряй рассудка. Нельзя браниться.

Посещали «Волну» рабочие и грузчики военного порта, мастеровые, судостроители, извозчики, солдаты пехотных полков и крепостной артиллерии, матросы. Имелись в «Волне» и отдельные «кабинеты» — крохотные каморки.

В кабинет их проводил половой, рыжеголовый краснощекий здоровяк. Закрывая дверь, угодливо согнул спину, заискивающе произнес:

— Буду рядом-с. Покличете-с.

Комнатушка на половину окна, вторая половина отошла к соседнему «кабинету». По стенам узенькие диванчики, закрытые серыми чехлами. На столе графин водки с лимонными корочками, квас, закуски.

— Сейчас подойдут наши: Свояк — мастеровой с морзавода и Волков с «Николаева». Заведение вполне подходящее, — продолжал Охота, — хотя и тут полно шпиков. Да где их нынче нет! Не раз бывали здесь с Филатовым и Львовым. Хорошие ребята!

Вошел Свояк, мужчина лет сорока, в черном новеньком пиджаке, из-под которого виднелась синяя рубаха-косоворотка, брюки навывпуск, черные штиблеты. Рыжие усы лихо закручены кверху. Кивком головы показал в сторону двери, приложил палец к губам. Дыбенко понял: надо говорить тихо.

— Ну здравствуйте. — Руку Дыбенко Свояк задержал в своей.

— Я тебе о нем говорил, — пояснил Охота. — На электрика учится у нас на «Двине».

Появился Волков, красивый кареглазый матрос с коротко подстриженными русыми волосами. Поздоровался, пожал всем руки. От водки отказался.

— Мне еще предстоит побывать на обеде у фельдфебеля. Позвал отмечать тещин день рождения.

Свояк подкладывал в тарелку закуску и громко рассказывал длинную историю, происшедшую с мастером. Потом повернулся к Павлу, стал расспрашивать о заработках рижских портовых грузчиков. Охота в это время тихо беседовал с Волковым. Свояк как бы между прочим сообщил, что «дело» приурочивается к началу заграничного похода эскадры. Охота и Волков понимающе кивали головами.

— Так, говоришь, заработки низкие. У нас они тоже невелики. Перебиваемся с хлеба на квас... — И, повернув голову к остальным: — «Праздник» начнет броненосец «Император Павел Первый».

Свояк резко поднялся и сильным толчком открыл дверь. В коридоре что-то рухнуло.

— Ждал-с, позовете-с, потому стоял у двери-с. — Половой тер ушибленный лоб.

— Фискал и по совместительству половой, — отчеканил Свояк. На улице продолжал ругаться: — На роже написано — шпик... Поскорее разойдемся. — Попрощался и пошагал по Цитадельской. Как-то незаметно

скрылся и Волков.

Охота повернул в противоположную сторону, шепнув Дыбенко:

— Погуляй, а через полчаса загляни, у меня для тебя кое-что припасено...

Убедившись, что «хвост» не тянется, Павел направился к знакомому домику. Пока переодевался, Охота ходил по комнате, бранил полицию и шпииков. Остановился около Дыбенко, спросил:

— Понял, что говорил Свояк? — И сам ответил: — Будем готовиться к восстанию. Присматривайся к людям. Дела у нас много... А это тебе, — передал пачку. — Тут все о житии святых. Держи: «Николай-чудотворец», — прочитал он. — А вот еще «Святой угодник Серафим Саровский», «Варвара-великомученица», «Алексей — божий человек». Положи в рундук, места много не займет, а в трудную минуту выручит.

Теперь Дыбенко почти в каждое увольнение с корабля ходил к Охоте и всегда заставлял у него новых людей — большевиков-подпольщиков. Они приносили с собой газеты «Вперед», «Пролетарий», в которых были опубликованы статьи В. И. Ленина. Здесь Дыбенко познакомился с Василием Марусевым с линкора «Император Павел I». Павлу понравился широколицый, светлоглазый морячок.

— Земляк, хватка наша, сибирская. Первоклассный конспиратор. Сам постиг эту хитрую науку, — представил его Охота.

— Поди, на линкоре живете как люди, не то что мы на «Двине»? — спросил Дыбенко.

Лицо Марусева посуровело, брови сдвинулись, глаза сузились.

— Нашел кому завидовать! Плавающая тюрьма. Офицеры — зверье, и первый среди них командир. Меня, правда, не обижает. — И повернувшись к Охоте: — На днях даже вызывал, спрашивал, как мне служится.

Охота насторожился:

— Не к добру почет, Василий. Небольсина я хорошо знаю. Может, и чаю предложил с сухарями?

— Чаем не угощал. Поговорил и отпустил. С боцманом за деталями послал. в Кронштадт. Вот и к вам забежал.

Охота поставил на стол маленький круглый самовар, похожий на арбуз, заварил чай.

Марусев заторопился:

— Боцман отпустил на час.

— Мой тебе совет, Василий Макарович, — положив руку на плечо матроса, проговорил Охота, — держись подальше от Небольсина и вообще от офицеров. Купить тебя собирается командир. Купить вместе с

потрохами.

— Я дорогой, у Небольсина денег не хватит, жена молодая, модница, в копеечку обходится, — пошутил Марусев.

— А как готовитесь к «делу»?

— Уж очень зорко следят за нижними чинами, — ответил Василий. — Но и мы не лыком шиты!

Дыбенко сообщил Охоте, что его друг Свистулев назначен на крейсер «Богатырь» и на днях уезжает в Ригу на свой корабль.

— Приходите вместе, хочу с ним познакомиться да и кое-что расскажу вам.

Рассказ Охоты о балтийском «Потемкине»

20 июня 1912 года Дыбенко и Свистулев были на Цитадельской, пили чай и слушали неторопливый рассказ хозяина.

— Сперва о «Богатыре». — Охота прошелся по комнате, остановился около Свистулева. — Тебе на нем служить, ты должен знать «биографию» крейсера. Прошлого его основательно замарано.

Охота повел речь о Свеаборгском и Кронштадтском восстаниях в июле 1906 года.

— Мы тщательно готовились, старались предусмотреть все до мелочей, так советовал Дмитрий Захарович Мануильский, тайно приезжавший к нам из Петербурга.

До намеченного дня оставался еще месяц, и вдруг в ночь на 18 июля узнали мы тревожную весть — восстал гарнизон Свеаборгской крепости и флотские команды Гельсингфорса. Почему поспешили? — терялись мы в догадках. На следующий день в поддержку свеаборгцев поднялся и Кронштадт. Выступили флотские экипажи и гарнизон крепости, хотя к этому еще не были подготовлены. Мы не знали, что шпики напали на след наших вожаков и накануне ночью их арестовали. Конечно, все пошло совсем не так, как было задумано... А в Свеаборге ждали нашей помощи, держались стойко.

Правительство направило к Свеаборгу сильную эскадру. Были там линкор «Цесаревич», крейсер «Богатырь», минные крейсеры «Финн», «Трухмен», «Казанец», «Эмир Бухарский», вооруженные пароходы «Пушка» и «Волынец». На «Цесаревиче», «Богатыре» матросов-артиллеристов считали ненадежными, и их заменили гардемаринами, унтер-офицерами; на некоторых кораблях к орудиям встали офицеры. Били по восставшей крепости даже после того, как там подняли белый флаг...

Охота прошел к столу, наполнил чашки.

— Теперь о «Памяти Азова», так тогда называлась наша «Двина». Восстание здесь вспыхнуло одновременно с Кронштадтом. Его возглавили большевики-матросы Арсений Коптюх, по партийной кличке Оскар, и Нефед Лобадин. Обоих я хорошо знал. Арсений замкнутый, но добрый, душевный, за товарищей жизнь не пожалеет. Нефед — весельчак, остер на язык. В ту пору исполнилось ему двадцать лет, но он уже имел богатый опыт подпольной работы в Одессе, Николаеве, Екатеринославе, Кронштадте, Ревеле, совершил несколько побегов из тюрем, дважды был ранен.

В ночь на 19 июля на тайном собрании матросы избрали комитет. Командиром крейсера — Лобадина... Присутствовавший на собрании ученик-комендор Тильман все рассказал попу, а тот старшему офицеру... Схватили и бросили в карцер Коптюха. Лобадин поднял тревогу, громко крикнул:

— Нас предали! К оружию, братцы! — и с группой активистов успел захватить пирамиду с винтовками.

Первыми открыли стрельбу офицеры. Матросы-электрики вырубili свет. Воспользовавшись темнотой, товарищи освободили Коптюха. Он и руководил восстанием. Во время перестрелки были убиты три мичмана, ранены несколько офицеров, и в их числе командир корабля, остальных заперли в каютах.

На «Памяти Азова» заполыхал красный флаг. Его поднял баталер Гаврилов. На Балтике появился свой «Потемкин»! Восставший крейсер утром направился в Ревель, где готовилась всеобщая забастовка эстонского пролетариата.

Только застопорили ход и бросили якорь на ревельском рейде, по крейсеру открыли перекрестный огонь верные правительству корабли. Погиб Гаврилов. Тяжело раненный Лобадин, чтобы не попасть в руки врагов, застрелился. Коптюх выпрыгнул за борт, но был поднят на подошедшую шлюпку.

Из Ревеля спешили катера с жандармами. Восстание подавили. В ту же ночь состоялся суд. Восемнадцать зачинщиков во главе с Арсением Коптюхом приговорили к расстрелу; двести семь отправили на каторгу и в арестантские роты. Большая группа осужденных матросов до сих пор томится в страшной по жестокости ревельской тюрьме «Толстая Маргарита». В ней томятся и мои друзья-балтийцы, борцы за народное дело.

Охота допил остывший чай, снова стал шагать по комнате.

— Что еще добавить? Свеаборг, Кронштадт, «Память Азова»,

восстания на кораблях флотилии Дальнего Востока — крейсерах «Жемчуг» и «Терек», миноносце «Гордый», транспортах «Аргунь», «Шилка» и гарнизона Владивостокской крепости насмерть перепугали царское правительство, оно поняло — на моряков положиться нельзя. Прекрасен подвиг «Потемкина»! Я вам рассказал о балтийском «Потемкине», были «Потемкину» и на Дальнем Востоке. 17 октября 1907 года красный флаг взвился на миноносце «Скорый», а следом заалели флаги на миноносцах «Тревожный» и «Сердитый».

Охота помолчал.

— Да, друзья мои, — опять заговорил унтер-офицер, — эстафета, начатая потемкинцами, продолжается и будет переходить от поколения к поколению... Вам, молодым, мы завещаем донести ее до полной победы над темными силами зла и насилия!

Охота подошел к сидевшим рядом Дыбенко и Свистулеву, положил им руки на плечи:

— Мы с вами стали большевиками по велению сердца, знаем, за что борется наша партия... Временные неудачи нас не собьют с намеченного пути.

Охота зашагал, приблизившись к стене, подтянул гирию часов-ходиков, присел к столу, выпил чашку чая и снова стал рассказывать:

— Гвардейский крейсер «Память Азова» считался лучшим на Балтике. Но после восстания по указу царя его вычеркнули из списков боевых кораблей Балтийского флота: сорвали андреевский флаг, разоружили, переименовали в «Двину» и поставили у стенки, заколотив досками. Незадолго перед этим по такому же указу Николая Второго черноморский «Потемкин» был переименован в «Пантелеймона», а «Очаков» стал «Кагулом»... Названия можно менять, но память о революционных делах не померкнет, она будет жить в веках! Три года ржавела «Двина» у стенки, пока новый командующий флотом Эссен «сжалился» и включил ее в состав минных учебных кораблей, превратив крейсер в своеобразную плавучую тюрьму, куда отправляют политически неблагонадежных матросов. Мы создали на «Двине» большевистскую подпольную организацию, которая готовит крейсер к новому восстанию...

Охота взглянул на часы, забеспокоился:

— Засиделись мы, товарищи. На сегодня хватит. — Приблизился к Свистулеву, протянул руку: — Будем считать, что мы лично познакомились. В Риге передайте привет Филатову и Львову. Они сведут вас с нашими на «Богатыре». Рижские большевики с флотом крепко дружат. Рига идет в ногу с Петроградом. Только учтите, Свистулев, на «Богатыре» эсеры и

меньшевики здорово мутят воду... Всего хорошего...

Погода стояла жаркая. Палило солнце. На корабле все раскалено, к металлу нельзя прикоснуться. В помещениях, особенно в кочегарке, нечем дышать. Да и наверху, на палубе, душно до невозможности. А за бортом прохладная вода так и манит.

— Освежиться бы, Гриша, искупаться, — сказал Дыбенко матросу, с которым исправлял электропроводку в помещении дежурного офицера.

— Запрещено, — буркнул напарник. — Да и некогда, видишь, спешат, торопятся, скоро заграничный поход. Только нашу «Двину», видимо, все равно не пошлют. Старые грехи не забыты. Может, для счета включают, все боевой единицей больше...

«За границу, конечно, пошлют более видные корабли, — думал Дыбенко. — Вот и заставляют экипажи наводить шик-блеск: латать, подкрашивать, чистить, драить, чтобы иностранцы полюбовались да подивились морской мощи Российской державы. А мощь-то не ахти какая... Охота говорил, что на петроградских заводах еще в 1909 году заложили четыре линкора и в Николаеве — три, что разработана большая корабельная программа на 1912–1916 годы для Балтийского и Черноморского флотов. «Улита едет, когда-то будет».

— Быстрее, быстрее! — то и дело слышались окрики боцманов и боцманматов^[3].

Где уж тут заниматься политикой, люди с ног валятся. Так думало начальство. В глубокой тайне подпольщики готовили людей к восстанию.

По совету Охоты Дыбенко присмотрел трех матросов. Ребята оказались надежными, они привлекли еще пятерых верных друзей, и у тех нашлись надежные приятели...

В последнее время Охота часто отлучался с корабля. Дыбенко знал: в Кронштадте унтер-офицер встречается с большевиками.

Возвращаясь, Охота доверительно разговаривал с Павлом. 21 июля 1912 года они встретились в румпельном.

— Варимся в собственном соку, — сетовал Охота. — Нет на флоте единого партийного центра, который возглавил бы восстание. Сейчас взяли на себя руководство подпольщики броненосца «Цесаревич».

Павел передал этот разговор самым верным товарищам, а те своим...

На следующий день на «Двину» нагрянули жандармы. Вместе с корабельными офицерами произвели тщательный обыск. Рылись в рундуке Дыбенко, но, кроме матросского барахлишка да книжечек о житии святых, ничего не нашли. И у других подпольщиков подозрительного пе

обнаружили.

На многих кораблях эта июльская ночь оставила тяжелые последствия. Уже утром офицеры «Двины» говорили о массовых арестах, будто на флоте раскрыт страшный заговор.

Павел Дыбенко вспоминает:

«22 июля командующий Балтфлотом фон Эссен, окруженный жандармами, появился на боевых судах. В час ночи, когда почти вся команда на кораблях спала, за исключением тех, кто дежурил и ожидал получить боевой сигнал о восстании с броненосца «Цесаревич», фон Эссен вместе с жандармами стоял на верхней палубе броненосца «Император Павел I», где в первую очередь должно было вспыхнуть восстание. Отдавая старшему офицеру список зачинщиков, фон Эссен приказал немедленно их арестовать.

Лучшие товарищи были вырваны из нашей семьи. На кораблях повеяло сырым, могильным смрадом. Все притихло. Забились по кубрикам, по трюмам, в кочегарках. Только те, которые принимали активное участие в подготовке восстания и не были арестованы, не теряли надежды и верили, что рано или поздно им удастся сорвать оковы рабства».

На флоте стали «закручивать гайки». За малейшие проступки сажали в карцер на хлеб и воду. Корабли из Кронштадта да и других баз вывели в море, экипажи лишили берега. Весь минный отряд, в том числе и «Двину», отправили в Биёркозунд, рассредоточили в шхерах. Командиры старались до предела загрузить матросов. Ежедневно по многу часов проводили шлюпочные учения. Охота перехитрил «бдительное начальство», подобрал команду из надежных матросов, уходил в шхеры, выбирал маленький островок, высаживал на него свой «десант» и начинал занятия.

Из письма В. И. Ленина к А. М. Горькому. Август 1912 года.

«А в Балтийском флоте кипит! У меня был в Париже (между нами) специальный делегат, посланный собранием матросов и социал-демократов. Организации нет, — просто плакать хочется!! Ежели есть у Вас офицерские связи, надо все усилия употребить, чтобы что-либо наладить. Настроение у матросов боевое, но могут опять все зря погибнуть»^[4].

На Балтике задули штормовые ветры. 14 сентября Эссен, решив, что матросы уже позабыли июльские события, вернул корабли в базы на свои постоянные места...

В декабре 1912 года Дыбенко уезжал в Гельсингфорс, получив

назначение на линкор «Император Павел I». Побывал на Цитадельской у Охоты. От него узнал, что Волков с крейсера «Николаев» и Свояк с морзавода арестованы.

— А началось с Волкова, — рассказал Охота. — Товарищ он верный, да вот не совсем усвоил железные законы конспирации. Шпики давно за ним следили. Арестовали его накануне готовившегося восстания. При обыске нашли список активистов-подпольщиков, их тут же всех переловили... В нашем деле малейшее притупление бдительности приводит к большим провалам. У себя на «Двине», сам знаешь, мы никаких списков не ведем. Система «пятерок» себя полностью оправдала. Петроградский комитет РСДРП уже в июле, сразу же после восстания, рекомендовал наш «метод» распространить на все корабли флота.

Слушая Охоту, Дыбенко думал: «Теряем хороших людей. Сколько их уже вырвано из наших рядов!»

— Узнай, пожалуйста, и сообщи с оказией, за какие грехи спровадил Небольсин в штрафной батальон Василия Марусева, — сказал Охота. — Произошло это до июльских событий.

Расстроился Дыбенко, он надеялся встретить Васю на линкоре. Охота словно прочитал мысли друга:

— Запомни имена наших товарищей в Главной базе: на крейсере «Диана» — матрос Павел Мальков, большевик, он поможет установить нужные связи. На «Гангуте» — Василий Полухин, а также унтер-офицеры 2-й статьи Григорий Ваганов и Франц Янцевич, беспартийные, но люди верные, можешь на них положиться... — Назвал унтер-офицер еще некоторых активных подпольщиков в Главной базе.

Друзья обнялись. Охота признался, что собирается уходить с флота.

— Двадцать пять лет протрубил, лучшие годы прошли на кораблях и в экипажах. Может, еще успею в Кронштадте отметить свое сорокапятилетие — и прощай, Балтийское море! Товарищи предупредили. Попал я, брат, на подозрение полиции. А на каторге или в казематах «Толстой Маргариты» доживать век мало радости.

Пожав друг другу руки, друзья расстались.

Вспоминая «Двину», Дыбенко запишет о своем учителе:

«Сменный руководитель Охота, будучи участником революционного движения в 1905 году, все свободное время уделял подготовке новых кадров борцов за светлое будущее».

Одним из таких борцов стал Павел Дыбенко, вступивший в РСДРП на «Двине» в июле 1912 года. Рекомендовал его Павел Свистулев, член партии с 1909 года.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВНАЯ БАЗА ФЛОТА

По скованному льдом заливу, отделявшему Кронштадт от Ораниенбаума, свирепый декабрьский ветер гнал колючую снежную пыль. Чтобы не обморозить лицо, моряки шли боком. «Сурово провожает нас Кронштадт, как-то встретит Гельсингфорс», — думал Дыбенко.

Матросы, перегоняя друг друга, устремились в здание, чтобы захватить местечко поближе к дышащей жаром черной круглой печке.

— Василь Милыч, а что, в Гельсингфорсе такая же проклятущая погода? — стряхивая с шапки снег, спросил Дыбенко сидящего рядом моряка.

Василий Милыч Пернатый из старослужащих, лицо обрамляли черные пышные баки и небольшая бородка; служил он в крепости Свеаборг, в Кронштадт приехал к брату, унтер-офицеру минной школы.

— Вот в такую ледяную метель отстоишь «собачку»^[5] у андреевского флага, тогда узнаешь, какова она, погода в Главной, — отозвался Пернатый.

Послышался паровозный гудок. Не успев отогреться, матросы выбежали на платформу.

...Поезд прибыл в столицу. Через город шли строем. На Финляндском вокзале уже ожидал состав, только теперь не пассажирский, а товарный. Спать не ложились. Всю ночь грелись у раскаленной докрасна времянки, разговаривали. Всех волновало: как-то будет там, в Главной?

«Старики», неоднократно ездившие по этой дороге, «познавшие полузаграничную Финляндию», рассказывали о знаменитом водопаде Иматре, о шестидесяти тысячах озер, переполненных рыбой. Дыбенко слушал, не отрывая глаз от приоткрытой двери. Среди пушистого снега мелькали уютные хутора, одинокие домики с островерхими черепичными крышами. И всюду лес — ели, сосны, осины, березы... «Все как у пас в России, а непохоже».

Матросы стояли на каменной стенке, смотрели на гавань и, казалось, не решались ступить на деревянные дорожки, проложенные по льду к каждому кораблю.

За спиной Гельсингфорс, но город сейчас никого не интересовал. Чуть правее высились занесенные снегом острова Свеаборгской крепости. «На самом крутом и самом красивом — Лагерном — похоронены герои

Свеаборгского восстания, — вспомнил Дыбенко слова Охоты. — Обязательно сходи». Павел взором окинул просторы Главной базы Балтийского флота: внутренний и внешний рейды, гавани — Южную, Западную, Сернэс... Перевел взгляд с дредноутов на крейсера. Всюду корабли, корабли... У каждого свое имя и постоянное место. И где бы он ни плавал, возвращаясь в гавань, швартуется на свою бочку, место сохраняется за ним до тех пор, пока высокое флотское начальство не припишет к другой базе или отправит в ремонт, а то и на переплавку как отслуживший срок.

Матросы пошагали по дощатым настилам на свои «железки». Поднялся на высокий борт дредноута «Император Павел I» и Дыбенко, за ним следовали товарищи. На палубе рядом с трапом стоял бравый лейтенант. Это Ланге.

По правую руку от него усатый боцманмат объявил:

— Запомните, моя фамилия Павлов. А ну шагом марш «принимать пищу».

После обеда сам командир линкора пожелал познакомиться с «молодым пополнением». Новичков построили в носовой части под орудиями главного калибра. Небольсин несколько раз прошелся перед строем. Задавал вопросы. Ответы не нравились, срывающимся на крик голосом обзывал матросов подлецами, дураками, мерзавцами.

— Гордитесь, подлецы, что попали на лучший корабль Балтийского флота. Гордитесь, но всегда помните 109-ю статью Военно-морского устава о наказаниях. — И словно вихрь налетел на каперанга, аж побагровел, заговорил о матросах, арестованных 22 июля и находившихся под следствием, грозился «свернуть бунтарям шеи», «скрутить в бараний рог», «загнать в тартарары...».

Излив гнев, Небольсин приказал распустить строй.

Дыбенко стал матросом-электриком 5-й роты. Снабдили его личным номером из трех цифр, по которым определялись боевая часть, смена и пост. Специальность он знал превосходно. Старослужащие быстро подметили, что пришел дельный электрик, отнеслись к нему как к равному. Вскоре Павел познакомился с большевиками, членами судовой подпольной организации. Подружился с матросом-машинистом из 6-й роты Федором Дмитриевым. Он предупредил, кого следует остерегаться.

— На корабле много явных и тайных шпииков, — рассказывал Федор. — Опасайся лейтенантов Дидерихса, Ланге, кондукторов Огневского и Старченко, писаря Жилина, матросов Купцова и Шмелева, а особенно командира, Небольсин сам вербует шпионов... А вот с Марусевым у него произошла осечка...

С Васей Марусевым случилось все, как и предполагал Охота. После возвращения из Кронштадта его вызвал Небольсин, похвалил за ревностную службу, предложил «присматривать» за матросами и ему. командиру, обо всем докладывать. «Шпионом не был и не буду!» — резко заявил Марусев и попросил уволить его. Командир не стал уговаривать упрямца, а вызвал дежурного, приказал арестовать «смутьяна». За отказ от военной службы суд приговорил Марусева к 2 годам и 11 месяцам тюрьмы с пребыванием в дисциплинарном батальоне.

Дыбенко старался делать все, как советовал Охота. Вел себя скромно, тихо, присматривался к людям. Во время увольнения на берег заглянул на «Диану» к Малькову. Два Павла (Малькова тоже звали Павлом) встретились как старые друзья, хотя виделись впервые.

И вот они шагают по Гельсингфорсу. Мальков ниже ростом, стройный, подтянутый, с красивым, чуть продолговатым лицом, открытыми задумчивыми глазами.

Мальков — моряк бывалый, служит на «Диане» с 1910 года, член РСДРП с 1904-го. Дыбенко предложил сходить на Лагерный остров на могилу главных героев Свеаборгского восстания.

Мальков посмотрел на Дыбенко.

— Значит, знаешь? Власти пытались скрыть место захоронения расстрелянных революционеров, но люди каждый день приносили цветы, приносят, даже когда могила оказалась под зданием. А ведь минуло около семи лет.

У стены приземистого дома лежали пучки гвоздики. Дыбенко уже поднял руку, чтобы снять шапку, Мальков остановил: «Увидят!»

И все же Павел обнажил голову, достал из-под бушлата красный букетик...

Не задерживаясь, они повернули обратно.

Порядки на «Павле I» были такими же суровыми, как и на «Двине». Кондуктора, боцманы и боцманматы зорко следили за матросами и «обо всем замеченном» доносили начальству. «Почему они становятся «шкурами»? — думал Дыбенко. — Ведь каждый из них сам был матросом, полной мерой испытал унижения и оскорбления. Офицеры — другое дело, у многих в жилах течет «голубая» кровь. А вот как же «серая скотина» попадает во вражеский лагерь?» Эти вопросы возникали и в Крюковских казармах, и на «Двине». Тогда Охота помог Павлу разобраться.

— Ничего непонятного и удивительного тут нет, — как всегда спокойно и рассудительно сказал сменный. — Все просто... Сверхсрочники — первоклассные специалисты, начальство их ценит, они пользуются

льготами, подачками командира корабля, живут безбедно. А ведь в основной массе сверхсрочники — люди в летах, часто семейные, и внимание начальства их устраивает. Постепенно отходят они от своих кровных братьев-матросов. К тому же подавляющее большинство унтеров — люди отсталые, политически и духовно ограниченные, и офицеры без большого труда превращают их в свою опору, в свои «глаза и уши».

— Но не всех?! — воскликнул Дыбенко. — Вот вы...

— Далеко не всех. А таких, как я, стало больше после «Потемкина» и «Очакова», «Памяти Азова». Ряды наши выросли, к нам примкнули и некоторые офицеры. Теперь все знают лейтенанта Шмидта, руководителей Свеаборгского восстания подпоручиков Емельянова и Коханского, умиравших со словами: «Да здравствует свободная Россия!»

Зима 1912 года кончалась. От весеннего солнца на поблекшем льду появились желтые пятна...

Линейный корабль «Павел I» готовился к плаванию. Как-то неожиданно-негаданно нагрянула большая группа адмиралов, каперангов, кавторангов во главе с Эссенем.

Горнист сыграл боевую тревогу. Инспектирующие разошлись по боевым постам. Сам Эссен успевал всюду. Невысокий, большеголовый, с глазами, глубоко сидящими в орбитах, рыжебородый, весьма подвижный командующий экзаменовал и офицеров, и нижних чинов. Если ответы его не удовлетворяли, сердито произносил: «Ну, ну, продолжай», ругался, когда отвечающий заикался, говорил сбивчиво. Дыбенко без запинки объяснил, а потом показал по схеме прохождение электрического тока к элеватору, подающему боекомплекты из погребов к артиллерийским башням.

— Перебит провод, как поступишь?

— Найду повреждение и устраню, артиллеристы пока будут подавать боекомплекты вручную.

— Правильно...

Поздно вечером, уже после ужина, инспекция покинула линкор. Как обычно, спешил и кого-то нещадно бранил длинноусый боцманмат Павлов. У трапа столкнулся с Дыбенко, на миг остановился:

— Бойко ты отвечал командующему. Хвалю! Не повезло нам, Дыбенко. Потели мы попусту. Эссен недоволен... И все из-за Максимова, командира второй бригады крейсеров, который после проверки заявил, что артиллеристы линкора слабо подготовлены. Эссен согласился, Небольсину объявил: «Даю месяц срока, сам проверю; только тогда допущу «Павла I» к участию в царских призовых стрельбах и возьму в заграничное плавание».

Экипаж жил словно в лихорадке. Небольсин рычал га офицеров, те на унтеров и кондукторов, а «козлами отпущения» оставались, конечно же, матросы. Разгневанный Небольсин на чем свет поносил и адмирала Максимова, «которого сам черт принес на корабль».

Приближалась летняя кампания 1913 года. Лед в гавани разбух, потемнел... Однажды утром появились два ледокола, неуклюжие, но сильные, с крепкими форштевнями, они проложили широкие фарватеры.

Боевые корабли — линкоры, крейсера, миноносцы — будто проснулись после длительного зимнего сна, медленно задвигались, выползали из гавани на чистую воду. Эссен выводил флот на просторы Балтийского моря.

Эскадра в кильватерной колонне совершает сложную эволюцию; корабли перестраиваются на ходу. Волнующее зрелище! Даже самый «сухопутный» человек не останется равнодушным, а уж о морях и говорить не приходится...

С удивительной теплотой Дыбенко описывает поход эскадры, плавание «Павла I».

«Много пасмурных и тяжелых дней в службе моряка, но есть дни удали и беспечности. Морская школа выковывает бесстрашие, силу воли и своеобразный задор. Разве лето во флоте не имеет своих поэтических сторон, суровой красоты и раздолья среди морской стихии или чувства беспечности, когда корабль тихо качается в светлой водной лазури, а ты, растянувшись на баке, предаешься мечтам... Разве нет своей прелести в безмолвной борьбе гиганта корабля с клокочущим морем, разбушевавшейся стихией, кипящей седыми грозными волнами? Среди бурных, разъяренных волн этот великан, как бы насмехаясь над стихией, чуть кренясь, прорезает себе путь. А рядом идущий миноносец, как маленькая ладья, как скорлупа, утопает в мятущихся волнах и, кажется, напрягает последние силы, чтобы выбраться на поверхность. Разве нас не охватывало чувство страха, что вот этот быстроходный миноносец опрокинется, что его захлестнет гребнем новой волны? Через секунду он снова на поверхности, и как будто из глубины седых волн сигнальщик машет флажками, стоя на командирском мостике...

Нет! В морской жизни есть много своих прелестей, есть то, что воспитывает из вас сурового, грубого, угрюмого человека, но в то же время есть и то, что рождает в этой суровой, грубой натуре особо мягкое, доброе, умеющее по-своему любить и ценить...

Лето на корабле, невзирая на всю суровость и трудность службы,

окутывает вас величием и красотой морской стихии, то бесшумно дремлющей, то клокочущей, свирепой. Вы живой свидетель борьбы сильного и слабого. В этой стихии рождается и выковывается старый моряк.

В летнюю кампанию можно не только любоваться природой, но учиться походам. Фон Эссен, старый опытный морской волк, не щадил кораблей и до отказа испытывал выносливость экипажа».

...Уже два месяца шли учения, исколесили просторы Балтики, все шхеры. И без лоцмана!

Дыбенко — вахтенный электрик, он в боевой рубке рядом с командирским любимцем, боцманматом Ильей Павловым. Сигнальщик «Цесаревича» поднял сигнал флага: идти строем пеленга...

Командующий выражал удовлетворение действиями то одного, то другого командира, только «Императора Павла I» оставлял без внимания, будто забыл его. Честолюбивый Небольсин нервничал.

Казалось, день завершится благополучно. И вдруг... Небольсин получил замечание: «Павел I» с опозданием и недостаточно четко выполнил приказ о перестроении. «Командиру линейного корабля «Император Павел I» ставлю на вид за нерасторопность». Павел Дыбенко прочитал флажной сигнал Эссена, и ему стало обидно за свой корабль и экипаж. Небольсин рассвирепел, лицом изменился, выплеснул каскад бранных слов и обоих сигнальщиков отправил в карцер. «За что матросов-то обидел, живоглот? Они же своевременно приняли сигнал», — негодовал Павел Дыбенко...

Летние учения проходили с нарастающими темпами; с каждым выходом в море Эссен усложнял тактические задачи.

Небольсин замечаний больше не получал, но и похвалы тоже не заслужил. Не повезло «Павлу I» и на призовых стрельбах, царский кубок достался «Рюрику». Небольсин излил злобу на артиллеристов. «Вот скоро будет суд над сволочами, которые в прошлом году вздумали бунтовать! — кричал он. — Вас ждет та же участь».

Суд ожидался в июле. Ровно год следственные органы безрезультатно добивались до главных виновников. Арестованные держались стойко, никого не выдавали.

Подпольная работа не прекращалась ни на один день. Перед началом суда в трюмах, кочегарке, в недосыгаемых для шпионов закутках огромного линкора моряки обдумывали, как помочь товарищам. Совещался с друзьями и Павел Дыбенко. Разные выносились предложения, большинство настаивало — в день открытия суда поднять восстание, арестовать

офицеров, захватить корабль. «Ну а дальше что? — говорил Дыбенко. — Если другие корабли не поддержат, все кончится провалом. Надо действовать сообща, всем флотом».

Условились: в очередное увольнение, кому удастся сойти на берег, разыскать знакомых подпольщиков, посоветоваться с ними. Так и решили.

Попал в увольнение и Дыбенко. С радостью узнал, что крейсер «Богатырь» стоит в Главной базе. «Повидать бы Свистулева!» Справедливо говорят: на ловца и зверь бежит. На каменной стенке стоял Свистулев, окруженный матросами.

Свистулев сообщил, что подпольщики «Богатыря» готовятся в день начала суда поднять восстание, что их обещают поддержать рижские портовики, рабочие некоторых заводов.

Подготовленными к восстанию оказались «Андрей Первозванный», «Россия», «Громовой», «Богатырь», «Рюрик», «Паллада», «Адмирал Макаров», учебный минный отряд, некоторые миноносцы.

«Каждый из этих кораблей имел в своих недрах активные ячейки, — вспоминает Дыбенко, — и нам казалось, что в момент восстания все команды кораблей будут с нами. В этом мы не сомневались».

Большую надежду подпольщики возлагали на Петербург, Кронштадт, Ригу; там с каждым днем нарастало Возмущение готовящейся расправой над балтийскими моряками.

Однако не дремали правительство и командование флота. Ночью 15 июля организаторы восстания узнали о приказе Эссена — на рассвете «Павлу I» выйти в море.

Сигнал тревоги всех разогнал по боевым местам.

Корабли вышли из Гельсингфорсской гавани, их рассредоточили по просторам Балтийского моря, загнали в шхеры.

На «Павле I» было беспокойно. Дыбенко нутром чувствовал — тревожно и на других кораблях. Мучило неведение. «Суд уже идет, а мы ждем...» Через девять дней узнали: «бунтари» осуждены на сроки от 4 до 16 лет и лишь незначительное количество оправдано. И когда, казалось, у нижних чинов терпение иссякло, вот-вот на флоте разразится гроза, взвоятся красные флаги, разнеслась весть: царь издал манифест о помиловании осужденных. Произошло это ровно через час после вынесения приговора. Оперативность невиданная... «Что это? Неужели царь подобрел? — размышлял Дыбенко. — Ведь еще незадолго до суда все газеты предвещали: морякам-мятежникам каторга обеспечена. Об этом говорили офицеры «Павла», особенно Небольсин. Не иначе перепугалось, трусило правительство!»

Горнист заиграл «большой сбор». «Сейчас о царском манифесте расскажут». Так и есть. Но где же командир? Старший офицер Гертнер, захлебываясь, восхвалял божьего помазанника, говорил о его доброте, безграничной любви к простым людям, призывал матросов ревностной службой оправдать высокую милость императора.

«Сам, благородие, молись. Нет, не из любви к матросам издал манифест о помиловании тиран Романов, — думалось Дыбенко. — Народного гнева испугался. Вот и подбросил подачку бурлящему Петербургу, Кронштадту и Балтфлоту. Боится самодержец зловещей тени 1905 года. Только страх перед новой революционной бурей заставил царя освободить моряков. Значит, силен народ, сильны и мы, матросы, боится нас царское правительство!» Дыбенко вместе со всеми крикнул «ура!», а про себя: «Ура освобожденным товарищам!..»

Указ царя не понравился офицерам. «Дай матросам палец, они руку отхватят», — рассуждали многие. Адмирал Эссен в узком кругу будто посетовал: «Император поощрил бунтарей, а нас поставил в трудное положение, теперь нижние чины совсем выйдут из повиновения». Небольсин заперся в салоне, притворился больным и — небывалый случай! — не вышел по большому сбору.

Дыбенко долго находился под впечатлением одержанной победы. «Будем действовать организованно, сплоченно, тогда не страшны нам эссены и небольшие», — говорил он товарищам...

Жизнь на Балтике входила в обычное русло. Корабли стали готовиться к большому заграничному походу.

Царское правительство придавало важное значение предстоящим визитам кораблей в Англию, Францию, Норвегию, Германию. Не шутка! Перед всем миром продемонстрировать морскую мощь великой России!..

И матросам хотелось посмотреть «заграничную жизнь», вовсю старались. А было работы много: красили, драили, кое-что заменяли новым, что-то чинили. «Все должно сверкать», — говорил боцманмат Павлов.

Наступил день 21 августа 1913 года. Погода тихая, ярко светит солнце...

Балтийский флот в море — зрелище незабываемое.

Эссен держал свой флаг на «Рюрике», на флагмане находился и контр-адмирал Максимов — командир бригады крейсеров.

Из воспоминаний П. Е. Дыбенко:

«На шестой день плавания солнце озарило тихие воды океана, переливавшегося зелеными и темно-синими тонами. Равномерно

покачиваясь, идут корабли. Растет и быстро приближается английский берег, покрытый бархатной зеленью. На горизонте показался портовый город Портсмут...

На пристани с каждой минутой возрастала толпа любопытных. Матросы очередных номеров нервничали, суеились в ожидании команды: «Приготовиться на берег». В 11 часов с флагманского судна передали: «Команду пустить на берег».

На сей раз нет придинок за перешитое обмундирование. Катера и баркас у трапов. Команда быстро с сияющими лицами спешит на катера, на берег. Спешат в заграничный город. На берегу шумная толпа приветствует русских моряков...

Берег обсажен ивами, купающими свои плакучие ветви в водах залива. Это центр. А вот и окраина, где живут портовые рабочие. Здесь нет благоухающей зелени и плакучих ив; здесь нет суровых, но по-своему роскошных домов и магазинов с богатыми витринами, роскошных кафе, ресторанов. Это узенькие улицы с убогими одноэтажными домишками. Здесь вы не увидите быстро мчащихся роскошных экипажей, автомобилей. Здесь снуют черные тени грузчиков-угольщиков. Невольно сверлит мысль: видно, живет хорошо рабочему только в сказочном мире да «за границей», которую нам не удастся увидеть. А здесь — здесь царит власть капитала, власть имущих. Невелика разница между конституционной Англией и монархической Россией: и там и здесь в рабочих кварталах царят голод, нищета...» Не понравилась Павлу и Франция, а точнее, французский портовый город Брест, куда из Англии прибыли русские военные корабли.

«...Какая разница между английским Портсмутом и французским Брестом?.. И там и здесь вы увидите счастливых богатых, для которых действительно существует свобода, и тут же, на окраинах, в рабочих кварталах, вереницы голодных, полураздетых ребятишек, выпрашивающих: «Русь, папиросы! Русь, деньги». Разве для всех одинаково и здесь светит солнце? Разве здесь мать и дочь не торгуют своим телом за франк и рюмку коньяку? Разве в стране, где нет нищеты и голода, могли бы молодые девушки-француженки, стоящие за прилавком магазина, предлагать себя для потехи полупьяным русским, японским и тем же английским морякам? Нет! Видно, и в «свободной» Франции закон все тот же: защищать купцов, банкиров, фабрикантов. Для рабочего один удел: жестокая борьба против насилия и рабства, против беспощадной эксплуатации труда...

Французские моряки приняли нас с чувством взаимной дружбы,

взаимного доверия и взаимного понимания. Мы имели общие цели и одинаково тяготились своим кабальным положением. Провозглашенные тосты за тесный союз французских и русских моряков и за свержение русского царя были продиктованы чувством нашей совместной гордости и солидарности.

Перед уходом эскадры из Франции была получена телеграмма: «В германские порты не заходить. По пути в Россию посетить Норвегию...»

Из Норвегии эскадра вернулась на родину, корабли заняли свои постоянные места.

Дыбенко не поверил, когда боцманмат Павлов объявил «волю» командира: «За усердие и старание тебе разрешено на неделю съездить домой». — «С чего бы такая щедрость?» — «После двух лет службы, если нет замечаний, матросу положен кратковременный отпуск». — «Ясно!» — ответил Дыбенко. В первых числах января 1914 года он выехал в Новозыбков.

...Павел дома, в кругу родных. Повезло: братья тоже приехали на побывку. Вечером избу заполнили соседи: я знал, что к Ефиму Дыбенко приехал младший сын, который недавно побывал в заморских странах. Что видел, то и говорил Павел, не приукрашивал, не очернял «заграницу».

— Как и у нас, богатые купаются в масле, трудовой народ мается.

— Теперь ты, сын, убедился: нет счастья на земле и искать нечего, — опять повторил отец.

— А насчет войны что слышать? — громко спросил старик сосед Силантий, сидевший на полу у двери.

— Видно, войны не избежать.

Расходились поздно. Утром мать просила сыновей:

— Сходите к фотографу, карточка на память останется в доме.

Отец было заворчал:

— К чему беду кликать? — Потом и сам стал уговаривать: — Уважьте мать.

Снимок получился хороший. Павел с Федором сидят, Алексей стоит позади. Эта фотография сохранилась, одна-единственная, на которой запечатлены все братья Дыбенко. Больше им уже не доведется собраться...

Отпуск кончился. Павел уехал в Гельсингфорс, в Главную базу Балтийского флота.

ГЛАВА ПЯТАЯ

НАВСТРЕЧУ ВИХРЮ

Весна 1914 года наступила рано. Ледоколы вспахали ноздреватый лед, флот вышел на просторы Балтийского моря. Начались учения. Стреляли по щитам из главных калибров. Результаты не удовлетворяли Эссена, многие командиры кораблей получили «фитили».

Флаг комфлота развевался на «Павле I». Стоявший у дальномера Дыбенко дважды подсказал Эссену, что он допустил неточность поправки прицела. Корректировка подтвердила это. Командующий сердито бросил:

— Тебе или на моем месте стоять, или в тюрьме сидеть!

Дыбенко не растерялся, приняв положение «смирно», спокойно ответил:

— Есть, ваше превосходительство! Могу делать то и другое.

Изумленный адмирал некоторое время рассматривал бравого матроса, потом буркнул:

— Ишь какой шустрый...

Учения продолжались...

19 июля началась первая мировая война. Она не застала врасплох Балтийский флот. Он быстро переключился на выполнение боевых задач. Вначале войны по плану Эссена в Финском заливе была создана глубоко эшелонированная оборона, опирающаяся на минно-артиллерийские позиции. На русских минах подорвалось немало кораблей противника.

Боевые корабли Балтийского флота не отстаивались в базах, они постоянно находились в море, искали врага и при первой возможности вступали в бой...

Ни один немецкий корабль не проник к русской столице. «Война на Балтийском море очень богата потерями без соответствующих успехов», — признается позднее Вильгельм II.

Получили приказ: «Линкору «Император Павел I» выйти в море».

— Что-то невесел наш командир, — говорит Дыбенко боцманмату Павлову. Они оба несут вахту в ходовой рубке и все видят.

— Чай, не на прогулку идет, — бросает боцманмат и резко добавляет: — Занимайся, Дыбенко, своим делом.

— Трусоват наш командир, — не унимается Павел. — Такое я не могу

сказать о вас, боцманмат, или о старшем офицере Гертпере. Поглядишь на вас и сам начинаешь подтягиваться...

Тяжело, нутжно вздыхают сильные машины линкора. Главная база осталась позади. Впереди противник. В любую минуту он может обстрелять из дальнбйных орудий или атаковать подводными лодками.

Два часа ночи. Горнисты играют боевую тревогу... Все бегут по своим местам. Сотни пытливых глаз смотрят в ночной мрак. Ничего не видать. В боевую рубку важно, с достоинством входит штурман лейтенант Ланге, докладывает:

— Господин капитан 1-го ранга, на горизонте замечена эскадра противника, сигнальщики и наблюдатели выясняют число вымпелов. Что прикажете?

— Прикажете зорко следить и докладывать через каждые пять минут, — приказал командир.

— Слушаюсь!

Лейтенант Ланге уходит. Вслед за ним вбегает растерянный ревизор лейтенант Левицкий:

— Аркадий Константинович! Как быть с буфетом и продуктами? Нельзя ли из буфета перед боем раздать все сладости команде?

Командир согласен. Он даже забыл, что команда занимает посты по боевой тревоге. Кто же будет разносить ей буфетные лакомства?

— Да, да, Сергей Владимирович, это очень умно. Вы великолепно придумали. Но нужно как можно скорее... Мы сегодня, наверное, погибнем. Нужно все раздать команде. Она любит сладкое. Пусть матросы знают, как о них заботится командир...

Ревизор, потирая лоб, медлит отдать распоряжение о раздаче из буфета: ему и перед смертью жаль расстаться с верным доходом.

Между тем немецкая эскадра все еще не начинала обстрел. Приходит старший офицер Гертнер и деловито, уверенным тоном, с расстановкой докладывает:

— Аркадий Никанорыч, никакой эскадры нет. Мы благополучно вернемся в Ревель.

— О, как хорошо! — в один голос восклицают и командир и ревизор. И сразу меняется тема разговора.

— Сергей Владимирович, — спрашивает командир у ревизора, — вы еще не отдали распоряжение о раздаче буфета?

— Никак нет!

— Вот хорошо! Вы знаете, завтра утром, когда придем в Ревель, нужно как можно больше закупить сладостей, команда ведь так любит сладкое.

Все это нужно продавать, а на ужин, я думаю, мяса не нужно давать: из мяса будем делать котлеты и бутерброды и тоже продавать из буфета. Ведь теперь, кажется, команда получит жалованье по военному времени: у нее денег много, на берег никто не ходит. Денег девать некуда. Все это будет идти в буфет.

Всю ночь шли «сладкие» разговоры. Только боцманмат Павлов, сердито фыркнув, проворчал:

— Черт бы вас побрал, лучше бы немецкая эскадра — тогда и печенье, и папиросы, и сладкий чай с вареньем, а теперь — пожалуйста, опять жалованье в буфет...

В 9 часов утра эскадра броненосцев тихо входит в Ревельскую гавань. По палубе раздаются свистки боцманов и боцманматов: приготовиться к погрузке угля.

Дыбенко узнал о гибели германского легкого крейсера «Магдебург». В этой боевой операции участвовал Свистулев, он и рассказал, как все происходило:

— «Магдебург» вместе с легким крейсером «Аугсбург» и двумя миноносцами преследовал наши дозорные корабли; ночью 26 августа немецкий крейсер наскочил на риф у северной оконечности острова Оденсхольм. Эссен приказал нашему «Богатырю», крейсеру «Паллада» и нескольким миноносцам принудить командира «Магдебурга» сдаться, корабль снять с мели и доставить в ближайший русский порт. Когда на рассвете «Богатырь» и «Паллада» стали приближаться к Оденсхольму, мы увидели, как моряки с пострадавшего корабля пересаживаются на подошедший миноносец. Наши артиллеристы открыли огонь, но, противник успел скрыться в тумане. А на «Магдебурге» раздался огромный силы взрыв. Мы взяли в плен командира, двух офицеров и пятьдесят четыре матроса. Что достали водолазы, никому не известно, но, надо полагать, что-то весьма важное, — закончил свой рассказ Свистулев.

Балтийские водолазы достали с «Магдебурга» сигнальные книги, шифры и другие секретные документы, которые позволили русским и союзникам в течение всей войны расшифровывать радиопереговоры противника. Немецкое морское командование было убеждено, что у них под носом действует опытный шпион, искали его, требовали от своих агентов в России во что бы то ни стало найти этого человека, но не догадались сменить коды и шифры...

С первых дней войны отвагу и геройство проявил эскадренный миноносец «Новик», о его экипаже на «Павле I» говорили с уважением:

«Новик» ищет врага, находит и вступает в бой. Флот под руководством Эссена умело использовал активные минные постановки, выполнял набеговые операции; словом, корабли в гавани не отстаивались, они воевали.

Столичные газеты взхлеб воспевали крупные победы русских войск. Но в стране нарастало недовольство войной, политикой царского самодержавия. Об этом все чаще рассказывали запасники, пришедшие на корабли.

— Вот она, правда-то, — говорил Павел Дыбенко матросам.

Узнали на «Павле I» и о разгроме 2-й армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии. Кто-то из матросов побывал в Гельсингфорсе, вернулся с этой печальной новостью.

...Минула первая военная зима. 7 мая 1915 года внезапно умер Н. О. Эссен. Командующим стал вице-адмирал В. К. Канин, который, как предшественник, умело использовал боевые корабли, благодаря чему германский флот, не выполнив ни одной из поставленных задач, нес большие потери...

Много новичков появилось и на «Павле I». Вернулся и Василий Марусев. А до него Николай Ховрин. Вася говорил товарищам, что теперь он меченый. Снял тельняшку, показал ярко-красные рубцы на спине.

— Высекли по приказу командира дисциплинарного батальона, — сказал и сердито добавил: — Если будете сидеть сложа руки, и вас скоро пороть станут!

— Сложа руки не сидим, кое-что делаем, — ответил Дыбенко. — Надо действовать.

На следующий день в котельной собралась небольшая группа большевиков. Под подолоком еле-еле светила электрическая лампочка. Моряки, одетые в рабочее платье, походили на близнецов-братьев. Высказывались многие. Григорий Светличный — унтер-офицер 2-й статьи, спокойный, немногословный, рекомендовал немедленно установить связь с Кронштадтом. С ним согласились матрос 1-й статьи Василий Алпатов, старший гальванер Григорий Чайков и комендор Иван Чистяков.

Совещались недолго. Решили установить контакт с руководителями Главного судового коллектива партии в Кронштадте Иваном Сладковым и Тимофеем Ульяновым, а если представится возможность, то и с Петербургским комитетом большевиков. Повезло подпольщикам, в Кронштадт уходил броненосец. Опасались, что «бдительный» Небольсин не пустит никого на берег. Но все обошлось благополучно. От механика Дыбенко получил требования на электродетали.

Неделю стоял «Павел I» в Кронштадте. Детали Павел достал быстро и частями приносил на корабль, поэтому в город отлучался ежедневно; настойчиво разыскивал Главный судовой коллектив партии. Явка, которую получил в Гельсингфорсе, уже устарела, о чем предупреждал условный знак — выломанная в заборе доска. «Сменили место, — понял Павел. — Как теперь напасть на след?» Ховрин и Светличный советовали связаться с одним из руководителей, инструктором-указателем учебно-артиллерийского отряда Сладковым.

— Если кто придерется, покажешь требование механика на электродвигатели, — говорил Ховрин.

Поиски увенчались успехом: встретился с Иваном Сладковым. И хотя встреча по условиям конспирации была короткой, однако обо всем нужном успели переговорить. На вопрос Сладкова:

— В чем нуждаетесь сейчас больше всего? — Дыбенко ответил:

— Пожалуй, сейчас для работы нужнее всего прокламации на текущие политические темы.

— Этим мы обеспечим. Для посылки в Гельсингфорс уже подготовили пятьсот прокламаций Петербургского комитета РСДРП.

Договорились, как в дальнейшем поддерживать связь... «Император Павел I» вернулся в Гельсингфорс.

Кончился день 19 октября 1915 года. На «Павле I» еще не все успели закончить ужин, вдруг разнеслась тревожная весть: «На «Гангуте» бунт!»

«Что это? — встревожился Дыбенко. — Ведь Володя Полухин вчера говорил, что у них «как у всех». Значит, восстание вспыхнуло внезапно. Что же случилось?»

Нижним чином «Павла I» приказали разойтись по кубрикам. Прошел слух, что старший офицер Гертнер подбирает унтер-офицеров и надежных матросов, дабы в случае необходимости послать их на «Гангут» усмирять бунтовщиков.

«Как помочь гангутцам? Надо побольше своих «пристроить» в группу Гертнера». Дыбенко встретился с Марусевым, потом с Ховриным. Решили собраться на броневой палубе в два часа ночи. Оповестили активистов... Пришло 130 человек. Приняли меры предосторожности. Всюду расставили надежных людей. Ведь сегодня дежурный по кораблю лейтенант Ланге — настоящая ищейка... Подпольщики обсуждали, как им поступить: присоединиться к команде «Гангута» сейчас же или ждать сигнала о совместных действиях с другими кораблями, рабочими Петрограда? А кто даст такой сигнал? Судовой коллектив РСДРП 5 Кронштадте. Но с ним не так просто связаться.

«Мнения разделились, — вспоминает Дыбенко. — Мое предложение немедленно приступить к активным действиям, уничтожить офицерский состав и поднять всеобщее Восстание было большинством отвергнуто. Принято предложение т. Марусева выждать, установив тесный контакт с Кронштадтом и петроградскими организациями. Свое решение мы передали на другие корабли. Однако тут же Написали воззвание: оказывать активное противодействие при арестах. Принятое решение и написанное воззвание в корне противоречили друг другу. Спор между собравшимися обострялся и затягивался. Время приближалось к побудке...

В 5 часов утра собрание разошлось. Команды на кораблях были наэлектризованы. Можно было ожидать дезорганизованных выступлений...»

Не спали и офицеры. Ночь они провели в кают-компании. Всезнающие вестовые сообщили Дыбенко, что Небольсин грозился «свернуть бунтарям головы», «всех перевешать на реях», однако Ланге и Гертнер настоятельно советовали ему не обострять отношения с командой, переждать страшную ночь, дотянуть до утра; а там, исходя из указаний командующего флотом, принять надлежащие меры, и если потребуется, то в первую очередь избавиться от опасных смутьянов; Гертнер не рекомендовал посылать на «Гангут» отобранных 120 унтер-офицеров и матросов: «Многие присоединятся к бунтарям».

Дыбенко уже знал, что выступление на «Гангуте» началось за ужином, там вместо макарон, которые полагались после угольных авралов, подали прескверную кашу. Команда есть отказалась. «Однако не в каше дело, — думал Павел. — Матросы восстали против каторжных порядков, против войны и ненавистного самодержавного строя».

В военное время на одного матроса отпускалось на харчи двенадцать рублей в месяц, сорок копеек в день. Но из этих денег львиная доля попадала в карманы многочисленных воров-подрядчиков, интендантов, командиров кораблей, ревизоров. Поэтому вместо свежего мяса, зелени, овощей на камбуз поступала негодная солонина, испорченные сухари. А вот на столование каждого офицера казна отпускала от семидесяти до ста рублей в месяц. «С жиру бесятся», — говорили об офицерах вестовые.

Быстро принятые правительством и флотским командованием жесткие меры не дали стихийно возникшему восстанию на «Гангуте» перерасти в вооруженное восстание на флоте. Было решено незамедлительно снять с «Гангута» всех бунтарей — зачинщиков мятежа, а затем постепенно, не вызывая возмущения команды, «выудить» поодиночке остальных; одних передать в армейские части, других, наиболее опасных, — в тюрьмы и

специальные команды.

На «Гангуте» арестовали 95 человек, на крейсере «Россия» — 16, на других кораблях вылавливали активистов. На «Павле I» — Николая Ховрина и Василия Марусева. «Уже сидели в тюрьме — значит, бунтари». В Кронштадте разгромили Главный судовой коллектив РСДРП, его руководителей — Ивана Сладкова, Тимофея Ульянцева и других активистов — отдали под суд.

«Разбойничают господа, на большевиков пошли, — пылая гневом, говорил Дыбенко своим близким друзьям. — О коллективном выступлении теперь и думать нечего». У Павла возникла идея, но с товарищами решил не советоваться. «Потом расскажу». Ждал, когда предоставится возможность уволиться в город, хотя после гангутских событий на берег не пускали. Опять «выручил» механик: за электродетали он посылал только Дыбенко, только ему доверял...

Возвратившись на корабль, рассказал товарищам:

— Был у адмирала Максимова. Просил выступить на суде в защиту унтер-офицеров Франца Янцевича и Григория Ваганова. Они старшие по званию среди арестованных, и им грозит смертная казнь.

— Как это тебе взбрело? — сердито проговорил Светличный. — Просить адмирала?! И от нас скрыл.

— Так ведь не одобрили бы. И ходил я не один, а с бывшим вестовым адмирала большевиком Петром Васильевым, Максимов обещал подумать.

— Конечно, если бы выступил... — начал было Григорий Чайков. — Только и для адмирала большой риск.

— Вот всполошилось бы начальство: адмирал заступает за мятежников! — воскликнул Иван Чистяков. Помолчал и добавил: — Такого история флота не знает...

Через день стало известно: вице-адмирал Максимов экстренно выехал в Англию. Что за поспешность? Позднее Андрей Семенович Максимов признается Дыбенко: «Командировка в Великобританию, куда меня срочно отправили, не вызывалась военной необходимостью. Как видно, из боязни, что я действительно выступлю на суде в защиту Янцевича и Ваганова, и опасаясь политического скандала, выпроводили меня на время из России». Произойдет это в марте 1917 года.

Тогда, в октябре 1915 года, Дыбенко был арестован. Правда, скоро выпустили. Его сразу же вызвал старшин офицер Гертнер и объяснил, что армейским соседям не хватает храбрых людей, и командующий флотом решил направить на сухопутный фронт отдельный матросский батальон. «С «Императора Павла I» отправитесь вы и еще четырнадцать человек».

«На фронт отбирали добровольцев, а Гертнер даже не спросил моего согласия. Избавляются от бунтарей». Дыбенко разыскал Светличного, рассказал, что его посылают воевать на сухопутный.

— Не забудь взять прокламации, — посоветовал Григорий.

...Отдельный батальон балтийцев в составе трех стрелковых рот и одной пулеметной попал в район Сарнаанайса. С моряками беседовал армейский полковник, разъяснил, что командующий 12-й армией генерал Радко-Дмитриев попросил адмирала Канина прислать стойких матросов, которые бы подняли боевой дух стрелков 2-го Сибирского корпуса.

— Так что, морячки, надеемся на вас! Народ вы боевой.

«Надейтесь, поможем чем можем», — усмехнулся про себя Павел Дыбенко. Его рота заняла оборону на участке так называемой Пулеметной горки — широкой возвышенности, поросшей мелкоколесьем. Солдаты-сибиряки, уже немолодые, все бородатые, встретили подмогу дружески, интересовались флотскими делами, жаловались на свое тяжкое окопное житье. «Кормят — хуже нельзя, раз в сутки дают чечевичную похлебку, которую самая что ни на есть грязная, неразборчивая свинья жрать не станет. В палатках холодно, вши заедают, в землянках сыро».

Вокруг собрались любопытные. Улучив момент, когда поблизости не было фельдфебеля, Павел прочитал фронтовикам прокламацию Петербургского комитета, рассказал о восстании на «Гангуте», о волнениях на Балтийском флоте. «Вот и судите, кому выгодна война».

Не теряли времени и остальные моряки. Их беседы ворошили души фронтовиков, будоражили мысли...

По окопу шагал фельдфебель, объявлял, что ночью намечена атака.

— В такую стужу атака! — огрызнулся сидевший рядом солдат.

Зябли солдаты в окопах. Одежка плохая: поизношенные шинелишки да ботиночки с обмотками, разве что папахи согревали головы. У матросов экипировка получше: шапки-ушанки, теплые бушлаты, суконные брюки заправлены в голенища яловых сапог. Но и моряки замерзали. Вот и бегали все в просторный блиндаж, где топилась небольшая круглая печурка.

Ночная атака сорвалась. Ни моряки, ни солдаты не поднялись. Угрозы, брань офицеров, фельдфебелей не помогли.

Морской батальон перебросили на новый участок. Пытались с ходу послать в бой, но флотские опять отказались, заявили: «Офицеры пропили наше жалованье, харчи скверные, никуда не пойдем».

Пока армейское начальство разобралось, что к ним попали «политически неблагонадежные» матросы, солдаты-сибиряки уже были «обработаны». Морской батальон построили, привели на

железнодорожную станцию, заставили сложить винтовки и пулеметы в отдельный вагон, заперли его; всех усадили в теплушки, паровоз трижды просвистел и, набирая скорость, отправился в снежную даль.

Матросы не унывали. Кто-то запел популярную среди солдат-фронтовиков песню о ненавистных начальниках. Ее подхватили моряки. Павел пел вместе со всеми.

*Эх, пойду ли я, сиротинушка,
С горя в темный лес.
В темный лес пойду
Я с винтовочкой.
Сам охотою пойду,
Три беды я сделаю:
Уж как первую беду —
Командира уведу.
А вторую ли беду —
Я винтовку наведу.
Уж я третью беду —
Прямо в сердце попаду.
Ты, рассукин сын, начальник,
Будь ты проклят!*

Поезд пришел в Петроград. Судили немногих, остальных подержали в Крюковских казармах и вернули на свои корабли. Вернулся и Дыбенко с товарищами на «Павел I». Но в апреле 1916 года его арестовали. Военно-морской суд приговорил к двухмесячному заключению с последующим переводом в разряд штрафников. На «Павел I» Дыбенко уже не взяли, «смутьяна» назначили на вспомогательное судно-транспорт «Ща».

Пока Павел отбывал наказание, на флоте произошло немало разных событий. Судили и гангутцев: Григория Ваганова и Франца Янцевича приговорили к смертной казни (впоследствии казнь заменили пожизненной каторгой), других — к разным срокам заключения. Владимира Полухина выслали в Архангельскую губернию. Осуждены и руководители Главного судового коллектива Сладков и Ульяновцев, многие большевики-балтийцы. С «бунтарями» расправились, а начальство продвинулось по служебной лестнице.

Обрадовался Павел, узнав, что Свистулев не в Риге на «Богатыре», а в Гельсингфорсе на миноносце номер 215. «Чаще видеться будем».

На «гражданской пристани» встретился со Светличным, он теперь руководил подпольной работой на «Павле I». Вместе пошли на «Ща». Транспорт стоял у каменной набережной. У трапа прохаживался матрос — ничего не спросив, пропустил обоих.

— К нам на «Павел» так легко не попадешь, — заметил Светличный.

Складское помещение, куда они вошли, освещено бледной лампочкой, висевшей под подволокой. Маленький стол, вделанный в железный борт, деревянная банка (скамейка), по стенам металлические шкафы с множеством ящиков.

— Персональный салон. Здесь гостей принимаю. Посиди.

Вернувшись, поставил чайник на стол, из шкафа достал кружки, сухари, сахар, колбасу.

— Обидно, конечно, что не пустили на родной корабль, — говорил, наливая черный флотский чай. — И все же мне повезло. Должность унтер-офицерская. Начальник в мои дела не лезет. Отлучаюсь без спроса, и ловчить с электроприборами, как это приходилось на линкоре, незачем.

— Этих деталей ты на «Павле I» столько натаскал, лет на десять хватит, — усмехнулся Светличный.

— Значит, память добрую о себе оставил.

— На днях еще пятнадцать матросов приняли в партию, — рассказывал Светличный. — Наладили связь с Кронштадтом. Там вместо разгромленного Главного судового коллектива создана и неплохо работает Военная организация большевиков, действующая под руководством Петроградского комитета. Так что нам полегче стало.

— Одних спроваживают в тюрьмы и штрафные батальоны, а на их место приходят десятки других. Так было, так будет, — бодро произнес Дыбенко. Он был в хорошем настроении, ему сейчас многое хотелось поведать Светличному, да спешил дружок на свою «железку». Они теперь часто будут встречаться...

Ничем не примечательное транспортное суденышко «Ща» стало явочным пунктом подпольщиков Главной базы, где обсуждались все волнующие вопросы; отсюда тянулись нити к экипажам боевых кораблей, здесь крепло ядро борцов, из которого в скором времени вырастут настоящие матросские вожаки. Часто на «Ща» приходил Павел Мальков. Он-то и рассказал Дыбенко, какой «прием» устроили матросы крейсера «Диана» кронштадтскому владыке Вирену.

— Решил самодур смотр провести, — широко улыбаясь, говорил Мальков. — Построили нас по большому сбору. Ждем. Появляется вице-адмирал Вирен, а мы будто и не видим его, на приветствие не ответили.

Рассвирепел царский сатрап, покраснел, глаза аж на лоб полезли, потоптался да и убрался не солоно хлебавши. Подобного приема он, конечно, не ждал, ну и написал, говорят, жалобу не то царю, не то помощнику Главморштаба контр-адмиралу графу Гейдену, много «страхов» понасочинял...

ПОСТСКРИПТУМ К ГЛАВЕ ПЯТОЙ

Письмо главного командира порта и кронштадтского генерал-губернатора вице-адмирала Р. Н. Вирена помощнику начальника Главного морского штаба контр-адмиралу графу Гейдену от 16 сентября 1916 года.

«Я не останавлиюсь перед крайними крутыми мерами, если потребуется, введу вместо розги плеть, вместо одиночного строгого заключения — голодный недельный арест, но, должен сознаться, опускаются руки. Вместе с этим письмом я послал пятое обширное донесение командующему Балтийским флотом и выдержки из него министру внутренних дел; положение принимает характер катастрофы. Вы, граф, играющий столь видную роль в морском министерстве и в кругу близких к государю лиц, обязаны знать всю правду. Под моим началом находится сейчас армия в 80 тысяч человек всех родов оружия вплоть до траллеров и инженерных частей для отражения газовых атак. Кронштадт защищает столицу с моря, он последний и надежный оплот нашего флота в случае удач неприятеля в Балтийском море. Однако я по совести говорю, что достаточно одного толчка из Петрограда, и Кронштадт вместе со своими судами, находящимися сейчас в кронштадтском порту, выступит против меня, офицерства, правительства, кого хотите. Крепость — форменный пороховой погреб, в котором догорает фитиль — через минуту раздастся взрыв. Вчера я посетил крейсер «Диана», на приветствия команда ответила по-казенному, с плохо скрытой враждебностью. Я всматривался в лица матросов, говорил с некоторыми по-отечески; или это бред уставших нервов старого морского волка, или я присутствовал на вражеском крейсере, такое впечатление оставил у меня этот кошмарный смотр. В кают-компании офицеры откровенно говорили, что матросы сплошь революционеры.

Внезапные поиски выяснили наличие сети сильной подпольной организации, арестовать ядро ее не удастся.

Так всюду в Кронштадте. Мы судим уличенных, ссылаем, расстреливаем их, но это не достигает цели: 80 тысяч под суд не отдашь. Мое глубокое убеждение в следующем: необходимо большинство сухопутных воинских частей немедленно разослать во все концы России,

заменить их надежными войсками из старослужащих полков; технические команды должно сплошь раскассировать, задавив малейший протест суровыми дисциплинарными наказаниями. На корабли, упоминаемые мною в донесении главнокомандующему Балтийского флота, перевести людей Сибирской и Беломорской флотилий.

Меры эти, конечно, временно понизят, с точки зрения теоретиков, боеспособность Кронштадта, зато они сохранят крепость для правительства. Написать об этом всем вам, граф, я считал долгом совести».

Письмо Вирена не ошеломило ни графа Гейдена, ни ставку, куда оно было переслано, там знали о настроениях в Кронштадте и Главной базе флота. Из походной канцелярии царя Гейдену ответили, что министр внутренних дел следит за развитием революционной пропаганды в Кронштадте и на Балтийском флоте, что все нити заговора найдены и скоро следует ожидать провала революционных организаций. Меры же, предложенные Виреном, были признаны неприемлемыми.

— Скоро кончится Виренево время, — как-то сказал Дыбенко Павлу Малькову. — Россия стремительно движется навстречу революционному вихрю!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВОЛНА

Поезд медленно подходил к Петрограду. 22 февраля 1917 года Дыбенко уехал в столицу по делам службы. Утром вышел на Финляндском вокзале и поразился — ни души. На площади только «фараоны»^[6], в город не пускают. «Что-то происходит!» Заглянул к знакомым на Выборгской стороне, от них узнал: «Революция!» Помчался разыскивать Выборгскую партийную организацию. По улице шагала группа вооруженных рабочих. Это члены боевой дружины Металлического завода спешили в райком партии. С ними и пошел.

23 февраля 1917 года в Петрограде началась буржуазно-демократическая революция, в результате которой было свергнуто царское самодержавие. О тех бурных днях П. Е. Дыбенко рассказал в книге «Революционные балтийцы».

«...По улице промчались два грузовых автомобиля с вооруженными рабочими, студентами, женщинами. Стрельбой полицейских автомобиль был вдруг остановлен. На автомобиле падает раненая женщина. Остальные быстро выскакивают, прячутся за автомобиль и начинают отстреливаться. Кто-то около автомобиля возится с пулеметом и не может с ним справиться. Подбегаю, схватываю пулемет и открываю стрельбу по полицейским. А из-за заборов и угла улицы в полицейских летят камни и поленья. Через несколько минут полицейские сдаются. Двое из них убиты. Ко мне обращается студент:

— Вот хорошо, вы, конечно, с нами поедете, не правда ли?

— Да, я с вами. Но скажите, что творится в городе?

— В городе восстание. Есть сведения, что присоединился Волынский полк и выступил на улицу.

Едем в Московский полк. Подъезжаем к казармам, а во дворе казарм уже стоят грузовые автомобили с красными флагами. Полк еще колеблется. После кратких переговоров на сторону восставших переходит и Московский полк.

Революция началась. Судорожно сжималось сердце при мысли: как хорошо было бы теперь бросить хоть один отряд моряков в Петроград! Петроград объят пламенем восстания. На улицах льется кровь. Воздвигаются одни за другими баррикады...

Далеко за полночь после освобождения Тучкова моста от жандармов с поручением от Выборгской стороны еду в Таврический — там, говорят, главный штаб — связаться, доставить донесения и получить указания. Но — увы! — в Таврическом была полная неразбериха. Ничего нельзя было ни понять, ни отыскать. К утру, уже выбившись из сил, мертвецки уснул на перевязочном пункте Выборгской стороны...»

Революционный вихрь нарастал.

Моряки 1-го и 2-го флотских экипажей заняли Николаевский и Царскосельский вокзалы, вступили в Зимний дворец, установили охрану между Невским проспектом и Исаакиевской площадью. Матросы «Авроры» вместе с рабочими Франко-Русского завода (здесь ремонтировали «Аврору») передали им два пулемета, 50 винтовок, 19 револьверов. Моряки «Авроры», яхт «Штандарт», «Екатерина» уничтожили полицейские засады, захватили арсенал, участвовали в освобождении политических заключенных из тюрем «Кресты», «Шпалерка».

И в Кронштадте власть перешла в руки матросов, солдат и рабочих... 1 марта 1917 года на Якорной площади расстрелян адмирал Вирен — главный комендант Кронштадта, реакционер, монархист, самодур, отличавшийся исключительной жестокостью...

Дыбенко рвался в Гельсингфорс, но поезда в Финляндию не ходили. «А до чего хочется скорее попасть во флот, где и твоя капля работы вложена в подготовку восстания», — запишет Павел Дыбенко.

Только на пятый день вечером он выехал в Главную базу. Дыбенко вез драгоценный груз — пачку приказа № 1. Это был первый законодательный акт Петроградского Совета. Его составила специальная комиссия представителей столичного гарнизона. Приказ предписывал избрать во всех воинских частях солдатские и матросские комитеты, направить по одному депутату в Петросовет. Объявлялось политическое и гражданское равноправие всех военнослужащих. Отменялось титулование офицеров...

В пути Дыбенко узнал, что рядом с ним в спальном вагоне находятся два члена Государственной думы — меньшевик Скобелев и эсер Родичев. «А они зачем спешат в Главную базу Балтийского флота?»

На вокзале в Гельсингфорсе среди встречающих столь высоких особ Павел Дыбенко не увидел адмирала Непенина. В окружении офицеров штаба флота находился вице-адмирал Максимов. «А вот и друзья-моряки, от них сейчас все узнаю». И посыпались новости:

— Командующим Балтийским флотом избран А. С. Максимов, Непенин убит, убит и Небольсин.

— По-новому называются теперь корабли: «Павел I» — «Республика»,

«Цесаревич» — «Гражданин», «Император Александр II» — «Заря свободы», «Двина» получила свое старое название — «Память Азова»...

Матросы проводили Дыбенко до транспорта «Ща». Вскоре пришли руководители большевистских организаций: с «Республики» — Г. А. Светличный, с «Двины» — П. Д. Мальков, с «Кречета» — Ф. С. Аверичкин, с миноносцев — П. Н. Свистулев...

Новостям нет конца, обо всем поведали: восстание в Гельсингфорсе началось с опозданием; председатель думского временного комитета Родзянко рекомендовал Непенину вовсе не сообщать нижним чинам о революции и об отречении от престола Николая Второго; несколько дней Гельсингфорс находился на осадном положении; 3 марта с утра начались матросские манифестации...

Обрадовался Павел Дыбенко, узнав от Григория Светличного, что «Павел» первым поднял красный флаг, а уже за ним последовали и другие. Зримо представил себе боевые суда с кумачовыми полотнищами; вот заколыхался алый флаг на «Павле I», а следом на «Андрее Первозванном», «Славе», «Петропавловске», «Севастополе», «Гангуте», на крейсерах, эсминцах, подводных лодках. В Главной базе флота началась революция, к которой моряки шли долго, упорно, теряя в пути многих своих верных товарищей.

Друзья все рассказывали. На кораблях и в береговых частях восставшие проявили величайшую бдительность, зорко следили за действиями офицеров и кондукторов; у складов с оружием и боеприпасами поставили надежных дежурных, усиленные морские патрули охраняли Гельсингфорс; улицы, площади города, рейды освещались прожекторами.

Узнал Дыбенко и о многострадальной судьбе политзаключенных, их освободили по распоряжению нового командующего Балтийским флотом адмирала Максимова; вышли на свободу бывшие участники восстаний Свеаборга и Кронштадта, крейсера «Память Азова» — все томившиеся в мрачной ревельской тюрьме «Толстая Маргарита». В темных, сырых, вонючих казематах матросы нашли одряхлевших, измученных старцев и на руках пронесли по улицам города Ревеля. Освободили и героев мятежного линкора «Гангут», и в их числе Франца Янцевича и Григория Ваганова.

5 марта 1917 года образован Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих. Дыбенко делегирован туда от личного состава дредноута «Республика», а от миноносцев избран Павел Свистулев. Он заявил:

— Теперь будем сами решать государственные дела...

Дыбенко вместе со Свистулевым и другими матросскими

избранниками присутствовал на заседании Совета. Это уже третье, на двух предыдущих Павел не был. Ждали выступления командующего Балтийским флотом вице-адмирала Андрея Семеновича Максимова. «Адмиралом революции» назвала Максимова большевистская газета «Правда» в сообщении из Гельсингфорса о митинге на Железнодорожной площади. Около 60 тысяч матросов и солдат собрались, чтобы избрать на пост командующего своего любимца.

Александровский театр переполнен.

Утверждена повестка дня, председатель объявляет:

— Слово для приветствия предоставляется командующему Балтийским флотом товарищу Максиму.

Обращаясь к матросам-делегатам, адмирал восклицает:

— С вами, честными, стойкими и бесстрашными борцами, всегда я готов умереть за счастье народа!

Буря аплодисментов и крики «ура!» потрясли зал.

Адмирал говорил искренне, сердечно. Однако его искренность, откровенность не понравились присутствовавшим офицерам. «В них еще крепко жил волк, облеченный в овечью шкуру. Этого они ему не простили. Не простили не только при Временном правительстве, но даже и при Советской власти», — запишет позднее Дыбенко.

При обсуждении резолюции делегаты резко разделились на две группы. Одна, во главе с командиром броненосца «Андрей Первозванный» Ладыженским, численно слабая, вносила ловко составленные хитроумные поправки. Вторая, многочисленная, группа — матросы, солдаты, рабочие — настаивала на недоверии Временному правительству.

Дыбенко и Свистулев вышли из театра. Их окружили товарищи. Андрей Штарев, депутат от линкора «Севастополь», несколько выдвинулся вперед, поднял руку, чтобы завладеть вниманием, произнес:

— Очередная новость. Сегодня утром бывший наш командир Вилькен заявил в кают-компании: «Матросский командующий Максимов долго не продержится, офицеры настроены против него».

— Этого следовало ожидать, — сказал Дыбенко. — Только не учили господа офицеры, что теперь и наше слово имеет силу.

— Еще второго марта на совещании у Непенина флагманы поклялись «бороться как с внешним, так и с внутренним врагом», — вставил Светличный.

— Откуда знаешь? — повернулся к нему Дыбенко.

— Об этом многим известно. Спроси Федю Аверичкина, он служит на «Кречете».

— Да, братцы, все верно, — отозвался Аверичкин. — Непенин говорил на том совещании, что «идет война, ее необходимо довести до конца, а после ее окончания государь снова примет власть в свои руки...».

— Мечтал покойный о возвращении кровавого Романова! — Дыбенко повысил голос. — Вот почему офицеры сегодня неистово аплодировали думскому депутату Радичеву, выступавшему в Совете. Что же, пускай потешатся. Только, господа хорошие, адмирала Максимова мы в обиду не дадим! Это слово моряков!

— Мы его избрали, мы и оберегать его будем, — поддержал Свистулев.

Шли по Гельсингфорсу матросы и открыто обсуждали важные политические события...

...Обстановка в Главной базе флота накалялась. Офицеры умело и организованно проводили свою линию: не признавали приказ № 1, выступали за ограничение прав матросских комитетов, против выборности и смещения начальников, против демократизации на флоте; их поддерживало морское министерство, в составе которого не было никаких изменений, все шло по старым царским законам. Морской министр Григорович обратился к матросам с призывом повиноваться «своим начальникам», что послужит «окончательной победой нашей родины». Следом за этим обращением на кораблях читали телеграмму командующего Черноморским флотом адмирала Колчака, он выражал уважение морскому министру «в твердом решении его приложить все силы для доведения войны до победного конца».

Дивились матросы:

— Правительство новое, а дела идут по-старому. Какая же корысть от революции...

«На кораблях и береговых частях ежедневно проходят митинги и собрания, моряки горячо, до хрипоты спорят, выносят резолюции, — думал Дыбенко. — А что толку? Война продолжается, народ бедствует, разруха не прекращается, у власти все те же помещики и капиталисты. Заседания Гельсингфорсского Совета превращаются в пустую говорильню. Решающее слово там имеют меньшевики и эсеры, их в Совете большинство; они уж и газеты свои издают. Лавируя и приспособляясь к царизму, меньшевики сумели сохранить свои кадры, большевиков же правительство громило, сажало в тюрьмы, отправляло на каторгу».

Перед флотскими большевиками жизнь ежедневно выдвигала сложные вопросы, ответить на которые не хватало ни знания, ни опыта.

— Надо издавать свою матросскую газету!

Кто первый высказал эту мысль? Дыбенко? Ховрин? Светличный? Мальков? Свистулев? Всем она пришлась по душе; начали сочинять заметки, воззвания. На «Республике» имелся ротатор, на нем их размножали, потом разносили по кораблям. И все же Павел Дыбенко был недоволен:

— Писаки мы неважные, строчим длинно и малоубедительно. Словесный мусор получается. Подмога нам нужна.

Послали Светличного в Петербургский комитет партии большевиков.

— Проси, чтобы прислали опытных агитаторов, а главное — пишущих, — наставлял своего друга Дыбенко.

Вернулся Григорий быстро. Доложил:

— Будет подмога!

И вот первая ласточка. На «Ща» появился приятный молодой человек, голубоглазый, волосы на пробор. Представился: «Борис Жемчужин. Прибыл по заданию Петербургского комитета». Дыбенко схватил дорогого гостя в свои сильные объятия:

— Теперь горы свернем!

Пока пили крепкий флотский чай, Жемчужин рассказывал о себе: большевик, бывший студент Технологического института, недавно вышел из «Крестов». В Гельсингфорс приехал из Кронштадта, где наладил выпуск матросской газеты «Голос правды».

— Там активно действуют вернувшиеся из тюрем Тимофей Ульянов и Иван Сладков. Недавно из Петрограда прибыл студент-большевик Семен Рошаль. Петербургский комитет хорошо помогает кронштадтцам. И к вам направлены опытные товарищи.

Скоро у Жемчужина появились соредакторы: Людвиг Старк — по партийной кличке Антон, революционер, журналист, хотя и молодой, но уже успевший посидеть в царских тюрьмах, и под стать ему Ильин-Женевский.

На несколько дней Дыбенко покинул Главную базу...

В конце марта Гельсингфорсский Совет принял решение послать делегации на Черноморский флот и на фронты — Кавказский, Северный и Юго-Западный. Нужно было наладить связи между революционным флотом и войсками. «В течение первого месяца революции упорно ходили слухи о готовившемся новом перевороте и насаждении царизма с помощью армии, — вспоминает Дыбенко. — Этот призрак волновал матросов. Они не доверяли правительственным газетным сообщениям, поскольку не доверяли и самому правительству. Надо было воочию убедиться, каково настроение армии».

С небольшой группой делегатов Дыбенко отправился на Юго-Западный фронт. Побывали у верховного главнокомандующего А. А. Брусилова и, получив разрешение, начали знакомиться с полками. Всюду увидели одно и то же: солдатские комитеты состоят из офицеров, и возглавляют их полковники. Живут фронтовики в ужасных условиях, начальники пьянствуют. Здесь все оставалось еще по-прежнему, многих уголков России революция тогда еще не коснулась. На митингах солдаты заявляли:

— Война нам осточертела!

— Обороняться будем, воевать не хотим!

— Пусть правительство заключает мир или по крайней мере добивается мира. Если немцы откажутся, тогда силой оружия заставим их подписать мирные условия!..

Дыбенко вернулся в Гельсингфорс. Встретивший его Светличный сообщил:

— У нас приятная новость — тридцатого марта вышел первый номер матросской газеты «Волна»!

Это была газета маленького формата, не богатая красноречивыми статьями, но зато она выражала именно то, что внутренне требовал каждый матрос. Газета быстро нашла широкий отклик в матросской массе. Она утвердилась, и распространение ее росло. Матросы вносили деньги на издание своей «Волны».

Очень понравилась Павлу передовая статья, написанная взволнованно, страстно: «Поднялась волна революции. Смело ринулась она на темную мрачную скалу, одним ударом обрушила она ее подмытые, расшатанные устои.

Отступает она на миг и снова с еще большей силой набрасывается на скученные нагроможденные обломки, размывает и относит их в морские глубины.

И не упадет, не успокоится волна, но будет расти, вбирая в себя новые силы, пока не довершит свое дело победы...»

— Будем направлять волну на темные силы контрреволюции! — сказал Дыбенко.

В мае Ревельский комитет РСДРП (б) стал издавать газеты «Утро правды» на русском языке и «Киир» («Луч») — на эстонском.

Легче стало флотским большевикам поддерживать тесную связь с массами, разоблачать предательскую политику соглашательских партий...

Рождалась самостоятельная флотская большевистская партийная организация. До нее большевики Главной базы входили в самозванный

Гельсингфорсский комитет РСДРП, возглавляемый С. А. Гариным (Гарнфельдтом). «Негоже нам жить под одной крышей с соглашателями-меньшевиками, — говорил Дыбенко своим товарищам. — У нас хватит сил для создания своей партийной организации». Его поддержали уже приехавшие в Гельсингфорс посланцы Петербургского комитета, в недавнем прошлом видные руководители большевистского подполья — Владимир Николаевич Залежский (Владимир), Николай Кириллович Антипов (Анатолий), Иван Никитич Егоров (Кирилл Орлов) и другие. Дыбенко, Марусев, Ховрин, Мальков составили инициативную группу по созданию Свеаборгского коллектива РСДРП (б).

Большевики Главной базы вели решительную борьбу с меньшевистским Гельсингфорсским комитетом партии, они добились созыва общегородской конференции, на которой одержали победу: 5 апреля был избран новый большевистский комитет. Вошел в него и Дыбенко. Газета «Волна» стала органом Гельсингфорсского комитета РСДРП (б).

А у матросов уже родилась новая инициатива: команды линкора «Гражданин» и крейсера «Адмирал Макаров» обратились к кронштадтцам, ревелъцам и свеаборгцам с предложением создать общий Совет Балтийского флота, «в котором были бы представители от всех судов и дивизионных комитетов... Совет будет выразителем воли личного состава всего флота...». Предложение поддержали матросская секция Гельсингфорсского Совета и подавляющее большинство судовых комитетов. Была создана группа во главе с Дыбенко, которая довольно быстро разработала проект организации Центрального Комитета Балтийского флота. Не мешкая на местах избрали делегатов и направили их в Главную базу. Утром 28 апреля 1917 года на маленьком невзрачном суденышке «Виола» открылось заседание флотских представителей. Этот день и стал днем рождения Центробалта, ЦКБФ.

Гельсингфорсский Совет, где главенствовали соглашательские партии, попытался было завладеть новой организацией моряков. Об этом довольно ясно заявил, приветствуя флотских посланцев, представитель Совета меньшевик Мазик.

Дыбенко предложил резолюцию:

— Так как ЦКБФ рассматривает дела, касающиеся исключительно жизни флота, то ЦКБФ обсуждение своих постановлений должен представлять только матросской фракции Совета для сведения, а не на общее заседание.

Резолюцию приняли единогласно. Этим постановлением Центробалт освобождался от опеки меньшевистского Совета и брал в свои руки

руководство Балтфлотом.

Представитель Совета Мазик демонстративно покинул заседание.

— Скатертью дорога! — воскликнул Дыбенко.

На следующий день, 29 апреля, делегаты обсуждали проект временного устава Центробалта. Несколько дней и ночей трудились над его составлением Дыбенко, Ховрин, Силин и Штарев.

Устав приняли. Центробалт признавался высшей инстанцией для всех флотских комитетов, без одобрения ЦКБФ ни один приказ, касающийся внутренней и административной жизни Балтийского флота, не имел силы. Был там и такой пункт: «Отказываясь от предварительного контроля операций, ЦКБФ оставляет за собой право контролировать оперативные действия после их свершения...»

Ни Дыбенко, ни его друзья не предполагали тогда, что вокруг их детища — устава — развернется ожесточенная политическая борьба между Временным правительством, реакционным офицерством, с одной стороны, и большевистской частью Центробалта — с другой.

Еще накануне вечером Дыбенко вызвали в Мариинский дворец, в Гельсингфорсский комитет РСДРП (б). Там былолюдно. Видно, только что закончилось совещание и члены комитета еще не разошлись. Все знакомые: у входа Сидоров, член Исполнительной комиссии парткома, энергично, темпераментно что-то доказывавший хладнокровно-флегматичному Властену и всегда уравновешенному Жемчужину. Солидный, рассудительный Владимир Залезский и скромный, спокойный Николай Антипов тихо беседовали у окна. Черноволосая, совсем еще юная женорганизатор Эля, быстро загибая пальцы на левой руке, горячо о чем-то рассказывала Старку. Ильин-Женевский, пристроившись на подоконнике, писал. Незнакомой была только одна миловидная женщина. Павел смотрел на незнакомку, читавшую какой-то документ. Борис Жемчужин, заметив недоуменный его взгляд, тихо произнес:

— Это товарищ Коллонтай Александра Михайловна, член Петербургского комитета.

Прервав чтение, Коллонтай протянула руку, сказала:

— Таким я вас и представляла, товарищ Дыбенко. Садитесь рядом, продолжим работу.

Коллонтай изучала проект резолюции об отношении большевиков к так называемому «Займу свободы».

— Проект будет предложен на внеочередном заседании Гельсингфорсского Совета с участием представителей всех судовых комитетов и профессиональных организаций, — сказал Антипов.

Затем резолюцию Жемчужин прочитал вслух:

— «Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих, заслушав прения по вопросу о «Займе свободы», постановил: ввиду того, 1) что этот заем послужит для продолжения бесконечной империалистической войны и явится новым тяжелым бременем для народа, 2) что власть не перешла еще всецело в руки Совета солдатских и рабочих депутатов и находится в руках хотя и контролируемых, но совершенно чуждых интересам народа лиц,

3) что этот заем легко может быть заменен повышением на 90 процентов налогов на капиталы и прибыли заводчиков, а также реквизицией монастырских ценностей, Совет считает поддержку этого займа неприемлемой, так как эти деньги можно давать лишь народу в лице его органа власти, а не Временному правительству».

С текстом все согласились...

На заседании Совета большевики потерпели поражение. Вот как рассказывает об этом сам Дыбенко:

«В Центробалте также обсуждался вопрос об отношении к «Займу свободы» и была принята резолюция против него. Эту резолюцию необходимо отстоять на заседании Совета.

Спешу к театру, где происходит заседание и куда стекаются толпы «желтых» демонстрантов и колонны, идущие под большевистскими лозунгами...

Когда я вошел в театр, Коллонтай доказывала, что военный заем, хотя и заем «свободы», на деле предназначен для обслуживания империалистических замыслов Временного правительства. Правительство хочет продолжать братоубийственную войну. Долой военный заем! Никто не должен голосовать за него!

Кончила. Похлопали ей, крикнули «ура!», но не совсем густо... Как ее встретили, не знаю, не был при этом. Видно, многие не поняли ее. Матросы ведь тогда еще не знали «иностранных слов».

После товарища Коллонтай выступало много ораторов. Но еще до голосования видно было, что меньшевики одержали победу. Незначительным большинством голосов резолюция о военном займе прошла.

Мы потерпели поражение. Однако, как всегда, не унывали. Что ж! Это только резолюция, а на самом деле кто даст деиег? Ведь все равно новому правительству выносят недоверие».

Моряки проводили Коллонтай до вокзала. Прощаясь, Павел Дыбенко сказал:

— Центробалт добьется отзыва из Совета флотских депутатов, голосовавших за позорную резолюцию.

— Правильно поступите, — ответила Коллонтай, она обещала в скором времени приехать в Гельсингфорс выступить перед моряками.

...Заседания Центробалта продолжались. 2 мая делегаты тайным голосованием избрали исполнительное бюро из девяти членов, семь из которых оказались большевиками и им сочувствующими, что положительно сказалось на деятельности вновь родившейся демократической флотской организации. Председателем ЦКБФ стал Павел Дыбенко.

На «Виоле» развевался флаг: большое красное полотнище, в центре скрещенные якоря и по углам буквы ЦКБФ. Центробалт быстро охватил все стороны деятельности флота. Приступили к работе секции: военная, комплектования, интендантская, производства в чины и звания, внутреннего распорядка, вооружения, следственная, по оплате труда и другие.

На Балтийском флоте так же, как и в стране, образовались две власти: «неофициальная» — Советы, судовые, береговые и местные комитеты во главе с Центробалтом и власть официальная — командование флота, офицерский корпус и комиссар Временного правительства — проводники диктатуры буржуазии.

Центробалт взял под строгий контроль действия командующего и его штаба, поставил на все важные участки своих представителей, даже в штабную типографию, в которой печаталась различная важная документация. Дыбенко предписал телеграфистам, телефонистам, сигнальщикам не передавать радиোগраммы, телефонограммы штаба без санкции ЦКБФ.

Новые порядки никак не устраивали официальную власть. Группировавшиеся вокруг Ренгартена-Черкасского штабисты находили любой повод, чтобы ущемить центробалтовцев: финансисты, например, отказались платить им жалованье: «Центробалт не значится у нас в штатных списках, деньги, котловое довольствие его членам не положены». Возмущался Дыбенко: «На «Виоле» наш флаг поднят, властью большой обладаем, а штабные чиновники нас признавать не желают». Он во главе небольшой делегации поехал в Петроград на переговоры с военным и морским министром. Долго пришлось ждать. Наконец в три часа дня их пропустили к министру.

Керенский приветливо принял балтийцев, спросил:

— Что делается во флоте? Каково настроение?

Дыбенко доложил:

— У нас творится много преступлений, замечена нами даже измена при постройке батарей на островах. Нет хозяйского народного ока. Поэтому мы и решили организовать Центробалт, который поможет устранить все эти недостатки. Требуется утверждение и отдача в приказе, что мы законное учреждение. — Так издали подошел к этому вопросу и тут же незаметно подсунул на утверждение устав.

Мельком пробежал Керенский первые параграфы устава, нахмурился, задумался... направил делегатов «санкционировать» в так называемый Центрофлот. Центробалт узаконил и тут же распорядился объявить в приказе. «Нам это только и надо было, а устав свой мы уж постараемся отстоять», — подумал Дыбенко.

— Теперь мы «законнорожденные», — выйдя из Адмиралтейства, сказал он товарищам...

По дороге в Гельсингфорс все размышлял, старался понять, почему так странно вел себя Керенский. Ни единым словом не обмолвился о недавних демонстрациях, прошедших в Главной базе под большевистскими лозунгами. «Не мог министр не знать, что мы выступили против «Займа свободы», что матросы переизбрали флотских депутатов в Совете, голосовавших за соглашательскую резолюцию. Теперь в Гельсингфорсском Совете не 43, а 80 с лишним большевиков. Наверняка знает и о том, что Центробалт фактически командует флотом. Так в чем же дело? Обещал пожаловать на флот. Видимо, рассчитывает, что мы его примем с хлебом-солью. Нет уж, не будет такого!»

...Когда начальство готовилось к пышной встрече Керенского, Дыбенко и многие члены ЦКБФ находились на кораблях, вернулись накануне «торжеств». Председатель срочно собрал Центробалт.

— Знаете, зачем едет к нам министр? Чтобы уговаривать матросов воевать до победного конца. Разве этого мы ждем от министра? Никаких пышных встреч! От имени Центробалта предлагаю следующий проект постановления ЦКБФ: приказ командующего о параде в части, касающейся флота, отменить. Министра могут встречать по своему желанию гуляющие на берегу.

Проект единогласно приняли.

Решение Центробалта вызвало переполох. На «Виолу» устремились просители: из Гельсингфорсского Совета явились возмущенные Гарин и Котрохов, от офицерских союзов — Ренгартен, Вилькен, Граф, они требовали отменить «позорное постановление». Дыбенко был неумолим: «Все будет так, как решил Центробалт!»

Пришел на «Виолу» и сам командующий — вице-адмирал Максимов. Держится с достоинством, говорит спокойно, просто, не требует, не настаивает, но советует.

— Вроде неудобно: Керенский — министр, надо бы принять.

Дыбенко слушал, не отрывая взгляда. Ему нравился этот человек с голубыми глазами, длинными черными ресницами, чисто выбритым лицом, даже легкая седина на висках украшала. На нем китель, позолоченные пуговицы с выпуклыми якорями резко выделялись. У председателя Центробалта и выборного комфлота установились хорошие отношения.

— Министра, конечно, надо встретить, гражданин адмирал, — сказал Дыбенко. — Парад устраивать не будем, не такая уж важная особа, да и время военное. Встретите его вы, работники штаба, ну и еще кто пожелает. От Центробалта приветствовать министра поручено мне. Будем считать вопрос исчерпанным.

Максимов уже взялся за фуражку, лежавшую на соседнем стуле, но Дыбенко попросил задержаться.

— Нам известно, гражданин адмирал, что к Керенскому вы любви не питаете и он вас не жалуется. Будем откровенны: ни в армейских, ни во флотских делах он ни бельмеса не смыслит.

Адмирал постукивал пальцами по столу, не торопился высказать свое мнение.

— Допустим, — начал он. — Но учтите, министр, в общем-то, лицо административное, конечно, желательно, чтобы он разбирался хотя бы в элементарных вопросах тактики, оперативного искусства, одним словом, имел бы военное образование.

— Керенский только юрист, — продолжил свою мысль председатель Центробалта. — Затеял я этот разговор вот в связи с чем: почему офицеры вашего штаба лебезят перед ним?

— Я бы не утверждал, что они заискивают. Но, — адмирал сделал паузу, — начальник штаба как-то сказал мне: «Лучше уж с Керенским, чем с большевиками». — Адмирал поднялся, надел фуражку, приложил ладонь ребром к носу, проверил — козырек проходил по центру лба.

Встал и Дыбенко.

Скоро кают-компанию заполнили центробалтовцы и большевики — депутаты Гельсингфорсского Совета. Их тоже интересовал приезд Керенского.

— Давайте подумаем, как примем министра на «Виоле», — сказал Дыбенко. — А мы его пригласим обязательно. Объявляю аврал, чтобы кораблик блестел как стеклышко.

— Наша депутатская группа решила предъявить Керенскому свои требования и задать ряд вопросов в письменном виде. Мы кое-что набросали, посмотрите. — Свистулев передал Дыбенко несколько листов.

Стали обсуждать и так увлеклись, что не заметили появившихся Жемчужина и Ильина-Женевского.

— Чем заняты, флотоводцы? — громко спросил Жемчужин.

Дыбенко пояснил.

— Здорово! — воскликнул Ильин-Женевский. — Балтийские матросы пишут письмо министру.

— Как запорожские казаки турецкому султану, — добавил Жемчужин и засмеялся. — Наверное, в таком стиле, что опубликовать в «Волне» неудобно будет. Кто главный сочинитель, не иначе Свистулев?

— Коллективный труд, — ответил Свистулев. — Восемь требований и пять вопросов. — И стал читать:

«Требуем:

1) уравнивания пенсий, пособий и субсидий без различия чинов и сословий;

2) отделения церкви от государства и школы от церкви;

3) поддержки и пропаганды социалистических идей;

4) немедленного прекращения травли против социалистических вождей — Ленина и др.;

5) повсеместного образования крестьянских, батрацких и рабочих комитетов...;

6) широкой пропаганды идей за мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов;

7) немедленной передачи всех помещичьих, церковных, монастырских, кабинетских и удельных земель в распоряжение крестьянских комитетов, выбранных на демократических началах;

8) немедленной посылки делегатов на французский фронт в русские полки для выяснения причин происходящих там недоразумений».

Вот все требования. Теперь вопросы:

«1) Почему вы подписались под нотой Милюкова от 21 апреля?

2) Какая ведется война в настоящий момент?

3) Верно ли, что вы в начале войны, будучи в Государственной думе, голосовали за войну?

4) Верно ли, что вы предложили упразднить бывших сенаторов с назначением им пенсии по 6000 рублей в год?

5) Верно ли, что Временное правительство отпустило 4 600 000 рублей на скачки?»

— Отлично! — воскликнул Борис Жемчужин. — Опубликуем в «Волне».

— Когда Керенский пожалует на «Республику», а придет он туда обязательно, пускай Светличный выступит, зачитает это и вручит министру, — посоветовал Ильин-Женевский.

Все согласились. Разошлись далеко за полночь. Условились завтра за два часа до прихода петроградского поезда снова собраться на «Виоле».

...9 мая к утреннему поезду прибыли депутаты Гельсингфорсского Совета во главе с Котроховым и Гариным, комфлота Максимов со штабными офицерами и председатель Центробалта Дыбенко. На перроне и близ вокзала собралось много «любителей происшествий» и городских зевак.

В сопровождении безусых прапорщиков — первого адъютанта Миллера, офицера для поручений Виннера — и большой свиты военных из вагона важно вышел Керенский, взглянув на перрон, выразил неудовольствие сначала командующему, потом председателю Центробалта — почему нет почетного караула моряков?

— Время военное, нельзя отрывать люден от служебных дел, — ответил Дыбенко.

— Для антиправительственных митингов и манифестаций вам война не служит помехой? — ворчал Керенский.

С вокзала министр поехал в Гельсингфорсский Совет, где соглашательские лидеры приняли его тепло и радушно, особенно липли к нему Котрохов, Гариин. Ни на шаг не отходили от своего патрона адъютанты-телохранители.

После торжественного обеда и отдыха Керенский отправился в штаб флота на «Кречет».

Готовились к приему и на «Виоле». Раздался резкий звонок штабного телефона. Дыбенко взял трубку. Главный комиссар Временного правительства Опишко при командующем Балтфлотом передал приказ Керенского — ровно к четырем часам дня всему Центробалту явиться на «Кречет».

— Помилуйте! Центробалт ведь учреждение. Мы полагаем, что не учреждение ходит к министру, а министр — в учреждение. У нас ряд срочных и существенных вопросов, требующих немедленного разрешения. Доложите министру, что мы просим его зайти к нам, — сказал Дыбенко.

Керенский пришел на «Виолу», правда, заявил, что «у него только полчаса свободного времени, которые он и может уделить».

Неторопливо, важно вступил на нижнюю площадку и был удивлен: на

трапе стояли опрятные, подтянутые фалрепные — специально выделенные матросы, а фалрепы — концы троса — обшиты свежим сукном. Дежурный по всем правилам отдал рапорт. Дыбенко представил членов ЦКБФ. А министру твердили, что на «Виоле» беспорядок, анархия и неразбериха, что члены Центробалта распустились, ходят в тельняшках.

Маленький зал «Виолы» не вмещает всех гостей. Многие остаются в коридоре. Чтобы не терять времени, Дыбенко открывает заседание:

— Слово для приветствия предоставляется народному министру Керенскому.

Керенский принял любимую позу «под Наполеона» — правую руку за борт френча, левую за спину, — начал произносить приветственную речь, длинную и бессодержательную.

Центробалтовец Ховрин прервал:

— Мы собрались не для митингования, а чтобы разрешить ряд практических вопросов. Полагаю, что господину министру следовало бы прямо перейти к делу.

— Товарищ Ховрин, я вам ставлю на вид, что вы позволяете себе прерывать министра, — говорит Дыбенко.

Но Керенский уже потерял равновесие; судорожно сжав кулаки, он обрывает свою речь и бросает:

— Состав Центробалта придется пересмотреть. Адъютант, запишите.

Дыбенко соглашается: действительно, некоторые элементы (подразумевая меньшевиков) следует удалить, ибо они мешают планомерной работе.

Между тем один за другим центробалтовцы подкладывают проекты и доклады, в том числе и устав, на подпись министру.

«Не знаю, что повлияло на Керенского, может быть, просто недоглядел, но на уставе появилась его подпись и надпись: «Утверждаю», — вспоминает Дыбенко.

С «Виолы» министр направился на линейный корабль «Республика», с ним некоторые центробалтовцы вместе с председателем. Экипаж встретил Керенского сдержанно, официально, без оваций и возгласов «ура!»; и едва он окончил торжественную речь, Григорий Светличный от имени команды тут же вручил отпечатанный на машинке листок, где были изложены матросские требования и вопросы.

Министр бегло просмотрел, стал путано убеждать, что, мол, он ничего сделать не может, вот когда народ изберет правительство, оно и решит наболевшие вопросы...

Еще сдержаннее приняли министра на линкоре «Петропавловск» и

крейсере «Россия».

Вечером в Народном доме проходило заседание Гельсингфорсского Совета. Среди соглашательского болота Керенский чувствовал себя как дома, призывал всех к единению и борьбе против анархии, подразумевая, конечно, большевиков. Но и здесь не обошлось без «сюрприза». Кто-то из зала довольно громко спросил министра: «Будут ли опубликованы тайные договоры?» Керенский ответил: «Пока не будет заключен мир, о публикации договоров и мечтать нечего».

Из Гельсингфорса министр отправился в гастрольную поездку по армии. 12 мая он был в Киеве, в тот же день уехал в Каменец-Подольский, а через несколько дней уже обнимался с Колчаком в Севастополе...

На столе председателя Центробалта лежали груды газет. Дыбенко листал одну за другой: большая и малая пресса столицы в один голос обливала грязью моряков, особенно экипажи «Республики» и «Петропавловска», будто оскорбивших Керенского. «Специальные корреспонденты» утверждали, что в Главной базе полный развал, отсутствует дисциплина, что на флот «проникли немецкие шпионы». Досталось от газетчиков и Дыбенко за «разложение флота, за анархию...».

Не обошла пресса и либерального адмирала Максимова, «подыгрывающего под страсти распоясавшейся матросни». «Флот окончательно разложился и не способен защитить столицу» — так в один голос трубили газеты.

— Вот и о нас вспомнили, — сказал Дыбенко товарищам. — А то все о кронштадтцах да о кронштадтцах...

В чем только не обвиняли Кронштадт! «Крепость отделилась от России!» — объявили буржуазные «Речь», «Новое время», «Маленькая газета», меньшевистская «Рабочая газета», эсеровское «Время». Плехановское «Единство» опубликовало фальшивку, в которой утверждалось, будто «Кронштадтская республика» выпустила свои денежные знаки. А за что травили? Кронштадтцы не хотели признавать Временное правительство. Центробалт взял под защиту крепость: «Не дадим в обиду».

— Теперь враги на нас направили отравленные клеветой стрелы, — не унимался Дыбенко. — Ведь надо ж дойти до такой наглости: «Матросы собираются открыть фронт». Подлые провокаторы! Придется дать бой разнузданным злопыхателям.

На «Виолу» пришли все члены судового комитета «Республики».

— Сейчас были в редакции «Волны», оставили там письмо за

подписью командира и председателя судового комитета. Такое терпеть нельзя. — Григорий Светличный покраснел от волнения. — Мы Керенского ничем не обидели, газеты же пишут: «Министра прогнали с линкора...» А что министр ни на один наш вопрос не дал толкового ответа, об этом молчат.

Дыбенко выслушал товарищей, немного помолчал, обдумывая создавшуюся обстановку, заговорил:

— Главное, друзья, не горячиться, нам надо действовать спокойно. — Он рекомендовал собрать на «Республике» судовые комитеты 2-й бригады.

Такое собрание состоялось 15 мая 1917 года, проходило оно очень бурно. Всем хотелось высказаться. Дважды говорил Дыбенко. В предложенной Светличным резолюции, принятой единогласно, говорилось: «Общее собрание судовых комитетов 2-й бригады линейных кораблей Балтийского моря в заседании своем 15 мая 1917 г... заслушав доклад о распространении ложных слухов о «Республике», глубоко этим возмущенное, протестует против подобной провокации».

Ввиду того что наиболее злостными являются слухи, указывающие на несправедливое отношение линкора «Республика» к войне, общее собрание заявило:

«Война как бремя, возложенное на трудящийся народ капиталистами, нам не нужна. Требуем от С. Р. и С. Д. в Петрограде и от Временного правительства, чтобы были приняты все меры к скорейшей ее ликвидации, но пока война продолжается, мы стоим на страже русской свободы и готовы отразить врага, откуда бы он ни появился».

Дыбенко и Светличный отнесли резолюцию в редакцию «Волны». Жемчужину она понравилась.

— Этот документ крепко ударит по клеветникам «Нового времени» и прочим борзописцам, — сказал он. — Посмотри, Александр Федорович, — протянул он листок сидевшему рядом Ильину-Женевскому.

— Отлично! — воскликнул тот. — А как обстоит дело с докладом, Павел Ефимович? Флотский съезд приближается, время не ждет.

— Никак не закончу. То Керенского принимали, а сегодня позвонил комиссар Оникко: надо встречать черноморскую делегацию. Каждый день какие-то непредвиденные дела...

— Тебе известно, Павел Ефимович, зачем черноморцы едут? — спросил Жемчужин.

— Думаю, не лобызаться... Керенскому не удалось уговорить балтийских матросов, решил, что у братьев-черноморцев это получится...

— Состав делегации подбирал сам адмирал Колчак, — продолжал

Жемчужин. — Откуда я знаю? Вчера разговаривал по телефону с Антоновым-Овсеенко. Он вернулся из эмиграции, и ЦК партии направило его к нам в Гельсингфорс руководить большевистской организацией. Владимир Александрович и сообщил мне, что к нам посланы 190 «надежных» черноморцев. Временное правительство устроило им пышный прием в цирке Чинизелли. Там выступил бельгийский министр-социалист Вандервельде, «бабка-богородица» эсерка Брешко-Брешковская и прочие подобные «деятели». А послы Англии и Америки от имени своих правительств «под эту делегацию» обещают предоставить Временному правительству очередной заем.

— Заем Временное правительство, конечно, получит, расплачиваться же народу придется, — заметил Дыбенко. — А вот колчаковские уговариватели ни в Кронштадте, ни в Гельсингфорсе, ни в других базах успеха иметь не будут. Тут уж мы постараемся! — И после паузы: — Центробалт решил послать на Черноморский флот свою делегацию, правда, не столь многочисленную. Мы выбрали пятерку. Старший — Чугунов, с ним Неверовский, Ермак, Кабальчик и Федотов. Эти ребята помогут черноморским матросам разоблачить соглашателей. Там, видать, забыли о «Потемкине» и «Очакове», во всю глотку орут здравицы в честь Временного правительства.

— Когда же вы успели? — не скрывая восхищения, произнес Ильин-Женевский.

— После звонка Оникко нутром почувствовал — неспроста едут «гости». — И, присев рядом, спросил: — А кто такой Антонов-Овсеенко?

— Владимир Александрович интересный человек, — ответил Ильин-Женевский. — Окончил Владимирское военное училище, однако служить в армии отказался, подал в отставку. В 1905 году он и Феликс Дзержинский подготовили и провели восстание в Ново-Александрии (Польше), за что оба попали в тюрьму. Освободили по амнистии. А через год за организацию восстания в Севастополе Антонова приговорили к смертной казни с заменой 20 годами тюрьмы. Товарищи устроили побег. Некоторое время скрывался в Финляндии, затем вернулся в Петербург. Выступал перед моряками Кронштадта. Блестящий оратор! И снова тюрьма, эмиграция... Недавно приехал на родину и вот по заданию Якова Михайловича Свердлова направляется к нам.

— Хорошо, что Владимира Александровича присылают к нам, примем с флотским гостеприимством, — сказал Дыбенко.

— Колчак обещал Керенскому вырвать балтийцев из-под влияния большевиков, — заметил Жемчужин.

— Не по Сивке воз. Пусть не лезут в чумкой монастырь со своим уставом. — Дыбенко попросился.

Шла подготовка к флотскому съезду. Председатель Центробалта все время был на кораблях, среди матросской массы и внимательно следил за колчаковскими «пропагандистами». Вначале тревожился за Ревель, там много соглашателей. Однако когда «гости» потребовали «поддержать Временное правительство», ревельцы дали достойную отповедь. «Не позорьте добрую память потемкинцев и очаковцев», — заявили они. Даже эсеровско-меньшевистское большинство Ревельского Совета отказало черноморской делегации «в содействии по устройству собраний» ввиду явного их провокационного характера. А когда колчаковец Фельдман опубликовал в буржуазной газете клеветническую статью на балтийцев, черноморцы публично отмежевались от своего вожака и написали в газете «Волна», что не дадут Фельдману «возможности выступать от имени делегации».

— Провокационная затея Керенского и Колчака лопнула как мыльный пузырь, — радовался Дыбенко. — Теперь будем ждать вестей с Черноморья от Чугунова.

Кончался последний весенний месяц, теплый, солнечный. На 25 мая 1917 года назначено открытие 1-го съезда моряков Балтийского флота в большом зале женской гимназии на Аркадской улице.

Накануне большевики-центробалтовцы собрались в Мариинском дворце, в комитете РСДРП (б), чтобы обсудить проекты докладов и решений. Дыбенко знал: предстоит жаркая схватка. На съезд выносятся два проекта устава: один подготовлен Центробалтом, второй — штабом флота и комиссаром Временного правительства Оникко. «Во что бы то ни стало мы должны отстоять свой устав, — уже в который раз говорил председатель. — Не забудьте, у ревельцев засилье эсеров и меньшевиков, с них не спускайте глаз!»

...Утро выдалось по-настоящему летнее... Поднимаясь на празднично украшенную сцену, Дыбенко, чуть улыбнувшись, сказал шагавшему рядом Николаю Маркину — делегату Кронштадта:

— На море сегодня полный штиль, а здесь, прислушайся, ураган страстей. Бурлит зал...

Собралось 220 делегатов. Около трети — большевики, почти четверть — меньшевики, эсеры, анархисты, остальные беспартийные. Много гостей. По числу делегатов Ревель шел за Главной базой: гельсингфорсцев — 84, ревельцев — 76, кронштадтцев — 38.

Съезд открыл Дыбенко. Он призвал товарищей делегатов,

представителем славного революционного Балтийского флота, провести свой первый съезд организованно, принять такие решения, которые бы отражали думы и чаяния каждого матроса.

Однако лишь только приступили к выборам президиума, началась неразбериха: каждая делегация наперебой предлагала своих кандидатов. Больше всех шумели ревельцы. «Действуют напористо. Здесь меньшевики и эсеры задают тон», — тревожился Дыбенко, постукивая карандашом по графину, призывая к спокойствию.

Наконец избрали президиум. И сразу представитель ревельской делегации вскочил на трибуну и зачитал проект наказа. Уже первый пункт гласил — требуем полного доверия Временному правительству, военному и морскому министру Керенскому. Было ясно: все это написано под диктовку начальника дивизии подводных лодок каперанга Вердеревского (его будто протаскивают на пост командующего флотом вместо Максимова). «Если примем этот наказ, весь съезд пойдет наперекося», — негодовал Дыбенко. От волнения у него лицо зарделось, глаза округлились, заблестели...

Делегаты сидели группами, «землячествами». Председатель Центробалта переводил взгляд с гельсингфорсцев на кронштадтцев: «Дайте же бой соглашателям!!!»

Слово попросил Николай Маркин, среднего роста, коренастый, с чубчиком на высоком лбу. Говорил быстро, темпераментно:

— Если мы начнем с подобных елейных наказов, станем настраивать съезд на восхваление буржуазного Временного правительства, то, скажу откровенно, от нашего пребывания в Главной базе толку не будет, лучше уж сразу разъедемся на корабли и сдадим мандаты. От имени и по поручению кронштадтской делегации предлагаю — наказ ревельцев отвергнуть как неприемлемый, вредный.

Маркина поддержал кронштадтец Соловьев, гельсингфорсцы Марусев и Штарев. Последним выступил Дыбенко. Он резко осудил предложенный проект, призвал делегатов не утверждать его.

При голосовании ревельцы остались в меньшинстве.

Как и предполагал Дыбенко, особенно острая борьба разгорелась при обсуждении проектов устава.

Три дня спорили. Сменяя друг друга, моряки выходили на трибуну, требовали принять устав, достойный балтийцев. Представители командования и ревельцы не сдавались... И все же подавляющим большинством голосов съезд утвердил устав, предложенный комиссией Центробалта. Центральный Комитет Балтийского флота объявлялся высшей организацией для всех матросских комитетов, главным выборным

органом, без одобрения которого «ни один приказ, касающийся жизни (Балтийского) флота, исключая чисто оперативной и связанной с нею технической деятельностью, не имеет силы...».

Это была огромная победа! Однако устав еще предстояло утвердить у военного и морского министра. Для этого съезд направил в столицу делегацию во главе с Николаем Маркиным.

— Не так-то просто заставить подписать документ, который позволяет Центробалту вмешиваться в дела как самого министра, так и командующего флотом, — сказал Павел Дыбенко Николаю Маркину. — И все же будем действовать!

На восьмое заседание съезда пожаловал помощник военного и морского министра лейтенант Лебедев, в недавнем прошлом офицер французского флота; в зал он вошел, даже не сменив иностранную форму, что удивило делегатов. Соблюдая этику, Лебедева избрали почетным председателем. Не дождавшись, пока ему предоставят слово, занял место на трибуне и, размахивая руками, начал угрожать:

— За такой устав Александр Федорович всех вас разгонит!

В зале поднялся шум, делегаты кричали:

— Долой!

— Гоните болтуна!..

Встал Соловьев, потеснил разбушевавшегося оратора, заявил:

— Делегация Кронштадта предлагает: за выступление, оскорбляющее съезд, лишить гражданина Лебедева слова и вывести из состава президиума.

Проголосовали. Лебедеву пришлось покинуть президиум.

— Вот так-то, поостынь малость, — вслед ему произнес Дыбенко.

И снова разразился гром, не утих он и на девятом, и на десятом заседаниях. Началось с выступления делегата линейного корабля «Республика» Григория Светличного, попросившего слова для внеочередного заявления.

— Наш командующий адмирал Максимов снят, — громко заявил он. — Вместо него назначен Вердеревский. Керенский ему уже и звание контр-адмирала присвоил. Экипаж «Республики» возмущен действиями Временного правительства! Матросы требуют, чтобы Вердеревский спустил свой флаг и поднял флаг вице-адмирала Максимова! В противном случае «Республика» откроет огонь по «Кречету».

Светличного сменил представитель «Петропавловска» и тоже заявил, что их линкор не примет Вердеревского:

— Мы подняли флаг адмирала Максимова! Он наш командующий!

Другого не желаем!

Дыбенко уже знал о случившемся. Недавно Максимов заходил на «Виолу», сообщил, что его срочно вызывает Родзянко. Тогда председатель ЦКБФ предупредил: «Мы имеем сведения, что вас собираются отстранить от должности». — «Вряд ли осмелятся пойти против матросов», — сказал Максимов. «И все же мы не советуем вам ехать в столицу». Не послушался адмирал, на «Гремящем» отправился в Петроград. После его возвращения Дыбенко виделся с Максимовым.

— Произошло то, о чем вы меня предупреждали, Павел Ефимович, — смущенно произнес адмирал. — Временное правительство обострило обстановку на флоте. Недальновидные политики...

Весть об отстранении командующего всполошила и Главную базу, и делегатов съезда. Страсти накалились. Пришлось прервать работу съезда. Группе делегатов поручили отправиться на корабли, успокоить команды.

Находящийся в зале Лебедев размахивал руками, что-то кричал, никто не обращал внимания. Проходя мимо него, Дыбенко сказал:

— Не с угрозами надо было лезть на трибуну, а честно сообщить о смещении выборного командующего. Теперь идите на «Республику», сами объясняйтесь с матросами. Слышали их гневные заявления, возьмут да и бабахнут по «Кречету», от штаба мокрое место останется.

Уже на улице Дыбенко с тревогой размышлял: «Чего доброго, эсеры и анархисты могут спровоцировать восстание. «Подлейшие это люди!» — припомнил слова Охоты.

Председатель Центробалта спешил к Мариинскому дворцу в комитет РСДРП (б). О назначении нового комфлота там уже знали, об этом Дыбенко поставил комитет в известность сразу по возвращении Максимова из столицы. Было решено ввиду неподходящего момента для вооруженного выступления против Временного правительства ограничиться формальным протестом, а Вердровского принять. Сейчас Дыбенко хотел посоветоваться с товарищами, следует ли приглашать на съезд командующих — нового и старого.

— Конечно, приглашайте, пусть оба выступят перед моряками, — сказал Антипов.

Из партийного комитета Павел направился на «Кречет», где застал растерянного Вердеревского в окружении перепуганных штабистов. Все смотрели в иллюминаторы. Прильнул и Дыбенко: рейд как на ладони, башни «Республики», «Петропавловска» нацелены на «Кречет».

— Гражданин адмирал, мне нужно поговорить с вами наедине, — сказал Дыбенко и, подождав, когда все вышли, продолжил: — О

происшедшей смене командования съезд представителей Балтийского флота узнал ко от вас. Вы предпочли молчать. Закулисная игра, вы это понимаете, может кончиться трагично...

— Съезд и Центробалт, надеюсь, проявят благоразумие, — перебил Вердеревский, явно изменившийся в лице.

— А если матросы будут непреклонны? По какой причине сместили выборного командующего? Ведь это посягательство на революционные завоевания!

— Адмирал Максимов не смещен, — пытался оправдаться Вердеревский. — Он получил повышение, назначен начальником морского штаба при ставке верховного главнокомандующего Брусилова в Могилеве. Теперь ему подчинены все флоты России.

— Гражданин Вердеревский, зачем разыгрывать комедию? — Дыбенко пристально смотрел на вновь испеченного адмирала. — Вы прекрасно знаете, что «переворот» готовился давно, уж очень не ко двору пришелся Максимов Временному правительству. Собирались заменить его Бахаревым, Колчаком, да побоялись — слишком уж оба реакционны. А Максимова ведь так просто сместить нельзя, перевести в морское министерство опасно — ненадежен, «красный». Вот и нашли выход — вроде «повысили», а главная цель — От матросов подальше убрать. — Вердеревский нервно ерзал в кресле... — Так вот, — продолжал Дыбенко, — мы приглашаем вас на съезд. Выступите перед делегатами, расскажите...

— Что же я должен рассказать?

— Как думаете складывать свои отношения с Центробалтом, с матросами? Откровенно сообщите причину удаления Максимова... Съезд возобновит работу в шестнадцать ноль-ноль...

Максимова и Вердеревского избрали в президиум.

Выступивший Светличный предупредил: пока решается вопрос о командующем, «Республика» будет держать «Кречет» под прицелом орудий главного калибра. В том же духе высказались представители «Петропавловска», «России», «Славы». Лишь ревельцы активно защищали Вердеревского, но их речи делегаты прерывали громкими возгласами: «Оставить адмирала Максимова!», «Вердеревского — в Ревель! Вердеревского — в Ревель!»

На трибуну поднялся Максимов. Когда смолкли аплодисменты и в зале наступила тишина, адмирал начал взволнованную речь: сердечно признался, что ему тяжело расставаться с матросами, которых всегда любил и любит, но... вынужден подчиниться решению Временного

правительства, срочно отбыть в ставку, в Могилев. Делегаты в едином порыве поднялись, зааплодировали.

Вердеревский был явно обескуражен оказанными Максимову почестями. Его же вялую речь никто не слушал. Закончил он обещанием:

— Будем работать вместе рука об руку, нога в ногу...

«Поживем, посмотрим, а то и прогоним», — подумал Дыбенко. Он от имени делегатов съезда, всех моряков Балтийского флота, Центробалта тепло поблагодарил Андрея Семеновича Максимова и зачитал резолюцию. В ней говорилось, что съезд отмечает заслуги выборного командующего и надеется, что адмирал и на новом посту будет честно служить трудовому народу. И в конце объявил:

— 29 мая в семнадцать ноль-ноль в Русском театре адмирал Максимов встретился с представителями команд боевых кораблей. Присутствовали там и делегаты съезда.

Снова на съезде появились незваные гости из столицы. Встревоженный успехами матросов, Керенский прислал помощника морского министра Дудорова, но, опасаясь, что и его постигнет участь Лебедева, прикомандировал к нему известного демагога, члена Петроградского Совета меньшевика Войтинского, поручив им обоим во что бы то ни стало склонить делегатов на сторону Временного правительства.

— Это вы, Дыбенко, вносите смуту, — высокомерно произнес Войтинский. — Настраиваете матросов против законной власти.

— Что ж, скажите об этом делегатам съезда. — И помолчав: — Только, думаю, вам никто не поверит.

Ничего не добившись, и эти посланцы удалились из Главной базы.

Вернулся из Петрограда Маркин, с трибуны съезда он доложил:

— Керенский не утвердил устав Центробалта, не подписал его и Вердеревский. — («Значит, Вердеревский выступает в союзе с Керенским», — еще раз убедился Дыбенко.) А Маркин продолжал: — У революционного флота должен быть и революционный адмирал, а не ставленник временщиков, царский чиновник. Мы выберем себе другого командующего. Предлагаю ввести в действие устав, пусть и не утвержденный Керенским.

«Ай да Николай! Молодец!» — ликовал Дыбенко.

Всполошились сидевшие в зале меньшевики, эсеры, особенно офицеры; поочередно поднимались они на трибуну, доказывали, убеждали. Не помогло. Съезд постановил: до Всероссийского флотского съезда устав Центробалта проводить в жизнь.

В тот же день избрали восемь делегатов на I Всероссийский съезд

Советов, половина их — большевики.

Дыбенко ждал Антонова-Овсеевко. Встреча произошла в Мариинском дворце в комитете партии. За столом сидел моложавый человек необычной внешности: длинные волосы, очки в металлической оправе, лицо сухощавое с острым подбородком, на верхней губе тонкие усики, взгляд добродушный, располагающий. Протянул Дыбенко руку, назвал себя. Рассказал о беседе в Центральном Комитете с Я. М. Свердловым. Яков Михайлович заявил, что наступает ответственное время и партия рассчитывает на боевой тыл Петрограда — Финляндию.

От себя лично Антонов добавил, что Центральный и Петроградский комитеты, товарищ Ленин верят в моряков-балтийцев. «Съезд моряков, — в заключение сказал Антонов, — принял важное решение, но главное впереди — борьба за массы».

Дыбенко, проинформировав представителя ЦК партии о флотских делах, не скрыл, что меньшевики и эсеры все еще сильны на флоте, а на Сенатской площади слышен только их голос...

— Вот и сегодня там эсеры митингуют, — сказал Павел.

— Товарищи! Пойдемте на Сенатскую! Все пойдем, — предложил Антонов.

— Только там об оборонцах и братании говорить не принято, — предупредил Жемчужин.

День был солнечный, тихий, хорошо видны гавань и корабли-великаны, андреевские флаги словно прилипли к древкам.

— Какая идиллия! — воскликнул Владимир Александрович. — Будто и нет войны.

Вот и Сенатская площадь. Народу — тысяч пять-шесть, большинство матросы и солдаты. Митинг в разгаре. Выступает один из ведущих эсеровских идеологов Терапулов, толстяк, одетый под «Керенского», защитная гимнастерка, галифе, желтые краги и такого же цвета ботинки. Оратор «закруглялся». Председательствующий объявил митинг законченным. Дыбенко быстро поднялся на ступеньки церкви, зычным басом крикнул:

— Товарищи, задержитесь! Только что приехавший из эмиграции товарищ хочет порассказать вам кой-чего.

Как видно, несколько необычный вид «долговолосого» эмигранта заинтересовал, стали слушать.

Рассказав немного о жизни за границей, Антонов-Овсеевко «пересел на своего конька», вдохновенно и страстно начал говорить о «текущих

делах», о войне.

— Меня предупредили, будто меньшевики и эсеры очень уж боятся произносить слова «братание», «оборончество», «поражение» и так далее. Почему? — Антонов-Овсеенко помедлил. — Давайте называть вещи своими именами. Война, которая сейчас ведется, — разбойничья, грабительская, братоубийственная, она нужна и выгодна только буржуазии и капиталистам. Все тяготы, лишения, невзгоды ложатся на плечи трудового народа — рабочих, крестьян. Кончать надо эту кровавую бойню! И как можно скорее. Кончать братанием и войной в тылу!

Слова «кончать братанием и войной в тылу» вызвали одобрителные возгласы: «Правильно!» Антонов-Овсеенко закончил речь, надел шляпу, отошел в сторону. На его место поспешил Терапулов. Толпа загудела:

— Слезай! Уже слышали тебя! Хватит!

Так и прогнали эсеровского идеолога.

«С той поры, — вспоминает Антонов-Овсеенко, — оборонцы не смели до «июльских дней» выступать на Сенатской площади: она безраздельно была завоевана нами».

Пока шли до Мариинского дворца, Дыбенко показывал стоящие в гавани корабли:

— Прямо — «Республика», слева от нее — «Петропавловск». На «Республике» 520 членов РСДРП (б), на «Петропавловске», «Гангуте», «Полтаве», «Диане» — 100–150, на эсминцах — 260...

— На корабль пойдем после флотского съезда. Что-то затянули вы его.

— Вы правы, — согласился Дыбенко. — Делегаты линкора «Петропавловск» уже заявили: «От съезда флот ожидает плодотворной работы, а не бесконечных споров». Думаю, 15 июня закончим.

На Мариинской Антонов-Овсеенко и Дыбенко попрощались. Владимир Александрович обещал прийти на флотский съезд, похвалил за принятый устав, рекомендовал действовать и дальше смело, по революционному.

Они понравились друг другу. Долго придется им вместе сражаться с врагами, отвоевывать у буржуев власть, а затем отстаивать ее на фронтах гражданской войны...

...Съезд подходил к концу. На заключительных заседаниях 14 и 15 июня обсуждались доклады Павла Дыбенко и капитана 2-го ранга Л. П. Муравьева по одному из острых вопросов — «О взаимоотношении Центробалта со штабом флота». Дыбенко предвидел, что сторонники «жесткой линии» будут поддерживать проект, разработанный штабом и комиссаром Ф. М. Онпко. И не ошибся.

Два дня длилась упорнейшая словесная борьба; за проект, предложенный Дыбенко, проголосовало подавляющее большинство. Принятый документ предоставлял Центральному Комитету Балтфлота право контролировать деятельность командующего и штаба...

Уже на «Виоле» Павел сказал товарищам:

— Огромную победу мы одержали!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЗАГОВОР

После съезда политическая жизнь в Главной базе резко обострилась. Уже на следующий день после съезда, 16 июня, возник первый конфликт с командующим. Не только с ним — с Временным правительством. Центробалту стало известно, что Вердеревский получил секретный приказ Керенского — в пятидневный срок сформировать из добровольцев-моряков шесть ударных батальонов и направить в Ревель, где ждать «особых распоряжений». Выбрали Ревель не случайно, здесь еще поддерживали Временное правительство, а экипажи базировавшихся там крейсеров «Олег», «Адмирал Макаров», «Громобой», «Баян», некоторых миноносцев и подводных лодок были под сильным влиянием эсеров и меньшевиков. Вскоре и сам секретный приказ очутился в руках Дыбенко. Действуя согласно уставу, он отменил приказ, написав на нем: «Ввиду недостатка специалистов на кораблях и угрозы наступления немецкого флота ни один матрос, верный революции, не может покинуть корабль. Излишек офицеров-моряков может быть в порядке приказа откомандирован на сухопутный фронт. Тот, кто добровольно покинет корабль, исключается из списков флота и считается дезорганизатором последнего».

Эта резолюция и стала постановлением Центробалта.

— Как же так? — тревожно спросил по телефону Вердеревский. — Вы отменили приказ министра, вмешиваетесь в оперативные дела штаба?

— Ничего подобного, гражданин командующий, — ответил Дыбенко. — Центробалт не против посылки на фронт офицеров. Их в резерве министерства много, об этом заявил матросский комитет 2-го Балтийского флотского экипажа.

А обнаружили «безработных офицеров» при следующих обстоятельствах. Решив выдворить из Петрограда матросов, находившихся под большевистским влиянием, Керенский, сославшись на «срочную необходимость», предложил откомандировать на Север 1000 человек. Матросский комитет ответил: без ведома Центробалта никто из экипажа не может быть списан. Вот тогда-то общее собрание моряков и рекомендовало послать находившихся в резерве министерств: двух адмиралов, четырех вице-адмиралов, 14 контр-адмиралов и большое количество каперангов, лейтенантов, мичманов, прапорщиков. Узнав об этом решении, Дыбенко от

души смеялся. «Ай да матросы! Оказались прозорливей Керенского, кучу бездельников и дармоедов отыскиали».

Революционный подъем на Балтике нарастал. 18 июня в Гельсингфорсе состоялась массовая демонстрация. На стягах лозунги: «Долой батальоны смерти!», «Николая кровавого — в крепость!», «Долой назначенных начальников и комиссаров Временного правительства!», «Да здравствует вооруженный народ!» Моряки стройными колоннами медленно двигались к Сенатской площади, пели «Марсельезу», «Варшавянку». На митинге приняли резолюцию: матросы, солдаты и рабочие требовали передачи власти Советам, прекращения кровавой бойни. По радиостанции линкора «Республика» резолюцию передали на имя проходившего в это время в Петрограде I Всероссийского съезда Советов.

I Всероссийский съезд Советов собрался 3 июня. Эсеры и меньшевики, преобладавшие на съезде, выступили за сохранение блока с буржуазией. Они заявили, что в России нет ни одной политической партии, которая взяла бы на себя одна всю власть. В ответ на это Ленин заявил: «Есть такая партия!» В своем выступлении он развернул перед делегатами большевистскую программу, призывая передать всю полноту власти Советам.

В Гельсингфорс опять прибыли «уговариватели», сразу три «апостола» и все «знатные»: правый эсер Авксентьев, меньшевик Гогечкори и председатель солдатской секции Петросовета меньшевик Завадский. Члены Центробалта приняли их на «Виоле». «Апостолы» потребовали срочно провести митинг.

— Это можно, — согласился Дыбенко. — Матросы скорее от обеда откажутся, чем от митингов, любят слушать умных людей. Но учтите, они и сами выступать научились...

21 июня на Сенатской площади вновь состоялся многолюдный митинг. Первым выступал Авксентьев. Вначале его слушали спокойно, а когда оратор заявил, что 18 июня в Петрограде «какие-то хулиганы» сорвали «плакаты доверия Временному правительству!», людская лавина с шумом, подобно девятому валу, накатила к трибуне.

— Революционные пролетарии, по-вашему, хулиганы! — кричали матросы.

— Успокойтесь, товарищи! Гражданин Авксентьев извинится за необдуманные слова! — крикнул Антонов-Овсеенко.

Стало тихо. Испуганный эсер приблизился к Антонову и дрожащими губами забормотал: «Погорячился, беру свои слова обратно», — пытался было еще что-то сказать, но грозное «Долой!» заставило его мигом

ретиrowаться.

Многолюдная площадь притихла, все внимательно слушали Антонова-Овсеенко и Дыбенко. Потом единодушно одобрили резолюцию, принятую 18 июня.

Так, ни с чем «уговариватели» отбыли восвояси.

На кораблях Главной базы кипели страсти, с каждым днем труднее становилось сдерживать матросов от преждевременных выступлений, требовавших «сбросить Временное правительство с помощью вооруженной силы». Громче всех вопили эсеры и анархисты, стараясь спровоцировать восстание.

...Дыбенко зашел к Антонову-Овсеенко, хотелось поделиться с членами горкома партии вестями, полученными из Севастополя от Чугунова, и доложить о предстоящей поездке в Лодейное Поле. Подробно изложил черноморскую одиссею.

— Задание Центробалта делегация Чугунова выполнила блестяще, хотя и не без приключений, — сказал Павел. — Реакционные офицеры вначале упрятали посланцев Балтики в каталажку... А вот результаты: 4 июня на многолюдном митинге в Севастополе матросы потребовали отстранения от должности командующего Черноморским флотом яркого монархиста Колчака. Через два дня он подал в отставку. — Дыбенко прошелся по комнате, продолжил: — Теперь Керенский будет метать громы и молнии на моряков Балтики и, конечно, в первую очередь на Центробалт.

— Ну к этому вы привыкли. Дружбы у вас с Керенским не было и, думаю, не будет. Никогда...

Дыбенко уехал в Лодейное Поле.

Дыбенко мечтал увидеть вождя революции В. И. Ленина, но все не удавалось. Когда Ильич возвращался из эмиграции, ехал через Финляндию, Павел посылал матросский караул встречать Владимира Ильича, но сам он пойти не мог, задержали неотложные дела в Центробалте. И вот теперь, возвращаясь из Лодейного Поля через Петроград, Павел решил во что бы то ни стало повидать Ленина. И встреча произошла во дворце Кшесинской, где тогда находился Центральный Комитет партии.

Вот как рассказывает Павел Ефимович о первой своей встрече с Лениным:

«Пробираюсь из комнаты в комнату, спрашиваю, можно ли Ленина видеть.

— А вы кто такой?

— Я председатель Центробалта.

Стою расспрашиваю. Из соседней комнаты выходит человек средних лет, среднего роста, внимательные, с усмешкой глаза.

— Это Ленин.

Подхожу к нему.

— Разрешите получить от Вас кое-какие указания и информацию для нашей работы, а то много ходят слухов о готовящемся вооруженном выступлении.

Говорю, кто я; деловито, коротко обмениваемся парой фраз. От Ленина узнал, что никакого выступления не готовится, предполагается демонстрация.

— Уж тут следите сами, — сказал Ленин. — Но, смотрите, не набедокурьте, а то я слышал, что вы там с правительством не ладите. Как бы чего не вышло...

— Ничего, Владимир Ильич, это наговоры, мы люди скромные и вперед батьки в пекло не полезем...»

Уже направляясь к выходу, в одной из комнат Дыбенко увидел Николая Маркина. После I Всероссийского съезда Советов он работал во ВЦИК.

— Каким ветром занесло?

— У товарища Ленина был, совет держал.

— Теперь ясно, как надо действовать? Только здесь, в Петрограде, я понял, Павел: Центробалт — большая сила! В предстоящих схватках за власть Советов Балтийскому флоту будет отведено важное место. Запомни сам и передай товарищам. А пока удерживайте массы от преждевременных неорганизованных выступлений, накапливайте силы... Ты поддерживай тесную связь с Гельсингфорсским комитетом РСДРП(б). Мне известно, что Антонов-Овсеенко в курсе всех решений ЦК партии.

В большом светлом салоне Павла ждали центробалтовцы. Только собрался рассказать товарищам о встрече с Владимиром Ильичем, как появился дежурный с телефонограммой. Дыбенко прочитал про себя, предложил:

— Гражданин Лебедев от имени Керенского требует «немедленно вернуть в Кронштадт «Полярную звезду».

Присутствующие расхохотались.

— Керенский торопится все прибрать к рукам, — сказал Аверичкин.

— Уже переселился в Зимний дворец, спит в царских покоях.

— Теперь ему царскую яхту подавай! — вставил Светличный. — Нет уж, дудки!

— «Полярную звезду» оставим, на требование Лебедева отвечать не

будем. Согласны, товарищи? — спросил Дыбенко.

— Правильно.

Отложив в сторону депешу, председатель Центробалта не спеша, подробно рассказал соратникам о поездке в столицу.

Большевиков — членов Центробалта пригласили в Гельсингфорсский комитет РСДРП (б). Антонов-Овсеенко ознакомил с проходившей в Петрограде Всероссийской конференцией фронтовых и тыловых военных организаций, на которой В. И. Ленин выступил с докладами по текущему моменту и аграрному вопросу.

Владимир Александрович повернулся к Дыбенко:

— Почему мы должны удерживать массы от преждевременных неорганизованных выступлений? Чтобы не дать возможность буржуазии и реакционному командованию расправиться с революционно настроенными полками и экипажами кораблей. Конференция рекомендовала продолжать агитацию против империалистической войны, активно бороться с контрреволюцией, не допускать разоружения рабочих и революционных частей, особенно в Петрограде, всемерно разоблачать политику соглашательских партий — одним словом, готовить силы пролетариата и революционную армию к борьбе за власть. Такие задачи поставила перед нами партия.

Слушая оратора, Дыбенко перебирал в памяти главные направления в работе Центробалта и остался доволен: «Линия наша правильная, и впредь ни на йоту ни в чем не будем уступать Временному правительству». Эти мысли он изложил в своем выступлении.

Начинался самый жаркий месяц — июль. Уже много дней на небе ни облачка, жара, зеркально-гладкое море как бы застыло, не дает прохлады. А на флоте как перед грозой: политическая обстановка накалена, Центробалт и его председатель, большевики всячески сдерживали матросов, рвавшихся к активным действиям. Митинги возникали по любому поводу, иногда доходило до рукопашных потасовок. Эсеры, меньшевики, анархисты подстрекали на конфликты с командованием флота.

Соглашательские Советы Гельсингфорса, Ревеля, Або одобрили предпринятое Временным правительством июньское наступление. И команды некоторых кораблей, поддавшись агитации «ура-патриотов», соглашателей, тоже проголосовали за оборонческие резолюции. Резко обострились отношения между Главной базой и Ревелем... Стойко и решительно вели себя экипажи линкоров «Республика», «Петропавловск», «Слава». Они единодушно поддержали большевиков, выступали против

войны.

В последних числах июня стало известно, что предпринятое Керенским наступление на фронте провалилось. Чтобы снять с себя ответственность за неудачи и дезориентировать начавшееся движение протеста в войсках и народе, министры-кадеты в ночь на 3 июля вышли из состава правительства. В этот день в Петрограде с раннего утра до поздней ночи проходили демонстрации. Народ требовал передачи власти Советам.

О демонстрациях, проходивших в столице, в Центробалте узнали 4 июня. Однако члены ЦКБФ — большевики еще накануне обратили внимание на передвижение боевых кораблей. На Свеаборгском рейде появились пришедшие из Ревеля крейсеры «Адмирал Макаров», «Богатырь», «Баян», «Олег» и даже подводные лодки. С чего бы это? Новая дислокация вовсе не вызывалась военной необходимостью.

Дыбенко срочно вызывает Свистулева, поручает ему тот же час пойти на «Богатырь» и у старых друзей узнать, для выполнения какой боевой задачи пришли в Главную базу ревельские корабли.

Появился Федор Аверичкин, он сообщил Дыбенко о секретных переговорах между начальником морского генерального штаба капитаном 1-го ранга Капнистом и начальником штаба флота каперангом Зеленым. «Значит, за спиной Центробалта происходит тайный сговор», — догадывается Дыбенко.

Находившихся на «Полярной звезде» центробалтовцев охватило волнение. Штарев говорит, что устав не дает права вмешиваться в оперативные дела штаба.

— А если это не оперативные, а политические? — задает вопрос воинственно настроенный Ховрин.

— Учтите, что на каждой шифровке надпись: «секретно» или «особо секретно», — продолжает Аверичкин.

Выслушав товарищей, Дыбенко предлагает создать тройку во главе с Ховриным для борьбы с контрреволюцией.

Предложение тут же приняли. Тройке поручили взять под контроль шифровальное делопроизводство штаба.

Решили также немедленно на больших кораблях сформировать дежурные взводы из преданных, надежных матросов.

Вечером 4 июля Николай Ховрин и Андрей Штарев без стука вошли в юзурубку и застали там каперангов — начштаба Зеленого, флаг-капитана князя Черкасского, флаг-офицера Ренгартена, старшего лейтенанта Петухова. Их ошеломило появление представителей ЦКБФ в святой святых штаба флота. Первым пришел в себя флагманский радист Петухов,

показывая на ленту с зашифрованным текстом, пролепетал:

— Тут никак не разберу...

— Вы же лучший шифровальщик флота, читайте текст, — решительно потребовал Ховрин.

Петухову пришлось подчиниться.

Ховрин и Штарев обнаружили документы не военно-оперативные, а политические, адресованные Вердеревскому и подписанные помощником морского министра Дудоровым. В них говорилось об обстановке в столице. В одной из шифровок, переданной в 19 часов 15 минут, Дудоров сообщал, что Временное правительство в согласии с ВЦИК приказывает немедленно послать в Петроград «Победитель», «Забияку», «Гром» и «Орфей». «Идти полным ходом. Посылку их держать в секрете... Временное правительство возлагает на них задачу демонстрации и, если потребуется, действие против прибывших кронштадтцев...» Через пятнадцать минут новое приказание. Вердеревскому предписывалось принять строгие меры, чтобы ни один корабль без его приказа не мог подойти к Кронштадту. Такие корабли предлагалось топить.

Командующего флотом пригласили на «Полярную звезду». Не хотелось Вердеревскому предавать широкой огласке шифровки. А пришлось... Его ждали представители 62 кораблей и весь состав Центробалта. Дыбенко сам зачитал депеши и тут же огласил проекты резолюций. В одной балтийцы требовали передачи всей власти ВЦИК. Во второй — арестовать Дудорова, для чего направить в Петроград делегацию на эсминце «Орфей». Третья предлагала генеральному комиссару Временного правительства при командующем флотом Опишко немедленно покинуть Главную базу. В этих же резолюциях моряки выразили революционный привет петроградским рабочим и солдатам, заверили их, что балтийцы всегда готовы оказать им поддержку.

В 3 часа 25 минут Дыбенко провожал в Петроград 70 представителей Главной базы, делегацию возглавлял Ховрин. Ей поручалось передать резолюцию во ВЦИК.

«Орфей» дал прощальный гудок, отошел от причала, вспенил мощным винтом воду и, набирая скорость, стал быстро удаляться. Темный силуэт корабля долго виднелся на фоне белого ночного балтийского неба.

До утра центробалтовцы не уходили с «Полярной звезды». Поздно ночью позвонил Вердеревский. Дыбенко взял трубку.

— Вследствие изменившейся обстановки Временное правительство отменило свое распоряжение о посылке миноносцев и подводных лодок в Петроград, — сообщил Вердеревский.

— Это позорное распоряжение Центробалт уже отменил, — сухо ответил Дыбенко.

— Я распорядился, чтобы подводные лодки покинули Главную базу и ушли в Ревель.

— Разумно...

Рано утром начались непрерывные звонки. Все требовали к телефону «лично председателя Центробалта».

Из Ревеля передали резолюцию команды крейсера «Рюрик»: приветствуя решение об аресте Дудорова, рюриковцы настаивали, чтобы в Гельсингфорсе судили помощника начальника морского штаба капитана 1-го ранга графа Капниста.

— Молодцы! — проговорил Дыбенко. Аналогичные резолюции передали с других кораблей и баз.

5 июля обстановка в Гельсингфорсе накалилась до предела.

— Надо отправлять в Петроград линейные корабли, пора кончать с Временным правительством, — требовали разгоряченные матросы.

Опять позвонил Вердеревский. Сообщил, что послал телеграмму Керенскому и потребовал срочно отстранить Дудорова от занимаемой должности. Несколько помедлив, добавил:

— Я поставил в известность министра, что Центробалт знает распоряжение Дудорова о посылке кораблей в Петроград.

В круговороте больших и сложных событий Дыбенко не сумел тогда правильно оценить поведение командующего. Только позднее, спокойно анализируя создавшееся положение на флоте, понял: Вердеревский политический ловкач; и эта его телеграмма Керенскому, и поведение на вчерашнем собрании преследовали одну цель — оправдать себя в глазах правительства, все взвалить на Центробалт.

Днем Дыбенко встретился с Антоновым-Овсеенко, узнал о новостях в столице. Из партийного комитета его вызвали в радиорубку линкора «Петропавловск». Из Петрограда член ВЦИК Николай Маркин сообщил, что кронштадтцы, участвовавшие в вооруженной демонстрации 4 июля, арестованы.

Ближе к вечеру 5 июля на «Полярной звезде» собрались представители кораблей и береговых частей. Дыбенко доложил о разговоре с Николаем Маркиным, о том, что в столице начались репрессии против революционных рабочих, солдат и матросов.

— Наша делегация еще не принята ВЦИК, против нее, а стало быть, и против нас, революционных моряков Балтики, меньшевики и эсеры настроены враждебно. Я предлагаю подтвердить наши вчерашние

резолуции в такой редакции: «Вторично довести до сведения Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, что нами будет признана только власть, выдвинутая из состава Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Поворота к прежнему быть не может. Мы напоминаем, что всякое промедление смерти подобно. Каждая минута безвластия наносит удар революции...» Кто за это предложение?..

Резолюция принята 246 голосами при одном воздержавшемся. Для ее вручения ВЦИК избрали делегацию во главе с председателем Центробалта.

Перед отъездом Дыбенко подписал приказ: всем судовым комитетам считать недействительными распоряжения помощника морского министра Дудорова...

Как только отошел миноносец «Громящий», в Адмиралтейство пошла шифровка: каперанг Зеленой предупреждал Дудорова, что председатель ЦКБФ везет в столицу новую резолюцию недоверия правительству...

Почти одновременно с «Громящим» прибыл в Петроград и встал у Английской набережной эсминец «Молодецкий». С него сошел Вердеревский.

Набережная и прилегающие к ней улицы были оцеплены солдатами и юнкерами.

Дальнейшие события развивались стремительно. Вердеревского оттеснила группа юнкеров, остальные окружили моряков, прижали к стоявшему грузовику и, орудуя прикладами винтовок, браня и угрожая, силой заставили лезть в кузов; у Зимнего дворца машина остановилась, молоденький прапорщик проворно выпрыгнул из кабины водителя и, придерживая шашку, побежал в подъезд, быстро вернулся, на ходу выкрикивая:

— В «Кресты»! Живо! — А сам забрался в кабину.

Ехали по знакомым улицам Выборгской стороны. Здесь вместе с рабочими Металлического завода Дыбенко восторженно приветствовал Февральскую революцию, радовался, что наконец-то наступит желанная пора свободы, братства, справедливости. В первый же день восставшие выборжцы освободили тогда из «Крестов» политических узников. Машину кидало из стороны в сторону. На душе было тяжело. Почему-то вспомнились слова отца: «Нет на земле счастья, и искать его нечего». А мама говорила совсем другое: «Чего, Павлуша, не поищешь, того не сыщешь». Дыбенко тряхнул головой: «Найдем мы то заветное счастье!»

...Дурная слава шла о тюрьме на Арсенальной набережной — двух крестообразных зданиях, обнесенных высокой каменной стеной. Дыбенко

невесело улыбнулся: «Русские цари держали в «Крестах» своих политических противников, а Временное правительство бросает сюда нас, революционных моряков...»

Выкрашенные в мрачный черный цвет железные ворота распахнулись, юнкера остервенело заработали прикладами.

Вердеревского арестовали за невыполнение приказа Временного правительства о потоплении революционных кораблей и разглашение секретных шифрограмм. Подержали недолго под стражей и назначили морским министром. Командующим Балтийским флотом стал контр-адмирал А. В. Развозов — яркий сторонник старых порядков на флоте.

А где же делегация Ховрина? Прождав весь день, 5 июля поздно вечером балтийцы наконец попали на заседание ВЦИК, которое вел меньшевик Чхеидзе. С погромной речью выступал «специалист» по флотским делам меньшевик Войтинский. Он утверждал, будто председатель Центробалта Дыбенко ввел в заблуждение матросов, натравливает их на Временное правительство. На трибуну поднялся Ховрин, зачитал резолюции и передал их Чхеидзе. В зале стоял невероятный гвалт, депутаты угрожающе кричали, свистели. Чхеидзе объявил перерыв, пообещав обсудить резолюции балтийцев завтра. Это была заведомая ложь, ибо уже состоялся сговор эсеров-меньшевистского ВЦИК и Временного правительства о наступлении на большевиков.

При выходе из Таврического дворца юнкера арестовали весь состав первой делегации балтийцев. Ховрин и его товарищи ночь на 6 июля провели в «Крестах»...

Теперь обе делегации Центробалта находились под одной тюремной крышей. Арестованные прибывали и прибывали... Так Временное правительство расправлялось с большевиками.

Июльский кризис ликвидировал в стране двоевластие. Советы превратились в придаток реакционного буржуазного правительства, а его пособниками стали руководившие Советами меньшевики и эсеры. Окончился этап мирного развития революции. На повестке дня встал вопрос о вооруженной борьбе трудящихся за власть.

Большевистская партия вынуждена была уйти в подполье...

7 июля Керенский издал приказ, в котором объявлял моряков-кронштадтцев, экипажи «Республики» и «Петропавловска» «изменниками родины и революции», врагами народа. Всю вину за «беспорядки» в Главной базе министр сваливал на Центробалт и его председателя Дыбенко. Командирам кораблей предписывалось «немедленно изъять из своей среды

подозрительных лиц, призывавших к неповиновению Временному правительству и агитировавших против наступления», арестовать их и доставить в Петроград, а командирам «Республики», «Петропавловска» и «Славы» в 24 часа выдать зачинщиков.

В первые июльские дни Керенский подписал сотни приказов, строгих указаний, распоряжений, требовал расправляться с большевиками. Усердствовали и помощник морского министра каперанг Дудоров, а также только что назначенный командующим флотом Балтийского моря, новоиспеченный контр-адмирал Развозов, командовавший до этого 2-м дивизионом эсминцев. Выполняя приказание Керенского, они закрыли газеты «Волна», «Голос правды», «Утро правды» и «Киир» («Луч»), арестовали редакторов.

Упрятав в тюрьму флотских большевиков, Керенский распустил Центробалт и назначил новые выборы. По его же приказу Дыбенко заточили в одиночную камеру, сырую, грязную: пять шагов в длину и четыре в ширину; стол — металлическая доска, намертво приделанная к стене, койка, которую днем тюремщик заваливал и вешал на нее огромный замок, умывальник, параша... Свет еле-еле проникал через зарешеченное маленькое оконце под самым потолком.

В бессильной злобе ходил Дыбенко из угла в угол; тело ныло, особенно правое плечо, еще в грузовике юнкер крепко саданул прикладом, пригрозил: «Пристрелю, сволочь, если будешь двигаться». А ведь мог убить.

Дверь камеры отворилась. Пожилой мрачноватый рыжебородый солдат молча поставил миску на железный стол и вышел. Дыбенко забарабанил в окованную железом дверь. Открылся глазок.

— Забери помои! И больше не приноси.

На шестые сутки Дыбенко заболел, его поместили в лазарет, переполненный уголовниками.

Здоровье восстановилось. 18 июля его перевели в камеру по соседству с Антоновым-Овсеенко. Тот первый дал о себе знать. Азбуку перестукивания Владимир Александрович изучал еще в царских тюрьмах, а Дыбенко этой науке обучил Охота.

«Дело Дыбенко» вел известный на Балтике морской следователь Фелицын, человек уже немолодой, с арбузообразной головой, толстым носом, отвислой нижней губой и маленькими, быстро бегающими глазками. Ремесло свое он знал. Еще в 1905 и 1906 годах ему доверили

«дела» главных участников кронштадтских восстаний. На этот раз поручили вести дело важного политического преступника — председателя Центробалта.

Допросы Фелицын вел скрупулезно, дотошно. В чем только Павел Дыбенко не обвинялся: и в государственной измене, и в разглашении военных и государственных тайн, в организации мятежа против существующей власти — Временного правительства, шпионаже в пользу Германии, в сопротивлении властям при аресте... Все шло к тому, чтобы суд вынес председателю Центробалта смертный приговор...

Страшась гнева народного, Временное правительство освободило из тюрем большинство членов ЦКБФ и кронштадтцев, арестованных во время демонстрации 4 июля. Дыбенко же держали в «Крестах». Он ждал суда. Кончился июль, 15 августа через открывшийся глазок в железной двери камеры он увидел матросскую бескозырку: это был Василий Марусев с товарищами.

— Здорово, Павел! — прильнув к дверному окошечку, крикнул Василий Марусев. — Ребята с «Республики» и «Петропавловска» прислали тебе харчи и кучу резолюций с кораблей. Революционная Балтика требует немедленно освободить тебя из тюрьмы!

— Как же вас, братишки, пропустили в эту чертову крепость?

Вася показал мандат ВЦИК. сказал, что он теперь вроде начальство, представитель Центрофлота.

Центральный исполнительный комитет военного флота при ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов — Центрофлот — высшая инстанция для центральных комитетов флотов и флотилий — был создан на I Всероссийском съезде Советов (июнь 1917-го) из депутатов-моряков.

— В нашем Центрофлоте, — говорил Василий, — засилье меньшевиков да эсеров, они поддерживают Временное правительство. Мы, большевики — Иван Сладков, Николай Пожаров, Николай Маркин, Владимир Полухин и другие, — ведем борьбу с соглашателями.

Узнал Дыбенко о гельсингфорсских делах. Керенскому пришлось не по нраву и второй состав Центробалта — большевиков «просочилось» много. Назначил третьи выборы.

— Теперь Керенский, Вердеревский и Развозов довольны. Только у матросов новый состав ЦКБФ авторитетом не пользуется, с ним они не считаются, — все говорил Марусев. — Наш устав отменили, одним словом, от прежнего Центробалта только название да флаг остались. Ничего, Павел, скоро все образуется...

Сообщил Василий и о том, что товарищи надежно укрыли Владимира

Ильича Ленина от ищеек Временного правительства.

И еще радостная весть: Коллонтай освободили из Выборгской женской тюрьмы по болезни и под залог. Говорят, деньги внесли писатель Горький и инженер-большевик Красин...

Настроение поднялось: «Действуют друзья».

Вскоре после Марусева побывал у Дыбенко Николай Маркин. И у него мандат ВЦИК.

— Недолго осталось тебе здесь маяться, — произнес он. — Большевистская фракция Центрофлота и депутатское собрание объединения кораблей и частей Гельсингфорсской базы требуют твоего освобождения. Вот послушай: «Он действительно был во время революции председателем КЦБФ вплоть до его ареста в Петрограде... Выражаем ему сочувствие как невинно пострадавшему за общее дело революции. Мы уверяем граждан России, что тов. Дыбенко страдает за наше дело русской демократии, и считаем своим прямым долгом заявить, что мы всей душой поддержим его как материально, а также политически...» Здорово!

Рассказал Николай Маркин о контрреволюционном корниловском мятеже.

— Генерал Корнилов решил установить в стране военную диктатуру, — говорил Маркин. — Не вышло!

— Вот как?! — воскликнул Дыбенко.

— Революционные части петроградского гарнизона, моряки Балтфлота и красногвардейцы дали по зубам мятежникам.

Поведал Николай и о том, что экипажи «Республики» и «Петропавловска» не сошли с революционного пути, твердо стоят на большевистских позициях и кронштадтцы.

— Ты, Павел, очень нужен в Главной базе...

4 сентября П. Е. Дыбенко освободили под залог, он дал расписку о невыезде из Петрограда. Черные железные ворота распахнулись. Его встречала почти в полном составе большевистская фракция Центрофлота.

— Что намерен делать, Павел? — спросил Сладков.

— Возвращаюсь в Гельсингфорс, будем поворачивать Центробалт на большевистский фарватер.

Товарищи рассказали о состоявшемся VI съезде партии, взявшем курс на вооруженное восстание, о выступлении делегата от Кронштадта Ивана Флеровского, заверившего съезд, что балтийцы не свернут с революционного пути.

Дыбенко поселился у матросов в казармах Петропавловской крепости. Друзья по очереди дежурили у Английской набережной, ждали появления

«оказии» из Главной базы. Повезло Марусеву, вернулся с радостной вестью: из Гельсингфорса прибыл «Громящий» под флатом самого командующего Развозова.

— Члены судового комитета обещали «доставить товарища Дыбенко с ветерком», — сказал Вася.

Марусев и Маркин проводили Дыбенко и «из рук в руки» передали двум матросам с «Громящего».

5 сентября 1917 года Дыбенко возвращался в Главную базу.

В кубрике среди друзей быстро пролетело время. Уже когда корабль приближался к Гельсингфорсу, Дыбенко решил представиться начальству. Поднялся наверх. На палубе обдало морской прохладой и окропило соленой пылью. Штормило, волны хлестали о борта. Легкий на ходу «Громящий», врезаясь острым форштевнем в белесые волны Балтики, шел на большой скорости.

На мостике Дыбенко заметил Развозова. Ему за пятьдесят, среднего роста, довольно упитанный. Услышав шаги, оглянулся и, увидев Дыбенко, тут же перевел взгляд на командира: «Почему этот бородач на корабле?» Молодой черноглазый лейтенант недоуменно пожал плечами. «Для начала неплохо», — подумал Дыбенко.

— Явился, чтобы представиться гражданину командующему и заявить, что командир не знал о присутствии на «Громящем» политически поднадзорного, — произнес Дыбенко.

— Мне известно от морского министра Вердеревского, что бывший председатель Центробалта унтер-офицер Павел Дыбенко освобожден из «Крестов», — процедил командующий. — Однако вам запрещено возвращаться в Главную базу...

— Совершенно верно. Я дал расписку. Да вот беда, в тюрьме флотская форма сильно поизносилась, вещи же мои остались на «Полярной звезде». Не могу же я в таком затрапезном виде ходить по столице, позорить революционный Балтийский флот. Как только приведу себя в надлежащий вид, мигом вернусь в Петроград под бдительное око гражданина Керенского. — Про себя же подумал: «Черта с два я покину Главную базу!»

Дыбенко спросил Развозова:

— Правда ли, будто теперь гражданин командующий и Центробалт живут в ладах, редко спорят.

— Мы делаем одно революционное дело, делить нам вроде нечего, — ответил Развозов и отошел в дальний правый угол мостика, дав понять, что разговор закончен.

«Мы делаем одно дело, да еще и революционное?! — Дыбенко

покачал головой. — Значит, глубоко увяз Центробалт в соглашательском болоте. Ничего, скоро кончится эта спокойная жизнь!» Павел взял у штурмана бинокль, приставил к глазам: Гельсингфорс как на ладони...

«Громящий» входил в гавань. Все корабли на своих местах. Вот «Республика», «Петропавловск», «Слава»... Чуть в стороне у стенки «Полярная звезда», «Виола» будто ракушка прилипла к берегу. «Лучше бы Центробалт потерял роскошную царскую яхту, но сохранил революционные позиции», — нерадостно подумал Дыбенко.

Закончилась швартовка. Сошли на берег командующий и командир. «Сейчас полетит депеша в Петроград: «Дыбенко вернулся в Гельсингфорс». Вот уж взбесится Керенский!» Павел пожал руку рулевому, сигнальщикам, поприветствовал штурмана — молоденького мичмана, спустился по зыбкому трапу и пошагал к «Полярной звезде».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

КУРС — ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

Весть о возвращении Дыбенко в Главную базу встретили по-разному: большевики — с радостью и надеждой, меньшевики и эсеры — с нескрываемым раздражением. Матросы говорили: «Наведет Дыбенко порядок в Центробалте, вправит мозги соглашателям». Штабисты Черкасский и Ренгартен, совет флагманов, деятели «Союза офицеров-республиканцев» открыто упрекали Развозова: «Зачем доставили смутьяна?» — «Что я мог поделать?» — оправдывался командующий. — Дыбенко, будто черт из трубы, вывалился на мостик «Громящего». Князь Черкасский предложил немедленно выдворить Дыбенко из Гельсингфорса. Развозов поморщился: «Если хотите дело иметь с матросами, действуйте, Иван Иванович, окажу посильную помощь. Только лучше уж не связываться».

Дыбенко ежедневно встречался с товарищами. Они рассказывали ему о событиях, происшедших за те два месяца, пока Керенский держал его в «Крестах». Руководство Центробалтом захватили соглашатели, но основное ядро флота — экипажи линкоров, часть крейсеров и миноносцев — твердо стояло на большевистских позициях. И это главное...

10 сентября на «Полярной звезде» было многолюдно. В просторной каюте, в носовой части корабля, собрались активисты. Обсуждали создавшееся положение. Говорили о принятом 7 сентября решении, предлагавшем кораблям флота поднять на мачтах красные флаги и не спускать их до установления демократической республики. Поводом для такого решения послужило переименование Временным правительством Российской империи в «Республику», без слова «демократическая». Матросы быстро подметили этот существенный «пропуск». Первой запротестовала команда линкора «Петропавловск», к ней присоединилось объединенное собрание еще 19 кораблей. Вот и пришлось Центробалту принимать решение о подъеме красных флагов. Выступления носили бурный характер. Даже видный эсер, член Центробалта матрос Измайлов, раньше стоявший на соглашательских позициях, заявил тогда: «В настоящее время демократия увидела, что правительство не наше».

Резко и решительно выступил матрос с линкора «Петропавловск» Хайминов: «Мы подняли флаги с тем, чтобы ни один контрреволюционер

не посмел поднять восстание на флоте. Они будут висеть, пока не будут удовлетворены требования об установлении настоящей, демократической республики. Не имеет смысла давать доверие Временному правительству, так как нам не дали земли и ничего подобного... У нас ультиматум только людям, которые против демократической республики...»

— Надо срочно готовить второй съезд, — сказал Павел Дыбенко. — Если соглашательское большинство Центробалта станет возражать, а это наверняка будет так, пойдем на боевые корабли, в береговые части, к флотским массам.

С ним все согласились. И матросы поддержали: 15 сентября делегатское собрание частей Кронштадта потребовало срочно созвать съезд, переизбрать Центробалт. К кронштадтцам присоединились делегатские собрания Гельсингфорсской, Ревельской и других баз. По уставу для созыва съезда достаточно требования трех организаций. Центробалт вынужден был образовать подготовительную комиссию. Включили в нее и Дыбенко.

...Подготовка к съезду началась. На первом же заседании подготовительной комиссии Дыбенко высказал свое мнение по повестке дня.

— Надо составить ее так, — говорил он, — чтобы все было направлено на ограничение прав командного состава, на полное высвобождение флота от Временного правительства, на усиление роли Центробалта, объединения и сплочения вокруг него матросских масс.

Помог большевикам возникший как раз в это время конфликт между Центрофлотом и Временным правительством. Повод для конфликта был пустяковый: Центрофлот занял в Адмиралтействе свободную комнату, морской министр Вердеревский пожаловался Керенскому, тот взбесился, взял да и распустил выборную организацию моряков. Этим антидемократическим актом и воспользовались флотские большевики.

— Конечно, нас не устраивает соглашательский Центрофлот, — сказал на заседании подготовительной комиссии Дыбенко. — Уверен — съезд потребует его переизбрания. Но сегодня мы будем выступать в самой резкой форме против диктаторских замашек Керенского, всего Временного правительства, против нового наступления контрреволюции на наши демократические права.

Поддержал моряков и Антонов-Овсеенко, недавно вернувшийся из «Крестов». Он рекомендовал действовать смело, по-революционному.

19 сентября на «Полярной звезде» было многолюдно, шумно. На пленарное расширенное заседание Центробалта прибыли представители с

80 боевых кораблей и в полном составе матросская фракция Гельсингфорсского Совета. Собравшиеся тепло приветствовали вернувшегося из тюрьмы Дыбенко и единодушно избрали его председателем заседания.

Слушая гневные слова ораторов, Дыбенко еще раз убедился: «Нет, не остыл революционный накал балтийцев. Моряки сейчас защищают не соглашательский Центрофлот, а свои революционные завоевания». Выступил и Дыбенко.

— Никогда наши отношения с Керенским не улучшатся, — твердо сказал он. Раздались одобрительные возгласы: «Правильно!», «Долой Керенского!» — Действия правительства мы считаем контрреволюционными. Предлагаю следующий проект резолюции: «Считать роспуск нашей выборной организации Центрофлота незаконным и недопустимым... Пленарное заседание заявляет, что больше распоряжений Временного правительства не исполняет и власти его не признает...» Права же своих организаций мы будем отстаивать всеми имеющимися у нас средствами...

Резолюцию приняли... Это был открытый разрыв революционного Балтийского флота с правительством Керенского.

Дыбенко продолжил:

— Впредь только на таком языке мы будем разговаривать с Временным правительством. — После паузы сообщил: — Мы пригласили начальника штаба гражданина Зеленого, чтобы от имени пленарного заседания заявить: все оперативные боевые приказания командующего флотом будут исполняться беспрекословно.

Заявление это Дыбенко сделал по совету Антонова-Овсеенко. «Офицерство и черносотенные газеты, — говорил он, — клеветают на матросов, мол, они не хотят выходить в море, все время митингуют. Дайте отпор клеветникам».

С заседания Дыбенко поспешил к Антонову-Овсеенко, чтобы рассказать о принятом решении. Владимир Александрович с радостью заявил:

— Балтийцы зажгли костер, теперь будут подбрасывать горючее, чтобы ярче пылал. Сердечно поздравляю, Павел Ефимович, с хорошим началом.

Областной комитет армии, флота и рабочих Финляндии и Гельсингфорсский Совет присоединились к позиции Центробалта. 20 сентября областной комитет заявил, что до создания революционной власти в стране он берет в свои руки контроль над всеми правительственными

учреждениями и войсками Финляндии.

На призыв к открытому неповиновению правительству откликнулись матросы, солдаты, рабочие Кронштадта, Выборга, Ревеля...

Представитель ЦК, секретарь Гельсингфорсского комитета партии Аптонов-Овсеенко и Дыбенко действовали дружно, согласованно.

Владимир Александрович часто выступал на боевых кораблях. В одном из писем в ЦК он сообщал, что его приглашают на лекции в недавнем прошлом отсталые команды судов: «Олег», «Богатырь», «Адмирал Макаров», «Рюрик»... Даже на дредноут «Полтава», куда раньше большевиков вообще не допускали.

— Окрепло наше влияние на базах Ревеля, Або-Оланд, Моонзунде, где прежде побеждали эсеры и меньшевики. Авторитет соглашательских партий подорван, — говорил Антонов. — Недавно я посетил крейсера «Диана» и «Россия». Оба корабля можно считать большевистскими. Особое внимание, Павел Ефимович, обратите на демократически настроенных офицеров. Надо привлекать их на сторону революции. Очень понравился мне капитан 1-го ранга Модест Васильевич Иванов, командир «Дианы». На митинге он заявил: «Никогда я, русский офицер, не окажусь с теми, кто против народа».

— У Иванова есть нечто общее с адмиралом Максимовым, — сказал Дыбенко. — Керенский избавился от «адмирала революции», отправил его в отставку. Большевики Центробалта потребовали вернуть Максимова на флот, но соглашательское большинство не поддержало. Кроме Иванова и Максимова, к прогрессивным офицерам можно отнести Ружека, Альтфатера и некоторых других. Присматриваюсь к начальнику штаба Зеленому, думаю, настанет время, и он пойдет за нами.

Говорили о беседе морского министра, опубликованной в «Рабочей газете» 9 сентября 1917 года.

— Вердеревский заявил: «В ставке я убедился, что прикомандированный к штабу верховного главнокомандующего адмирал Максимов и другие офицеры совершенно не причастны к корниловскому заговору», — говорил Владимир Александрович.

— Иначе не мог поступить «адмирал революции», — заявил Дыбенко.

Обсудили ход подготовки к флотскому съезду, до открытия которого остались считанные дни.

Антонов-Овсеенко напомнил, что Центральный Комитет рекомендует создать институт комиссаров на кораблях.

На 2-й съезд представителей Балтийского флота прибыл 121 делегат — преобладали большевики и им сочувствующие. Самая многочисленная

группа расположилась на верхней палубе в носовой части «Полярной звезды». Моряк-красавец весело рассказывал, как он вырвался на свободу. Это был Анатолий Железняков, анархист, поддерживавший большевиков. Суд Временного правительства в июне 1917 года приговорил его к 14 годам каторжных работ. Железняков бежал из пересыльной тюрьмы и под фамилией Викторского пробрался в Кронштадт. Матросы избрали его своим делегатом на съезд.

На палубе появились Антонов-Овсеенко, Дыбенко, Аверичкин, Ховрин, члены подготовительной комиссии. Они приветствовали многочисленную демонстрацию моряков в поддержку съезда. Демонстранты шли по набережной близ «Полярной звезды» в Брунспарку.

Подняв над головой бескозырку, Дыбенко громко говорил:

— Мы собрались на свой флотский съезд не для улаживания бывших раздоров и споров, а чтобы спаять всех нас воедино, сковать единой волей и вести на борьбу, на баррикады.

По рядам демонстрантов разносится многоголосое «ура!».

Съезд открылся 25 сентября. В кратком вступительном слове Дыбенко призвал делегатов к сплочению, дружной работе, единству; сообщил, что на съезде присутствует представитель Центрального Комитета большевиков, секретарь Гельсингфорсского комитета партии товарищ Антонов-Овсеенко, недавно освобожденный из тюрьмы.

Выборы президиума прошли организованно, ни одна делегация не стремилась «протащить своих», как это было на прошлом съезде.

Дыбенко предоставил слово матросу учебного судна «Аргунь» Алексею Баранову. Он рассказал о так называемом Демократическом совещании, назвав его сборищем контрреволюционных сил, решивших покончить с революцией, Советами, армейскими и флотскими выборными организациями. Делегаты поддержали оратора выкриком «Долой временщиков!».

Взволнованно говорил Анатолий Железняков:

— Демократическое совещание — это новая уловка остановить волнуемую массу пролетариата, готового смести не только Временное правительство, но все то, что угнетало его веками... Вы просили мира, а вам дали наступление, унесшее несколько десятков тысяч жизней рабочих и крестьян. Только мы сами активной борьбой можем покончить с этой кошмарной бойней.

Все выступавшие говорили резко, требовали с оружием в руках обрушиться на ненавистное буржуазное Временное правительство. Это настроение отразила и резолюция. В ней говорилось: съезд предлагает

Петроградскому Совету взять на себя инициативу созыва Всероссийского съезда Советов, который и должен взять власть в свои руки. «Безответственному же министерству и выделенному из искусственно подтасованного демократического совещания предпарламенту, отвергшему защиту интересов обездоленных классов, доверия и поддержки от революционного Балтийского флота не будет ни на йоту...»

27 сентября 1917 года В. И. Ленин послал в областной комитет армии, флота и рабочих Финляндии письмо — своеобразную программу подготовки Балтийского флота и сухопутных войск к вооруженному восстанию. Прежде всего Владимир Ильич советовал создать тайный комитет из надежнейших военных. Этот орган, точнее, оперативный штаб должен собрать все сведения о противнике, его дислокации на фронтах, в столице, под Петроградом, а также обсудить план военных действий. Ленин считал необходимым «все внимание^[7] отдать военной подготовке финских войск + флота для предстоящего свержения Керенского»^[8]. Особое внимание Ленин обратил на политическую работу среди казаков. Связывая успех вооруженного восстания с войсками, расположенными в Финляндии, Ленин писал, что их вывод нельзя допустить «ни в коем случае»^[9].

Указания вождя легли в основу? дальнейшей работы Центробалта, стали боевой программой действий Гельсингфорсского комитета. Антонов-Овсеенко впоследствии писал, что письмо Ленина «возлагало громадную ответственность на нашу парторганизацию, ведущую за собой моряцко-солдатские массы ближайшего резерва к Питеру. Письмо требовало энергичной и немедленной подготовки к захвату власти».

...О нападении крупных сил германского флота на русские острова Моонзундского архипелага в Рижском заливе на «Полярной звезде» узнали 29 сентября. Делегаты съезда тревожно подумали: «Враг рвется к Петрограду! Не имеют ли отношение «корниловские приготовления» Керенского к действиям немецкого морского командования? Может, потому штаб флота и смотрел сквозь пальцы на стягивание вражеских кораблей и транспортов в Либаву? Ведь об этом знали давно, с августа, когда генерал Корнилов сдал Ригу. Немецкие аэропланы и цеппелины совершали постоянные налеты на Аренсбург, Рогоколь, Гапсаль, Куйвасто и другие пункты». Антонов-Овсеенко заметил:

— Бесспорно, силами и руками немцев Временное правительство если не само, то стоящими за его спиной банкирами, капиталистами и всей

буржуазией решило задушить приближающуюся пролетарскую революцию.

Однако никто из делегатов съезда еще не знал тогда о том, «что между русскими и английскими империалистами, между Керенским и англо-французскими капиталистами заключен заговор об отдаче Питера немцам и об удушении русской революции *таким путем*»^[10], не знали о намерении разоружить и сдать Кронштадт, не знали и о плане переселении правительства из Петрограда в Москву.

Только через несколько дней Антонов-Овсеенко и Дыбенко прочли в черносотенной газете «Утро России» разглагольствования монархиста Родзянко о стремлении русской буржуазии впустить германские войска в столицу. «Я думаю, бог с ним, с Петроградом», — писал председатель Государственной думы. И тут же оклеветал моряков Балтики, заявив: мол, флот «боевой силы не представляет», он «подымает белый флаг перед врагом»...

Для захвата Моонзундских островов противник сосредоточил свыше 300 кораблей, более двух третей своего флота! Десять новейших линкоров. Девять крейсеров. Эсминцы. Подводные лодки, свыше 100 самолетов и дирижаблей, 25 тысяч десантных войск. Командование же Балтийского флота выделило лишь два старых линкора: «Слава» и «Гражданин», три крейсера: «Баян», «Адмирал Макаров» и «Диана», тридцать аэропланов, три подводные лодки, находившиеся на островах Эзель, Моон и Даго, всего 123 корабля, 12 тысяч солдат и офицеров, 300 пограничников, батальон моряков гвардейского экипажа. Оборонительные сооружения, о которых в свое время Дыбенко напоминал Керенскому, так и остались недостроенными. Временное правительство ничего не предпринимало, чтобы обеспечить отпор врагу. Стоявшие во главе морских и сухопутных сил монархисты-корниловцы — вице-адмирал Бахирев, контр-адмиралы Свешников и Владиславлев — не пользовались доверием матросов.

Защиту Моонзундских островов возглавили большевистские организации флота, Центробалт. Комиссары и судовые комитеты взяли в свои руки непосредственное руководство боевыми действиями.

Второй съезд прервал работу, многие его делегаты, и среди них Дыбенко, отправились в район боев... Высокую сознательность проявили революционные моряки в моонзундском бою — самой крупной операции первой мировой войны на Балтийском море. Немцы понесли большие потери — 16 кораблей, в том числе 10 эсминцев и 6 тральщиков; было серьезно повреждено 3 линкора и 13 миноносцев и другие корабли и суда.

Балтийцы потеряли один старый линкор «Слава», эскадренный миноносец «Гром», 4 транспорта; 7 кораблей получили незначительные повреждения.

...Второй съезд возобновил работу. Каждое утро перед началом пленарных заседаний съезд заслушивал сообщения представителя штаба флота лейтенанта В. Демчинского о боевых действиях в районе Моонзунда. Делегаты знали об отваге команд кораблей, артиллеристов Вердера, Техконы, Симпернеса, Цереля... Всюду моряки сражались храбро.

Их лозунг: «Умрем или победим!»

«Воюют геройские матросы, — писал Ленин, — *но это* не помешало двум адмиралам *скрыться* перед взятием Эзеля!!.. Факты доказывают, что адмиралы *способны* предавать не хуже Корнилова...»^[11]

Лишь немцы начали высаживать десант в бухте Тагелахт, командуящий моонзундской позицией контр-адмирал Свешников удрал на материк, с ним начальник штаба капитан Реек и другие офицеры, бросил войска на произвол судьбы. Дезертиры даже не позаботились уничтожить секретные документы, они попали в руки противника.

Удрал в неизвестном направлении и командуящий дивизией подводных лодок контр-адмирал Владиславлев.

Были трусы и предатели помельче рангами.

— Начальник боевого участка лейтенант фон Кнюпфер сдал неприятелю батарею Цереля, — доложил Дем-чинский съезду.

Съезд потребовал предать Кнюпфера суду...

Еще волнение делегатов не улеглось, когда Дыбенко сообщил о приказе-воззвании Керенского, обвинившего геройски сражавшихся матросов в недисциплинированности, небоеспособности, но ни словом не обмолвившегося о действительных предателях и трусах — адмиралах и офицерах. Какое негодование поднялось на «Полярной звезде»!

— Так поступают только провокаторы! — крикнул Антонов-Овсеенко. — Мы не можем не ответить на политическое хулиганство Керенского.

Дыбенко написал резолюцию, читал ее громко, голос дрожал от гнева: «Требовать от Всероссийского комитета Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов и Цептрофлота немедленного удаления из рядов Временного правительства... авантюриста Керенского как лицо, позорящее и губящее своим бесстыдным политическим шантажом в пользу буржуазии и великую революцию, а также вместе с нею весь революционный народ.

Тебе же, предавшему революцию, Бонапарту-Керенскому, шлем проклятия в тот момент, когда наши товарищи гибнут под пулями и снарядами и тонут в волнах морских...»

Позднее Дыбенко запишет: «Бессильные и злобные угрозы Керенского не смущают съезд. Керенские для флота не существуют...»

Делегаты продолжали обсуждать вопросы повестки дня. Дыбенко заявил, что нынешний устав мало чем отличается от прошлого, принятого 1-м съездом и отмененного после июльских событий Керенским. «В него мы внесли некоторые уточнения и дополнения и не поедем в Петроград просить министра поставить свою подпись под этим уставом. Сами его обсудим и утвердим».

Так и постановили: «Считать устав вошедшим в законную силу со дня его утверждения 2-м съездом представителей Балтийского флота, т. е. 30 сентября, Центрофлоту же и министерству послать для сведения».

По решению съезда на флоте ввели комиссаров. Им вменялось в обязанность вместе с дежурным офицером штаба или командиром корабля расшифровывать все поступающие радиogramмы, вскрывать и читать секретную корреспонденцию. Комиссар при штабе командующего флотом должен был санкционировать все отдаваемые приказы; без подписи комиссара даже командировочные предписания считались недействительными.

Временное правительство телеграфно потребовало от съезда отменить это решение. Съезд постановил телеграмму не обсуждать и не отвечать на нее.

Делегаты осудили политическую линию соглашательского Центрофлота, потребовали созвать Всероссийский съезд военных моряков. Постановили переизбрать и не оправдавший доверие масс Центробалт. Избрали делегатов на съезды Советов — II Всероссийский и Северной области. Дыбенко — делегат обоих съездов.

На утреннем заседании 5 октября было предоставлено слово Антонову-Овсенко. Он огласил воззвание «К угнетенным всех стран», призывавшее пролетариев к восстанию против угнетателей. В воззвании говорилось, что борьба русских моряков с германским флотом в Моонзундском архипелаге — лучшее доказательство исполнения долга перед революцией. «Мы обязались, — указывалось в воззвании, — твердо держать фронт и оберегать подступы к Петрограду. Мы выполним свое обязательство. Мы выполняем его не по приказу какого-нибудь жалкого русского Бонапарта, царящего милостью долготерпения революции. Мы идем в бой не во имя исполнения договоров наших правителей с союзниками, опутывающих цепями руки русской свободы. Мы исполняем верховное веление нашего революционного сознания».

Воззвание опубликовали в газетах и передали по радио с кораблей

«Республика» и «Петропавловск» на английском, немецком и польском языках.

Съезд подошел к концу. Закрывая его, Дыбенко взволнованно говорил, что съезд... «своей объединенной работой... доказал, насколько мы представляем сплоченную массу, которая за конечные цели революции будет сражаться до последней капли крови...».

— Я верю, что, разъезжаясь по местам, мы не покладая рук будем работать, чтобы стальным кольцом сплотить всю массу и по первому призыву наших истинных вождей выступить на баррикады, дать открытый бой нашим вечным угнетателям. Наш флот, который заклеен желтой прессой и на который посягает мировой блок хищников буржуазии, должен напрячь последние силы и с еще большей энергией выступить на борьбу против своих вековых врагов. За единение флота, за его бесстрашные подвиги борьбы против угнетателей — ура!..

В своих воспоминаниях Дыбенко записал: «Под долго не смолкающие крики «ура» делегаты разъезжаются на корабли, чтобы не опоздать организовать поход и быть своевременно готовыми к баррикадным боям... Эти десять дней являются историческими в жизни и деятельности Балтийского флота в 1917 году, накануне Великого Октября. День 5 октября является историческим еще и потому, что с этого дня флот больше не знал приказов Керенского. Во флоте восторжествовала власть Советов».

...Делегаты разъехались, а на «Полярной звезде» по-прежнему многолюдно; в салоне, каютах, на палубе — всюду матросы, солдаты; одни заседают в различных секциях и комиссиях, спорят до хрипоты, другие спокойно беседуют. Кто-то забежал за газетами, листовками, кому-то требуется разъяснить «каверзный вопрос мирового масштаба». У Дыбенко ни минуты свободного времени. Ежедневно выступал он на кораблях, рассказывал о принятых флотским съездом решениях, о приближающихся боях за власть Советов. Но и Центробалт не выпускал из поля своего зрения. Присутствовал на заседаниях, помогал... 9 октября ЦКБФ обсуждал весьма важный вопрос. Речь шла о том, что офицеры и их «союзы», чтобы отвлечь от политики матросов, пытаются спаивать их. Большевики объявили войну с пьянством, вынесли вопрос на обсуждение Центробалта. Бурным было это заседание. Особенно громко кричали эсеры и анархисты. Дыбенко слушал внимательно, вспоминал своего наставника, старого революционера Охоту, сказавшего однажды: «Революцию совершают трезвые люди». Он тоже выступил: «Думаю, товарищи, настало время объявить решительный бой пьянству, а стало быть, ударить и по тем,

кто ему потворствует», — заключил он. Его поддержали. Через месяц ЦКБФ вернется к вопросу о пьянстве и примет строгое решение: «Все воинские чины морского ведомства независимо от чинов и звания, замеченные в пьяном виде, лишаются в первый раз 25 процентов своего месячного жалованья на один месяц, во второй раз — 50 процентов — на два месяца и третий раз — 75 процентов — на три месяца. Деньги, удержанные судовыми комитетами, как мера наказания за пьянство, идут на культурно-просветительные цели своей части».

Постановление Центробалта о борьбе с пьянством матросы называли «сухим законом» и строго выполняли его. Не признавали «закон» лишь анархисты.

На заседании Центробалта 9 октября присутствовал американский социалист, писатель-публицист Альберт Вильямс. В кратком выступлении он приветствовал балтийских моряков от имени трудящихся Америки. «Да здравствует свободная Россия! Да здравствует русская революция!» — закончил он свою речь...

...Началась подготовка к выборам в Учредительное собрание. Гельсингфорсский комитет РСДРП (б) выдвинул кандидатами от Балтийского флота Владимира Ильича Ульянова (Ленина) и Павла Ефимовича Дыбенко. Об этом Павлу сообщил Антонов-Овсеенко.

— Постараюсь оправдать высокое доверие, — сказал Дыбенко и добавил: — Быть рядом с товарищем Лениным для меня большая честь.

Вместе с членами Центробалта, партийными активистами Павел выступал на собраниях, рассказывал о Ленине, отстаивал предвыборную платформу большевиков...

Позвонили из городского комитета партии, напомнили: завтра открывается съезд Советов Северной области, надо выезжать в Петроград.

Решение созвать съезд приняла Финляндская областная партийная конференция большевиков. Вначале предполагали собраться в Гельсингфорсе. Необходимо было создать вокруг революционного Петрограда железное кольцо. Была принята составленная Антоновым-Овсеенко резолюция. Организационное бюро по предложению большевиков было создано из представителей областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, Гельсингфорсского Совета и Центробалта. В него вошли Антонов-Овсеенко, Дыбенко, Крыленко и другие товарищи.

5 октября Центральный Комитет РСДРП (б) постановил созвать съезд в столице и привлечь к участию Петроградский и Московский Советы, чтобы объединить силы обширного района для боев за свержение

Временного правительства.

...Открылся съезд 11 октября 1917 года в актовом зале Смольного. На нем были представлены силы, которым предстояло сыграть первостепенную роль в проведении вооруженного восстания, — Балтийский флот и финские войска, бойцы Северного фронта и многочисленных тыловых гарнизонов. Собрались 94 делегата: 51 большевик, 24 левых эсера, остальные — интернационалисты, меньшевики-оборонцы. Здесь представители Петрограда, Москвы, Кронштадта, Гельсингфорса, Выборга, Ревеля, Нарвы, Вальмара, Новгорода, Старой Руссы, Гатчины. Утром, еще до начала первого заседания, собралась большевистская фракция. Николай Васильевич Крыленко зачитал «Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области» В. И. Лепина.

Дыбенко слушал внимательно, старался запомнить все, его писал вождь. Владимир Ильич анализировал внутреннюю и международную обстановку, указывал на необходимость немедленной подготовки вооруженного восстания против буржуазного Временного правительства.

«Промедление смерти подобно, — медленно читал Крыленко. — Лозунг: «Вся власть Советам» есть лозунг восстания».

Особенно врезались в память Павла слова Ленина: «Дело в восстании, которое *может* и должен решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель».

Флот, Кронштадт, Выборг, Ревель могут и должны пойти на Питер, разгромить корниловские полки, поднять обе столицы, двинуть массовую агитацию за власть, немедленно передающую землю крестьянам и немедленно предлагавшую мир, свергнуть правительство Керенского, создать эту власть»^[12].

Дыбенко от имени моряков Балтийского флота ответил на письмо товарища Ленина.

— Спасти Балтийский флот, революционный Петроград и революцию может только Советское правительство, которое предложит мир всем народам, — громко сказал он. — Флот категорически отказался выполнять какие бы то ни было приказы Временного правительства. Он выполнит приказы комиссаров Советов и Советского правительства. Все силы и средства Балтийского флота в распоряжении съезда. В любой момент флот по вашему зову готов к выступлению...

13 октября после избрания исполнительного комитета, в который вошел и Павел Дыбенко, съезд завершил работу.

Прежде чем разъехаться, делегаты побывали на многих петроградских

предприятиях и в воинских частях. Дыбенко вместе с Антоновым-Овсеенко выступил на митинге в цирке «Модерн». Старое деревянное здание на Петроградской стороне после Февральской революции стало центром массовых собраний и митингов. Здесь горячо спорили и отстаивали свои «линии» и «платформы» представители всех многочисленных партий и течений; нередко дело доходило до рукопашных потасовок. На нынешнем митинге царило единодушие. «Рабочие, работницы и солдаты Петроградского гарнизона, — вспоминал позднее Дыбенко, — требовали немедленного свержения Временного правительства. Не давали говорить меньшевикам. Доживает свои последние дни заживо погребенное правительство...»

Перед отъездом в Гельсингфорс встретился с Антоновым-Овсеенко, который теперь оставался работать секретарем Петроградского военно-революционного комитета. Председатель — Николай Ильич Подвойский. Дыбенко с большой радостью узнал, что В. И. Ленин дал согласие баллотироваться в Учредительное собрание от балтийских моряков. Потом перешли к делам балтийцев. Рекомендовал Центробалту все внимание сосредоточить на военно-технической подготовке к вооруженному восстанию, следить за действиями штаба; подчеркнул, что флотские корниловцы вынашивают злое планы разоружения Кронштадта и сдачи революционного Петрограда немцам; с высоким пафосом говорит о приближении решающих дней, о том, что о начале штурма Центробалт получит телеграмму за подписью Я. М. Свердлова или его, Антонова-Овсеенко. Сообщил условный пароль. И, уже прощаясь, как бы между прочим сказал, что сегодня в Гельсингфорс выезжают Шейпман и Коллонтай, просил принять их с флотским гостеприимством.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПЕРЕД ВЕЛИКИМ ШТУРМОМ

Вагон переполнен матросами. Оживленным беседам и спорам нет конца. Далеко за полночь, а все еще продолжают спорить.

— Ну хорошо, власть перейдет к Советам, а дальше что? Кто-нибудь же будет во главе. Не весь же съезд будет управлять.

Другой старается объяснить:

— Ну и чудак же ты, кричишь: «Вся власть Советам!», а сам ни черта не понимаешь, как это Совет будет управлять. В судовых комитетах есть же председатели, так и в Совете, он и будет старше всех.

Долго еще продолжались споры о кандидатуре председателя и кандидатов в советские министры. Без министров не мыслили себе Советской власти. Под утро, утомленные спором, засыпают; в вагоне тишина.

Около 8 часов утра на станции Рихимяки Дыбенко встретил Шейнмана и Коллонтай. Подошел, поздоровался.

— Теперь, Александра Михайловна, у нас совсем другое настроение, чем было в мае, во время вашего приезда, — сказал Павел. — Хорошо, если бы вы на общем собрании обрисовали хотя бы в общих чертах структуру Советской власти. Наметили бы кандидатов в правительство.

— Ваш флот уж очень самоуверен. Заранее им и кандидатов в правительство подавай. — Коллонтай улыбается. — Ну кого же вам?

Свисток паровоза оборвал разговор.

Утро Павел провел в хлопотах: все время приходили люди. Активистам рассказывал о прошедшем съезде Советов Северной области, о письме В. И. Ленина, о скором вооруженном восстании против Временного правительства, переходе всей власти в руки Советов...

Днем в Гельсингфорсском Совете назначено общее собрание всех комитетов с участием представителей от команд и рот. Выступают товарищи из Петрограда. Поспешил на Мариинскую в Совет.

Зал переполнен, с трудом пробирался в президиум. Выступала Коллонтай.

Говорила о структуре Советской власти.

«Будто власть уже в наших руках, — думает Павел. — Не призывает к восстанию, понимает, что среди матросов это излишне. У нас все готово».

— У себя вы уже совершили переворот, — продолжает оратор. — Теперь от вас ждет помощи Петроград.

— Давайте сигнал! — крикнул Дыбенко. — Явимся без опозданий!

16 октября 1917 года приступил к работе Центробалт нового, четвертого состава (созыва) из 60 человек. Подавляющее большинство — члены РСДРП (б) и им сочувствующие. Меньшевики, эсеры, анархисты, захватившие руководство ЦКБФ после июльских дней, проводившие политику соглашения с буржуазией, окончательно себя разоблачили, и матросские массы отвернулись от них, не оказали им доверия на выборах. В президиум ЦКБФ вошли: председатель Дыбенко, два его заместителя — Евдокимов и Баранов, секретари — Аверичкин и Рямо.

На следующий день, 17 октября, состоялось пленарное заседание Центробалта. Дыбенко рассказал о письме В. И. Ленина, присланном делегатам съезда Советов Северной области, о решениях этого съезда.

Постановили: срочно установить на кораблях и береговых частях боевые взводы, которые «по первому требованию поступают в распоряжение Центробалта», установить контроль за всеми видами снабжения, в том числе за арсеналом Свеаборгской крепости...

Центробалт объявил мобилизационную готовность; после семнадцати часов личному составу запрещалось покидать корабли и подразделения.

Действовали и штабные корниловцы: они разрабатывали план уничтожения крепости Кронштадт и боевого ядра Балтийского флота. Идейным вдохновителем такого плана был кандидат в члены Учредительного собрания от реакционного офицерства Ренгартен; суть этого плана — открыть немцам дорогу для захвата Цетрограда с моря. «Идею» Ренгартена разделял комфлота Развозов. Постановление совета флагманов от 18 октября, на котором присутствовали адмиралы Бахирев, Черкасский, Старк, Вейс, Пилкин и другие, полностью отразило чудовищный план гибели флота. В этом постановлении, адресованном Временному правительству и главнокомандующему Северного фронта, боеспособность Балтийского флота, по сути дела, сведена на нет: «Судьба Финляндии и подступов к столице преимущественно зависит от воли противника, ибо надежное владение нами этим районом ничем не обеспечено». О матросах сказано: «...подъем духа команд действительно достаточен, чтобы выйти и вступить в бой. Но... этот подъем может быть сломлен противником в самое короткое время». Командир 1-й бригады крейсеров контр-адмирал Пилкин спросил тогда командующего флотом контр-адмирала Развозова:

— Не сделает ли Временное правительство из принятого

постановления вывод *со необходимости* заключения мира»?

— Нет, — ответил Развозов. — Может быть, надо еще отступить верст на 500.

О совещании флагманов, о том, что протокол с нарочным направлен министру и командующему Северным фронтом, Федор Аверичкин доложил председателю Центробалта.

— С нарочным! — резко произнес Дыбенко. — Боятся господа телеграфом воспользоваться. Знают, что мы быстро расшифруем их замыслы. Что же, примем и мы необходимые меры предосторожности.

Центробалт потребовал от комиссаров строго следить за всеми средствами связи штаба флота, частей, соединении, укрепрайонов. В дополнение к инструкции, утвержденной 2-м съездом балтийцев, Дыбенко написал указание для комиссаров, отвечающих за связь и оперативную переписку штаба флота: «Ни единой строчки без нашей визы!»

Заволновалось начальство. Раздался телефонный звонок Развозова:

— Без приказа министра категорически отказываюсь признавать действия Центробалта правильными.

Павел Дыбенко доволен: «Значит, допекли», — а в трубку сказал:

— Конфликты, если они возникнут между комиссарами и штабом, а также службой связи, будут в срочном порядке рассматриваться на президиуме Центробалта. — И добавил! — Мы установили строгий контроль за всеми видами связи и попросили Петроградский военно-революционный комитет и Кронштадт обратить внимание на почтовые учреждения, их телеграф и юзоаппараты и поставить их под строгий контроль, поэтому никакого приказа министров не требуется, их связь тоже под контролем.

Развозов заявил:

— Остаюсь при своем мнении.

Дыбенко напомнил комфлота:

— Еще в начале октября Финляндский областной Совет оповестил рабочих, матросов и солдат, что контроль над правительственными учреждениями им осуществляется со всей строгостью, тыл революционного Петрограда бдительно охраняется. Когда-то Верховский приказал арестовать комиссаров областного Совета, его предупредили: «Всякую попытку ареста наших комиссаров будем рассматривать как акт корниловский. И ответим на него по-революционному...»

Конечно, Павел не стал объяснять комфлота, что представители Центрального Комитета партии направлены и успешно трудятся во всех армиях: у соседей, в 12-й армии — Сергей Михайлович Нахимсон, на

Северном фронте — Константин Степанович Еремеев — оба журналисты, отличные пропагандисты и агитаторы!

Жаловался Развозов на Центробалт во все инстанции, только большинство его жалоб попадало к Дыбенко. Да и чем могли помочь Развозову морской или военный министр, если 2-й съезд представителей Балтфлота заявил о непризнании Временного правительства. Ничего не мог сделать и командующий Северным фронтом, к которому также обращался Развозов: у Черемисова с каждым днем все новые и новые полки и дивизии переходили на сторону большевиков, а меньшевики и эсэры — опора офицеров — теряли авторитет у солдатских масс...

В областном Совете Дыбенко узнал о завершении подготовки к восстанию в финляндском гарнизоне, на Северном фронте и во всех других гарнизонах, опоясывающих Петроград.

Дыбенко доволен: «Значит, решающий день приближается». Он информировал комитет партии о флотских делах, посетовал на нехватку винтовок, пулеметов, наганов, патронов. Сказал, что Центробалт послал в Петроград Николая Измайлова за оружием. Надеется, что сумеет его достать в Адмиралтействе.

Измайлов вскоре вернулся на «Полярную звезду», признался, что маловато привез, назвал количество.

У Павла Дыбенко родилась новая идея: «занять» оружие у финских белогвардейцев. «Попутно разведаем, не ударят ли они нам в спину в решающий момент?..» Направился в городской комитет партии посоветоваться.

Там одобрили его идею. Да еще сообщили, что финская белая армия вместе с русской контрреволюцией готовится нанести революционной Балтике удар в момент начала вооруженного восстания в Петрограде. Рекомендовали проверить, предупредили, чтобы моряки первыми в драку не лезли.

В Тавастгусский район, к месту сосредоточения частей финских белогвардейцев, направился матросский отряд. Грузовики шли по дороге, пролегающей по густому хвойному лесу. В кабине головной машины рядом с водителем сидел Николай Измайлов. В закрытом кузове около маленького оконца пристроился переводчик-финн, слесарь Свеаборгского арсенала Иоганс Скотт, хорошо знавший местность.

Стрельба началась внезапно. «Засада!» — успел крикнуть Скотт. Пуля сразила его. Матросы рассыпались по лесу, открыли огонь. Белофинны разбежались, оставив 12 трупов. Моряки потеряли шофера и переводчика. Трое ранены, в их числе незначительно Измайлов.

Дыбенко поспешил в партийный комитет, чтобы доложить и о случившемся, и о ремонте кораблей, предназначенных для похода в Петроград. Все члены комитета были в сборе. Заменявший Антонова-Овсеенко Шейнман предоставил Дыбенко слово.

— Для меня абсолютно ясно, — начал Павел Ефимович. — Финские белогвардейцы действовали по заданию русских генералов, адмиралов, офицерских «союзов». Нам необходимо принять срочные меры, обезопасить свой тыл. Предлагаю от имени Центробалта, областного комитета и Гельсингфорсского исполнительного комитета ввести в Финляндии военное положение.

— Это, пожалуй, верно, — бросил реплику Шейнман. — Дельное предложение. Проведем в жизнь.

— Теперь о главном, — продолжал Дыбенко, — о ремонте миноносцев, об их готовности. Заверяю партийный комитет от имени Центробалта — корабли по сигналу из Петрограда будут отправлены в столицу, несмотря на скрытое противодействие комфлота. Развозов не перестает твердить о нейтралитете. «Не будем, — говорит, — помогать ни Временному правительству, ни большевикам, флот существует для защиты государства, он вне политики».

— Что означает «вне политики», нам известно, — бросил реплику Жемчужин.

— Развозов и его адмиралы готовы не только отвести флот на пятьсот километров, но вообще сдать на милость немцам, лишь бы избавиться от большевиков, покончить с революцией, — говорит Дыбенко. — Кронштадтцы на приказ Керенского разоружить крепость решительно ответили: «Не бывать этому!» Командующему и его окружению никаких уступок. Ни на йоту! Теперь Развозов не распоряжается флотом. Центробалт командует! — закончил свое выступление Дыбенко.

Военное положение в Финляндии ввели 21 октября. Ни паники, ни страха у населения оно не вызвало. В Гельсингфорсе тихо, спокойно. Город охраняли усиленные патрули моряков. Анархисты попытались было захватить матросский клуб, но активисты «Республики» быстро уgomонили бузотеров.

В Главной базе и городе шла усиленная кропотливая подготовка к восстанию.

Центробалт утвердил тройку с неограниченными полномочиями, в нее вошли П. Е. Дыбенко, Н. Ф. Измайлов и Ф. С. Аверичкин.

Центробалтовцы работали дружно, напряженно. Много времени и внимания уделяли кораблям, предназначенным для похода в Петроград.

Экипажи заканчивали ремонт механизмов, машин, оружия.

Дыбенко все проверил лично. Созвал руководителей судовых комитетов, проинструктировал, что они должны делать в момент восстания, напомнил, чтобы на «Полярной звезде» взяли красные полотнища с надписью «Вся власть Советам!»...

23 октября Центробалт в специальном обращении призвал Петроградский, Кронштадтский и все Советы «быть истинными и стойкими баррикадными борцами за права угнетенного класса и за передачу власти в руки самого народа, истекшего кровью.

Балтийский флот не дрогнет ни перед какими силами реакции и врагов революции».

В этот же день Дыбенко присутствовал на собрании демократических организаций Гельсингфорса, обсуждавших вопрос о свержении Временного правительства. Большевики выступали организованно, отстаивали линию партии на вооруженное восстание. Эсеры, меньшевики кричали: «Несвоевременно!» Поднялся Дыбенко. От имени Центробалта он решительно высказался против каких бы то ни было уступок соглашателям. «К концу заседания оглашается резолюция Центробалта, — вспоминает он, — в ней говорится, что никаких отступлений от решения съезда Балтийского флота, никаких компромиссов флот не признает. Если даже собрание вынесет обратное решение, фракция большевиков Совета и Центробалт берут на себя ответственность за выступление. Члены Центробалта — левые эсеры — единогласно голосуют за резолюцию Центробалта. Резолюция проходит».

С собрания Дыбенко отправился на миноносцы. Задержался на «Забияке». Этот корабль требовал большого ремонта, надо было на всякий случай подготовить замену. Товарищи подсказали — в Петроград может пойти «Деятельный». Побывал на нем Дыбенко, поговорил с командой. «Все будет в порядке!» — дружно ответили матросы.

На «Полярной звезде» встретил посетителей с разных кораблей: «Направляйте нас в Петроград свергать правительство Керенского!» Председатель ЦКБФ приказал всем разойтись и ждать распоряжений.

Дежурный Федор Аверичкин доложил:

— Как договорились, в Гельсингфорсе арестовали последних представителей Временного правительства. Все боевые роты ждут приказаний, рвутся в бой. Николай Измайлов только что сообщил с товарной станции: эшелоны будут к 18 часам...

В 16 часов Павел открыл расширенное заседание Центробалта, на котором «еще раз все корабли заявили о своей полной готовности и

требовали немедленной посылки достаточных сил в Петроград».

Крейсеру «Аврора», заградителю «Амур», 2-му балтийскому и гвардейскому экипажам, команде Эзеля (эта команда после эвакуации острова находилась в Петрограде) послали радиogramму: подчиняться только Петроградскому военно-революционному комитету.

Поздно вечером 24 октября Дыбенко провел второе пленарное заседание Центробалта. Его участники одобрили сообщение об открытии в Петрограде 25 октября II съезда Советов и приняли решение: Балтийский флот «поддержит борьбу съезда за власть всеми своими вооруженными силами». Комиссару эскадренного миноносца «Самсон» Григорию Борисову поручили доставить это решение в президиум съезда.

Все центробалтовцы получили указания выполнять распоряжения только тройки — Дыбенко, Аверичкина, Измайлова... Один из них безотлучно дежурил на «Полярной звезде».

Дыбенко поспешил на железнодорожную станцию. Ровно в полночь прибыли первые роты моряков. Организованно погрузились в вагоны. Эшелоны ушли без опозданий.

— Счастливого пути, товарищи!

Дыбенко стало известно, что Развозов и его штаб не успокоились, всячески препятствуют походу кораблей в Петроград.

— Ничего они сделать не смогут, — говорил Павел своим товарищам.

Поставленный под неослабный контроль комиссаров, командующий не в силах изменить события. Приказы Развозова без санкции Центробалта не имеют силы, их на местах не выполняют.

Новый сигнал: начальник оперативного отдела штаба флота Ренгартен вызывал на «личную беседу» командиров.

— Если только миноносцы не придут вовремя в Петроград, этого корниловца вытащим на «Полярную звезду», спросим по законам революции! — зло сказал Дыбенко.

По приказу Центробалта в 9 часов утра гавань покидают четыре эскадренных миноносца: «Меткий», «Забияка», «Самсон», «Деятельный» (вместо «Страшного», на котором не удалось завершить ремонт) и посыльное судно «Ястреб». Медленно выравниваясь в кильватерную колонну, они проходят мимо «Полярной звезды». «Пх стены украшены красными стягами с надписью: «Вся власть Советам!», — вспоминает Дыбенко. — Команда на миноносцах и остающихся кораблях стоит во фронт. Оркестры музыки и громовые раскаты «ура!» провожают в Петроград на борьбу. Брунспарк, залитый утренним солнцем, заполнен народом. Тысячи ликующих взоров рабочих и недоумевающие взгляды

обывателей провожают уходящих. Миноносцы, миновав Гельсингфорские ворота, прибавили ход, оставляя позади разрез пенистых волн тихого моря. Кажется, с быстротой молнии промчались они вперед. Их не остановят теперь подводные лодки и не преградят путь к Петрограду. Они спешат, стараются не опоздать...»

«Самсон», «Забияка» пришли в Петроград около 10 часов 25 октября и встали неподалеку от «Авроры» и минного заградителя «Амур». Почти в это же время из Биорки подоспело учебное судно «Верный». Матросы высадились на берег и двинулись к Зимнему дворцу. Своевременно появились в столице и кронштадтцы. Вместе с солдатами, красногвардейцами, рабочими отрядами они пошли на штурм Временного буржуазного правительства.

Гельсингфорские эшелоны несколько опоздали. Саботажники железнодорожной станции Выборг дали неисправный паровоз, и его пришлось менять в пути. Задержался и «Меткий». Командир его, действуя по совету каперанга Ренгартепа, избрал самый длинный путь шхерным районом, простоял ночь в Биорки и лишь в 14 часов 26 октября вошел в Неву...

О происходящем в Петрограде Дыбенко узнавал из телеграмм и разговоров по прямому проводу с моряками — делегатами II съезда Советов. Дважды вызывал Алексей Баранов.

— Правительство Керенского свергнуто, — сообщил он. — «Аврора» ведет себя героически. До сих пор из Гельсингфорса нет поддержки. Ленин избран главой правительства. Состав военной коллегии: Антонов-Овсеенко, Крыленко и ты. Павел, ты должен немедленно выехать в Петроград.

Очень хотелось Павлу Дыбенко в эти решающие часы быть в столице, но обстановка не позволяла, и он ответил Баранову: «Считаю совершенно неправильно в данный момент отрывать меня от флота. В Петрограде вас много. Когда будете уверены в успехе и больше от флота не потребуется поддержки, тогда и выеду. Поддержка вам выслана и с минуты на минуту должна прибыть».

Поздно вечером 26 октября к прямому проводу Дыбенко вызвал Николай Ховрин, сказал, что состав Центрофлота, за исключением матросов-большевиков, вошел в контрреволюционный «Комитет спасения родины и революции», что Керенский утром 25 октября бежал из Петрограда. Ховрин также настаивал, чтобы Павел прибыл в столицу.

Еще до разговора с Ховриным Дыбенко послал радиogramму всем морским силам: «25 октября власть перешла в руки Советов. Временное правительство арестовано... Всем бдительно следить за сохранением

боевой мощи, охраной постов. Все постановления Центробалта исполнять точно, немедленно. Соблюдать спокойствие, помня, что Центробалт стоит на страже революции».

Написал и отправил по радио обращение Центрального Комитета Балтийского флота, призывавшее все судовые комитеты, воинские гарнизоны, население и железнодорожных служащих «принять самые энергичные меры, чтобы задержать Керенского и доставить его в распоряжение Петроградского революционного комитета».

Всю ночь на гельсингфорсской товарной станции Дыбенко, Аверичкин и Измайлов отправляли в столицу новые матросские отряды.

Утром Дыбенко отбыл в Петроград. Его вызвал В. И. Ленин.

Н. И. Подвойский вспоминает: «По распоряжению тов. Лепина в эту ночь (с 27 на 28 октября. — И. Ж.) тов. Дыбенко было отдано приказание выехать из Гельсингфорса во главе отряда матросов, что значительно увеличивало наши силы. Из Кронштадта для поддержки нашего правого фланга около Ораниенбаума был вызван крейсер».

Дела Центробалта Дыбенко передал Николаю Измайлову; хотя и недолго любил его за резкий характер, иногда излишнюю грубость, но уважал как делового, исполнительного работника. Недавно Измайлов вступил в РСДРП (б), до этого был левым эсером, но в принципиальных вопросах всегда поддерживал большевиков.

Сердечно попрощавшись с прибывшими на вокзал соратниками, пожелав им высоко держать знамя Центрального Комитета Балтийского флота, Павел Дыбенко поднялся на ступеньки вагона и долго махал бескозыркой. Прикрыв дверь, смотрел через стекло: мелькали здания окраин Гельсингфорса, потом домики хуторян... «Вот и наступил на нашей улице праздник, дорогой товарищ Охота, — вспомнил своего учителя. — Где-то ты сейчас?» Дыбенко стоял в тамбуре вагона, поругивая машиниста: «У каждого столба останавливаемся...» В полночь его преемник Николай Измайлов разговаривал с Лениным. Владимир Ильич потребовал срочно направить в столицу боевые корабли для борьбы с контрреволюционными войсками Керенского — Краснова, просил прислать винтовки и патроны. Уже в Петрограде Дыбенко узнает, что ЦКБФ выполнит требование вождя и отдаст распоряжение судовым комитетам крейсера «Олег» и эскадренного миноносца «Победитель» следовать в столицу. Корабли придут точно к назначенному сроку. Узнает Дыбенко и о том, что в эту ночь в штаб Петроградского военного округа, где находилось руководство обороной Петрограда, пришел В. И. Ленин и возглавил всю организацию отпора контрреволюционным силам. Владимир Ильич приказал

немедленно направить из Кронштадта отряды красногвардейцев и матросов. Были вызваны представители Военно-морского революционного комитета и с ними обсуждены необходимые меры для использования всех сил флота в борьбе с врагами революции, возможности похода в Неву боевых кораблей. В. И. Ленин наметил места стоянок судов с таким расчетом, чтобы огонь корабельной артиллерии перекрывал все подступы возможного наступления красновских войск...

...Поезд, на котором ехал Павел Дыбенко, подходил к Петрограду.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

РЕВОЛЮЦИЯ ТОРЖЕСТВУЕТ

Б столицу Павел Дыбенко приехал рано утром 28 октября. Эшелоны с моряками и пушками он обогнал в пути... Близ Финляндского вокзала ни людей, ни извозчиков, лишь флотские и красногвардейские патрули неторопливо ходили по площади, следили за революционным порядком. С трудом дозвонился до Адмиралтейства, в Военно-морской революционный комитет. Эту организацию вместо распущенного Центрофлота создал II съезд Советов из делегатов-моряков. Председателем ВМРК избран матрос-большевик с транспорта «Оланд» Иван Иванович Вахрамеев. Он и подошел к телефону. Очень обрадовался приезду Дыбенко, сказал, что машина сейчас выйдет, просил срочно ехать в Смольный к Подвойскому.

Дыбенко подошел к стоявшей поблизости рекламной тумбе, ему бросился в глаза наклеенный поверх старых театральных афиш большой сероватый лист с крупной надписью: «К гражданам России!» Дыбенко поставил небольшой саквояжик на землю, стал читать: «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»^[13]

Свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Коммунистическая партия стала правящей партией. В борьбе за рождение нового, Советского государства балтийские моряки приняли самое активное участие...

Через час Дыбенко узнает от Антонова-Овсеенко, что воззвание «К гражданам России!» написал Владимир Ильич Ленин и расклеено оно было по всему Петрограду в 10 часов утра 25 октября 1917 года...

Подъехал черный «рено». На Литейном мосту обогнали группу рабочих с винтовками. Свернули на Шпалерную. И снова отряд красногвардейцев.

Близ Смольного броневика, много солдат, моряков, рабочих. Не сразу прошел в здание: часовой службу знает, настойчиво требовал пропуск... Наконец все улажено. В длинном коридоре, на лестнице — всюду вооруженные люди: одни приходят, другие уходят. Разыскал 85-ю комнату, вошел...

— Вы приехали, — воскликнул Подвойский, — вот и хорошо! С вами прибыли отряды матросов? А артиллерия? Сколько? Миноносцы и броненосцы пришли?

— Позвольте, товарищ Подвойский, броненосцы мы пока не посылали, их посылки от нас никто не требовал, — ответил Дыбенко. — Я считаю, что судов здесь, в Петрограде, имеется вполне достаточно. Три тысячи моряков уже прибыли и находятся в распоряжении Петроградского революционного комитета. В эшелонах еще следует до тысячи пятисот человек и две батареи. К вечеру они прибудут в Петроград.

— Но они нужны немедленно. Наши части оставили Гатчину. Керенский двигается с войсками с фронта на Царское и Петроград. Поезжайте сейчас же в Царское, узнайте, что там делается, и немедленно сообщите.

«По тону разговора с товарищем Подвойским было видно, что в Смольном нервничают; незнание, где и что творится, создавало ложное представление, — вспоминает Дыбенко. — Не было и не чувствовалось еще полной уверенности в благоприятном для нас исходе борьбы, особенно с подходом войск с фронта во главе с Керенским. Сколько именно прибыло с фронта войск и какие, никто не знал».

Попрощавшись, Павел вышел. На лестнице встретил очень усталого Антонова-Овсеенко.

Протянув руку, Антонов поздоровался и тут же сообщил, что необходимо организовать оборону подступов к столице и держаться до прибытия матросских подкреплений, рабочих и красногвардейских отрядов; он только ночью с фронта, оставил там вместо себя связного Военно-революционного комитета Д. А. Шадуро. Объяснил, что по решению ЦК ему поручено командовать левым, Пулковским, участком, а на правый — у Красного Села — назначен Дыбенко; на Подвойского возложена оборона столицы.

— Общее руководство осуществляет Владимир Ильич, — быстро рассказывал Антонов. — На фронт направлены партийные работники. Уже выехали товарищи Мануильский, Орджоникидзе, Восков... Железнодорожникам дано предписание не пропускать эшелоны с казаками к Петрограду... На матросов большая надежда.

— Они вот-вот придут, — сказал Дыбенко.

В полдень 28 октября Антонов-Овсеенко и Дыбенко прибыли на фронт. Здесь царила неразбериха. «На краю Пулкова в небольшой избе расположен «штаб». В то время этот «штаб» казался штабом, — расскажет позднее Дыбенко, — в действительности же этот «штаб» состоял из бывшего полковника Вальдена, растерянно и беспомощно разводившего руками, упорно смотревшего на карту и недоуменно бормотавшего:

— Разрешите доложить. У нас никого не осталось, — докладывал полковник. — Все разбегаются и на ночь уходят по домам. Гвардейские полки без сопротивления отступают от Царского. Есть сведения, что часть их сдалась и перешла на сторону Керенского. Задержать уходящих нет возможности».

В этот момент вошел военный, вооруженный револьвером и шашкой, очевидно бывший офицер, и доложил:

— Царское занято Керенским. Туда прибыло множество казаков с артиллерией и бронепоездом. Части разбегаются, и Пулково остается беззащитным. Необходимо задержать бегущих, привести их в порядок и установить хотя бы на ночь охранение и наблюдение за Царским, пока не подойдут регулярные части.

Выслушав доклад полковника Вальдена и его адъютанта, Антонов-Овсеенко и Дыбенко вышли на улицу.

С трудом удастся им задержать всех стремящихся уйти, разбить по группам, назначить старших в группах и добиться, чтобы солдаты самовольно, без приказа штаба не оставляли позиций. Антонова и Дыбенко засыпают вопросами:

— Что же матросы? Скоро ли придут на помощь?

— Без моряков нам не одолеть казаков!

— Матросы движутся на фронт, с ними следует артиллерия, — громко говорит Дыбенко. — Они вот-вот подойдут.

Окрыленные надеждой скорого подхода матросов к фронту, солдаты постепенно по распоряжению полковника Вальдена стали занимать позиции на Пулковских высотах.

Антонов-Овсеенко остается еще в Пулкове, чтобы руководить организацией обороны, а Дыбенко возвращается в Петроград для доклада Подвойскому...

В Смольном, выслушав Дыбенко, Подвойский еще раз настоятельно потребовал тот же час отправить на фронт артиллерию и матросов.

«Выйдя из кабинета Подвойского, — вспоминает Дыбенко, — встречаю в соседней комнате Владимира Ильича. Он спокоен. На лице

никогда не покидающая его ленинская улыбка.

Увидев меня, спрашивает:

— Ну что, как дела на фронте?

Сообщаю о положении и заявляю:

— Я еду в Морской революционный комитет и сейчас двину матросские отряды, которые должны сегодня же прибыть из Гельсингфорса; в противном случае Керенский может быть в Петрограде.

Владимир Ильич безмолвным кивком головы одобряет мое предложение...»

Председатель Военно-морского революционного комитета И. И. Вахрамеев выглядел совсем еще юным, хотя было ему за тридцать. Дыбенко, не снимая бушлата и бескозырки, поздоровался, сел рядом с Вахрамеевым, спросил:

— Сколько человек можем срочно послать на фронт?

— Только что отправили отряды Сладкова и Ховрина, у них есть и артиллерия. Ее получили с форта Ино. И еще посланы: сводный отряд из солдат 141-го и 174-го пехотных запасных полков, некоторые подразделения Красной гвардии и кронштадтцев. Командует ими мичман Сергей Павлов. Геройский человек. Да, ваши гельсингфорсцы уже прибыли. Так что наберется тысяч десять.

— А сколько остается в Петрограде?

— Столько же да еще флот. — Вахрамеев подошел к висевшей на стене большой карте. — Вот как расставлены боевые корабли по указанию Владимира Ильича. — Рассказал о состоявшемся разговоре Ленина с Измайловым ночью 27 октября. — Уже из Гельсингфорса отправлены корабли, они вот-вот подойдут и тоже займут места у Рыбачьего. — Вахрамеев водил указкой по карте. — Как видишь, под прицелом главных калибров подъездные пути к Петрограду с Балтийской, Варшавской, Витебской и Северной дорог. Вот тут по Николаевской железной дороге курсирует бронепоезд Зайцева. Мы дали ему морских артиллеристов. А здесь, — провел линию от залива к Незе, — строятся оборонительные сооружения. Более двадцати тысяч петроградцев мобилизованы.

Дыбенко, не сводя глаз с карты, прикидывал:

— Если войска Краснова — Керенского попытаются прорваться к городу, то попадут под перекрестный огонь корабельной артиллерии. Еще бронепоезд. Все это хорошо. Но пока обстановка на фронте остается архитяжелой. Если сейчас Краснов двинет своих казаков, беды не миновать.

— Знаю, делаем все возможное, даже подчас невозможное. — И, глядя на усталого Дыбенко, Вахrameев предложил: — Может, кипяточку выпьешь, и сухари найдутся, голодный, поди?

— От кипяточка не откажусь.

Резко зазвонил телефон. Павел взял трубку, назвал себя, стал слушать.

— Ясно. Да, да, Вахrameев здесь. Отправляюсь с первым же отрядом. Сиверса не знаю. Понял. — Положил трубку, немного помолчав, произнес: — Это Подвойский. Юнкера готовят мятеж, как видно, приурочивают к подходу красновских войск. Возможно, выступят нынешней ночью. Тебе, Вахrameев, приказ: держать постоянную связь со Смольным; часть матросов двинуть к юнкерским училищам — Николаевскому, Владимирскому, Павловскому, а также к Манежу и Инженерному замку. Латышские стрелки, отряды красногвардейцев уже приведены в боевую готовность. Действовать решительно; пощады этим сосункам и их духовным отцам из «Комитета спасения родины и революции» не давать! Кстати, где примкнувшие к «комитету» члены Центрофлота?

— В Кронштадт отправили, — ответил Вахrameев. — Жалуются на нас, мол, грубо обращаемся с ними.

— Судить их, контрреволюционеров, будем!..

Ночью моряки отбывали на фронт под Петроград и к юнкерским училищам. Когда с одним из отрядов уходил Дыбенко, на улицах столицы слышалась стрельба. Начался мятеж юнкеров. «Только бы не перешли в наступление казаки», — эта мысль не переставала его тревожить...

Обстановка под Пулковом и Колпином изменилась. Дыбенко встретил знакомых и незнакомых командиров матросских отрядов: Николая Ховрина, Ивана Сладкова, мичмана Сергея Павлова, Рудольфа Сиверса, старого большевика, комиссара Константина Степановича Еремеева. Рядом с ним связной Петроградского комитета по особо важным делам Шадуро, о котором вчера говорил Антонов-Овсеенко. «Так ведь это тот самый унтер, который в мае 1917 года приезжал в Гельсингфорс, в Главную базу устанавливать связь с революционными моряками». Только нынче на нем не военная форма: черная каракулевая папаха, серое пальто с воротником тоже из черного каракуля, ботинки с крагами. Павел со всеми поздоровался, спросил Шадуро, удалось ли ему сформировать отряд.

— Не один, а два.

— Шадуро молодец, — похвалил Еремеев.

Среди бойцов много женщин; на рукавах у них белые повязки с красными крестами. Это работницы петроградских фабрик и заводов, ушедшие добровольно на фронт медсестрами.

Самый старший по возрасту и званию начальник штаба полковник Вальден. Он принял новую власть и честно служит ей. Встретив Дыбенко, полковник радостно сообщил:

— У нас теперь порядок... — чуть запнулся, — товарищ Дыбенко!

Не видно прежней растерянности и на лицах солдат-фронтовиков. У всех одно желание — как можно быстрее разделаться с Керенским и Красновым. Да и холода поджигают. Осенние дожди превратили все в сплошное болото, ступишь — и увязнут ноги по колено в ледяной жижице. Моряки в ботиночках, еще хуже одеты и обуты рабочие, красногвардейцы, а о женщинах и говорить не приходится — кто в чем...

— Какого черта мы стоим на месте? — ворчали матросы. — Кончать надо с Керенским...

Антонов-Овсеенко, Еремеев, Дыбенко, Павлов, Сиверс и Вальден обходили позиции. Они довольны — настроение у всех боевое. Свежие подкрепления из Петрограда все прибывали: пришли рабочие с «Нового Лейснера», Путиловского, Трубочного, ижорского «Скорехода» и других заводов. Петроградцы принесли хорошие вести: поднятый юнкерами мятеж ночью 29 октября к утру в основном был подавлен. Узнал Павел и некоторые подробности. Особенно упорно сопротивлялись юнкера Владимирского училища, что на Петроградской стороне. На ультиматум о сдаче они ответили ураганным пулеметным и ружейным огнем. Пришлось подтянуть пушки. Увидев оцетинившиеся жерла орудий, юнкера стали звать парламентариев, но, когда моряки с белыми флагами на штыках приблизились, их обстреляли. И артиллеристы ударили прямой наводкой. Снаряды пробивали кирпичные стены. Через два часа в разбитых окнах появились белые флаги. Матросы и красногвардейцы быстро обезоружили мятежников. Ликвидировали и опорные пункты «Комитета спасения родины и революции» во дворце Кшесинской и Инженерном замке.

Павел Дыбенко перешел в небольшой окопчик, сел рядом с Сергеем Павловым. Справа на бруствере замаскированного пулемета «максим» лежали матрос с красногвардейцем и о чем-то оживленно спорили... Моряки расположились вперемежку с солдатами. «Смещение моря и суши» — идея Антонова-Овсеенко. Вот он сам идет со стороны рожицы, от батареи.

— Почему тебя называют мичманом? — спросил Дыбенко Павлова. — Вроде сухопутный.

— Это он меня оморячил, — ответил Павлов, показывая на Антонова.

Владимир Александрович присел на доску на бруствере, снял шляпу, забросил назад волосы:

— Интересуешься биографией мичмана, могу внести ясность. Мы давно знакомы с Сергеем Дмитриевичем. Перед штурмом Зимнего я привел его в казармы 2-го Балтийского флотского экипажа и от имени Петроградского военно-революционного комитета рекомендовал избрать молодого прапорщика командиром.

— Не скажу, что моряки приняли меня с распростертыми объятиями, — вставил Павлов.

— И все же он стал командиром морского отряда, который занял важную позицию в районе Адмиралтейства, — продолжал Антонов-Овсеенко. — Мы с Подвойским поручили ему и матросу с «Амура» Долгову проникнуть к Зимнему, связаться с Григорием Исааковичем Чудновским^[14], передать ультиматум гарнизону дворца, чтобы они прекратили сопротивление. Наш ультиматум отвергли. Тогда и ударила «Аврора» холостыми. Начался штурм. Вскоре мы арестовали министров Временного правительства... Прапорщик Павлов пришелся по душе морякам, они стали называть его «товарищ мичман». Надеюсь, Павел Ефимович, узаконишь это звание приказом?

— Будет Павлов мичманом, — одобрительно произнес Дыбенко.

Антонов-Овсеенко отбыл на свой участок. Ушел с ним и Еремеев.

Артиллерийский обстрел прекратился, вскоре показались всадники: с гиканьем и свистом мчались они, обнажив сабли, и казалось, никакая сила не остановит эту лавину, вот-вот ворвутся в окопы.

«Выдержать, только бы выдержать, не дрогнуть». Павел Дыбенко до боли сжимал рукоятку нагана...

Прямой наводкой ударили флотские трехдюймовки. Застрочили пулеметы, защелкали винтовочные выстрелы...

— Врешь, не пройдешь! Получайте, казаки, подарок от красной Балтики! А вот еще! — Это кричал лежавший поблизости матрос-пулеметчик, поливая длинными очередями наседавших всадников.

Вырвавшаяся вперед лошадь на полном скаку свалилась, на нее наскочили другие. Образовалась свалка. Кони неистово заржали. Дрогнули казаки. Строй нарушился, лавина повернула обратно. Дыбенко вместе с матросами выскочил из окопа, крикнул: «За мной, Балтика!»

Отбив две атаки красновцев, ободренные боевыми успехами, моряки, увлекая за собой красногвардейцев, решительно шли вперед. Вот уже и Царское Село. Казаки беспорядочно отступают... Дыбенко с группой матросов направился к Царскосельской радиостанции, ему хотелось как можно скорее оповестить Петроград и Балтийский флот об одержанной первой победе. Продиктовал радисту: «31 октября, 17 час. 21 минута.

Царскосельская радиостанция. Центробалт. Призываю всех товарищей к спокойствию. Час поражения врагов революции близок. Они отступили от Царского Села и преследуются нами. Доблестью товарищей матросов все восхищаются, и стоящие на позициях шлют привет всему Балтийскому флоту. Нарком Дыбенко». Расписался на бланке, сказал радисту:

— Немедленно передайте в Петроград, Гельсингфорс и Кронштадт...

Через некоторое время пришла ответная радиограмма Военно-морского революционного комитета:

«В Петрограде все спокойно. Ждем последних известий о ликвидации керенщины. Матросы завоевали всероссийскую славу революционных львов.

Морской революционный комитет».

Дыбенко приказал размножить радиограмму.

Наступление красных продолжалось. Сильно побитые и перепуганные казаки прислали парламентаров, предложили перемирие, говорят, что прибыли без ведома Керенского и Краснова. «Отказываться не следует», — высказал свои соображения Дыбенко Сиверсу, Павлову и Вальдену. Они колеблются, рекомендуют поднажать, заставить казаков капитулировать. Дыбенко принимает решение выехать на переговоры вместе с матросом Трушиным.

Темная холодная ночь. Дует порывистый ветер. Под колесами машин шуршат жухлые листья, потрескивают мелкие сучки.

Парламентаров трое — офицер и два казака. Дыбенко сел с шофером, Трушин устроился позади.

Слышно, как позвякивает шашка у пожилого рыжеусого казака, никак не может ее удобно пристроить рядом с собой. Казаки заявили, что они против гражданской войны.

— Мозги нам замутили рассказами о жестокости и зверствах большевиков, — говорит один.

— Побывали мы в Царском после занятия его большевиками, убедились, что здесь не шпионы немецкие, а матросы, солдаты и рабочие, — отзывается другой.

Парламентары просят Дыбенко выступить на митинге перед казаками, разъяснить им, что такое Советская власть, какая участь ждет казаков.

Машина останавливается перед громадой гатчинского дворца. Едва ступили на землю, появился офицер. Это дежурный. Предлагает сдать оружие. Дыбенко отказывается. Офицер настаивает, угрожает арестовать. Казаки встают между дежурным и Дыбенко.

— Пусть большевики сами расскажут нам обо всем. Мы хотим знать,

что делается в Петрограде.

Тут же предложили следовать в казармы.

Почувствовав себя как будто на воле, Дыбенко спрашивает:

— Керенский здесь?

— Да.

— Я требую, чтобы немедленно был приставлен к нему надлежащий караул. В случае его побега вы отвечаете.

Дыбенко и Трушин в сопровождении казаков-парламентеров вошли в казарму. Казаки — одни спят на нарах, другие кучками сидят курят. То тут, то там видны офицеры, юнкера.

Взобравшись на нары, Дыбенко говорит о систематическом предательстве Временного правительства начиная с первых дней Февральской революции и до последнего дня, когда Керенский вместе с русской и иностранной буржуазией пытался сдать немцам Петроград, чтобы задушить революцию; что Временное правительство так же, как и царское, не стремится добиться мира и прекратить братоубийственную бойню, спасти от разорения страну и передать землю крестьянам, а продолжает начатую царем войну, гонит на фронт новые и новые десятки и сотни тысяч молодых солдат, не обеспечивая их вооружением, обмундированием, продовольствием; что наступившая зима грозит катастрофой на фронте.

— И наоборот, Советская власть ставит перед собой задачу — немедленно добиться справедливого мира для всех, прекращения войны, передачи земли крестьянам, установления контроля над производством, отмены смертной казни на фронте. — Дыбенко перевел дыхание. — Советским правительством, избранным на Всероссийском съезде Советов, и самим съездом Советов по всем этим вопросам изданы декреты. Предательское Временное правительство низложено. Весь гарнизон Петрограда, Балтийский флот, рабочие и солдаты поддерживают новое Советское правительство. Попытка Керенского захватить власть бессмысленна и давно обречена на неудачу. Его поход вызывает лишь лишние жертвы со стороны казаков. Керенский снова пытается вас, казаков, превратить в жандармов и тем самым возбудить против вас всеобщую народную ненависть и преследование...

Вдруг раздаются злобные выкрики офицеров и юнкеров:

— Станичники, не верьте им! Это предатели и изменники России!

Дыбенко смотрит на дверь — ее запрудили казаки. Рядом Трушин, оцетинившийся, готовый ринуться с пистолетом. «Нет, братишка, это оружие не поможет. Попробуем действовать словами».

— Не немецкие шпионы взяли власть в свои руки, а рабочие, крестьяне, солдаты и матросы, такие же, как и вы, труженики-казаки. Флот первый доказал преданность революции и готовность к защите страны в моонзундских боях, где в борьбе с немцами он дрался до последней капли крови; он же первый выступил и на защиту Советской власти.

Офицеры и юнкера шумят, требуют расправиться с «предателями». А из толпы слышны уже совсем иные, хотя и негромкие, но выкрики:

— Правильно! Матросы — наши братья, мы с ними пойдём.

«Действует наше «оружие», братишка Трушин! Действует!» Дыбенко устал, еле на ногах держится, а все говорит, говорит... Ночь кончается. К 8 часам утра удастся убедить казаков прекратить гражданскую войну и арестовать Керенского. Казаки ставят условие — согласовать с казачьим комитетом.

«Лед тронулся, но до победы далеко. Как поведет себя комитет?» В сопровождении возбужденных людей Дыбенко и Трушин вышли на улицу.

Встреча с членами комитета состоялась в большом светлом зале дворца. «Одни офицеры, с ними не договоришься», — подумал Дыбенко; решает оставить комитетчиков, пойти на улицу.

На площади полно станичников.

— Позвольте, ведь у вас офицерский комитет, а не казачий. Где же казаки в вашем комитете?

Загудели:

— Правильно!

Тут же, на площади около дворца, казаки довольно быстро выбрали новый комитет, поручили ему вести переговоры с большевиками... Арестовать Керенского согласились не сразу. Хотели кое-что выторговать — уйти на Кубань и Дон с полным вооружением, на конях. Дыбенко понял, что этого допустить нельзя. Но в тот момент ему пришлось уступить, ведь эшелоны с войсками, за которыми, как стало известно, отправился Борис Савинков^[15], вот-вот могли подойти...

Пока шли переговоры, Керенский трусливо бежал из Гатчины.

Бежал... «Легкомысленный, трусливый и жалкий капитан... корабля в дни разыгравшегося шторма даже не попытался отыскать хотя бы маленькую пристань, чтобы причалить к ней, — запишет Дыбенко позднее. — Впрочем, если бы и причалил, кто бы подал ему руку помощи? Кто предложил бы себя в подмости, чтобы спасти с тонущего корабля, погружающегося на дно, неудачника-капитана?..» И еще: «Так безвозвратно рухнула попытка Керенского вырвать власть из рук Советов. Как тающая политическая тень, он быстро исчезал с арены борьбы. Но, уходя, он через

эсеровскую газету поспешил сообщить о своем спасении от мести своего «злейшего врага — Дыбенко». Однако это не было спасением, а лишь надгробной тризной над политическим мертвецом. Так бесславно закончил Керенский свой недолгий исторический путь».

Бегство Керенского помогло Дыбенко успешно завершить «мирные переговоры». А ведь именно в те минуты казачьему комитету стало известно о телеграмме Савинкова, что из Луги отправлены 12 эшелонов с «ударниками», которые придут в Гатчину к вечеру. Станичники, почувствовав силу, начали торговаться.

И вдруг ошеломляющая весть:

— Верховного главнокомандующего не нашли!

— Керенский бежал!

Казачи обозлились. По радио полетела депеша:

«Всем, всем. Керенский позорно бежал, предательски бросив нас на произвол судьбы. Каждый, кто встретит его, где бы он ни появился, должен его арестовать как труса и предателя.

Казачий совет 3-го корпуса».

О бегстве Керенского отправил телеграмму и Дыбенко.

Во дворец влетел запыхавшийся меньшевик Войтинский, в то время комиссар ВЦИК при командующем Северным фронтом. Потрясая телеграммой Савинкова, он кричал:

— Керенский не сбежал, а отбыл за подкреплением! Но, увы, его уже никто не слушал. Войтинский был арестован.

В Гатчину вступили матросы и красногвардейцы, которых привел Сиверс.

Через два часа матросы разоружили казаков.

Дыбенко арестовал Краснова и вечером 1 ноября доставил в Смольный. Генерал дал слово, что не будет воевать против Советской власти, и его отпустили. Не сдержал Краснов слово...

До глубокой ночи 2 ноября в Гатчине шла подготовка к отправлению в Москву большого отряда матросов и красногвардейцев под командованием Еремеева, члена Петроградского военно-революционного комитета. Моряками командовали Николай Ховрин и Александр Ильин-Женевский, их помощниками были Иван Колбин, Эйжен Берг и Анатолий Железняков. Когда Еремеев доложил, что эшелон с моряками пойдет в авангарде, Ленин с удовлетворением произнес: «Матросы не подведут». Это был уже третий отряд, направленный по указанию Владимира Ильича на подмогу московскому пролетариату. Первый численностью в 500 человек прибыл из Петрограда в Москву еще 29 октября, через два дня — двухтысячный.

Дыбенко только было собрался поспать, уже и диванчик присмотрел в одном из залов гатчинского дворца, слышались выстрелы в районе казармы. Сна как не было. Дежурный доложил:

— В казарме пьяные красновские офицеры и юнкера подбивают казаков на мятеж. Видно, пронюхали, что нас осталось мало.

Дыбенко собрал казачий комитет, спросил:

— Сами уймете провокаторов или послать матросов? — Сами все уладим.

Уладили... Казаки расстреляли зачинщиков бунта.

Снова тревожная весть. На подходе эшелоны с «ударниками». Дыбенко, Вальден, Сиверс, Павлов понимали, что после отправки Еремеева гатчинский гарнизон — 500 матросов и два батальона Финляндского полка — не сможет отразить нападение ударников... А время шло. В 8 часов утра 3 ноября разведчики донесли: эшелоны остановились в пяти верстах.

Дыбенко пытается решить дело миром.

Сиверс предложил план: направить в сторону ударников железнодорожный состав... из пустых вагонов. На паровозе, где-то посередине и в хвосте посадить матросов с пулеметами. Пушки поставить вдоль железнодорожного полотна. «Если потребуется, дадите три выстрела из револьвера, и артиллеристы откроют огонь».

Позже об этом Дыбенко напишет так:

«Наскоро перед тем сформировали пустой, но значительный эшелон. С ним приближаюсь к эшелонам ударников. На нашем паровозе несколько матросов с пулеметами. Не доходя версты до ударников, останавливаю эшелон и иду к ударникам. Тут же предлагаю им сдаться. В противном случае немедленно откроем артогонь по их эшелонам. Ударники, числом около 3 тысяч, колеблются. После кратких переговоров переходят на нашу сторону. Лишь незначительная группа офицеров, отстреливаясь, пытается бежать. Сами ударники рассеивают ее пулеметным огнем. Ударники мирно вступают в Гатчину. Для ознакомления с событиями они посылают свою делегацию в Петроград к Владимиру Ильичу».

В тот же день Дыбенко отправил в Петроград последних царских родичей — великого князя Кирилла Владимировича с женой.

...В гатчинском дворце расположились матросы, солдаты, красногвардейцы. Слышны смех, шутки-прибаутки. Тон задавали матросы...

Все обрадовались, когда узнали, что из Петрограда приехал «кинематографчик».

Кто-то из матросов, задорно смеясь, вскрикивает:

— Товарищ Сиверс, пусть казаки и ударники удирают, а мы будем преследовать. А кто же будет за Керенского в женском платье? Жаль, что удрал, вот теперь бы как раз пригодился.

«Вчерашние хмурые, с суровыми, озабоченными и напряженными лицами герои Октябрьского переворота сегодня по-детски смеются, — вспоминает Дыбенко. — Если бы сейчас появился Керенский, они стали бы с любопытством его рассматривать; им просто захотелось бы его даже пощупать, понять, что это был за человек, который с первых дней Февральской революции был у власти и до последнего момента не хотел передать ее рабочим, крестьянам, солдатам и матросам...»

В это время приехал из Петрограда Антонов-Овсеенко. Он обнял Павла и громко сказал:

— На балтийских моряков можно положиться. Они действительно завоевали всеобщую славу.

А Павел Дыбенко еле на ногах держится, он смертельно устал.

Принесли несколько запоздалую радиограмму о полном разгроме под Гатчиной войск Керенского — Краснова, подписанную Антоновым-Овсеенко и Бонч-Бруевичем. Дыбенко стал читать. Веки отяжелели, глаза сами закрывались. Строчки прыгали, терялись и снова появлялись словно из тумана... «Войска Керенского разбиты. Арестован весь штаб Керенского с генералом Красновым, Войтинским во главе... ищут Керенского с тем, чтобы передать в руки Военно-революционного комитета.

Авантюра Керенского может считаться ликвидирована. Революция торжествует.

Честь ареста штаба Керенского принадлежит матросу Дыбенко.

За главнокомандующего Антонов.

За начальника штаба Владимир Бонч-Бруевич».

Дыбенко, опустив голову на стол, уснул. Он не слышал, как из зала все удалились. На бумаге с золотым царским орлом Антонов-Овсеенко написал: «Тихо! Дыбенко спит!» Последним вышел и прикрепил бумагу к двери.

Когда Павел открыл глаза, увидел, что никого нет, только с дивана торчат грязные сапоги. Это спал Сиверс...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

«...ФЛОТ ПОКАЗАЛ СЕБЯ КАК ПЕРЕДОВОЙ ОТРЯД»

В 1927 году в «Анкете участника Октябрьского переворота» для Истпарта^[16] ЦК РКП (б) П. Е. Дыбенко писал:

«6 ноября я снова вернулся из Гатчины в Петроград, сдав отряд тов. Сиверсу, и вступил в исполнение обязанностей народного комиссара по морским делам... Примерно одна треть всего прежнего состава морского министерства отказалась работать, саботажники были арестованы и вместо них назначены преданные революции моряки. С первых же дней своей работы в Морском комиссариате пришлось организовать отряд моряков под командованием матроса Мясникова... Назначением этого отряда явилась борьба с контрреволюцией и саботажем».

Нелегко было Дыбенко и его товарищам сломить сопротивление саботажников и начинать создание нового. Советского Военно-Морского Флота.

В кресле министерского кабинета в Главном адмиралтействе всегда восседали высокопоставленные лица: отпрыски русских царей, адмиралы, наконец, адвокат Керенский. Но чтобы министерское кресло занимал простой матрос, такого не знала история русского флота. Нижние чины входили в этот кабинет только в качестве посыльных, уборщиков и вестовых. Октябрь все перевернул. Во главе Российского Советского Военно-Морского Флота стал 28-летний балтийский матрос Павел Ефимович Дыбенко, самый молодой из трех членов Комитета по военным и морским делам, назначенных II съездом Советов (В. А. Антонову-Овсеенко — 37, Н. В. Крыленко — 32), был он младше всех членов Советского правительства.

Впервые Дыбенко перешагнул порог этого кабинета в мае 1917 года — явился к военному и морскому министру Керенскому утвердить устав Центрального Комитета Балтийского флота. Ничего тут не изменилось. Кабинет напоминал морской музей: огромных размеров стол загроможден различными флотскими сувенирами-безделушками, по стенам ряды шкафов, которые искусные резчики по дереву украсили цепями и якорями; на полках фолианты — лоции, истории дальних плаваний, всевозможные

справочники; в отдельном шкафу комплекты журнала «Морской сборник» с его основания — с 1848 года. Всюду расставлены модели кораблей — от петровской галеры «Принципиум» (то есть «Начало») до линкоров типа «Петропавловск»; в левом углу, недалеко от стола, как-то особняком под стеклянным колпаком модель из слоновой кости самого в то время быстроходного эскадренного миноносца «Новик»...

7 ноября 1917 года в кабинете собрались те, кому предстояло создавать новый флотский наркомат, влить в него живую революционную струю, построить работу по-новому, по-советски. Их было 61 человек: 16 членов Военно-морского революционного комитета и 45 выделенных Центробалтом лучших из лучших активистов для работы в центральном аппарате — Верховной морской коллегии. Распахнув окна, народный комиссар Дыбенко обратился к товарищам:

— Что ж, друзья, начнем наше большое плавание! Никакие шторма и бури не свернут нас с генерального курса. Приступим к созданию нового, Красного Военно-Морского Флота.

Позднее в своих воспоминаниях Павел Ефимович тепло и сердечно скажет о тех, с кем начинал это «большое плавание». «Очутившись у власти, они, невзирая на усталость, на свою неподготовленность управлять государственной машиной, селятся превозмочь все трудности, наладить аппарат, наметить программу работы. Воодушевленные идеей, они не боятся бурь на своем пути... Уверенно они берутся за дело, не давая разрушиться аппарату и приостановиться той жизни, которая до сих пор была ключом во флоте...»

Революционные моряки налаживали запущенное при Временном правительстве хозяйство. Дыбенко не забыл обещание, данное Антонову-Овсеенко в Гатчине. Приказом от имени коллегии он присвоил бывшему армейскому прапорщику Павлову звание «мичман» и перевел на службу в Военно-Морской Флот. Вскоре он с полуторатысячным отрядом матросов отправился в Могилев помогать главковерху Н. В. Крыленко усмирять генерала Духонина и контрреволюционную ставку...

Служебные обязанности отнимали много времени: Павлу приходилось проводить заседания, совещания, писать приказы, резолюции, принимать людей. А ночью по боевой тревоге мчаться на грузовиках унимать бандитов, учинявших погромы и разбои то в одном, то в другом районе столицы... Дыбенко часто выступал на заводах и фабриках. Ленин требовал, чтобы наркомы периодически отчитывались перед народом о проделанной работе. Сам Владимир Ильич всегда находил время для общения с людьми.

8 ноября Павел Ефимович Дыбенко, Анатолий Васильевич Луначарский и Александра Михайловна Коллонтай выступали в цирке «Модерн» перед трудящимися Петроградской стороны. Луначарский рассказал о деятельности Советского правительства, Коллонтай — о работе возглавляемого ею Министерства призрения (так тогда называли Наркомат социального обеспечения), оказавшегося после революции в бедственном положении.

Дыбенко выступал последним:

— Бывший министр Вердеревский отказался занять предложенный ему пост управляющего морским ведомством, прислал записку своему помощнику графу Капнисту, в которой сообщил, что остается «верным своему долгу и Временному правительству», не считает «возможным служить захватчикам власти — большевикам». Примеру министра последовали и его заместители, начальники управлений и отделов. Одним словом, треть офицерского состава — саботажники. Их заменили матросы; могу доложить — вполне справляются с адмиральскими обязанностями.

...Среди старших морских офицеров были и передовые люди, считавшие происшедшие в России революционные перемены исторической неизбежностью. Принадлежал к ним и капитан 1-го ранга М. В. Иванов. Уезжая 27 октября из Гельсингфорса, Дыбенко направил ему телеграмму: «Центробалт выдвинул Вашу кандидатуру в Верховную комиссию коллегиального министерства...» Через два дня, 29 октября, Иванову вручили телеграмму за подписью В. И. Ленина: «Модесту Иванову. Капитану I ранга. Гельсингфорс. Просим немедленно приехать в Петроград, Смольный. Председатель Совета Народных Комиссаров Ульянов (Ленин)». 9 ноября нарком Дыбенко в своем кабинете беседует с Модестом Васильевичем.

— Я о вас говорил Владимиру Ильичу. Думаю, что с вами мы сработаемся.

— Да, Председатель Совета Народных Комиссаров обо мне знал. Даже поинтересовался, как семья себя чувствует, ведь жена и дети во фронтовой Гатчине. — После паузы: — Сильное впечатление осталось у меня от встречи с Владимиром Ильичем, — продолжил Модест Васильевич. — С Лениным как-то легко общаться, даже впервые встречая его. Знаете, что Владимир Ильич спросил? Социалист ли я. «Лпповый я социалист», — сорвалось с языка. И верно, какой я социалист? А Ленин снова задает вопрос: «Но во всяком случае вы же читаете газеты? Интересуетесь разворачивающимися событиями?» Ленин рассмеялся. Я почувствовал себя так, будто мы давным-давно знакомы....

— Прошу прощения, что перебиваю, — вступил в разговор сидевший у окна Вахрамеев. — Нас, моряков, делегатов II съезда Советов, тоже поразило умение товарища Ленина ко всем подойти просто, как к равным. В комнату, где мы совещались, решали, как быть с Центрофлотом, переметнувшимся к врагам революции, вошел Владимир Ильич. Я попросил его дать конкретные указания. «Вас тридцать пять человек. Коллективный ум! — сказал он. — Вы лучше нас знаете, чем живет флот. Решайте, как подсказывает революционное сознание». Центрофлот был распущен. Среди делегатов возник спор. В. И. Ленин слушал нас внимательно, а потом предложил вместо обанкротившегося Центрофлота создать новый орган. «Флотские делегаты съезда как раз и являются подлинными выразителями воли революционных матросов. Новый орган можно будет назвать, например, Военно-морской революционный комитет».

— Правильно! — дружно заговорили делегаты. Тут же избрали состав комитета, меня председателем.

После небольшой паузы опять заговорил Иванов:

— Так вот, когда я сказал, что не только интересуюсь, но являюсь участником происходящих событий, Ленин спросил:

— Но вы, надеюсь, против правительства Родзянко, Керенского и тому подобных?

— Вообще я против всякого правительства, которое в борьбе со своим народом опирается на штыки, — ответил я.

— Не правительство, а народ будет теперь штыками защищать завоевания революции, — сказал Владимир Ильич. И предложил мне принять командование всеми морскими силами Петроградского округа. Я ответил:

— Идет война с Германией, я командир, моя бригада крейсеров на боевых позициях. Наверное, мое место там.

— Где вы остановились? — поинтересовался Ленин.

— В Военно-морском революционном комитете, в Адмиралтействе.

Владимир Ильич одобрил:

— Это отлично, что вы именно там остановились. Пока не уезжайте, я дам вам знать.

— Ответ вам известен, — сказал Дыбенко. — Декрет Совета Народных Комиссаров о вашем назначении подписали Ленин и Антонов-Овсеенко 4 ноября, будем работать вместе. Поезжайте в Гатчину, заберите семью и поселяйтесь в Адмиралтействе, в министерской квартире.

— Я полагаю, Павел Ефимович, она предназначена вам.

Дыбенко рассмеялся.

— Зачем она мне? Там комнат не меньше, чем кают на линкоре «Республика»! У вас семья. А мне одному с матросами в казарме хорошо. Могу поселиться и в «Астории», там у меня есть комната. Одним словом, Модест Васильевич, приглашайте на новоселье...

18 ноября Дыбенко принял еще одного «просоленного» моряка — вице-адмирала Максимова. Уволил-таки Керенский с флота ненавистного ему «адмирала революции» и любимца матросов, запретил выезжать в города базирования Балтийского флота — Петроград, Кронштадт, Гельсингфорс. Опальный адмирал жил в Москве. Как только образовалось Советское правительство, обратился с просьбой предоставить ему «посильную работу в военно-морском ведомстве». Дыбенко вызвал Максимова в Петроград. Андрей Семенович стал вторым помощником морского министра, возглавил интендантское хозяйство, а комиссаром назначили матроса-большевика Василия Марусева.

Изъявил желание служить Советам и контр-адмирал Альтфатер. Назначение на должность начальника Главморштаба он принял с радостью...

В Адмиралтействе дела налаживались. А вот из Главной базы поступали тревожные вести. Командующий Развозов и совет флагманов заявили, что они признают «только министра Вердеревского». Враждебно встретили они прибывшего в Гельсингфорс управляющего морским министерством Иванова. Его поддержал только капитан 1-го ранга Ружек. «Я со своей стороны считаю необходимым остаться на своем месте, поступок же отказавшихся считаю недопустимым», — сказал он.

Вернувшись в Петроград, Иванов доложил обстановку в Главной базе. Дыбенко слушал и мысленно прикидывал: «С Развозовым, видно, придется расстаться. Кого вместо него назначить? Вице-адмирала Максимова матросы с радостью примут, офицеры — нет, они не простили и не простят ему «бегства к большевикам». Капитана 1-го ранга Альтфатера? Он нужен в Морштабе. Капитана 1-го ранга Иванова? Флагманы объявят бойкот. Каперанга Ружека? Ему можно доверять, только слишком уж он деликатный, мягкотелый. И все же придется на нем остановиться. Дадим в помощь зубастого комиссара-большевика, и дело пойдет».

— Пять часов «беседовал» с флагманами, — продолжал Иванов. — Признали новую власть, как говорят дипломаты, де-юре, да и то неохотно.

— Измором взяли, — невесело подытожил Дыбенко. — Знаете, Модест Васильевич, что сказал мичман Павлов под Гатчиной после разгрома войск Керенского — Краснова? «Пока мы с вами живы, пока жив

Балтийский флот, не умрет революция!» Здорово! — Дыбенко вышел из-за стола, подтянутый, решительный: — Заставим флагманов подчиняться Советской власти! Не пожелают — скатертью дорога! Обойдемся без саботажников. Прошу вас, Модест Васильевич, изложите коротко о делах в Главной базе. Пишите от руки, в одном экземпляре...

— Я намерен требовать отстранения адмирала Развозова от должности командующего.

Дыбенко пододвинул кресло, присел рядом.

— Давайте вместе подумаем о новой кандидатуре. Вяхирев, Черкасский, Ренгартен, Паттон, Старк и все, признавшие Советскую власть, как вы говорите, де-юре, нас не устраивают.

Иванов вздохнул:

— В период русско-японской войны 1904–1905 годов Степан Осипович Макаров горько изрек: «В России адмиралов много, а флотом командовать некому».

— Нынче положение не лучше, — перебил Дыбенко. — И тем не менее мы обязаны предложить Совнаркому достойного человека на пост командующего Балтийским флотом!

— Может, Зеленого?

— Зеленой — начальник штаба флота, трогать его пока не будем. Подумаем еще, потом встретимся.

Дыбенко спешил в Смольный на заседание Совета Народных Комиссаров, на котором обсуждался вопрос о возможности соглашения с меньшевиками, создания «однородного социалистического» правительства, на чем настаивали Каменев, Зиновьев, Рыков, Шляпников. Дыбенко только что разговаривал с председателем Центробалта Николаем Измайловым, и он заявил: Балтийский флот будет поддерживать товарища Ленина. Позднее Павел Ефимович напишет: «...Поднимаюсь на второй этаж. С трудом разыскиваю комнату заседания Совета Народных Комиссаров. Маленькая, плохо освещенная комнатка еле вмещает всех народных комиссаров... Зиновьев и некоторые другие горячо, с раздражением доказывают невозможность удержать власть без меньшевиков, отстаивают необходимость создания коалиционного правительства.

— Гражданская война началась, льется народная кровь. Нужно сегодня же решить вопрос и начать переговоры с меньшевиками.

За столиком в стороне, опершись на руки, сидит Владимир Ильич, спокойный, с иронической улыбкой.

— Ну дальше, дальше! Все? Вы испугались революции? Вы боитесь,

что не удержите ее? Рабочий и солдат ее начал, он ее и удержит. А я предпочитаю остаться с двадцатью стойкими рабочими и матросами, чем с тысячью мягкотелых интеллигентов.

Ленин неожиданно покидает комнату. На минуту воцаряется тишина...

Выхожу вслед за Лениным, чтобы сообщить ему лично настроение флота.

На второй день уже всем было известно, что точка зрения Владимира Ильича победила. Владимир Ильич глубокой проницательностью и умением глядеть в будущее спас Октябрьскую революцию...»

Это было в начале ноября 1917 года.

Временное правительство оставило после себя пустые закрома. В столице не было хлеба, продуктов. Люди голодали. Саботирующие «новую власть» руководители железнодорожного транспорта, чиновники бывшего министерства продовольствия умышленно срывали снабжение Петрограда. Продовольственными вопросами занимался лично В. И. Ленин. По его указанию Военно-морской революционный комитет и Морская коллегия направили в хлебные районы страны десять отрядов моряков по пятьдесят человек в каждом. Моряки взяли под контроль крупные железнодорожные станции и пристани. Ответственным за формирование морских продотрядов был утвержден Тимофей Ульянцев.

Уже 1 ноября Бюллетень ЦК РСДРП (б) отметил, что «матросы производят розыск припасов по всему городу и обнаружили 80 тысяч пудов муки, 50 тысяч пудов сахара, 30 тысяч пудов крупы»...

В Петрограде с каждым днем становилось тревожней. По городу ходили зловещие слухи о скорой гибели Советской власти, о неспособности большевиков справиться с разрухой, «накормить голодных». Буржуазия и ее пособники — меньшевики и эсеры — не сдавались, они организовывали саботаж, вредительство, открыто призывали не выполнять декреты и законы Советов, распускали провокационные слухи. Буржуазия, говорил В. И. Ленин, идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества, опустившиеся элементы, спаивая их для целей погромов^[17]. Много бед причинили столице «дети Керенского» — уголовники, выпущенные им из тюрем. Они грабили винные погреба Зимнего дворца и Эрмитажа. Солдаты из охранного подразделения не могли справиться с бандитами, да и сами шли на соблазн, спивались.

Широкий размах погромов охватил Петроград. На борьбу с погромщиками решительно выступили отряды Красной гвардии, которым энергично помогали революционные моряки. Первый Всероссийский съезд

Военного флота обратился к гражданам Петрограда со специальным воззванием: «Мы, Всероссийский съезд Военного флота, клеймим несмываемым позором тех, кто, несмотря на серьезность момента, предается пьянству, разгрому винных погребов и разным другим бесчинствам. Мы заявляем, что... не остановимся перед самыми суровыми мерами в борьбе с этим злом».

Нужно было принимать срочные меры. Нарком А. В. Луначарский, тревожась за сохранность «сосредоточенных во дворцах произведений искусства», просил Военно-морской революционный комитет «сделать срочное распоряжение о вывозе всех хранящихся в дворцовом винном складе напитков в Кронштадт на хранение под ответственность Кронштадтского Совета».

Нелегкое это было дело — борьба с погромами.

Ночью во время ликвидации пьяного шабаша в районе Зимнего дворца встретились Дыбенко и Антонов-Овсеенко. Позднее Владимир Александрович запишет: «Только когда за борьбу с пьянством взялись гельсингфорсские моряки, погреба Зимнего были обезврежены. Это была своеобразная титаническая борьба. Моряки держались стойко, связанные свирепым товарищеским обетом «Смерть тому, кто не выполнит зарока». Борьба на этом была закончена...»

Закончена в подвалах Зимнего и Эрмитажа... Однако в столице было много винных погребов и складов. Туда и ринулись погромщики.

В середине ноября В. И. Ленин подписал решение, обязывающее Петроградский военно-революционный комитет «принять самые решительные меры искоренения спекуляции и саботажа, скрывания запасов, злостной задержки грузов и пр.». Виновные в такого рода действиях подлежали «немедленному аресту и заключению в тюрьмах Кронштадта впредь до предания Военно-революционному суду». Почему Кронштадта? В Петрограде во всех ранее существовавших учреждениях, в том числе и в юстиции, продолжали служить старые чиновники. Они способствовали побегам из мест заключения арестованных саботажников, спекулянтов, организаторов погромов и грабежей. Сам нарком юстиции левый эсер Штейнберг, которому были подчинены тюрьмы, приказал освободить из-под стражи арестованных участников «Союза защиты Учредительного собрания». Дыбенко предложил: заклятых врагов Советской власти посылать в кронштадтские тюрьмы. «Царское правительство на острове воздвигло каменные мешки для матросов-бунтарей, пусть там теперь отбывают наказание настоящие враги... Мы присмотрим за ними...»

Для борьбы с погромами приказом Военно-революционного комитета 1 декабря был назначен специальный комиссар с особыми полномочиями, а несколько позднее создан Комитет по охране революционного порядка во главе с К. Е. Ворошиловым. До этого он занимал беспокойную должность комиссара по градоначальству и нередко обращался к флотскому наркому за матросским подкреплением. Ворошилов вновь пришел в Адмиралтейство.

— Выручай, нарком. Нужны надежные моряки.

— Для революционного дела выделим самых надежных, — сказал Дыбенко.

После заседаний Совнаркома Дыбенко и Коллонтай из Смольного выходили обычно вдвоем и не спеша шагали по Суворовскому проспекту, затем по Невскому к Адмиралтейству. Так было и на этот раз. Уже близ Невского проспекта около углового дома увидели человека, приклеивавшего к стене какую-то бумажку.

— Стой, стрелять буду! — крикнул Дыбенко, выхватывая из кобуры наган.

Но человек скрылся в воротах.

Некоторое время шли молча.

— Вчера разговаривал по прямому проводу с Гельсингфорсом. Николай Измайлов опять жаловался, говорит, матросов на кораблях и так не хватает, а их ежедневно забирают в министерства и ведомства. Спрашивает, как быть. Я ему ответил: «Пока не уничтожим контру, придется отдавать моряков».

С окна верхнего этажа дома, около которого проходили, слышались пьяные голоса: «Когда б и-и-име-ел зла-ты-е-е-е го-о-ры-ы...»

— Наверняка краденой водкой опились, — зло произнес Дыбенко. — 14 ноября громилы ворвались на склады пивного завода Дурдина на Обводном канале. Пришлось наводить порядок. Для охраны завода выделили матросов.

— Опять матросов, — заметила Коллонтай.

На вокзальной площади, обогнув памятник Александру III, шагал морской патруль, направлялся в сторону Невского. Дыбенко пояснил: Невский проспект и прилегающие к нему улицы охраняет экипаж минного заградителя «Амур».

— Командует им член судового комитета Николай Антропов. Пойдем поговорим.

Дыбенко поздоровался с Антроповым за руку, с матросами, приложив

руку к бескозырке, спросил:

— Происшествий нет?

— Около Елисеевского магазина собралось с полсотни пьянчуг, увидели нас, тут же разбежались. — Николаю Антропову было лет двадцать пять — тридцать, стройный, глаза улыбочивые, бескозырка чуть сдвинута на левое ухо, бушлат туго перетянут черным ремнем, на котором висел наган. Матросы вооружены винтовками.

Дыбенко, Коллонтай и Антропов, несколько отдалившись от патрульных, шли по безлюдному Невскому проспекту, говорили о хлебе насущном, о том, что созданная Петроградским военно-революционным комитетом продовольственная комиссия из представителей населения, рабочих, матросов и солдат в первый же день на товарной станции Николаевской железной дороги обнаружила спрятанные в тупиках вагоны, а в них свыше 90 тысяч пудов муки, крупы, животное масло, сахарный песок.

— Мы послали матросский отряд на Ладожское озеро, — сообщил Дыбенко. — Поступили сведения, что там на пристанях расхищаются баржи с продуктами. Все подтвердилось. Виновники арестованы и предаются революционному суду. Оставшееся продовольствие доставлено в Петроград.

— Я рада, кое-что из этой капли досталось сиротам и инвалидам, — сказала Коллонтай. — Голодают бедняги, а дети исхудали, смотреть страшно.

Около Казанского собора они попрощались с Антроповым и матросами.

— Сегодня заходил к Владимирову, — сказал Дыбенко. — Глава Петроградской продовольственной управы благодарил флотских за то, что мы направили к ним 35 баталеров^[18] и писарей... Ты давно знаешь Мирона Константиновича?

— Встречала его во Франции. Он читал лекции в партийной школе Лонжюмо. Прекрасный человек. А почему ты вдруг заинтересовался им?

— Владимиров, узнав, что я из Новозыбкова, сказал, что он там бывал. По поручению Ленина выступал перед социал-демократами о II съезде РСДРП. У нас и общие знакомые нашлись. Вот хотя бы Сычев Михаил Иванович. Его тринадцать раз арестовывали, пять раз убегал из-под ареста и из тюрем. Царское правительство ссылало его в Енисейскую, Архангельскую, Нарымскую... А ведь Сычева я встречал в нашем городе во время крестьянского восстания в 1907 году...

У Министерства госпризрения они расстались...

18 ноября начинал работу Первый Всероссийский съезд Военного флота. Собрался он в тревожное время. Буржуазия делала все, чтобы ликвидировать Советскую власть. Ей активно помогали меньшевики и эсеры, настоятельно требовавшие создания правительства из представителей всех политических партий. На эту удочку клонули малосознательные, не разбирающиеся в политике элементы. Были они и среди моряков, особенно черноморцев... Разгоралась гражданская война.

Вот как характеризовал обстановку в стране сам Дыбенко: «... Советская власть могла противопоставить организующемуся классовому врагу только латышские полки, основные кадры моряков Балтфлота и незначительные отряды Красной гвардии из рабочих для нанесения ударов, для восстановления порядка на местах и для задержания стихийного развала учреждений. Однако эти силы были ничтожны по сравнению со всевозрастающими фронтами внутри страны. Один за другим отправляли матросские кадры на фронт, на борьбу с белогвардейцами. Флот с каждым днем терял своих вдохновителей, терял свое крепкое, цементирующее ядро, терял тех, кто еще мог повлиять на массу, удержать дисциплину и спасти флот от развала.

Для ликвидации нараставшего развала требовались быстрые и решительные меры. Явилась необходимость перехода если не к полному единоначалию, то к назначению комиссаров кораблей и флота и к урезыванию функций комитетов. Эта первая попытка восстановления твердой организации... вызвала бурю негодования не только среди рядовых моряков, но даже среди части членов Центробалта... Новый состав Центробалта с каждым днем терял свой авторитет... Во флоте нарастала анархия. Необходимо было немедленно созвать Всероссийский съезд моряков, чтобы разобраться в том переходном моменте, который переживает молодая Советская Республика. Матросы жили еще веянием Октября. В их ушах еще звучали призывы к вооруженному восстанию и недоверия к коалиционному правительству. Эти массы нужно было перевоспитать, направить в новое русло, создать из них опору власти Советов...»

...Съезд открылся в Петрограде в большом зале дома № 18 по Максимилиановскому переулку. 190 делегатов (из них 116 большевиков) единодушно избрали своим почетным председателем Владимира Ильича Ленина. Рабочим председателем — члена Центробалта, большевика-матроса с учебного судна «Аргунь» Алексея Баранова.

На первом же заседании самая многочисленная балтийская делегация

— 82 человека — заняла ведущее положение, показала пример сплоченности и организованности. От ее имени Андрей Штарев предложил на всех судах страны вместо прежнего андреевского флага поднять красный флаг Республики Советов «в знак того, что весь русский военный флот как один человек встал на защиту народовластия в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

— Матросы, пославшие меня сюда, сказали твердо: «Власть Советам!» До каких пор мы будем поддерживать ее? До полного осуществления наших лозунгов! Власть должна быть железная! Я был беспартийным, но ход событий заставил меня стать большевиком, — закончил свою речь Штарев.

После него взволнованно говорил делегат флотилии Северного Ледовитого океана Владимир Полухин:

— Мы, двадцать два представителя Дальнего Севера, полностью поддерживаем балтийцев: «Вся власть Советам!» Так заявить уполномочили нас моряки Севера.

После обсуждения доклада по текущему моменту и о власти съезд принял резолюцию, над проектом которой трудилась комиссия под председательством Дыбенко. В ней указывалось: «Горячо приветствовать товарищей народных комиссаров за их преданность интересам трудового народа — последовательную настойчивость в деле окончательного разрыва рабства и угнетения... Всероссийский съезд военного флота ни на минуту не сомневается, что рабочая и крестьянская власть, опирающаяся на могучие плечи всего трудового народа, быстро сумеет одолеть всех врагов революции, которые бесстыдно предают интересы народа своим саботажем и стараются подорвать власть рабочих и крестьян».

Делегаты, кроме двух черноморцев, заявили: они за большевиков, за Советское правительство без участия в нем меньшевиков...

Одним из важных вопросов, который предстояло решить съезду, была реорганизация морского министерства. К докладу Дыбенко очень серьезно готовился, он понимал: все, что будет сказано, ново для матросов, непривычны даже для слуха такие слова, как «единоначалие», «назначение командиров», «некоторое урезывание прав комитетов». Еще накануне провели заседание фракции: делегаты-большевики одобрили все положения; им было поручено подготовить остальных товарищей — беспартийных и членов других партий. «Примут ли, поддержат ли они наши предложения?» — беспокоился Дыбенко.

Встреченный бурей аплодисментов, Павел поднялся на трибуну... Притихший зал внимательно слушает доклад. Дыбенко говорит, как всегда,

громко, эмоционально: выросли все мы, возмужали, закалились в битвах с царизмом, керенщиной и приступили к строительству новой жизни.

— Из недр царского флота пришли мы к Великому Октябрю, теперь пойдем прямой дорогой к светлому коммунистическому завтра, — закончил он выступление.

Съезд признал, вспоминает Дыбенко, необходимость и своевременность назначения, а не выборов комиссаров кораблей, отмены выборной системы командного состава, регламентировал порядок созыва съезда. «В данном случае, — делает вывод Павел Ефимович, — флот был застрельщиком новых течений».

Приняли решение о новой структуре управления флотом, съезд избрал Верховную морскую коллегию, в нее вошли нарком П. Е. Дыбенко, М. В. Иванов, Ф. Ф. Раскольников и В. В. Ковальский; избрали 20 человек во ВЦИК, составивших морскую секцию ВЦИК, которая получила наименование Законодательный совет морского ведомства и заменила Адмиралтейств-совет. И еще важное решение было принято: все руководство флотами и флотилиями переходило в руки центральных комитетов флотов и флотилий; для управления и учреждения назначались комиссары.

Делегаты и гости ждали выступления В. И. Ленина. Пришел он, как и обещал, ровно в три часа дня 22 ноября.

Владимир Ильич изложил грандиозные перспективы строительства социализма в Республике Советов; говорил о создании государственного аппарата, лишённого всякого бюрократизма, что обеспечит широчайший простор для выявления всех творческих сил страны.

Ленин сказал:

— Буржуазия и интеллигентские буржуазные круги населения всемерно саботируют народную власть. Трудящимся массам надеяться, кроме как на самих себя, ни на кого не приходится. Без сомнения, задачи, стоящие перед народом, неизмеримо трудны и велики. Но нужно верить в свои собственные силы, нужно, чтобы все, что проснулось в народе и способно к творчеству, вливалось в организации, которые имеются и будут строиться в дальнейшем трудящимися массами. Массы беспомощны, если они разрозненны; они сильны, если сплочены. Массы поверили в свои силы и, не смущаясь травли со стороны буржуазии, начали приступать к самостоятельной работе по управлению государством. На первых шагах могут встретиться трудности, может сказаться недостаточная подготовленность. Но нужно практически учиться управлять страной, учиться тому, что составляло раньше монополию буржуазии. В этом

отношении во флоте мы видим блестящий образец творческих возможностей трудящихся масс, в этом отношении флот показал себя как передовой отряд^[19].

В. И. Ленин говорил о насущных задачах дня — о земле, о мире, о национальной политике. Призвал съезд к усиленной работе по созданию прочного союза рабочих и крестьян, особенно беднейших крестьян, проявляя о них больше всего заботы.

— Пусть флот, — говорил он, — посвятит все свои силы тому, чтобы этот союз остался основой государственной жизни; если этот союз будет крепок, ничто не сломит дело перехода к социализму^[20].

Окончив речь, Владимир Ильич сел в президиум, слушал выступления делегатов, а они поднимались на трибуну и единодушно заявляли:

— Советская власть может положиться на моряков!

— Клянемся как зеницу ока оберегать Советскую власть!

Утром следующего дня съезд восторженными аплодисментами встретил сообщение о победе большевиков на выборах в Учредительное собрание: за большевиков проголосовали 130 118 избирателей; свыше 80 процентов рабочих, матросов, солдат Гельсингфорса, Кронштадта, Балтийского флота отдали свои голоса Ленину.

Последнее заседание было посвящено присвоению воинских званий матросам и некоторым офицерам, занимавшим ответственные должности в морском ведомстве.

Модест Васильевич Иванов был удостоен звания контр-адмирала, Федор Раскольников, Иван Вахрамеев и многие другие — лейтенантов. Когда стали обсуждать кандидатуру Дыбенко, тут произошло замешательство. Какое же звание присвоить народному комиссару, члену Советского правительства?

— Адмирала!

— Почетного адмирала!

— Контр-адмирала!

— Капитана первого ранга! — выкрикивали из зала. Делегатов успокоил сам Дыбенко. Он сказал:

— Товарищи, позвольте мне поблагодарить вас за оказанное внимание и внести предложение. Я начал борьбу в чине подневольного матроса. Вы меня произвели в чин свободного гражданина Советской Республики, который для меня является одним из самых высших чинов. Позвольте в этом чине и продолжать борьбу...

В последний день делегаты приняли обращение «К гражданам

Петрограда», потребовав от них как можно скорее покончить с пьяными погромами, разжигаемыми кадетской «контрреволюционной организацией Пуришкевича — Юсупова».

25 ноября, после семи дней работы, съезд закрылся. Однако делегаты были задержаны в Петрограде. Кадеты и сомкнувшиеся с ними меньшевики, эсеры готовились 28 ноября провести в городе демонстрацию и вооруженное выступление; на заводах, фабриках, на улицах города разбрасывались листовки, призывавшие рабочих объявить забастовки...

Контрреволюционеры избрали 28 ноября не случайно: Совет Народных Комиссаров принял решение — назначенное на этот день открытие Учредительного собрания ввиду неподготовленности перенести на более поздний срок. Вот и ошетинилась контра, решила дать бой Советам. Совнарком поручил к 27 ноября сосредоточить в Петрограде 10–12 тысяч моряков. Делегаты съезда вливались в матросские отряды по охране порядка в городе.

— Товарищи, пойдемте на заводы и фабрики! Расскажем рабочим о матросском съезде, о выступлении на нем Владимира Ильича Ленина, о нашей клятве — как зеницу ока оберегать Советскую власть. Пусть все знают, что эту свою клятву мы никогда не нарушим, — напутствовал моряков Дыбенко.

Утром 28 ноября несколько тысяч буржуа, офицеров, чиновников, «детей Керенского» с лозунгами «Вся власть Учредительному собранию!» направились к Таврическому дворцу. Матросы рассеяли «демонстрантов», заставили разойтись, особенно агрессивно настроенных отправили в Кронштадт.

В тот день Совет Народных Комиссаров принял декрет и воззвание, в котором объявил кадетскую партию «народной свободы» партией врагов народа. Члены ее руководящих учреждений подлежали аресту и преданию суду революционных трибуналов...

...Моряки возвращались на корабли и в экипажи. Вместе с ними из Петрограда уезжали и делегаты Первого Всероссийского флотского съезда «с полным сознанием своей ответственности за сохранение Советской власти и с полным желанием провести в жизнь принятые решения», записал позже Дыбенко.

6 декабря в кабинет Дыбенко вошел Антонов-Овсеенко. Поздоровавшись, спросил:

— Чем так взволнован Модест Васильевич? Проскочил, даже не поздоровался. Какая муха его укусила?

— Расстроили дела в Главной базе, — ответил Дыбенко. — Тревожно там, кое-кого придется отправить «на отдых». В первую очередь командующего.

Антонов-Овсеенко не доверял Развозову, однако рекомендовал попытаться привлечь его на сторону Советов.

— Нам нужны опытные специалисты, Павел Ефимович. Без них нам трудно...

Владимир Александрович отправлялся воевать с Калединым; сказал, что забирает Ховрина и его ребят. Этот матросский отряд в дни Октябрьского штурма первым ворвался в Главное адмиралтейство, затем отличился под Гатчиной, отсюда был переброшен в Москву и там помог трудящимся устанавливать Советскую власть...

— Что ж, Николай Ховрин и его флотские орлы — опора надежная, — согласился Дыбенко. — Очень уж спрос большой на моряков. Недавно отправили полуторатысячный отряд под командованием мичмана Сергея Павлова «успокаивать» мятежного генерала Духонина, теперь павловцы уже под Оренбургом сражаются с атаманом Дутовым. А сколько еще матросов помогают укреплять Советы в разных районах страны? Все с Балтийского! И самые лучшие! — Достал из ящика стола пачку бумаг. — Запросы, требования: Арзамасский Совет просит немедленно командировать «сознательных матросов в количестве шестидесяти человек для беспощадной борьбы с мешочниками и спекулянтами». Гомелю требуется «тысяча сто матросов, вооруженных пулеметами и орудиями». Из Западной Сибири просят «выслать две тысячи». Такие же категорические требования из Челябинска, Харькова, Вятки, Рыбинска...

Антонов-Овсеенко заметил:

— Радоваться надо, значит, хорошо потрудились флотские большевики, коль такую славу заслужили балтийцы! Честь им и хвала! — Прошелся по кабинету, постоял около шкафа с комплектами «Морского сборника», резко повернулся. — Як тебе ехал с Коллонтай. Около думы она увидела большую группу взволнованных женщин, сошла с машины. «Пойду, — говорит, — узнаю». Волнение их вам известно. Семьи голодают, кроме осьмушки не то хлеба, не то глины, ничего дать не можем. В закромах пусто. Коллонтай неистовая, за женщин может постоять. — И помедлив: — Жаль, что на вашей свадьбе не смогу быть.

Полюбив друг друга, большевистские наркомы Коллонтай и Дыбенко решили стать мужем и женой. Дыбенко отказывался устраивать свадьбу: «Зачем возвращаться к старому?» — «Нет, Павел, ты не прав. Чтобы нас, большевиков, не обвинили в безнравственности, все сделаем гласно. Мы

члены правительства, враги следят за каждым нашим шагом, и мы не имеем права давать пищу для клеветы. К старому возвращаться не станем, все будет по-новому, по-советски. Устроим красную свадьбу!..» В середине ноября оформили гражданский брак. «Записью о браке с Павлом Дыбенко, — вспоминает позднее Александра Михайловна, — была начата новая книга актов гражданского состояния в Советской стране...»

Антонов-Овсеенко пожелал супругам счастья.

Дыбенко и Коллонтай проводили его в Донбасс на борьбу с каледищиной...

Атаман Донского казачьего войска Каледин и прибывшие к нему на помощь лидеры кадетов и монархистов — Милюков, Струве, Родзянко, Алексеев, Корнилов и Деникин — сформировали Добровольческую армию, которая в сравнительно короткий срок захватила несколько городов Донбасской области. Из Петрограда, Москвы, Воронежа, Новгорода, Твери, Рязани, Царицына и других городов против мятежников двинулись отряды революционных матросов, солдатские, казачьи, рабочие полки под общим командованием Антонова-Овсеенко.

Не скоро потом Дыбенко доведется встретиться с Владимиром Александровичем. Борьба с каледищиной была длительной, и завершилась она только в феврале 1918 года.

Моряки во главе со своим наркомом Дыбенко наводили революционный порядок в столице, на Балтике. Многочисленные отряды в черных бушлатах уезжали в самые отдаленные уголки молодого Советского государства ликвидировать мятежи, добывать хлеб, рассказывать про новую власть.

Много работали революционные матросы. Часто случалось так: 20 декабря собрались в столовой, по-флотски на камбузе, и еще не успели съесть жиденькую похлебку, как появился дежуривший тогда по Адмиралтейству Василий Марусев и доложил:

— На Лиговской улице бандиты налетели на винный погреб. Отряд Василия Мясникова уже на месте.

Столовая мигом опустела.

Когда Дыбенко с друзьями прибыли на место, у винного погреба они увидели моряков из отряда Мясникова. Василий Спиридонович — матрос учебного судна «Океан», делегат II Всероссийского съезда Советов. Его отряд по борьбе с контрреволюцией и саботажем был образован сразу же после Октябрьской революции. Василий Мясников подчинялся непосредственно Павлу Дыбенко.

Банда успела разбежаться. Лишь незначительная группа воровато жалась к стене, твердя, что, дескать, случайно оказались на месте грабежа, требуют отпустить.

Дыбенко не желал вдаваться в подробности, приказал:

— Всех отправить в Кронштадт, там разберутся...

«Особая организация, содержащаяся кадетами», подобралась и к Дыбенко; конечно, грабить у него нечего, зато опозорить можно, и распустили по городу слух, будто на «красной свадьбе» наркомов столы ломились от яств, а из подвалов Зимнего дворца и Эрмитажа в распоряжение Дыбенко доставили множество редких французских вин, матросы перепились и устроили в Адмиралтействе дебош. Чего только не болтали! Молодожены получали множество писем пакостного содержания. Коллонтай называли «центробалтбабой», «красной безбожной ведьмой» и многими другими подобными словами. На нее ополчилась православная церковь после инцидента в Александро-Невской лавре.

Кто-то из Наркомата призрения предложил занять пустующее в монастыре здание и разместить в нем инвалидов войны. «Дров у монахов много, 500–600 калек станут жить в тепле и уюте». Коллонтай понравилось предложение, и она, ни с кем не посоветовавшись, пошла со своими помощниками договариваться с монахами. Ворота оказались заперты и забаррикадированы. Пришлось применить силу. Помещение заняли. Об инциденте Коллонтай сразу же доложила Ленину.

— Как вы могли предпринять такой шаг, не посоветовавшись с правительством? — серьезно сказал Владимир Ильич.

«Я объяснила ему, — вспоминает Коллонтай, — что у нас не было намерения силой захватывать Александро-Невскую лавру, что все должно было свершиться гладко на основе деловой договоренности. Ленин сказал, что этот шаг был несвоевременным. Каждая ошибка правительства на руку белогвардейцам.

— Вы форсировали необходимость выразить позицию Советского правительства в отношении церкви, хотя было бы лучше подождать и сделать это позже. По после конфликта с монастырем надо поспешить с декретом об отделении церкви от государства, объявить при этом полную свободу религиозных убеждений»^[21].

«Еретичку» Коллонтай мракобесы предали анафеме, отлучили от церкви. Александра Михайловна не сильно огорчилась, ведь от церкви отлучены Степан Разин, Емельян Пугачев, Лев Толстой. «В хорошую я компанию попала», — шутила Коллонтай...

Она много и увлеченно занималась женским вопросом. По личному

поручению В. И. Ленина Коллонтай подготовила два важных декрета — о расторжении брака (опубликован 19 декабря 1917 года) и о гражданском браке, устанавливающем гражданское и моральное равенство супругов, а также об уравнивании в правах внебрачных детей с законнорожденными (опубликован 20 декабря 1917 года).

Дыбенко знал, что в лекциях за границей — во Франции, Великобритании, Германии, Соединенных Штатах — Коллонтай отстаивала равноправие женщин.

Брак Коллонтай и Дыбенко удивлял многих, особенно близких. «Что тебя потянуло к этому матросу?» — «Любовь!» — отвечала Коллонтай. Любовь помогала Коллонтай переносить лишения и невзгоды, помогала жить и бороться за светлое будущее человечества...

«...Наши встречи всегда были радостью через край, паши расставания полны были мук, эмоций, разрывающих сердце, — пишет Коллонтай. — Вот эта сила чувств, умение переживать полно, сильно, мощно влекли к Павлу...»

...Враги не оставляли в покое Коллонтай. В одну из ночей подожгли Дворец по охране материнства и младенчества, созданию которого Александра Михайловна отдала много времени: она мечтала превратить этот Дворец в центральное показательное учреждение для женщин. Сгорело все — комнаты, библиотека, лаборатории. Счастье, что малюток и обслуживающий персонал удалось спасти.

— Не падай духом, — успокаивал Дыбенко жену. — Найдем другое помещение для Дворца. И об инвалидах войны позаботимся. Моряки не оставляют в беде друзей.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ИСПЫТАНИЯ

Совет Народных Комиссаров, Владимир Ильич Ленин одобрили постановления общевойсковой конференции. Проводить их в жизнь оказалось весьма сложно; исходившие из центра приказы и директивы командующие и штабы флотов категорически отвергали. Контрреволюционное офицерство нагло с каждым днем, особенно перед открытием Учредительного собрания. К началу 1918 года обстановка на флотах стала еще более напряженной. Тревожные сигналы шли из Гельсингфорса. Командующий Развозов и совет флагманов не признавали Народный комиссариат, возглавляемый большевиком.

Руководствуясь решениями Всероссийского съезда, Дыбенко от имени Верховной морской коллегии издал 4 декабря приказ об упразднении должности комфлота, возложив его обязанности на военный отдел Центробалта. Только такой крайней мерой, считал нарком, можно было заставить саботажников считаться с Советской властью и выполнять ее постановления... Но и после упразднения должности командующего в Главной базе флагманы продолжали бунтовать, они созвали офицерское собрание и подавляющим большинством — 362 голоса (против голосовал 151, воздержались 44) — протасили антисоветскую резолюцию, осуждающую «новый порядок центра». Пришлось отправить в запас Развозова, начальника оперативной части штаба флота капитана 1-го ранга князя Черкасского и некоторых других саботажников.

На заседании морской коллегии Дыбенко выразил неудовлетворение действиями Центробалта, который, по его мнению, повинен в обострении обстановки в Главной базе.

— В новом, недавно избранном составе ЦКБФ главенствуют анархисты. Их там большинство, — говорил Дыбенко на заседании морской коллегии. — Знаем, почему такое произошло. Значительную часть революционных матросов мы отправили на фронт, в различные министерства, политическая работа ослабла, на кораблях и в береговых частях резко упала дисциплина. Центробалт не разгонишь, как это сделал Керенский. Организация выборная. Будем искать выход из создавшегося положения.

Нарком рвался в Главную базу, на этом настаивали товарищи, однако

Совнарком задерживал его, ибо обстановка в Петрограде перед открытием Учредительного собрания резко ухудшилась... В эти дни из Гельсингфорса пришло воззвание из Центробалта. Дыбенко обрадовался, обратился к находившимся в кабинете товарищам:

— Слушайте, слушайте! «Настал последний решительный момент. Будьте готовы. В Петрограде назревают события, от которых зависит будущее России, будущее всего мира». Центральный Комитет Балтийского флота, — продолжал Дыбенко, — призывает моряков красной Балтики быть готовыми по первому сигналу выступить и дать решительный и смертельный удар врагам народа! Есть порох в пороховницах! Живет и действует здоровое революционное ядро в Центробалте...

А в столице тревожно, контрреволюция подняла голову. Несколько суток безотлучно весь руководящий состав Наркомата флота в Адмиралтействе. 3 января рано утром Я. М. Свердлов вызвал Дыбенко. Прежде чем уйти, Павел Ефимович приказал дежурному собрать членов морской коллегии и законодательного совета.

— Чтобы все находились на своих местах и ждали меня, — сказал он.

Вернулся быстро. Тут же вызвал радиста, продиктовал текст телеграммы для военного отдела Центробалта: «Срочно, не позже 4 января, прислать на двое или трое суток 1000 матросов для охраны и борьбы против контрреволюции в день 5 января...» Попросил разыскать Анатолия Железнякова, Василия Мясникова, Николая Ховрина (он прибыл с Дона), а сам соединился по прямому проводу с Кронштадтом, потребовал, чтобы оттуда тоже прислали вооруженных моряков. Такие же распоряжения получили командиры и комиссары флотских экипажей.

В кабинете уже собрались. Дыбенко вышел из-за стола и изложил суть дела:

— «Союз защиты Учредительного собрания» намерен провести вооруженную демонстрацию, захватить Таврический дворец, Смольный, вокзалы и другие важные учреждения — одним словом, покончить с Советами.

В газетах было опубликовано решение ВЦИК, в котором сделано предупреждение, что всякое выступление будет рассматриваться как контрреволюционное действие и «подавляться всеми имеющимися в распоряжении Советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы».

— Образован штаб, — говорил Дыбенко, — его возглавляет товарищ Свердлов. Нам с вами поручено поддерживать порядок в столице. А сейчас внимательно слушайте приказ, его объявит Иван Вахрамеев.

Вахрамеев подошел к висевшему на стене плану Петрограда. Назвал фамилии командиров матросских отрядов и показал, какие площади, проспекты и улицы города они будут охранять: Кировскую, Шпалерную, Литейный и Суворовский проспекты.

— К Таврическому дворцу и Смольному не должен проникнуть ни один демонстрант, — говорил Вахрамеев. Далее назвал телеграф, почту, Госбанк. В боевую готовность приводятся все корабли, базирующиеся на Петроград. Четыре морских аэроплана будут дежурить на Неве около Петропавловской крепости...

С раннего утра 5 января 1918 года в разных участках города стала скапливаться «чистая» публика, среди которой молодцеватой выправкой выделялись переодетые офицеры и юнкера, они-то и задавали тон, особенно вызывая, агрессивно вели себя в районе Литейного, требовали пропустить к дворцу. «Мы хотим приветствовать народных избранников!» — кричали они. Обстановка создавалась критическая. Казалось, под напором разъяренной толпы шеренги моряков не выдержат... Когда сюда подъехал Дыбенко, по автомобилю было пущено несколько пуль. «Значит, многие пришли с оружием», — подумал он.

Среди общего гула явственно слышалось: «Долой узурпаторов-большевиков!», «Бей матросов!»

«Если дело дойдет до драки, вам, господа хорошие, туго придется». Дыбенко вышел из автомобиля и, приблизившись к толпе, заговорил в рупор:

— Дайте спокойно работать депутатам! Разойдитесь по домам! Не заставляйте прибегать к крайним мерам...

Толпа не унималась. Моряки подняли винтовки, щелкнули затворами. Подействовало. Продолжая шуметь, толпа подалась назад и постепенно рассеялась. Но Дыбенко понимал, что скоро она снова соберется, предпримет новый натиск, и вызвал на этот участок дополнительную сотню моряков из резерва.

Проверив остальные участки, Дыбенко направился к Таврическому дворцу. Здесь встретился с Анатолием Железняковым и Николаем Ховриным, отряды под их командованием охраняли сам дворец и перекрывали улицы, ведущие на Шпалерную. Оба командира доложили, что у них полный порядок. Железняков добавил:

— Займем достойное место в истории!

— Надеюсь на вас. Будьте бдительными. — Дыбенко вошел в парадный подъезд, миновав фойе, через боковую дверь последовал в зал к

народным комиссарам и сел в кресло рядом с Коллонтай.

— Ну как там? — шепотом спросила Александра Михайловна.

— К Таврическому и Смольному ни одна душа не проникнет.

Через некоторое время Дыбенко предоставили слово.

— Мы признаем только Советскую власть, — сказал он. — За Советскую власть наши сердца и наше оружие!

На трибуну поднялся Свердлов, подождал, пока успокоятся зашумевшие депутаты буржуазных партий, зачитал «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Учредительное собрание не поддержало эту Декларацию, отказалось оно подтвердить и декреты II Всероссийского съезда Советов о земле и мире. Большевистская фракция потребовала объявить перерыв.

Дыбенко отправился в город проверить посты. Непокойно было у него на сердце; за порядок в Петрограде он отвечал перед Лениным, а какой уж гам порядок. «Демонстранты» остервенело лезли к Таврическому...

Во дворец вернулся с опозданием. Коллонтай рассказала, что, когда возобновилось заседание, большевистская фракция огласила декларацию, написанную В. И. Лениным, в которой сказано, что нынешнее контрреволюционное большинство Учредительного собрания, избранное по устаревшим партийным спискам, выражает вчерашний день революции и пытается встать поперек дороги рабочему и крестьянскому движению.

— Мы покинули зал заседаний и больше туда не вернемся, — заключила Коллонтай.

«В одной из отдаленных от зала заседаний комнат Таврического дворца находятся товарищ Ленин и несколько других товарищей, — пишет в книге «Из недр царского флота к Великому Октябрю» Дыбенко. — Относительно Учредительного собрания принято решение: на следующий день никого из членов «учредилки» в Таврический дворец не пропускать и тем самым считать Учредительное собрание распущенным.

Около половины третьего зал собрания покидают и левые эсеры. В этот момент ко мне подходит товарищ Железняк (Анатолий Железняков. — И. Ж.) и докладывает:

— Матросы устали, хотят спать. Как быть...

— ...«Учредилку» разгоните, а завтра разберемся».

Железняк только этого и ждал. Без шума, спокойно и просто он подошел к председателю «учредилки» Чернову, положил ему руку на плечо и заявил, что ввиду того, что караул устал, он предлагает собранию разойтись по домам.

«Живые силы» страны без малейшего сопротивления быстро испарились.

Так закончил свое существование долгожданный всероссийский парламент. Фактически он был разогнан не в день своего открытия, а 25 октября. Отряд моряков под командованием товарища Железняка только привел в исполнение приказ Октябрьской революции».

На следующий день, вернувшись из Смольного, Дыбенко не удивился, увидев в кабинете командиров матросских отрядов, которые вчера поддерживали на улицах столицы революционный порядок: слышались едкие флот-сине шутки, задорный смех. Дыбенко объявил: по докладу В. И. Ленина ВЦИК принял декрет о роспуске Учредительного собрания. Все находившиеся в кабинете одобрили сообщение.

— Мы это вчера сделали! — не удержался Анатолий Железняков. Он стал рассказывать о своей «беседе» с депутатом: — Перед началом заседания у входа в Таврический дворец подошел ко мне представительный буржуй в богатой шубе, предъявил мандат и заискивающе произнес: «Я очень рад, что охрана нашего собрания поручена матросам. Теперь можно не волноваться и в спокойной обстановке разрешить все наболевшие вопросы». Я ему ответил: «Правильно, господин член Учредительного собрания. Порядок будет полный, если вы за Советскую власть». После этих моих слов господин втянул шею в бобровый воротник и быстро удалился.

Хохотали моряки, а вместе с ними и нарком...

Подлинная воля народных масс была выражена на III Всероссийском съезде Советов, собравшемся через три дня после роспуска Учредительного собрания. Съезд единодушно одобрил решение правительства о его роспуске, провозгласил Республику Советов и принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» — основу Конституции социалистического государства.

В работе съезда участвовало 40 флотских делегатов. С горячим приветственным словом выступил Анатолий Железняков. Рассказав о разгоне Учредительного собрания, он заверил: «У революционной армии и флота, у всех «чернорабочих революции» еще не заржавели винтовки и хватит сил для того, чтобы довести революцию до конца и одержать окончательную победу над капитализмом». Делегаты приветствовали Железняка возгласами: «Да здравствует революционный флот!» — «Да здравствует непобедимая революционная армия рабочих и крестьян!» — отвечал Анатолий Железняков...

Еще до открытия «учредилки» 2 января в кабинет наркома вошел адмирал Максимов; по-прежнему строен, походка легкая. Дыбенко поднялся, протянул руку:

— Здравствуйте, Андрей Семенович, садитесь, рассказывайте, как дела на фронте электрификации?

— Двигаемся, Павел Ефимович, хотя и медленно, но на месте не стоим. Самое неприятное для моряка — отстаивание в гавани, пережидать бурю. А мы идем вперед по генеральному курсу, не ждем хорошей погоды.

Адмирал всех поражал удивительной работоспособностью, молодым энтузиазмом, неиссякаемой энергией. «В заседании коллегии бывший командующий Балтийским флотом адмирал Максимов докладывает о своих грандиознейших планах эксплуатации военной промышленности, использовании водопадов для добывания торфа и пр.», — вспоминает Дыбенко.

В первые дни работы нового Советского морского наркомата, 8 ноября, Максимов удивил всех.

— Товарищи! Будем строить на Свири электрическую станцию, — заявил он как о самом обыденном. И в общих чертах изложил свою идею. — Через несколько дней я напишу докладную на ваше имя, Павел Ефимович, и более обстоятельную — в Совет Народных Комиссаров Владимиру Ильичу Ленину.

— Уважаемый Андрей Семенович! — Дыбенко вышел из-за стола и сел рядом. — Народ голодает, разут и раздет, нас окружают злобные враги. Можем ли мы сейчас говорить о строительстве электростанции? Да и флотское ли это дело? Кто нам денег даст?..

Максимов перебил:

— Мне хорошо запомнились однажды сказанные вами слова: «Я принадлежу к самой передовой партии большевиков, которая смотрит и видит далеко вперед: мы — впередсмотрящие!» Ваши слова? Могу заверить вас, уважаемый народный комиссар, — электричество от всех бед спасет. Оно как воздух необходимо военной промышленности, нашему флоту, Петрограду. А затраты окупятся в один-два года.

Убедил адмирал и наркома, и членов морской коллегии. Договорились: после консультации со специалистами Максимов подготовит все необходимые документы, доложит коллегии.

И началось! Адмирал привлек виднейших в то время специалистов Петрограда. Вскоре на столе у Дыбенко лежали две бумаги: одна — Председателю Совета Народных Комиссаров В. И. Ленину, другая — народному комиссару по морским делам. Павел Ефимович читал и

поражался оперативности Максимова. Документы датированы 4 января 1918 года.

«Прошу войти с представлением в Совет Народных Комиссаров о разрешении приступить теперь же к использованию водной силы водопадов Петроградского района для надобностей промышленности, связанной с интересами Морского Ведомства.

В первую очередь предполагается приступить к использованию водопадов реки Свири (80 тыс. лош. сил), затем, в случае заключения мира, — Нарвских водопадов (70 тыс. лош. сил).

Для немедленного осуществления этой работы прошу:

1. Отпустить в распоряжение Морского Ведомства 15 000 000 шведской валюты на предмет использования технических познаний всемирно известных шведских специалистов и техники по превращению водной силы водопадов в электрическую энергию и для заказа водяных турбин и генераторов.

2. Ассигновать на устройство земляных работ в первую очередь в текущем году 50 000 000 рублей.

Работы должны быть закончены в двухлетний сезон, с подачей энергии в 1920 году, вследствие чего затраченный капитал окупится в течение 2–3 лет.

Использование водной энергии и торфа — единственный выход поддержать промышленность Петроградского района во избежание полной ее остановки, что всегда возможно и что даже наблюдается в данное время за отсутствием топлива.

Проекты по превращению водной силы водопадов и по добыче торфа вместе с сим разрабатываются.

Помощник морского министра

А. Максимов».

Коллегия заслушала сообщение адмирала Максимова, одобрила и еще до утверждения проекта Совнаркомом для начала исследовательских работ на Свири выделила 500 тысяч рублей из фондов морского ведомства. И нарком Дыбенко, и члены коллегии были уверены — Владимир Ильич Ленин, Совет Народных Комиссаров утвердят этот план. И не ошиблись. 3 мая 1918 года Совнарком признал государственное значение Свирского строительства, постановил отпустить на подготовительные работы в 1918 году 50 миллионов рублей, из них на первое полугодие — 15,5 миллиона. Возникла организация Стройсвирь, детище военных моряков. По тем временам грандиозное строительство. Адмирал Максимов своей смелой идеей увлек многих талантливых специалистов, и в их числе Г. О. Графтио

— будущего главного инженера строительства Волховской гидроэлектростанции.

Стройсвирь возглавил инженер кронштадтского порта В. П. Шаверновский, его ближайшие помощники — К. В. Спицин, И. Л. Саврилович и комиссар М. И. Заболоцкий. В очень короткий срок Шаверновский разработал все проекты и чертежи Свирской гидроэлектростанции...

В Центральном архиве ВМФ в Ленинграде хранятся папки, на которых написано «Стройсвирь» — документы о титанической работе на Свири, а чуть позже и на Волхове, проводимой морским ведомством. Вот некоторые цифры: на 1 сентября 1919 года общее количество привлеченных к делу рабочих и служащих составило 4640 человек, из коих на Свири 2745 человек, то есть 59 процентов. Работы велись и тогда, когда войска Юденича угрожали Петрограду. Строительство не было завершено. В 1921 году оно вошло в ленинский план ГОЭЛРО. Сначала была построена Волховская ГЭС, а затем и Ниж-не-Свирская. В обе вложили свой немалый труд военные моряки.

В то тяжелое время моряки занимались также разработками бурых углей, добычей торфа.

К 1 января 1918 года 40 тысяч м'оряков, почти половина личного состава Балтфлота, сошли с кораблей на сушу для борьбы за власть Советов. Это была лучшая, дисциплинированная, сознательная, революционная часть матросов. Их уход на флоте почувствовали: на кораблях и в береговых частях подняли головы горлопаны-анархисты. И вот результат: в новый (пятый) состав Центробалта им удалось выставить большинство своих представителей. На заседаниях ЦКБФ они демагогически критиковали не только Верховную морскую коллегия, но и Совнарком. 15 января анархистское большинство протащило решение о лишении полномочий Дыбенко в качестве председателя Верховной морской коллегии. И повод нашли: нарком отказал в выдаче спирта и револьверов некоторым кораблям и членам ЦКБФ.

В эти дни Дыбенко готовил доклад Совнаркому о реорганизации Военно-Морского Флота. Пришлось все отложить. Вместе с Федором Раскольниковым он отправился в Гельсингфорс улаживать возникший конфликт. На вокзале их встретили пять большевиков — членов ЦКБФ во главе с Николаем Измайловым и в один голос заявили, что они уже опротестовали решение анархистского большинства как демагогическое.

— Разберемся, — сказал Дыбенко.

Шагая по набережной, бывший председатель Центробалта смотрел на рейд. Боевые корабли стояли на своих местах, над ними развевались красные флаги с большими белыми буквами СФРР — Свободный флот Российской республики. Поднялись на «Полярную звезду». На палубе многолюдно. Собрались члены Центробалта, представители некоторых кораблей. Многих Дыбенко видел впервые, раньше их в активе не было, теперь они занимали руководящие посты в ЦКБФ.

Павел Ефимович предложил всем пройти в салон.

Нарком подошел к трибуне. В салоне прекратился шум. Отчетливо слышался басовитый голос Павла Ефимовича:

— Сейчас мы с товарищем Раскольниковым отчитаемся перед вами о проделанной работе Верховной военно-морской коллегии, доложим о наших планах на будущее. Полезное оцените, на ошибки укажите. Все полезное, деловое примем к неуклонному исполнению.

Дыбенко говорил о том, что скоро Совнарком примет декрет об организации нового, Советского Военно-Морского Флота на добровольческой основе. Дважды повторил — добровольческой, а не вольнонаемной, как того добиваются некоторые господа офицеры, матросы и даже отдельные члены Центробалта. Рассказал о разработанных Верховной морской коллегией мероприятиях.

Потом выступил Раскольников.

В первых рядах сидели самые шумливые: П. Скурихин, В. Гнедин, Д. Жидик, Т. Курдюков... Это они, как сказал Николай Измайлов, выступают «не только против наркома, но и Совнаркома». Они вели себя тихо, вместе со всеми голосовали за одобрение плана текущей работы и дальнейшей деятельности Верховной коллегии, голосовали за отмену решения ЦКБФ от 15 января, признали «деятельность товарища Дыбенко соответствующей народному избраннику». Дыбенко удовлетворен, все прошло спокойно. Избрали делегацию на заседание Совнаркома, на котором будет обсуждаться вопрос о реорганизации флота.

Заседание ЦКБФ, проходившее 19 января 1918 года, закрылось. В этот же день Дыбенко и Раскольников уехали в Петроград, но не было уверенности, что анархизирующее большинство ЦКБФ надолго успокоилось, что они еще не покажут себя, не создадут новый конфликт.

В Смольном, как и в дни Октябрьского штурма, много флотских. Пришли члены законодательного совета, Высшей военно-морской коллегии, из Гельсингфорса приехала группа центробалтовцев. Сегодня, 29 января 1918 года, Совнарком будет обсуждать вопрос о реорганизации

Военно-Морского Флота.

Заседание началось. Пригласили моряков. Ленин предоставил слово наркому флота для доклада «О переводе Военно-Морского Флота на добровольческое начало». Дыбенко рассказал, что на флотах трудностей много: офицерский корпус не прекратил саботаж, а тех, кто честно служит Советской власти (назвал Максимова, Альтфатера, Иванова, Ружека и других адмиралов и офицеров), преследуют, травят, донимают анонимными письмами, угрожают физической расправой.

— Разрешите, Владимир Ильич, зачитать проект декрета?

— Пожалуйста, — ответил Ленпн и, подперев подбородок рукою, приготовился слушать...

Проект, предложенный Дыбенко, Совнарком одобрил и принял за основу. Постановили перевести флот на добровольческую систему. Комиссии под председательством А. В. Луначарского предлагалось в течение часа дать окончательное заключение по проекту. 30 января В. И. Ленин подписал декрет о роспуске старого и создании нового, социалистического Рабоче-Крестьянского Флота, состоявшего из добровольцев — рабочих и крестьян, служивших интересам трудового народа.

С 29 января 1918 года старое морское министерство окончательно и навсегда прекратило существование, возникло новое, советское — Народный комиссариат по морским делам. Верховная коллегия стала называться коллегией Народного комиссариата по морским делам. Законодательный совет объявил о своем самороспуске.

Совет Народных Комиссаров назначил коллегию НКМД в составе И. И. Вахрамеева, Ф. Ф. Раскольников и С. Е. Сакса. Председатель — нарком П. Е. Дыбенко. 30 января коллегия издала приказ о назначении Н. Ф. Измайлова главным комиссаром Балтийского флота. Е. С. Блохина, А. С. Штарева, А. Н. Кабанова и В. Я. Долгова — помощниками комиссара. Это решение соответствовало предложению военного отдела ЦКБФ о ликвидации Центробалта и местных флотских комитетов и замене их комиссарами.

...Центробалтовское анархистское большинство отказалось принять назначенных «сверху» комиссаров, о роспуске ЦКБФ и слышать не желало, а членов Центробалта — Измайлова и Блохина — постановило арестовать. Узнав о новом «бунте», Дыбенко негодовал.

— Придется ехать в Гельсингфорс, — сказал Дыбенко на коллегии, — буду улаживать конфликт...

По мере того как мирные переговоры с Германией по вине Троцкого

заходили в тупик, обострялась обстановка и на Балтийском море, особенно в Або-Аландском укрепленном районе и в Ревеле. 13 января 1918 года финские белогвардейцы захватили и увели в шведские воды ледокол «Сампо». 14 февраля в 20 часов 10 минут шведские корабли вошли в бухту Эккере. Враги Советской власти одной из своих главных задач ставили захват или уничтожение Балтийского флота. Это была открытая провокация. На Аландских островах дислоцировалось большое количество подразделений флота, хранились запасы военного имущества и оружия. Шведы, высадив десант на Аланд, потребовали немедленной эвакуации острова, вывозить что-либо запретили, взять лишь одну винтовку на человека. Получив сообщение о десанте, Дыбенко тот же час доложил В. И. Ленину, судьба Балтийского флота сильно тревожила вождя революции. Уже на следующий день — 15 февраля — Совнарком слушал доклад Дыбенко «О стратегическом положении на море в случае активных действий Германии». На основе указаний Владимира Ильича коллегия Морского комиссариата разработала директиву перебазирования Балтийского флота из Ревеля и Гельсингфорса в Кронштадт. Директиву читал сам нарком: «...Именем Совета Народных Комиссаров Российской Федеративной Советской Республики коллегия Морского комиссариата приказывает... Теперь же увести из Ревеля в Гельсингфорс все те боевые и вспомогательные суда, наличие команды на которых, а равно техническое их состояние не допускает выхода их в море по первому требованию... Теперь же подготовить к уходу из Гельсингфорса в Кронштадт все те суда 2-й и 3-й категории, коп могут быть без ущерба для них проведены в колотом льду... Теперь же принять все меры к тому, чтобы эта директива фактически могла бы быть использована флотом по первому к тому требованию. Сверх изложенного теперь же надлежит принять меры к возможному переводу запасов флота из Ревеля в Гельсингфорс и Кронштадт».

Члены морской коллегии после некоторых поправок утвердили текст...

17 февраля в 18 часов 50 минут директива была передана Центробалту. Этот день и стал началом стратегической операции по преобразованию Балтийского флота, которая вошла в историю под названием «Ледовый поход»...

Аландский инцидент удалось урегулировать дипломатическим путем через посла в Швеции Вацлава Вацловича Воровского. Но Советскому правительству пришлось пойти на новые жертвы: вывести русские войска с островов и оставить их.

Дыбенко собрался на Балтику, хотел побывать в Ревеле и

Гельсингфорсе. Наркома сильно беспокоила нездоровая обстановка в Центробалте, там усилились «трения» между большевистским меньшинством и анархистским большинством. Выехать на флот правительство не разрешило. «Вы нужны в Петрограде, — сказал Свердлов. — В Гельсингфорс направим Коллонтай и Шейнмана. Понимаю, Александре Михайловне полагалось бы отдохнуть после тревожного путешествия...»

Чтобы помочь друзьям за рубежом, лучше узнать правду о Советской стране, рассеять небылицы, которые плели враги о молодом социалистическом государстве, 17 февраля 1918 года по предложению В. И. Ленина за границу была направлена делегация ВЦИК во главе с Коллонтай. «Пароход наш тогда попал на минное поле, был зажат льдами, дал течь, — писала позднее Александра Михайловна. — Пришлось искать спасения на Аландских островах».

Делегация возвратилась в Петроград.

И вот Коллонтай: снова уезжала. Дыбенко был так занят, что даже не смог проводить ее на вокзал.

...Обстановка осложнялась. В февральские дни 1918 года, когда мирные переговоры с Германией были сорваны, развернулось наступление германских войск, Совет Народных Комиссаров принял написанный В. И. Лениным декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности!», рабочие и крестьяне России призывались к беззаветной защите «Республики Советов от полчищ буржуазно-империалистической Германии»^[22].

Декрет был опубликован 22 февраля 1918 года. Народ поднялся на защиту Советской Родины; в Красную Армию, которая только что создавалась, вступали тысячи добровольцев — рабочих и крестьян, демобилизованных солдат. И работники морского комиссариата занимались главным из наиглавнейших дел — формировали и отправляли на фронт матросские боевые подразделения, группы, отряды.

Но этого было явно недостаточно. Фронту требовались все новые и новые пополнения. А где взять людей? В Кронштадте и Петрограде взяли всех, кого можно. Дыбенко решает ехать в Гельсингфорс, хотя и там не хватало людей, многие корабли были поставлены на консервацию. Да и сама Главная база в опасности — со дня на день флот может оказаться у противника.

23 февраля из Гельсингфорса вернулась Коллонтай. Дыбенко буквально на ходу спросил ее:

— Как прошло «примирение»? Как ведут себя в этой тревожной

обстановке члены Центробалта?

— Все в порядке, — ответила Александра Михайловна. — Верх берут здоровые силы. Комиссаров приняли, а Центробалт в ближайшее время объявит о самороспуске^[23]. Военный отдел ЦКБФ усиленно готовится к переводу кораблей в Кронштадт. — Передохнув, продолжила: — Хотя и тут не обошлось без нытиков и скептиков, не верящих в возможность плавать во льдах. Особенно много их среди офицеров. «Русский флот существует более двухсот лет, и никогда еще в зимних условиях корабли не совершали походы», — говорят эти господа. Матросы, Павел, в подавляющем большинстве настроены по-боевому. Вот ответ революционной Балтики. — Она передала листок.

Дыбенко стал читать приказ Центрального Комитета Балтийского флота № 78 от 21 февраля. «Объявляется революционная мобилизация для беспощадной борьбы с германскими империалистическими полчищами», — говорилось в нем. Центробалт звал всех способных держать оружие подняться «на последний революционный бой, в котором или победим, или с честью умрем».

— Хорошие ты вести привезла, Шура, — сказал Дыбенко. — Все это так важно сегодня! Над Советской страной нависла беда!

Утром Дыбенко был в Гельсингфорсе. С вокзала шел знакомыми улицами и грустно смотрел на впаянные в лед боевые суда. Слабый белый дымок выползал лишь из некоторых труб. «Держатся на голодном топливном пайке», — думал он. Увидел полосу взломанного льда, ее совсем недавно пробили. «Теплится еще жизнь в Главной базе», — заключил Дыбенко.

На «Полярной звезде» никого из членов Центробалта не было. Вскоре появился Измайлов. Главный комиссар Балтфлота рассказал, что на всех кораблях и береговых частях прошли митинги по декрету-воззванию Совнаркома.

— Моряки принимают резолюции, требующие прекращения демобилизации личного состава, строгого соблюдения революционной дисциплины, — говорил Измайлов. Положил перед наркомом пачку резолюций, добавил: — Корабли приводятся в боевую готовность.

Дыбенко читал резолюции. Команда линкора «Севастополь» постановила: «Кому дорога справедливость на земле и кто желает, чтобы его дети, братья, сестры, отцы, матери и деды не страдали от гнета царей и палачей и их правителей, тот должен встать под красное знамя борьбы. Товарищи матросы! Ваш долг немедленно ехать в свою часть... Все должны встать на защиту Родины, Свободы, Революции. Кто против —

тому смерть, проклятие!» А вот резолюция гангутцев: «Мы все как один остаемся на своих местах до тех пор, пока враг окончательно будет сломлен. А тех товарищей, которые бессознательно бегут, бросая свои корабли, клеймим несмываемым позором и выкидываем из своих революционных рядов».

— Молодцы балтийцы! — восторгался нарком. — Нам есть на кого опереться. Давай, главный комиссар, обсудим положение, докладывая.

— Очень тревожно в Ревеле. — Измайлов выглядел усталым, видно, много ночей недосыпал. — Бои идут на подступах к городу. Ждем первую группу ревальских кораблей, туда направили ледоколы «Ермак», «Волынец» и «Тармо»; на них представители Центробалта.

— Обстановка тяжелая, — раздумчиво произнес Дыбенко. — А как с людьми?

— Не хватает. Пытаемся доукомплектовать линкоры и крейсера за счет береговых команд Петрограда, Кронштадта и Ораниенбаума. Кое-кого нашли на вспомогательных судах...

«Флот оголен, а фронту нужны моряки», — думал нарком. Измайлову сказал:

— В Гельсингфорс едет Борис Жемчужин — уполномоченный Совнаркома по переходу кораблей в Кронштадт. — Немного помолчав, спросил: — Как настроение офицеров?.. Да, чуть не забыл, пускай дежурный срочно разыщет Свистулева, у меня к нему важное задание.

— Офицеры? Разные они. Кто признает новую власть, те за переход кораблей. Кое-кто отмалчивается. Но многие категорически против. «Не пробьемся, — говорят они. — Будем отстаиваться в Гельсингфорсе до лучших времен». Они-то и разлагают матросов, вбивают им в головы: «Немцы скоро придут, а море льдом сковано. Переход в Кронштадт невозможен. Остается плен».

— Подлецы! Изменники! Иначе их не назовешь. Их агитация полностью соответствует вражеским планам. «Немцы-де покончат с Советами, захватят флот, а после заключения мира вернут его новой России без большевиков». Вот о чем мечтают эти господа!

Некоторое время оба молчали. Заговорил Дыбенко:

— После Октября среди офицеров образовались по крайней мере три группы. Первую, незначительную, составляют офицеры, перешедшие на сторону народа или ему сочувствующие, они с нами сотрудничают, их мы поддерживаем и оберегаем. Вот они-то за переход, за спасение флота. Вторая группа — многочисленная — мечтает о России английского образца, где уживается парламент и монархия. И наконец, третья —

откровенные царисты, как Вилькен, Черкасский, Ренгартен, Граф. Их много. — Дыбенко закурил. — Правительство поставило перед моряками задачу — во что бы то ни стало перебазировать флот в Кронштадт! Корабли нужно сохранить для Советского государства. Прошу учесть — это приказ! Его мы обязаны выполнить!

Подходили комиссары, центробалтовцы. Всех интересовало положение на фронте. Дыбенко рассказывал, отвечал на вопросы, но о причине своего прибытия в Главную базу еще не обмолвился и словом, только спросил, где мичман Сергей Павлов и его отряд. «Здесь я!» — раздался знакомый голос.

— Объявляю для сведения — мичман назначен начальником штаба Сводного отряда моряков и вместе с отрядом немедленно направляется на фронт в район Нарвы.

— Опять забираете людей! — Измайлов схватился за голову.

— Н-а-д-о! — Дыбенко повторил: — Н-а-д-о! — И ко всем: — Мы обязаны сделать все возможное... и даже невозможное, чтобы выстоять и победить!

...В тот же день, 24 февраля, в Мариинском дворце состоялось расширенное пленарное заседание Центробалта с представителями всех комитетов города и флота. Зал был заполнен до отказа. Обсуждался вопрос о войне и мире, о практических мероприятиях по революционной мобилизации широких масс рабочих, солдат и матросов на борьбу с германскими империалистами. Условия, которые предъявила Германия после срыва Троцким переговоров, кое-кому казались позорными, унижительными. И Дыбенко вначале так думал, но скоро понял — ошибался. Вот на трибуну поднялся левый эсер Шишко и после долгих разглагольствований крикнул: «Ни мира, ни войны!»

Дыбенко словно током ударило.

— Народ измучился, устал от войны, ему нужен мир! — крикнул он. — И во имя спасения революции пойдем на эти условия! Унижительные условия!

Подавляющее большинство собравшихся одобрило ленинскую политику мира. «Мы уверены, — говорилось в резолюции, — что заключенный Советской властью мир в ближайшем будущем будет уничтожен мощными и дружными восстаниями пролетариата Запада».

Дыбенко попросил мичмана Павлова рассказать собравшимся о своем отряде балтийских моряков, дравшихся с белыми бандами Каледина и Дутова.

— Проливая кровь три месяца на фронте против Каледина и Дутова,

мы дрались за революцию, за народ и победили, — сказал Павлов. — Теперь же, приехав сюда, мы с болью в сердце заметили, что сплоченные ряды гельсингфорсских моряков разрознены агитацией преступных элементов, которые под видом анархистов разлагают спаянные ряды. Мы готовы немедленно выехать на фронт против зарвавшихся немцев и сражаться до последнего дыхания.

Дыбенко подошел к мичману, обнял его и посадил рядом в президиуме. Только сейчас заметил, как Павлов изменился: щеки впали, нос вытянулся. «Отдохнуть бы ему, да и всему отряду, по ведь враг под Петроградом».

Появился запыхавшийся Павел Свистунов.

— Передали, нужен я тебе. — подошел он к Дыбенко. — Наверное, на фронт? Готов!

— Ты, Павлуша, останешься в Гельсингфорсе. Вот-вот приедет Борис Жемчужин, вместе с ним будете эвакуировать флот. Держи постоянную связь с товарищем Отто Куусиненом. Возможно, придется и финских активистов вывозить в Россию. Вот тебе мандат, подписанный Свердловым.

...Полторатысячный отряд Павлова пополнялся свежими силами, готовился к отбытию на фронт. Надо было спешить. В Главной базе стало известно, что после упорных боев немецкие войска заняли Псков. Пал Ревель, находившиеся там корабли вышли под прикрытием крейсера «Адмирал Макаров» и держат курс на Гельсингфорс. Ледоколы «Ермак» и «Волынец» прокладывают им путь, взламывают тяжелый лед. «Теперь неприятель перебросит освободившиеся войска под Нарву», — сказал Дыбенко Павлову. Оба руководили посадкой матросов в эшелоны. Они спешили на фронт.

«Время поджимает, — волновался Дыбенко. — Надо бы обдумать и обсудить все до мелочей, связанных с перебазированием флота в Кронштадт». Он все же успел встретиться с адмиралами А. П. Зеленым и А. А. Ружеком, поговорил с ними. Александр Павлович Зеленой заявил: «Сделаю все возможное». Обнадежил наркома и Ружек, обещал отдать все свои силы служению новой России.

Посадка завершена. На станции собралась большая группа провожающих, все желали успеха в нелегких боях. Уже перед самым отправлением к поезду подошли человек тридцать матросов. Их привел Г. П. Киреев. Дыбенко знал Киреева: большевик, после Февральской революции 1917 года в Гельсингфорсском Совете возглавлял морскую секцию. В феврале 1918 года Киреев возглавлял «организационный

комитет Гельсингфорсского революционного отряда террористов», который находился при военном отделе Центробалта и совете комиссаров, выполнял их «особо важные поручения». Дыбенко был знаком и с опубликованным в печати воззванием «комитета» к матросам, солдатам и рабочим революционной России. В нем говорилось: «...Кто из вас смело смотрит смерти в глаза, кому Свобода дорога, как воздух, без которого нельзя жить... Кто дорожит Свободой и Революцией — все в наш отряд... Паш девиз: беспощадный красный террор против врагов трудового народа, суровая товарищеская дисциплина, клятва — не слагать оружия до полной победы над врагами Свободы и Революции».

Передавая Дыбенко группу моряков, Киреев сказал:

— Принимай подмогу, нарком. Добровольно идут товарищи воевать с германцами за свободу и революцию. Скоро еще орлов пришлю...

«Ну и вид, а впрочем, и наши экипированы как попало». Дыбенко посмотрел на Павлова.

— Пускай едут, — сказал начштаба. — Ведь не к теще на блины.

— Залезайте, да побыстрей! — скомандовал Дыбенко. Поезд тронулся. Балтийцы уезжали воевать...

Во время остановки в Петрограде в Первом Северном летучем отряде революционных моряков Балтийского флота — так он официально назывался — побывал военный руководитель Комитета обороны Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич. Дыбенко уже встречался с ним, но лучше и ближе знал брата — Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, управляющего делами Совнаркома. Руководитель Комитета обороны подтвердил: да, 26 февраля немцы захватили Псков, но продвинулись всего лишь на десять километров; сказал, что начальником Нарвского участка назначен бывший генерал Д. П. Парский что после падения Ревеля обстановка на этом участке осложнилась, противник сосредоточил крупные силы.

Флотское пополнение генералу не понравилось. Он так и сказал Дыбенко:

— Ваши «братишки» не внушают мне доверия.

— Да вы что, генерал! — с нескрываемым возмущением воскликнул ошарашенный Дыбенко. — Это же герои революционной Балтики! Они вместе с Литовским полком разгромили контрреволюционную ставку. Вы же сами восхищались ими. Помните, что вы сказали 28 ноября? Забыли? А я помню... Вы назвали их молодцами.

— Я против отправки моряков под Нарву.

— Ну это уж чересчур! — резко произнес Дыбенко.

И настоял на своем.

1 марта Северный летучий отряд прибыл в Нарву. Недружелюбно встретил балтийцев и Парский, он не сводил глаз с разношерстно одетых моряков. «И этому вроде не по душе флотские, не соблюдена форма. — Дыбенко еле сдерживался от возмущения. — Да что они, сговорились?»

— Вид разболтанный, — с нескрываемым раздражением произнес Парский.

— «Разболтанный»! — со злостью повторил Дыбенко. — Да эти матросы три месяца воевали с мятежными царскими генералами Калединым и Дутовым. Отлично воевали! Только вернулись с фронта, даже не поспали как следует, а вы смотрите на них с презрением. — И все больше распаляясь: — Можно подумать, что вы собрали под свое боевое знамя отборных гвардейцев, одетых в парадную форму. У вас же менее четырех тысяч бойцов, большинство необученные. Партизанские отряды из-под Нарвы, отряды Юрьев-Путиловский, Ямбургский, матросские небольшие подразделения солдат 22-го Финляндского и 117-го Выборгского полков. Как видите, я в курсе дела. Знаю, что вам трудно сдерживать лавину немцев. А вы еще отказываетесь принять почти двухтысячный отряд боевых, обстрелянных матросов, беспредельно преданных народу! Балтийцы не подводили и никогда не подведут Советскую власть! Я сам поведу их в бой!

— Прорывайтесь к Ревелю и обороняйте Нарву, — приказал генерал.

— Приказ понял, — сказал Дыбенко и просил поддержать артиллерией.

Разгневанный Парский молча удалился в домик, стоявший в глубине заснеженного сада.

Павлов не вмешивался в происходившую пикировку, но, когда за генералом закрылась дверь, не скрывая своего возмущения, он сказал:

— Форма, видите ли, генералам не понравилась. Ну и ну!

— Именно «ну и ну», — Дыбенко махнул рукой. — Пойдем, Сергей Дмитриевич, готовить матросов к бою.

В тот же день, 1 марта, Дыбенко встретился с командиром ревельской группы моряков и солдат П. М. Булкиным, матросом с крейсера «Россия», которому были подчинены отступающие из района Ревеля армейские части старой армии. Павел хорошо знал Булкина: в марте 1917 года он вместе с эстонскими большевиками Яном Анвельтом, Виктором Кингисеппом вошел в созданный Ревельский комитет РСДРП (б).

— Как дела? — спросил Дыбенко.

— Нечем хвалиться. Только что послал донесение в морскую

коллегию. Осталась копия. Возьми.

«Все армейские части, — читал Дыбенко, — разлагаются, мы почти остаемся одни, готовые стоять до конца и защищать Советскую Республику. Просим дополнительно пятьсот или сколько имеется у вас моряков...»

— Немцы все время подтягивают свежие силы, — говорил Булкин. — Рвутся вперед. Только мы, моряки, их и сдерживаем. Но нас мало!

— Вместе будем воевать...

Первый бой Северного летучего отряда (в него вошел отряд Булкина) произошел в районе маленькой станции Иевве. Упорная схватка продолжалась весь день и ночь 2 марта. Сюда противник двинул свежие войска. Навстречу им выступил эшелон с матросами и двумя броневиками, погруженными на платформы. Артиллерийским огнем враги искалечили паровоз, разбитые броневики свалились под откос. Погиб машинист, его помощник, десять бойцов тяжело ранены... Моряки заняли оборону. Трудно им было без артиллерии.

Дыбенко телеграфировал в Комитет революционной обороны Петрограда, обращался к Парскому, просил прислать подкрепление, а главное, легкую артиллерию. Ему даже не ответили.

Ранним утром 3 марта противник начал наступать двумя колоннами вдоль железной дороги и севернее ее по ревельскому шоссе. Ожесточенные бои шли близ Вайвара-Корф (Эстония). Отряд матросов и красногвардейцев-путиловцев повели Дыбенко, Павлов и Булкин. Шли по глубокому снегу, несколько раз бросались в атаку. На правом фланге приморского участка недалеко от Нарвы продвинулись вперед на несколько километров, но, не получив подкрепления и артиллерии, потеряв около 250 человек убитыми и ранеными, Северный летучий отряд отступил.

Парский не помог балтийским морякам. Он готовил свой план боевых действий. 3 марта генерал вызвал Дыбенко на совещание в Ямбург и объявил командирам об общем наступлении в районе Нарвы. Дыбенко, сославшись на большие потери в своих отрядах, отказался участвовать в наступлении, упрекнул генерала в том, что он преднамеренно оставил балтийцев в трудных условиях — не прикрыл фланги, не обеспечил артиллерией. Парский аж побледнел от негодования.

— Это возмутительно! — воскликнул он.

Дыбенко понимал: приказ не подлежит обсуждению. Погорячился.

Довольно скоро из Петрограда пришла телеграмма. Прочитав ее, Павел сказал своему начальнику штаба:

— Не получился из меня полководец, Сергей Дмитриевич. Не получился... Меня отзывают...

— Быстро генерал доложил в Петроград, — сказал Павлов.

«Встревоженный сообщением Парского, — вспоминает М. Д. Бонч-Бруевич, — я подробно доложил о нем Ленину. По невозмутимому лицу Владимира Ильича трудно было понять, как он относится к этой безобразной истории. Не знал я и того, какая телеграмма была послана им Дыбенко. Но на следующий день утром, всего через сутки после получения телеграфного донесения Парского, Дыбенко прислал мне со станции Ямбург немало позабавившую меня телеграмму:

«Сдал командование его превосходительству генералу Парскому», — телеграфировал он, хотя отмененное титулование это было применено явно в издевку».

...Мирный договор с Германией был подписан 3 марта. В этот день советские части оставили Нарву. Закрепиться на правом берегу Нарвы не удалось. Отступавшие войска стягивались в районе Ямбурга, а отряд матросов самовольно отправился в Гатчину. Штаб Д. П. Парского утром 5 марта оставил Ямбург и прибыл в Волосово.

...Уже в Петрограде Дыбенко внимательно и не один раз перечитал выступление В. И. Ленина на съезде. Особенно врезались в память слова Владимира Ильича, охарактеризовавшего положение на фронте в те тяжелые дни. «Мы предполагали, что Петроград будет потерян нами в несколько дней, когда подходящие к нам немецкие войска находились на расстоянии нескольких переходов от него, *а лучшие матросы и путиловцы* (Разрядка автора. — И. Ж.), при всем своем великом энтузиазме, оказывались одни, когда получился неслыханный хаос, паника, заставившая войска добежать до Гатчины...»^[24] «Это и нас имел в виду Ленин», — сделал вывод Дыбенко. Не предполагал он, что его предадут суду Революционного трибунала. А когда узнал, решил в суд не являться.

Дыбенко понимал, что теперь его отстранят от должности народного комиссара флота. Он тяжело переживал случившееся. Никогда он не чувствовал себя таким одиноким и расстроенным. В бушлате и бескозырке вышагивал по огромному кабинету туда-обратно, туда-обратно. Все думал. «Посоветуюсь с Владимиром Ильичем, — внезапно осенила мысль. — Как скажет, так и поступлю». И все же он медлил, не решался пойти к Ленину.

Минуло несколько дней. Заходил мичман Павлов, они долго разговаривали, анализировали случившееся. Павлов рекомендовал Дыбенко пойти в суд.

— В чем виноваты — признайтесь, ложное решительно отвергайте, — говорил. — Матросов в обиду не давайте, они воевали геройски, если бы нас поддержала артиллерия, наметившийся успех можно было развивать.

Навестил Павла Мальков. Он тоже утверждал, что Дыбенко следует пойти в суд...

Пришла и Коллонтай. Она поздоровалась, сняла меховую шапочку, положила на диван, расстегнула шубку. «Холодно в номере», — бросил Дыбенко. Взял с окна чайник и скоро вернулся с кипятком. Наполнил алюминиевые кружки, достал из шкафа галеты, две воблы.

— Согревайся, — сухо сказал, сам к столу не садился, все вышагивал по комнате.

Коллонтай рекомендовала Павлу явиться в суд.

— Уверена, Владимир Ильич тоже посоветовал бы так поступить, — сказала она.

Дыбенко пошел в суд, рассказал все, как было, и сразу почувствовал облегчение. Пока шло следствие, он работал как и прежде: руководил заседаниями морской коллегии; выезжал в Кронштадт, чтобы лично проверить готовность крепости к приему гельсингфорсских кораблей...

Как-то зашел Вася Марусев. Стряслась с ним беда, парализовало его; левая рука не действовала и ногу еле волочил. Инвалид в 28 лет. Не прошло бесследно пребывание в штрафных батальонах... Марусев уезжал на Урал. Собирался подправиться и вернуться, чтобы помочь добивать врагов и строить новую жизнь.

Друзья проводили Марусева на вокзал. Пришел прощаться со своим комиссаром и адмирал Максимов. («Очень легко работается с Василием Макаровичем», — говорил Андрей Семенович о Марусеве.) Сколько раз вместе выезжали они на Свирь, на строительство гидроэлектростанции.

— Быстро привязываются к Максиму моряки, — сказал Дыбенко стоявшему рядом Сладкову, они оба наблюдали, как трогательно прощаются матрос и адмирал.

— Душевный человек Андрей Семенович, — произнес Сладков, — побольше бы таких адмиралов...

Не вернется Василий Макарович Марусев к балтийцам. Останется инвалидом, но до конца своих дней будет работать в партийных и советских органах Урала и в 1953 году уже совсем слепым уйдет на заслуженный отдых... [\[25\]](#)

Еще одну печальную весть принес телеграф: белофинны расстреляли Григория Светличного, комиссара города Торнео. «Финская белая гвардия приступила к террору». Дыбенко тревожился за Бориса Жемчужина, Павла Свистулева и других товарищей, оставшихся работать в Финляндии.

И в Петрограде обстановка напряжена до крайности: контрреволюционеры все еще надеются свергнуть Советскую власть. О

наглости врагов Дыбенко мог судить по письмам, которые он, как и в первые дни после Октября, получал в большом количестве. Гнусные письма. Некий анонимный автор предложил «объединиться для решительной борьбы с общими обидчиками-большевиками»...

Позвонил комендант Смольного Мальков, сказал: «Сейчас приеду, жди...» И вот он в Адмиралтействе. Разговор сугубо секретный о переезде в Москву Советского правительства. «Нам с тобой поручено подобрать из моряков надежную охрану поезда, назначить командира». — «А что, если Мясникова? — Дыбенко тут же отказался от этой кандидатуры: — Василий Мясников отлично знает петроградское вражеское подполье, здесь ему и находиться». Мальков назвал Николая Антропова с минного заградителя «Амур».

— Он только что вернулся из Рыбинска, где моряки подавляли контрреволюционный мятеж, — сказал Мальков.

Вызвали Антропова. Согласен, но просит дать помощником Ивана Кожанова из «черных гардемарinov», ускоренников. «Кожанов революции предан».

Во время войны студенты старших курсов призывались в морской корпус и после годичного обучения выпускались мичманами, их называли «черными гардемаринами». Эту морскую школу прошел и Кожанов. В 1917 году вступил в партию.

Кожанов прибыл быстро. Стремительно вошел в кабинет. По всему было видно — человек энергичный, темпераментный; улыбочное лицо, держится просто. На предложение сразу ответил: «Готов служить народу!»

Дыбенко, Антропов, Кожанов подбирали матросов, самых надежных, проверенных революцией. Каждого предупреждали — разговор секретный, никто о создании Особого отряда знать не должен. По предложению Дыбенко людей брали из бывшего Северного летучего отряда, 2-го флотского экипажа, с кораблей...

В эти-то дни в Адмиралтействе появился совсем молодой, невысокий, коренастый, прищуроглазый солдат с боевой медалью на шинели. Пришел в кабинет Дыбенко, где работала комиссия, представился: Всеволод Вишневский. По-военному четко доложил, чуть картавя:

— На войну отправился добровольцем в четырнадцать лет, сейчас восемнадцать. К морю меня тянуло с детства, а беззаветная храбрость матросов, их преданность революции окончательно убедили: мое место на флоте.

— Говоришь, море с детства влекло? — Дыбенко с интересом рассматривал бравого солдата.

Всем понравился Вишневский, и его зачислили в Особый отряд. Всеволод Витальевич Вишневский — будущий писатель и драматург — стал военным моряком и был им до конца жизни...

Подготовка к переезду правительства хранилась в строжайшей тайне, ведь Петроград кишел врагами. Пришлось пустить ложный слух: «Совет Народных Комиссаров переезжает на Волгу». Секретность удалось сохранить; так никто и не узнал, в какой день, куда и каким поездом отправлялись члены Советского правительства...

Дыбенко и Коллонтай увидели В. И. Ленина на Цветочной площадке Николаевского вокзала, куда он приехал за полчаса до отправления. Поздоровались. Дыбенко доложил об Особом отряде матросов. Владимир Ильич, думая о чем-то своем, кивнул головой, продолжая неторопливо прохаживаться около вагона...

Поезд медленно двинулся... Состав охраняли латышские стрелки и моряки Особого отряда под командованием Николая Антропова... Уже в Москве пришла печальная весть из Петрограда. Там в момент отхода правительственного поезда произошло столкновение с контрреволюционерами, убит Василий Мясников. Его отряд охранял подступы к вокзалу. «Каких людей теряем! — тихо сказал Дыбенко. — Значит, враги пронюхали...»

Моряки тяжело переживали гибель товарища...

Началась новая жизнь. Флотские учреждения разместились в разных зданиях Москвы. Комиссариат и Главный штаб — на Воздвиженке в особняке бывшего нефтяного магната Шамси Ассадулаева; над крышей на флагштоке развевался красный флаг с буквами СФРР — Свободный флот Российской республики.

Командный состав жил недалеко от Манежа в деревянном здании гостиницы «Лоскутная», переименованной в «Красный флот». В вестибюле пулемет «максим», на ступеньках парадной лестницы дежурил матрос с винтовкой... У Дыбенко в «Красном флоте» своя маленькая комната. Коллонтай поселилась в гостинице «Националь», превращенной в общежитие ответственных советских и партийных работников.

Особый отряд Антропова получил новое название — «Береговой морской отряд при Народном комиссариате по морским делам», он разместился в коммерческом училище на Остоженке, 38. Там и подняли флаг. Доблестных бойцов в черных бушлатах москвичи видели еще в октябрьские дни, когда по предложению Ленина балтийские матросы пришли на помощь московскому пролетариату.

Теперь матросы несли вахту по охране столицы...

Дыбенко считал отряд Николая Антропова своим детищем, шефствовал над ним, выступал с докладами; часто выступали Коллонтай и Лариса Рейснер — комиссар Главного морского штаба. Был избран матросский комитет этого отряда, секретарем стал Всеволод Вишневский.

Матросов отряда посылали на самые «горячие» участки, им доверяли оперативные задания за пределами Москвы.

По просьбе Антонова-Овсенко, назначенного командующим войсками юга России, Дыбенко переводили в его распоряжение. А пока Павел Ефимович хотел съездить в Новозыбков навестить родителей, Антонов одобрил:

— Очень советую побывать в родном городе. Наверное, знаешь, что в мартовские дни 1918 года Новозыбков являлся опорным пунктом западной завесы, преграждавшей наступление немецко-австрийских войск на Москву. Мне довелось командовать красногвардейскими и партизанскими отрядами. В твоём городе родилась красноармейская часть, первой получившая почетное имя В. И. Ленина.

Предложение посетить Новозыбков Коллонтай приняла с радостью.

— Мы оба «безработные наркомы», махнем в край твоего детства, Павел! — воскликнула Александра Михайловна.

Дыбенко хотя и не являлся уже наркомом, но безработным не считал себя, да и Коллонтай знала о его новом назначении, сама же она пока действительно не имела штатной должности. «После IV съезда Советов ушла с поста наркома, не разделяя Брестского мира», — вспоминала она потом...

Центральный Комитет разрешил им на неделю выехать из Москвы. Но Дыбенко не торопился, он ждал, когда последние боевые корабли из Гельсингфорса придут в Кронштадт, ведь за эвакуацию флота он считал себя ответственным перед В. И. Лениным.

2 мая боевые корабли и суда последнего эшелона бросили якоря на Кронштадтском рейде. Великолепная победа революционных моряков, они спасли флот. Приказ В. И. Ленина выполнен! В Кронштадт приведено 238 вымпелов: 6 линкоров, 5 крейсеров, 59 эсминцев и миноносцев, 12 подводных лодок, 25 сторожевиков и тральщиков, минные заградители, транспорты, вспомогательные суда, буксирные пароходы... Участники перехода преодолели не только ледовую толщу, но и яростное сопротивление многочисленных врагов, отечественных и зарубежных, — немцев, белофиннов, шведов, которые делали все, чтобы сорвать переход и оставить Советскую Россию без флота! Иностранные бандиты нацелились на ледоколы: еще в январе при загадочных обстоятельствах «сдался»

финской белой гвардии ледокол «Сампо». В Ревельской базе немцы захватили «Геркулес», в Або — «Муртайя», в Ганге — «Черноморский № 1» и «Садко». Были похищены «Тармо», «Волынец»... Враги знали: без ледоколов корабли не смогут выйти из Гельсингфорса и будут без особых трудностей захвачены немцами. К счастью, увели не все ледоколы.

Не допустить переход флота в Кронштадт — к этому была направлена и «деятельность» нового комфлота (теперь он назывался начальник морских сил — наморси) капитана 1-го ранга Щастного^[26] и его окружения из штаба. Чего только они не предлагали: и передать корабли за границу, на слом, и разоружить их и сдать под охрану нейтральных государств, и многое другое. Жемчужин, действуя от имени Совнаркома, решительно отвергал все «проекты» Щастного. Жемчужного активно поддерживал Совет комиссаров (Совкомбалт), заменявший Центробалт.

Революционные матросы, передовые офицеры и пришедшие на помощь моряки гражданского флота под руководством Совкомбалта сделали возможное и даже подчас невозможное. Они выполнили государственное задание.

Дыбенко собирался уезжать в Новозыбков, попрощался с товарищами, зашел к адмиралу Максимову, теперь он старший инспектор Красного флота. Этот непоседливый человек, весь отдавшийся строительству Свирской гидроэлектростанции, еще и успевал принимать в Кронштадте гельсингфорсские корабли. Адмирал мало бывал в Москве. Дыбенко застал его в кабинете. Андрей Семенович обрадовался гостю, захлеб говорил об отваге участников Ледового похода.

— Герои, подлинные герои! — восхищался Максимов. — В таких-то ледовых условиях действовали. — Менялся в лице, когда речь заходила о бывших коллегах-адмиралах и офицерах. — Подлейшие из подлых. И они смеют называть себя патриотами. Дезертиры!

Много теплых слов было сказано о моряках, оставшихся в бывшей Главной базе Балтийского флота, теперь уже чужой: численно небольшой группе поручена охрана имущества, которое не успели вывезти в Кронштадт. Возглавляли ее контр-адмирал А. П. Зеленой и комиссар Б. А. Жемчужин. Находились они на крейсере «Память Азова».

— Кусочек советской территории среди враждебного окружения! — говорил Дыбенко. Только что пришла из Финляндии горестная весть: 9 мая 1918 года расстрелян Борис Жемчужин. Сошел на берег и тут же был схвачен. Враги жестоко отомстили Жемчужину за эвакуацию наших боевых кораблей из Гельсингфорса в Кронштадт...

— Редактор «Волны». Помню его.

— Сейчас в Финляндии свирепствует кровавый террор, — продолжал Дыбенко. — Финские белогвардейцы, шюцкоровцы и пришедшие к ним на помощь немецкие войска зверски расправляются с революционными массами. Сотни тысяч убиты и брошены в тюрьмы, отправлены и на каторжные работы.

Дыбенко рассказал адмиралу о подвиге Павла Свистулева:

— Он блестяще выполнил задание Советского правительства — вывез три эшелона финских патриотов, их имущество, сельскохозяйственных животных и инвентарь. И куда, думаете, вывез? В свой родной город Буй. В распоряжение финских граждан местные власти предоставили бывшее имение помещика Скалозуба, раскинувшееся на живописном берегу реки Вексы. Финны уже образовали коммуны «Ауэр».

— Благородный подвиг совершил Свистулев! — воскликнул адмирал.

— Вы правы, Андрей Семенович, — согласился Дыбенко. — Советский матрос спас многих финнов от неминуемой смерти.

Адмирал Максимов и матрос Дыбенко попрощались. За время совместной службы они не только сработались, но подружились, им было тяжело расставаться...

Судебное разбирательство дела Дыбенко подходило к концу. Он уже был наказан: освобожден от должности наркома, получил строгое партийное взыскание. Что мог он ждать от Революционного трибунала? Длительного тюремного заключения или расстрела. Он настроил себя на самое худшее.

Наконец приговор был объявлен: Революционный трибунал не нашел в действиях Дыбенко состава преступления и вынес оправдательный приговор. Во время судебного разбирательства выяснилось, что связь между отрядами во время боев была организована плохо, слабо велась разведка, действия отрядов не согласовывались. Эксперты, знатоки военного дела, свидетели доказали, что высшее командование поставило перед Дыбенко такие сложные задачи, как «прорыв к Ревелю и Нарве, к решению которых он, не будучи военным специалистом, совершенно не был подготовлен...».

О завершении судебного процесса и оправдательном приговоре газета «Известия ВЦИК» опубликовала информацию в номере от 17 мая, а «Правда» — на следующий день.

Дыбенко считал себя окончательно свободным от флотских обязанностей. Моряком же остался. Моряком до конца жизни. Матросом Балтийского флота... Допущенные ошибки под Нарвой послужат уроком на

всю жизнь. А жизнь у него будет нелегкой.

...Павел Ефимович Дыбенко и Александра Михайловна Коллонтай собрались в Новозыбков.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПРИГОВОРЕННЫЙ К СМЕРТИ

Поездку в Новозыбков пришлось отменить. Центральный Комитет партии направил Дыбенко на юг страны для организации и проведения подпольной большевистской работы в тылу противника.

В конце весны 1918 года на Украине создалась весьма сложная обстановка. Трудящиеся Украины и Крыма поднялись на освободительную борьбу против немецких оккупантов и украинских буржуазных националистов. Партия послала туда опытных работников.

В последних числах апреля Дыбенко встретился с Антоновым-Овсеенко, прибывшим в Москву. Его вызвал Ленин. Тогда старые соратники обсудили, как пробираться Дыбенко, места явок, конспиративные квартиры.

Выехал Дыбенко в конце мая.

Весна 1918 года. Тяжелое было время для молодого государства рабочих и крестьян. Народ испытывал неимоверные лишения. Рабочий не каждый день получал осьмушку хлеба. Болезни валили людей. Враги организовывали мятежи, совершали диверсии, заговоры...

У Павла Дыбенко в кармане лежал паспорт на имя мещанина Воронова и справка, в которой сказано, что он едет искать работу.

В эти же дни из Москвы выезжала и Коллонтай. Центральный Комитет партии направил ее руководителем агит-парохода в Поволжье.

Супруги, пожелав друг другу счастливого пути, отправились выполнять партийное и государственное задание...

Антонов-Овсеенко все же был обеспокоен, он-то знал, как трудно бывает все время быть среди врагов.

— Одежду человеку можно подобрать любую, — говорил он, — паспорт изготовить можно такой, что не каждый криминалист сразу обнаружит подделку, а вот внешность изменить куда труднее, бывшего председателя Центробалта и наркома советского флота и вовсе не просто. Господа морские офицеры тебя отлично помнят, попадешься им в руки, пощады не жди.

Дыбенко, махнув рукой, сказал:

— Черт не выдаст, собака не съест....

До Харькова Павел добрался благополучно, никто к нему не

придрался. Он уже знал, что брат Федор служит у петлюровцев. Хотел встретиться с ним, «вправить мозги и наставить на верный курс». Только вот адреса не знал, да и подпольщики ничего не слыхали о Федоре... В Харькове на немецкий патруль наткнулся, но обошлось: одежда мастерового и паспорт не вызвали подозрений. Однако решил убраться из города. Отправился дальше. Думал задержаться в Симферополе, но и здесь на каждом шагу патрули. Поехал в Севастополь, где предстояло обосноваться. Явок, полученных в штабе Антонова, было несколько. Разыскал на Корабельной стороне «родственников», бывшего матроса, ныне сторожа городского офицерского яхт-клуба, у него и обосновался.

Несколько дней никуда не выходил, привыкал к обстановке. Из садика матроса хорошо просматривалась бухта и сам город... Красив Севастополь! Маленькие уютные домики, раскинувшиеся по высоким берегам бухты, утопают в зелени. Сверкает на солнце море, и вовсе оно не черное, даже не голубое, а зеленовато-синее, а то желто-зеленое... Привыкал к нелегальному положению, к своей новой фамилии. Друзья помогли устроиться грузчиком на товарную станцию. Весьма пригодилась специальность, приобретенная в Рижском порту! И подрядная работа устраивала, выполнил что положено, получил деньги и свободен.

Установить связи с судостроителями, рыбаками Балаклавы, рабочими порта, моряками вспомогательного флота помогли подпольщики. В Севастополе не так уж мало трудового люда; только на морзаводе 3,5 тысячи, а всего на предприятиях Севастопольского военного порта более 7 тысяч. Есть где развернуться.

Ряды подпольщиков росли, накапливались силы. Труднее налаживались контакты с боевыми кораблями. Дыбенко жалел, что нет в Севастополе Н. А. Пожарова, он был направлен сюда Центральным Комитетом партии с заданием превратить Севастополь в «Кронштадт юга». Николай Арсеньевич быстро вошел в доверие, его избрали секретарем городского комитета партии. 26 октября 1917 года, получив известие о победе революции в Петрограде, взяли власть в свои руки севастопольцы. Пожаров стал председателем Совета. В Смольный послали телеграмму: «Приветствуем победную революцию. Власть Советом взята. Ждем распоряжений. Севастополь».

Дальнейшее Дыбенко было известно. Весной 1918 года войска кайзеровской Германии нарушили условия Брестского мирного договора, оккупировали значительную часть западных областей страны, в том числе и Крымский полуостров, установили жестокий военный режим. Трудящиеся Таврии под руководством ушедших в подполье партийных

организаций поднялись на борьбу с врагами...

«Как проникнуть на боевые корабли?» — уже в который раз спрашивал подпольщиков Дыбенко. Его волновала судьба Черноморского флота... Еще 27 марта 1918 года Советское правительство потребовало от исполняющего обязанности командующего контр-адмирала Саблина перебазировать корабли из Севастополя в Новороссийск. Реакционное офицерство вывело не весь флот... Совет Народных Комиссаров принял решение: чтобы враг не воспользовался боевыми судами, затопить их в Новороссийской бухте. Директиву В. И. Ленина об уничтожении флота привез Иван Вахрамеев. Он, Николай Пожаров, Николай Глебов-Авилон и другие большевики, прибывшие из столицы, долго и терпеливо разговаривали с офицерами и меньшевистско-националистическими элементами экипажей, требовали выполнить директиву. И все же затопить удалось не все боевые суда, часть вернулась в Севастополь. «Вот они стоят, красавцы», — Дыбенко смотрел на рейд. Подпольщики спрашивали: «Неужели эти богатыри немцам достанутся?» — «Может и это случиться. Таковую участь готовили господа офицеры Балтийскому флоту, но на их коварном пути встали революционные матросы. Героический Ледовый поход перекрестил замыслы врагов. Черноморские корабли надо уничтожить!!!» Своими мыслями поделился с подпольщиками.

Стали вместе думать, искать выход...

Ближе к осени подпольщики Крыма и всей Северное Таврии готовили вооруженные выступления, сил к тому времени набралось достаточно. Уже действовали боевые группы и на некоторых боевых судах, в том числе и на линейном корабле «Воля».

И вдруг стряслась беда. Близ дома, где жил Дыбенко, появился подозрительный тип, ходит, высматривает. За улицей установили наблюдение, подпольщики по очереди дежурили, «подозрительный» словно в воду канул.

Немного успокоившись, Дыбенко отправился в город. «Не могу я прятаться, не для того меня послали». Ночью возвращался с конспиративного совещания. (Проходило оно в бухте Голландия, в штольне.) Заметил, будто кто-то прячется в кустах. «Хвост», — подумал Павел, продолжая идти. Убедившись, что поблизости никого нет, перемахнул через невысокую изгородь, прижался к земле. «Хвост» прошел совсем близко, шаги удалились и пропали. Дыбенко вылез из укрытия, пробрался на «запасную квартиру», провел остаток ночи в маленьком сарайчике, заполненном дровами и садовым инвентарем.

Несколько раз менял жилье, однако понял, да и друзья предупредили:

немецкая контрразведка напала на его след. А предал Дыбенко русский морской офицер из состава так называемого «колчаковского десанта», приезжавшего в мае 1917 года уговаривать балтийских моряков признать Временное правительство. Оpozнал бывшего флотского наркома; ночью, когда Дыбенко возвращался из бухты Голландия, до самого дома крался по следу. Павел понимал, что и от шпикиов отделаться трудно... Остаться в Севастополе стало опасно. Товарищи решили переправить Дыбенко в Балаклаву и там укрыть.

Подпольщики разработали надежный план: ночью Дыбенко на плоскодонке доставят на рыбацкую шаланду, та в Балаклаву. Не успели. Его поймали. «Руки вверх!» — завопил верзила-жандарм, целясь из нагана, тут же подскочили другие. Дыбенко свалили на землю. «Нет, мерзавцы, так легко я вам не дамся!» Одного ударил в пах, тот только охнул, закрутился на месте, другому кулаком свернул нос. Поднялся во весь рост, схватил шпикиа за горло, сдавил, крикнул: «Околевай, иуда!» В этот момент ему скрутили руки, связали и бросили на подъехавшую двуколку. Доставили в городскую тюрьму, начали допрашивать зверски, с пристрастием: били головой об пол, стегали металлическим прутот. Дыбенко сжал зубы, но не проронил ни звука... Один из истязателей в штатском показался знакомым.

— Ты не Воронов, а Дыбенко, нарком советского флота! — кричал он. — Говорить будешь? Нет?

Дыбенко бросили в одиночную камеру как особо опасного преступника. Первое время не трогали, но вскоре вызвали, следовательно спросил:

— Не ваш ли брат прапорщик Федор Ефимович Дыбенко?

Дыбенко ответил:

— Я Воронов. Братьев у меня нет.

Сообщение о брате встревожило: «Только не хватало свидеться с Федором. А ведь может признаться. Тогда?..» Стал метаться из угла в угол, потом ухватился руками за железные прутья решетки, подтянулся к окну, увидел море и едва не закричал: «Жить, жить хочу!»

Дыбенко решил бежать. Ждал случая... Солдат-охранник принес миску мутной похлебки, Павел выплеснул ее в лицо тюремщика, сильным ударом сбил его с ног, сжал горло, отобрал наган, выскочил в узкий коридор и уже добежал до выходных ворот. Его схватили, свалили, жестоко избили. Он потерял сознание. Потом заковали в кандалы, бросили в камеру смертников. Очнулся только ночью. Загremел замок. В сознании мелькнуло: «Теперь все». Вывели, втокнули в закрытую машину, ехали долго. «Куда же меня везут?» Остановились у мрачной симферопольской

тюрьмы.

— Вылезай! — крикнул конвойный.

Снова одиночная камера... Опять допросы, допросы... Теперь их вели двое: круглолицый бритоголовый немец возрастом постарше и в звании повыше и русский штабс-капитан с сероватой бородкой и бесцветными глазами. Что перед ними не Воронов, а Дыбенко, они уже установили точно. Но все допытывались, с какой целью прибыл в Севастополь. С кем был связан? «Скажешь, коль жить хочешь», — хладнокровно твердил штабс-капитан. «Жить-то я хочу, но товарищей не выдам! Не добьетесь!» — твердил про себя Дыбенко. На вопросы отвечать отказывался. Его оставили в покое... Вскоре кандалы сняли... Время тянулось... Ежедневно спрашивал надзирателя, почему никто не появляется? Тот монотонно повторял: «Не можем знать». П. Е. Дыбенко потребовал бумагу и карандаш. Выдала. Пристроившись к металлическому столику, вделанному в стену, написал:

«Министру внутренних дел Крымского краевого правительства.

8 октября 1918 года.

Мне до сих пор не предъявлены мотивы моего ареста, и потому прошу Вас, г-н министр, указать и предъявить мне основания моего ареста и дальнейшего содержания в тюремном заключении.

П. Воронов».

Тюремщик унес заявление. «Ответ, конечно, не получу, — рассуждал Павел, — но пока оно будет ходить по инстанциям, может, приговор не приведут в исполнение...»

Заявление Воронова — Дыбенко пересылали из одной канцелярии в другую. Сохранившиеся в архивах документы свидетельствуют: на запрос министерства юстиции так называемого Крымского правительства прокурор Симферопольского окружного суда отвечал: «Дыбенко, назвавшийся Вороновым, был по указанию русских офицеров задержан 17 (30) сентября с. г. в Севастополе местной стражей как известный революционный деятель...» Через два месяца начальник симферопольской тюрьмы на запрос министра юстиции ответил: «Содержащийся во вверенной мне тюрьме Воронов — Дыбенко согласно распоряжению начальника Крымской краевой внутренней стражи от 1 сего ноября 3 сего ноября передан немецкому конвою для высылки его из пределов Крыма».

Об этой переписке Дыбенко, конечно, ничего не знал. Он томился в симферопольской тюрьме, ждал свидания с братом Федором, ответа на свое заявление и... казни...

Прошел сентябрь, начался октябрь, а Федора на очную не приводили и

ответа на заявление не давали. 3 ноября 1918 года в сопровождении урядника и двух гражданских в камеру вошел начальник тюрьмы, сухощавый, длинный, красноносый, с лицом, изрытым оспой. Приказал быстро собираться.

Дыбенко втолкнули в закрытый автомобиль и долго везли на большой скорости.

Дыбенко не понимал, что происходит. Его окружили немецкие солдаты, повели в здание штаба. В залитом солнцем большом кабинете за столом сидел командующий оккупационными войсками генерал Кош.

— Вас надо было расстрелять, — медленно проговорил генерал. — Приказ об этом уже подписан... Но мы решили, что стоит принять предложение большевиков...

«Какое предложение?» — чуть не вырвалось. Скоро все выяснилось. Советское правительство, узнав об аресте Дыбенко, предложило немецкому командованию обменять Павла Ефимовича на группу кайзеровских генералов и офицеров, взятых в плен Красной Армией.

— Не желал бы встречи... — проворчал Кош.

— А встреча не исключена, ведь вы на нашей земле, — решительно произнес Дыбенко. — Все равно прогоним!..

Уже на улице, когда садились в машину, Павел подумал: «А вдруг это ловушка?» Тревожная мысль не оставляла всю дорогу, пока его везли к нейтральной зоне. Успокоился, когда на маленьком полустанке увидел группу командиров Красной Армии. После окончания формальностей с обменом они ехали по советской земле. В комнате увидел командующего Украинском фронтом Антонова-Овсеенко в окружении работников штаба. Дыбенко обнимали, горячо жали руки. Чуть в стороне сидел брат Федор. «А ты как тут очутился?» И с Федором все выяснилось: сам пришел к Антонову-Овсеенко и попросился на службу в Красную Армию. С мая по сентябрь командовал повстанческим отрядом петлюровцев, понял, что не туда попал, сбежал. Ему предложили должность инспектора по формированию войск Красной Армии. Позднее Антонов-Овсеенко запишет в своих воспоминаниях, что Федор Ефимович Дыбенко отличался громадной энергией, острым умом и дисциплинированностью, работал много, честно.

Пока Павел полгода находился в подполье, сидел в тюрьме, он не знал, что происходит в стране. Антонов-Овсеенко рассказал о тяжелом положении молодой республики, о трудностях, сложившихся на Украине.

— Скоро начнем боевые действия против немецких войск, белогвардейцев, петлюровцев и прочих врагов украинского народа. Что

еще? Коллонтай жива, здорова, недавно видел ее. Очень переживает за тебя. А и сама едва не попала в руки ярославских мятежников вместе со своим агитпароходом. Выручил капитан, умница, своевременно ушел в Кострому и благополучно вернулся в Москву. В Ярославле мятежники только за одну ночь расстреляли сто коммунистов. Погиб и наш друг председатель губисполкома, бывший комиссар 12-й армии Семен Михайлович Нахимсон. В ликвидации мятежа участвовали черноморские моряки с затопленных кораблей во главе с Николаем Пожаровым. Он избран председателем Ярославского губисполкома...

— А я мечтал с Пожаровым в Севастополе встретиться, — сказал Дыбенко.

— Наши моряки молодцы! — восхищался Антонов. Дыбенко оживился:

— Надежные они бойцы! Помните, Владимир Александрович, при образовании первых фронтов гражданской войны Ленин рекомендовал Военно-морской коллегии в каждый формируемый эшелон (на 100 человек) в целях спайки направлять по взводу товарищей моряков.

— Вот и нам бы такие взводы! — произнес Антонов. — Только после каждого боя матросов все меньше остается. Воюют героически. Даже враги склоняют головы перед подвигами красных моряков.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

«ДИВИЗИЕЙ МЫ ДОВОЛЬНЫ»

Дыбенко отказывался от отдыха, однако Антонов-Овсеенко настоял.

— Поезжай в Москву, поблагодари товарищей. Тобой, Павел Ефимович, Советское правительство занималось. И с Коллонтай поводишься. Поезжай, покажись, что ты цел и невредим.

Дыбенко отправился в Москву. Встреча с Коллонтай была радостной.

— Очень переживала за тебя, — взволнованно произнесла Александра Михайловна. — Целую кучу немецких генералов и офицеров за тебя отдали.

— Не много ли за одного матроса? — улыбнулся Павел...

Через неделю Дыбенко попрощался с Коллонтай, друзьями и снова уехал к Антонову-Овсеенко. Коллонтай тоже обещала не задерживаться в Москве.

— Поеду на фронт, — сказала она.

18 ноября 1918 года Павел Дыбенко вступил в должность командира 7-го Сумского полка и в тот же день начал боевые действия. Будет он воевать до конца гражданской войны. И все на Украине.

...Части регулярной Красной Армии, созданной в «нейтральной зоне», перешли в решительное наступление. Красные бойцы горели желанием как можно быстрее освободить родную землю от чужеземцев. Освободительным боям способствовала Ноябрьская революция в Германии. 13 ноября 1918 года ВЦИК аннулировал Брестский договор. Немецкие войска покидали советскую землю.

Дыбенко радовался, что подтвердились слова Владимира Ильича Ленина о недолговечности трижды проклятого Брестского позорного мира, он призывал красных бойцов:

— Мы выполним свой священный долг — освободим украинскую землю от петлюровцев и войск Антанты. Вперед! Вперед, товарищи!

7-й Сумской ворвался в Харьков и устремился к Полтаве... В ожесточенных схватках с врагом встретили красные воины новый, 1919 год.

...Вызов был срочный. Нарочный так и сказал: «Товарищ Антонов приказал явиться немедленно».

Командующий вновь созданным Украинским фронтом Антонов-

Овсеенко встретил Дыбенко приветливо, поздравил с боевыми успехами полка и представил сидевшего близ стола Сергея Ивановича Петриковского (Петренко)^[27], большевика-подпольщика. Командующий рассказал о сложившейся обстановке на Украине:

— На смену немецким оккупантам пришли войска Антанты, — говорил Антонов. — Они уже захватили Одессу, Херсон, Николаев, Севастополь. Одних грабителей заменили другие. С интервентами блокируются петлюровцы, белогвардейцы. Борьба предстоит упорная, тяжелая, длительная. — Владимир Александрович поднялся, подошел к висевшей во всю стену карте и стал водить указкой, остановился на Екатеринославе. — Вы должны освободить город. Других задач не ставлю. Незамедлительно из партизанских и повстанческих групп и отрядов создайте Особый^[28] отряд и начинайте действовать.

Антонов-Овсеенко назначил Дыбенко командиром Особого отряда, Петриковского — начальником штаба.

Особый отряд создали. В него вошли: матросский бронепоезд № 8, полки 6, 13, 14, 15-й пограничный и другие подразделения, не полностью укомплектованные бойцами. Набралось всего 7269 штыков и 319 сабель, 10 орудий и 32 пулемета — сила вроде большая, но и задачи предстояло решать немалые...

Батальону Михайловского и роте особого назначения 7-го полка П. Е. Дыбенко приказал занять Лозовую, связаться со своими в Павлограде, соединиться с Махно, вести разведку к Славянску и Полтаве...

Не первый день Особый в наступлении. 6 января у Мерефы разбили противника (250 сабель и 150 штыков), захватили орудия, винтовки и склады... Дыбенко передал Антонову-Овсеенко:

«Войдите в связь с Павлоградом — там наши. В Лозовой вчера было 2000 петлюровцев без орудий, броневая площадка с пулеметами... В Лозовой наш надсмотрщик телеграфа. Вызовите его. Его пароль 11, ваш — 15...»

Особый ведет непрерывные бои на Екатеринославском направлении; разгромив противника у Мерефы, быстро развивает наступление к Лозовой — Павлограду...

Петлюровцы изгнаны из Павлограда, Лозовой, Мерефы. Тяжелый бой разгорелся за Синельниково. Погибло много красных воинов. Дыбенко спас ординарец Яша Гавриленко; семнадцатилетний украинский паренек, лихой боец и запевала заслонил командира от сабельного удара. Дыбенко пристрелил петлюровца, поднял Яшу на руки, а он уже мертвый.

Похоронили юного героя в братской могиле. Отсалютовали — и вперед. Предстоял нелегкий поход на Екатеринослав — большой промышленный город, расположенный на правом берегу Днепра. От Синельникова 45 километров. По данным разведки, показаниям перебежчиков и пленных, противник сильно укрепился; в его руках единственный мост через Днепр и мощная боевая техника.

Командир и начштаба склонились над картой.

— Сил наших хватит, а воевать учимся, — рассуждал Дыбенко. — Нам помогут партизаны и местные жители. — Предложил план наступления: захватить станцию Илларионово и ночью на плотях переправить 6-й полк через Днепр севернее Екатеринослава, овладеть пригородом Нижнеднепровском и перебросить два батальона через реку. — А под утро 24 января обрушимся на врага, ошелошим его.

Петриковскому понравился дерзкий план, обсудили его с командирами подразделений, те с бойцами. Дыбенко провел короткое совещание коммунистов.

Условия для переправы через Днепр тяжелые, на реке сплошная шуга. Дыбенко стоял на берегу, прислушивался к шороху мелко перетертого крошева. «Трудно перебраться на тот берег. Я верю в революционную сознательность и отвагу красных воинов, не подведут...»

Особый отряд выбил врага из Илларионова и, не дав ему опомниться, 24 января ворвался в Нижнеднепровск. На следующий день были на ближайших подступах Екатеринослава. Вечером 26 января вступили в бой. 6-й полк и два батальона 15-го полка успешно форсировали Днепр, обошли город с тыла. Одновременно Дыбенко повел остальные силы Особого отряда на штурм, с ходу захватили железнодорожный мост. Петлюровцы, не сопротивляясь, отступили, бросив составы с продовольствием, шесть аэропланов, два бронепоезда, четыре бронемашины и другое военное имущество... Дыбенко послал донесение Антонову-Овсеенко: «В 16 часов 26 января занят г. Екатеринослав... Противник в панике бежал, оставив ценное военное имущество и снаряжение, как-то: пушки, пулеметы, бомбометы, снаряды, патроны, аэропланы и прочее. Разбитый противник преследуется вверенными мне войсками в двух направлениях».

27 января Екатеринослав полностью освободили. Власть в городе перешла в руки трудящихся. Депутаты городского Совета собрались на пленарное заседание в Зимнем театре. Были здесь командиры и бойцы партизанских отрядов, они геройски сражались вместе с Особым. Дыбенко выступил с приветствием, призвал депутатов к активной работе по укреплению Советской власти в городе, просил сформировать

кавалерийский полк и влить его в Особый отряд. Полк такой был создан.

Прямо с заседания командир, начальник штаба Особого выехали в Харьков, куда их вызвал Антонов-Овсеенко. Дыбенко приятно удивился, увидев Коллонтай в кабинете Комука, однако настроение его испортилось, когда узнал, что служить ему придется в одной части с женой. «Этого только не хватало», — подумал Павел.

Из разговора Антонова-Овсеенко стало ясно, что необходимо как можно быстрее из повстанческих и партизанских отрядов Северной Таврии создать Первую Заднепровскую советскую дивизию, обучить ее и начать боевые действия. Командовать новой воинской частью назначен Дыбенко, начальником штаба — Петриковский, а начальником политотдела — Коллонтай.

Командующий сообщил, что дивизии придаются два хорошо вооруженных отряда под командованием Махно и Григорьева, рекомендовал встретиться с командирами, договориться о совместных действиях; строго предупредил: не разрешать им действовать самостоятельно, не позволять атаманствовать.

Штабной поезд покинул Харьков. Утром 31 января состоялись похороны погибших при освобождении Екатеринослава. На улицы вышли и стар и млад. Дыбенко от имени живых поклялся продолжить дело, начатое погибшими, никаким буржуазным и черносотенным силам не удастся вырвать из рук красное пролетарское знамя.

— Мы сметем все препятствия с пути, и мы победим, потому что весь пролетарский мир с нами, — закончил он речь.

...А через некоторое время в штабном вагоне уже собирались вызванные специальной телеграммой командиры партизанских и повстанческих отрядов всей Северной Таврии.

Командиры отрядов рассказывали обо всем, что волновало, радовало и беспокоило их в последнее время. Когда все желающие выступили, Дыбенко познакомил совещание с положением на фронте.

— Отступив, белогвардейцы закрепились на линии Большой Токмак — станция Пришиб — село Федоровка. — Указка начдива легко скользнула вдоль большой карты, подвешенной к перегородке салон-вагона. — Есть сведения, что они попытаются оборонять именно этот рубеж. В ближайшее время мы сформируем из ваших, товарищи, партизанских отрядов дивизию. Она и будет бить белых. — Пригнув голову, резко ударил широкой ладонью по краю стола. — Будет!..

А теперь о дивизии. Вначале создадим две бригады. Судя по количеству партизанских отрядов в Северной Таврии, у нас наберется

шесть полков. Коль так, то подумаем и о третьей бригаде. Штаб дивизии, товарищи, считает, что ваши отряды могут и должны стать регулярными частями Красной Армии...

— Командиром первой бригады назначается бывший феодосийский рабочий Котов, — представил начдив остроскулого, среднего роста человека. — Командиром второй бригады — Махно.

Партизанские уполномоченные зароптали. Им было хорошо известно враждебное отношение махновцев к Советской власти. Не один раз налетчики под черным флагами топтали ногами мертвые тела ревкомовцев. И вот как снег на голову — Махно командир красной бригады!

— Товарищи, обратился Дыбенко к взволнованно переговаривающимся повстанцам, — назначение Махно принято решением командования дивизии. Думаю, что после сегодняшнего совещания бойцы Махно правильно сориентируются и найдут себе место в рядах борцов за Советскую власть... Времени до начала боевых действий нашей дивизии осталось мало. Начало наступления — март. В апреле дивизия должна быть в Крыму. Партия призывает нас к защите первого в мире рабоче-крестьянского государства! — закончил Дыбенко.

На местах закипела работа. Перспектива недалекого боя уже в составе Красной Армии воодушевила и командиров и рядовых бойцов партизанских отрядов. И назывались они теперь красноармейцами, а группы и отряды получили наименование взводов, рот, батальонов, полков.

Работники штаба дивизии и политотдела все время находились среди бойцов, помогали молодым командирам налаживать боевую и политическую учебу.

В полки и батальоны назначили политических комиссаров. Коллонтай проводила с ними занятия, учила вести политико-воспитательную работу в массах?.. Командиры и бойцы шли к комиссару за советом, помощью, охотно посещали лекции и беседы. Работала Александра Михайловна много и увлеченно.

Скоро появилась в подразделениях и печатная газета «Боец за свободу».

Только в отрядах Григорьева и Махно пока мало что изменилось. И Дыбенко собирался к ним, но Григорьев сам прислал представителей так называемого «народно-революционного правительства Таврии». Пожаловали три «министра» и с ними штабс-капитан, личный полномочный Григорьева. Он сразу предъявил свои условия: Таврия остается «самостийной республикой» со столицей в Николаеве, войска будут действовать совместно с Красной Армией против белых, но

подчиняться таврическому правительству. То же самое повторили и министры. И никаких компромиссов. Дыбенко, Петриковский и Коллонтай переглянулись.

— Теперь послушайте наши условия, — сказал Дыбенко. — «Народно-революционное правительство Таврии» беспрекословно подчиняется Советской власти; отряды Григорьева преобразовываются в бригаду; во все полки и батальоны направляются комиссары и специалисты дивизии. А если эти наши условия, не будут приняты, представителей арестуем, а в отряды пошлем матросский бронепоезд в составе 150 бойцов с пушками и пулеметами.

Подействовало! Все условия были приняты.

2 февраля Дыбенко и Петриковский доложили Реввоенсовету Украинского фронта: «...соглашение между нами и атаманом Григорьевым состоялось сегодня в 15 часов дня. Атаман Григорьев принял наши условия, признал высшую власть Временного рабоче-крестьянского правительства и высшего командования в лице Реввоенсовета... Он согласился на переформирование своих отрядов в регулярную советскую армию. Его делегация находится еще у нас, ожидая распоряжений от вас...»

Дыбенко побывал у Григорьева. «Ну и воинство!» Уголовники, кулаки, анархисты; дисциплины не признают, пьянствуют, грабят население... Атаман обещал навести «примерный порядок» и сражаться на стороне Красной Армии. И как бы между прочим заметил:

— Лишки наговаривают на нас. Люди мы смирные. — О Махно сказал: — Не верю я батьке. Плут он, подведет нас.

«За обоими вами надо зорко смотреть, одним миром мазаны», — подумал Дыбенко. В этом своем мнении еще сильнее убедился, когда познакомился с заключением особой комиссии Высшей военной инспекции, проверявшей махновцев (и григорьевцев тоже). В ней говорилось: «Кулака и деклассированного элемента в бригаде много...» Инспекция сделала вывод: «Ввиду того что анархистский «дух разрушения» очень силен в махновцах, трудно поверить в искренность полного подчинения Советской власти».

Состоялась встреча Дыбенко с Махно. «Батька» небольшого роста, очень подвижный, лицо землисто-желтого цвета, щеки впалые, отчего скулы резко выделяются, глаза глубоко запрятаны, пряди черных волос свисают на плечи; на нем широкий темный костюм, барашковая шапка и высокие сапоги, это делает его похожим на циркового клоуна. Говорит резкими фразами, после каждой повторяет: «И только!» «Хитрая лиса». Махно заявляет, что будет сражаться вместе с Красной Армией против

деникинцев... Все время юлит, торгуется, просит «подкинуть» побольше оружия и под конец восклицает:

— Я за Советы. И только!..

Расположились махновцы в Екатеринославской губернии в своей «республике», селе Гуляй-Поле, прозванной Махноградом. Жили весело. На улице крепко подвыпившие горланили песни, плясали. Всюду гремели граммофоны. Сам батька и его приближенные «штабники» устраивали пьяные оргии. После завершения переговоров Махно устроил Дыбенко пышные проводы. Чего только не было на столе: жареный гусь, поросенок с хреном, окорок, колбаса домашнего приготовления и обилие спиртного. Гостей обслуживала молодая женщина, веселая, озорная. Удивлялся хлебосольный хозяин, «почему дорогой гость торопится, ни к чему не прикасается».

Когда Дыбенко стал уходить, Махно, поднявшись на цыпочки, закинул голову, но, так и не дотянувшись до плеча гостя, проговорил:

— Давай хоть сфотографируемся. И только!

Всю дорогу Дыбенко не мог отвязаться от тяжелых мыслей: «Хлебнем мы горюшка с этими атаманами».

Дыбенко вернулся в Александровск, где находился штаб дивизии. А следом пришел приказ. Читали и недоумевали:

Приказ № 18

по войскам группы Харьковского направления

21 февраля 1919 года

1. Войска, входящие во вверенную мне группу, приказано свести в дивизии, а посему приказываю: из частей, находящихся под командованием т. Дыбенко, Григорьева и Махно, образовать одну стрелковую дивизию, которой впредь именоваться 1-й Заднепровской Украинской советской дивизией. Начальником этой дивизии назначается т. Дыбенко П. Е.

2. Из отрядов атамана Григорьева образовать 1-ю бригаду...

3. Из отрядов Северной Таврии образовать 2-ю бригаду...

4. Из отрядов Махно образовать 3-ю бригаду...

Вр. командующий группой Скачко.

Врид начштаба Карташов^[29].

— Чудеса! — воскликнул Дыбенко. — Второй раз заставляют создавать одну и ту же дивизию.

— Действия начальства не обсуждаются, — пошутила Коллонтай, вспомнив прошлогодние события под Нарвой.

Из штаба Скачко уже приходили нечеткие, запоздалые, а то и противоречивые приказания, распоряжения, инструкции. Вот и этот приказ:

кто же назначен командиром 2-й бригады?

— Оставим все как было, — сказал Петриковский. — И в бой поведем... А Скачко не станем строго судить, он ведь не строевик. — И рассказал: Анатолий Евграфович Скачко во время мировой войны был фронтовым журналистом в звании капитана, во время революции перешел на сторону восставшего народа; в январе 1918 года — начальник штаба Украинской советской армии. — Теперь он временный командующий Харьковским направлением и наш непосредственный начальник. Вот, пожалуй, и все, что мне известно...

Вскоре появился и сам Скачко. Дыбенко он понравился: подтянутый, немногословный, держался просто.

— Показывайте хорошее, не прячьте плохое, — сказал и сразу отправился в подразделения.

И сам Анатолий Евграфович, и его помощники проверяли дивизию без придира, но строго, со знанием дела.

— Дивизией, особенно штабом, мы довольны, — подвел итог Скачко и добавил: — Работу штаба можно считать образцом для других штабов, о чем и отмечу в приказе по Харьковскому направлению.

И такой приказ появился.

Приказ по Харьковской группе войск:

«23 сего февраля я осмотрел штаб 1-й Заднепровской дивизии. Штаб начал формироваться несколько дней тому назад, причем начальнику т. Дыбенко по случаю переезда полевого казначейства группы до сих пор не было выдано денег на формирование. Несмотря на это, я нашел штаб окончательно организованным. Личный состав весь подобран, штабная работа вполне налажена. Во главе всех отделов стоят опытные, знающие и дельные специалисты. Во всех отделах я получил исчерпывающие доклады о положении дел. В штабе царит идеальный порядок, все, начиная с безупречной внешней чистоты и подтянутого вида людей, говорит о строгой организованности и твердой воинской дисциплине. Тов. Дыбенко до сих пор не отпущено ни копейки денег, и к нему не было прислано ни одного человека для помощи из центра, — тем не менее Дыбенко сумел найти дельных, знающих помощников и в кратчайший срок сумел организовать штаб, по порядку и налаженности работы стоящий выше любого штаба корпуса старой армии. Создав такой штаб в тех условиях, в каких он находится, т. Дыбенко блестяще доказал организационные способности пролетарской революции и ее деятелей, вышедших из глубинных пролетарских масс.

От лица службы пролетарской революции и Красной Армии объявляю

начальнику Заднепровской дивизии Павлу Дыбенко, начальнику его штаба Петренко и его ближайшим сотрудникам глубокую благодарность.

Приказ этот прочитать по всем частям Харьковской группы войск.

Вр. командующий Харьковской группой Скачко».

— Спасибо начальству за добрые слова, — сказал Дыбенко Петриковскому и Коллонтай. — Доведем приказ до каждого бойца и еще раз напомним, что надо с удесытеренной энергией готовиться к предстоящим боям. А они не будут легкими...

27 февраля еще прибыл в дивизию гость, теперь уже из штаба армии. Им был Федор Дыбенко.

— Рад за тебя, Павлуша, — сказал Федор, обнимая брата. — По всему фронту гремит ваша Первая Заднепровская. Прибыл к тебе по приказанию товарища Антонова-Овсеенко; он передает тебе и твоим ближайшим помощникам революционный привет и пожелания, как говорят моряки — так держать! А поручил он мне изучить опыт вашей дивизии, чтобы распространить его на весь Украинский фронт.

— За привет и пожелания спасибо, — ответил Дыбенко-младший. — Ну а что же касается опыта, пожалуйста, приглядывайся...

Три дня пробыл Федор Дыбенко, ознакомился на «выборку» с отдельными подразделениями. И остался доволен.

Во время ужина, рассматривая выстроившиеся по всем стенкам комнаты огромные сейфы, Федор спросил, обращаясь к брату и Коллонтай:

— И много у вас там драгоценностей? Свои храните или всей дивизии?

Супруги жили в помещении бывшего коммерческого банка, занимали большой и светлый зал, уставленный сейфами. Павел подошел к одному, открыл.

— Александра Михайловна в этой стальной машине хранит свое барахлишко, а я в том, что в простенке... Расскажи, Шура, о «грамотных ребятах», посланцах батьки Махно....

— Кто бы мог подумать, что начальник передовой дивизии Красной Армии, знаменитый Дыбенко... иногда впадает в детство, — с серьезным видом заговорила Александра Михайловна. — Решил ваш братец позабавиться, поиграть вот этими колесиками. — И Коллонтай рассказала довольно забавную историю.

Как-то вечером крутил Дыбенко колесо запора то в одну сторону, то в другую, прислушиваясь к музыкальным щелчкам, и вдруг механизм сработал, дверь заперлась, а там все вещи Коллонтай. Как быть? В дивизии

не нашлось ни одного специалиста, который мог бы вскрыть сейф. Обратились за помощью к Махно. Прислал батька трех молодцов. По всем правилам представились, осмотрели сейф; один, видно, самый опытный, «медвежатник», произнес какое-то заклинание, не то «сепф-на-бати», не то «сейф-на-мати», попросил Дыбенко и Коллонтай отвернуться: «Секреты ремесла храним в тайне». Минут через десять-пятнадцать тяжелая дверь открылась. «Принимайте, начальники, работу. Если понадобится, позовите, прибудем моментом!»

— Вот, братец, как бывает! — воскликнул Дыбенко.

— Что у тебя недавно в Орехове произошло? — поинтересовался Федор. — Читал у Антонова-Овсеенко донесение Скачко.

Павел рассказал обычную для тех лет историю. Появившаяся в районе Орехова банда анархистов устраивала разбойничьи набеги на местные Советы, убивала советских и партийных активистов, грабила население. Александровский исполком и военком направили на усмирение распоясавшихся бандитов красноармейский отряд, а он в полном составе переметнулся на сторону анархистов.

— Вот и пришлось вмешаться, — продолжал Дыбенко. — А бойцы все на полевых занятиях. Поднял в ружье инженерный батальон, сам сел в броневик. Ударили так, что от налетчиков пух полетел. Теперь во всей округе спокойно. Так что, братец, приходится и готовить дивизию к боям, и, как видишь, ликвидировать банды.

— Бандитов расплодилось много, — сказал Федор. — Атаманы, батьки, даже матки командуют отрядами. Вот и мне угрожают. Получил предупреждение: если не вернусь к петлюровцам с повинной, обещают изрубить на куски или повесить вниз головой...

Всю ночь братья просидели: вспоминали родных, друзей, радовались, что с фронтов поступали хорошие вести: освобождена Левобережная Украина, Центрально-Черноземная область, часть Уфимской и Оренбургской губерний.

Павел просил Федора передать Антонову-Овсеенко, что Первая Заднепровская к боям готова и ждет приказа. Прощаясь, посоветовал брату помнить об угрозах.

— Враги на все способны. Не теряй бдительности, смотри в оба. Один далеко не отлучайся без охраны.

Не думали братья, что видятся последний раз.

В своих воспоминаниях В. А. Антонов-Овсеенко пишет: «Вторая бригада Заднепровской дивизии была лучшая, наиболее дисциплинированная и наиболее стойкая из составных частей дивизии».

Не только за опытом приезжали начальники и их уполномоченные в 1-ю Заднепровскую, но зачастую проверять поступившие жалобы, большинство несправедливых, клеветнических, злопыхательских, вызванных решительными действиями Дыбенко по искоренению расхлябанности, анархии, по установлению крепкой дисциплины и воинского порядка. Особенно недовольны были махновцы и григорьевцы. Вот и писали жалобы в самые высокие инстанции. Командующему Украинским фронтом Антонову-Овсеенко приходилось на эти жалобы отвечать.

Вот два таких ответа:

«Председателю ВЦИК т. Свердлову.
Наркомвоен Украины т. Подвойскому.
Управляющему делами Временного
Рабоче-Крестьянского правительства
Украины т. Грановскому.

На запросы о действиях командующего 1-й Заднепровской дивизией отвечаю:

...3) На заявление тов. Майзеля.

Считаю совершенно недопустимыми голословные обвинения вроде «в штабе его (Дыбенко) немало темных личностей, отчетность, кажется, в штабе не ведется» и т. д. Полагаю, что это обывательское, а не революционное отношение к делу. Повторяю заявление начальника дивизии по поводу «доклада т. Майзеля» — «это клевета». Комгруппы Скачко будет предписано строжайшее расследование.

4) Слухи и разговоры о противосоветских выступлениях т. Дыбенко им опровергаются самым категорическим образом. Газету «Боец за свободу» ведет ответственный редактор, присланный РОСТА, т. Астахов и редакционная коллегия из одних коммунистов. За газету отвечает политком Клейтман (Клейтман 21–27 февраля 1919 года исполнял обязанности военного комиссара 1-й Заднепровской стрелковой дивизии. — И. Ж.). В газете нет ни одного выпада против Советской власти, но, напротив, есть упреки Екатеринославскому исполкому за попустительство левым эсерам.

Распоряжением тов. Дыбенко 21 февраля арестованы 5 человек боевого штаба левых эсеров (два из них убиты при вооруженном сопротивлении) и 7 анархистов (двое из отряда Махно), аресты производились по просьбе исполкома принять меры. Еще раньше, при вступлении в Екатеринослав 27 января, закрыта левоэсеровская газета «Борьба и труд» и арестованы девять левых эсеров.

По заявлению исполкома Нижнеднепровска 23 февраля был убит левыми эсерами председатель исполкома; т. Дыбенко арестованы 18 левозэсеров, 4 убиты.

С исполкомом происходят трения из-за поблажек со стороны исполкома анархистам и левым эсерам, в «Известиях» публикуют извещение о лекции Барона «Советская власть и анархизм», а за пять минут до начала лекции ее запретили, и Дыбенко просили разогнать оружием собравшуюся толпу... К Григорьеву посланы люди для переорганизации его отрядов. Но Григорьев подчинен Дыбенко только несколько дней. Выезжая в Екатеринослав, соберу дополнительные сведения.

Командующий армиями Украинского фронта (Антонов-Овсеенко)

3 марта 1919 г.

№ 954».

20 марта 1919 года поступил долгожданный приказ № 22. Командующий Харьковской группой войск Скачко ставил 1-й Заднепровской дивизии боевую задачу: 1-й бригаде Григорьева — овладеть Одессой; 2-й бригаде — закрыть Крымский полуостров; 3-й бригаде Махно — выйти на линию Платовка — Мариуполь...

И командиры и бойцы-тавричане недоумевали, почему в приказе сказано «закрыть Крымский полуостров», а не освободить.

— Значит, займем перешейки Чонгарский, Перекопский и остановимся? — сказал Дыбенко.

Во всех подразделениях провели митинги.

Первую Заднепровскую подняли по боевой тревоге.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ЮГ В ОГНЕ

Началась ранняя весна 1919 года, шли дожди, часто со снегом, дороги размыло. Красные бойцы, преодолевая непогоду, уверенно продвигались вперед, к родной Таврии. Оружие получили хорошее. Правда, из-за этого оружия у Дыбенко даже произошел конфликт с Махно. Узнав, что начдив почти все передал в 1-ю Заднепровскую (название «2-я бригада» так и не привилось), батя пошел на рожон: «Обижаешь меня, начальник. И только!» Дыбенко объяснил: «Все сделано по-божески. Заднепровцы вооружены кое-как, не в пример «вашим героям». Не сразу согласился Махно с доводами начдива...

Начальник политотдела Коллонтай вернулась с VIII съезда партии, проходившего в Москве 18–23 марта, не сразу нашла свою дивизию. Направилась в подразделения и во время коротких привалов рассказывала о выступлениях В. И. Ленина, сообщала, что съезд высоко оценил работу военных комиссаров, «которые рука об руку с лучшими элементами командного состава, в короткий срок создали боеспособную армию», называли имена многих бывших партизан и повстанцев, ставших замечательными командирами, политработниками и бойцами 1-й Заднепровской дивизии...

— Товарищи Моисеенко, Задесенец, Иванисов, Байта, Таран, Ястребов, Передерий, братья Чайкины и многие, многие другие — гордость нашей дивизии. Именно о таких и шла речь на съезде партии...

Заднепровская теснила белых. В ночь на 2 апреля 1919 года заняла Чонгарский и Перекопский перешейки. О боевых успехах Дыбенко телеграфировал в Москву и командующему Укрфронтом Антонову-Овсеенко.

5 апреля, выполнив поставленную задачу, дивизия должна была остановиться на выгодных позициях, запереть белых в Крыму... Обстановка требовала безотлагательно перебросить освободившиеся силы в Донбасс, чтобы пополнить части, действующие в направлении Таганрог — Ростов. Однако, не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления и не получив приказа остановиться, Первая Заднепровская начала втягиваться в Крым и через пять дней заняла Симферополь. После небольшой передышки снова устремилась вперед; 17 апреля подошла к

Малахову кургану. С тыла поддерживали местные партизанские отряды. На следующий день жители Севастополя восторженно приветствовали своих освободителей.

Кроме героев Первой Заднепровской под командованием Дыбенко, в боях за Крым участвовал автобронедивизион особого назначения А. И. Селявкина; были у него моторизованные пулеметы, артиллерия и — впервые в гражданской войне — танки, захваченные у интервентов в бою под Одессой в начале апреля 1919 года. С одним из танков связан волнующий эпизод — первую отнятую у врага машину красные воины отправили в Москву в подарок Ленину. «Этот подарок, — ответил Владимир Ильич, — дорог нам всем, дорог рабочим и крестьянам России, как доказательство геройства украинских братьев, дорог также потому, что свидетельствует о полном крахе казавшейся столь сильной Антанты»^[30].

...В приказе РВСР № 36 в связи с награждением Павла Дыбенко орденом Красного Знамени сказано, «что в период боев с 25 марта по 10 апреля 1919 года под г. г. Мариуполь и Севастополь он, умело маневрируя частями вверенной ему дивизии, лично руководил боем, проявил истинную храбрость, мужество и преданность делу революции; своим примером воодушевлял товарищей красноармейцев, способствовал занятию вышеуказанных пунктов и полному уничтожению противника на северо-восточном побережье Черного и Азовского морей. В этой операции 1-й Заднепровской дивизии захвачено свыше 2000 пленных при 3 офицерах, 2 бронепоездах, 38 орудий, 52 пулеметах, 15000 винтовок, несколько паровозов, много подвижного состава и других трофеев».

Позднее Дыбенко узнает, что 18 апреля, в день, когда Первая Заднепровская вступила в Севастополь, В. И. Ленин телеграфировал председателю Совнаркома Украины Х. Г. Раковскому в Киев: «Насчет планов Дыбенко предостерегаю от авантюры — боюсь, что кончится крахом и он будет отрезан. Не разумнее ли его силами заменить Махно и ударить на Таганрог и Ростов. Советую трижды обдумать, решайте это, конечно, сами»^[31]; узнает, что 22 апреля Владимир Ильич потребовал от командующего Укрфронтом Антонова-Овсеенко «немедленно выполнить задание главкома дать солидное подкрепление на участок Донбассейн — Мариуполь»^[32] и что эти указания Ленина выполнены не были; узнает, что Антонову-Овсеенко вскружили голову боевые успехи 1-й Заднепровской дивизии, вызвавшие паническое отступление белых, и он не отдал приказ остановиться. Впоследствии в своих воспоминаниях Владимир

Александрович признается:

«Фантастическая мечта — прорваться в Керчь, оттуда создать угрозу тылам Добровольческой армии, фантастическая благодаря господству на Черном море враждебного нам союзного флота увлекла командукра. Конечно, в вырисовывающейся обстановке следовало во всяком случае отказаться от активных операций в Керченском направлении и две трети сил П. Дыбенко перебросить на Таганрогское направление». Узнает Дыбенко, что в начале мая 1919 года ЦК РКП (б) объявил выговоры нарком-военмору Украины Н. И. Йодвойскому, командующему Украинским фронтом В. А. Антонову-Овсеенко за задержку переброски войск в Донбасс и потребовал от руководящих работников Украины принять меры для освобождения Донецкого бассейна от белогвардейцев...

В Крыму налаживалась мирная жизнь. 6 мая 1919 года было образовано Крымское советское правительство. В его состав вошли Дмитрий Ильич Ульянов — младший брат В. И. Ленина, активный деятель Коммунистической партии, бывший редактор газеты «Таврическая правда», П. Е. Дыбенко стал народным комиссаром по военным и морским делам и командующим Крымской Красной армией, И. П. Петриковский — начальником штаба, А. М. Коллонтай — начальником политического управления.

Прибывшему в Крым Антонову-Овсеенко Дыбенко доложил, что в Крымской Красной армии, к формированию которой приступили, уже насчитывается 13 тысяч штыков и сабель, 30 пулеметов, три батареи, два броневика. Пожаловался на нехватку командного состава. Сказал, что очень плачевно обстоят дела с обмундированием; чтобы экипировать армию, открыли свои мастерские, они способны изготавливать 30 пар сапог в день, 100 шаровар и до 500 пар белья. Но мастерские простаивают из-за отсутствия материалов...

Вместе побывали в Симферополе и Севастополе, Антонов-Овсеенко хотел увидеть Дмитрия Ильича Ульянова, но того не оказалось в городе. Оставил ему письмо, в котором просил оказать Красной Армии «самую решительную помощь... Помогите нам в формировании новых частей, в обмундировании...».

Когда ехали к линии фронта на Керченском перешейке, Дыбенко сообщил о переговорах с командующими английской и французской эскадрами:

— Оба обещали придерживаться нейтралитета.

Прислушиваясь к артиллерийскому грохоту, Антонов сказал:

— Вот вам и нейтралитет.

По берегу стреляли французские контрминоносцы.

«Под прикрытием их огня противник пытается охватить десантом наши фланги, — запишет в своих воспоминаниях Антонов-Овсеенко. — Панические слухи. Дрогнули наши передовые части. Но спокойствие штаба передается фронту. Атака неприятеля отбита».

Антонов-Овсеенко спешил в Донбасс, сказал, что заедет на участок фронта Мариуполь — Волноваха к Махно.

Прощаясь, Дыбенко заверил командукра, что в ближайшие дни Крымская Красная армия овладеет укрепленными позициями белых, нанесет удар через Керченский пролив и Таманский полуостров, выйдет в тыл Деникина и поможет армиям Южного фронта разгромить противника на Ростовском и Таганрогском направлениях. Антонов-Овсеенко внимательно выслушал и, по существу, одобрил все. Однако эти планы Дыбенко осуществить не удалось: обострившаяся внутренняя и внешняя обстановка в стране поставила перед Крымской армией другие неотложные задачи...

Обрадовался Дыбенко появлению в штабе Ивана Федоровича Федько. Что и говорить, прибыл кстати, очень уж усложнилась обстановка на юге.

Федько произвел хорошее впечатление, боевой командир. Военную службу начал в годы мировой войны в Феодосии прапорщиком. Здесь же в 1917 году вступил в партию большевиков. Формировал отряды Красной гвардии, сражался с немецкими оккупантами. Командовал красными частями на Северном Кавказе. В Астрахани встретился с С. М. Кировым. Сергей Миронович и направил Федько в Москву к Ленину. Владимир Ильич принял молодого командира, выслушал и, как хорошо знающего Украину и Крым, рекомендовал направить Федько на помощь Дыбенко.

Двадцатидвухлетний Иван Федько стал членом Реввоенсовета Крымской Красной армии и заместителем Дыбенко. На него возложили формирование, оснащение и обучение новых красноармейских частей. Командные посты заняли и прибывшие с ним из Москвы товарищи...

9 мая в штабе Крымской армии узнали о мятеже Григорьева, объявившего себя «атаманом Херсонщины и Тавриды». В выпущенном «уневирсале» (декларации) атаман обещал «свободу торговли», «защиту собственности», «свободные при участии всех партий (кроме большевиков) советы» и многое другое.

Григорьевская авантюра не явилась столь уж неожиданной. Бригада Григорьева, бывшего петлюровца, в феврале 1919 года вошла в подчинение

командующего Украинским фронтом и подчинена Первой Заднепровской дивизии. Требовалось неотлагательно укрепить бригаду Григорьева командными и политическими работниками, однако Дыбенко и Коллонтай этого не сделали, ограничились полумерами. Не на высоте оказался и Скачко, не выполнивший предложение Антонова-Овсеенко о смещении Григорьева, сам же комукра не настоял на этом. И вот печальный результат... Захватив в Одессе колоссальные трофеи, Григорьев отвел свои войска на отдых.

Силы в подчинении атамана Григорьева были значительные: до 20 тысяч бойцов, 6 бронепоездов, свыше 50 орудий, 700 пулеметов. И стали его банды обрастать кулаками и другими контрреволюционными силами.

Довольно быстро мятеж охватил значительную часть Южной Украины. Под угрозой оказались Николаев, Херсон, Одесса, Харьков. 11 мая григорьевцы овладели Екатеринославом и Кременчугом. А через день дошли до Золотоноши и открыли путь на Киев...

Мятеж ширился, охватывал новые районы. Для борьбы с ним был образован штаб во главе с К. Е. Ворошиловым. Ликвидацию мятежа возложили на части, сосредоточенные в Харьковском военном округе, добровольческие отряды А. Я. Пархоменко и войска Крымской армии Дыбенко, которым отводился участок от Александровска до Екатеринослава.

За себя Дыбенко оставлял Федько. «Уезжаю, а в Крыму положение хуже не придумаешь». Вместе с Федько склонились над картой.

— К белякам подошли свежие части с Кубани и Дона, — говорил Дыбенко. — Враг рядом, ждет удобного момента, чтобы ударить по Крымской Красной армии...

Отступив к Феодосии и Керчи, белогвардейцы сумели задержаться на перешейке Керченского полуострова, организовали фронт от Феодосийского залива на юге до Арабатского залива у деревни Ак-Манай (Каменское) на севере. Держались они при поддержке англо-французских кораблей, которые базировались в Феодосийском и Керченском портах. Корабли Антанты выходили в Азовское море, в Арабатский и Феодосийский заливы и оттуда вели огонь-из дальнобойных орудий, а так как ширина перешейка не превышала 20 километров, налеты вражеской артиллерии достигали цели... С помощью союзников, главным образом французских инженеров, деникинцы сравнительно быстро построили поперек перешейка три линии окопов полного профиля, много блиндажей, ходов сообщения, пулеметных гнезд, все это прикрыли несколькими рядами колючей проволоки.

Дыбенко и Федько понимали, что деникинцы при первом удобном случае начнут наступление и двинутся в глубь Северного Крыма. Дыбенко настоятельно рекомендовал Федько Ак-Манайские позиции держать под неослабным наблюдением. Он говорил:

— Мне кажется, что именно оттуда деникинцы начнут наступление. Обратите серьезное внимание на состояние наших укреплений. Немаловажное значение имеет высокий боевой и моральный дух красноармейцев. Не давайте белякам спокойно отсиживаться, старайтесь атаковать...

Федько сказал командующему:

— С возложенными задачами справимся!

Они расстались.

Дыбенко прибыл на свой боевой участок. Его войска действовали в районе от Александровска до Екатеринослава. В боевом приказе от 15 мая 1919 года он требовал от командиров и политкомиссаров смелости и решительности; не давать возможности бандитам закрепляться, стремительно преследовать; сдавшихся в плен щадить, сопротивляющихся уничтожать.

Красные войска действовали быстро, напористо. Отступая, григорьевцы зверски расправлялись с попавшими в плен красноармейцами, местными жителями, советскими и партийными работниками. Брата Дыбенко Федора захватили тяжело раненного и изрубили.

Две недели красные воины под командованием Дыбенко и Пархоменко стремительно преследовали врага. Дыбенко горел желанием захватить Григорьева живым, однако «атаман» трусливо удрал, спрятался у Махно. Но смерти бандит не избежал. Два атамана рвались к власти, к управлению Украиной. Более хитрый Махно 27 июля 1919 года расстрелял Григорьева, позже, в 1921 году, батя сбежал за границу.

Покончив с григорьевщиной, Дыбенко спешил в Крым.

Доклад Федько не обрадовал. Воспользовавшись выступлением Григорьева и успехами белой армии в Донбассе, крымские белогвардейцы предприняли активные действия на Керченском полуострове. Сначала они повели наступление от Черной Балки на Дальние Камыши и, хотя их поддерживала корабельная артиллерия союзников, успеха не имели. Тогда белогвардейцы решили нанести удар по участку, занимаемому 3-м Таврическим советским полком, но и здесь были отбиты... Федько назвал особо отличившихся командиров и бойцов Керченского фронта, но вынужден был признать, что белогвардейцы хоть и медленно, все же продвигаются в глубь Крымского полуострова.

Положение в Крымской республике тяжелое. Не на кого опереться, всюду не хватает людей, мало коммунистов в войсках и гражданских учреждениях. Вновь формируемые части Красной Армии не обеспечены командным составом. А враг рядом: в море корабли Антанты, на суше деникинцы...

С очередной почтой из Москвы пришло письмо от Николая Александровича Семашко: Дыбенко читал и только головой покачивал... Наркомздрав по-хозяйски заботится о будущем, пишет, что Крым скоро превратится во всенародную здравницу, настоятельно просит надежно охранять дворцы, в них будут отдыхать трудящиеся. Пошел к Петриковскому, показал письмо, поручил установить у дворцов надежную охрану. Заглянул к Коллонтай. Та, прочитав письмо Николая Александровича, согласилась, что обязательно надо сберечь Крым для отдыха трудящихся.

А Дыбенко резко сказал:

— Красноармейцев заели вши, нет белья, медикаментов; войска разуты и раздеты; не хватает вооружения, одна винтовка на десять человек, а бои на носу.

— Сегодняшнее, Павел, не должно заслонить будущее. Ради него ведем эту тяжелую, кровавую войну.

— Будто я не понимаю, — бросил Павел Ефимович и ушел сердитый.

Коллонтай съездила, осмотрела дворцы. Побывала в Гурзуфе, который очень любила. Посетила Ялту.

Работала Коллонтай много: читала лекции в школе политсостава, проводила беседы с красноармейцами, среди населения, руководила изданием журнала, газеты; написала брошюру «Будь стойким борцом», которая вскоре вышла в Москве, затем в Киеве, Ростове-на-Дону, путешествовала по окопам многих фронтов, помогала красноармейцам яснее понять цель, ради которой они идут на смерть.

В Крымской советской республике по-прежнему тревожно. Вражеские корабли продолжали курсировать вдоль побережья. Было ясно — «мирный период» долго не продлится. И вот поступили сведения: деникинцы прорвали фронт в Донбассе и часть сил перебросили на Чонгарский и Перекопский перешейки, намереваясь отрезать Крымскую Красную армию, а затем уничтожить ее. Посланные Дыбенко в Донбасс три полка переметнулись к Махно. Полки эти в свое время были переведены из отрядов Махно в 1-ю Заднепровскую дивизию. Они неплохо воевали, но привыкшие к «атаманской вольнице» командиры не признавали

революционную дисциплину, «гнули свою линию»; Дыбенко собирался заменить полковых, но все откладывал: не хватало командного состава, а главное, обострять отношения с бойцами не хотелось, махновские командиры еще пользовались значительным авторитетом. Командующий, его заместитель, начальник штаба и начальник политуправления, посоветовавшись, решили «повременить» с заменой.

Обстановка все больше обострялась. 16 июня 1919 года члены правительства и армейские работники собрались на чрезвычайное совещание. Дыбенко доложил о военной обстановке: сообщил, что Махно расстрелял направленных к нему политработников, снял свои части с линии Мариуполь — Волноваха и увел в Гуляй-Поле. В образовавшуюся брешь устремилась «дикая» дивизия Шкуро. Федько организовал оборону и остановил врага... Со дня на день Деникин может начать общее наступление на север. Крым окажется в тылу врага.

Командующий предложил незамедлительно подготовить к эвакуации тыловые учреждения, склады, ценности, а также вывести бронепоезда для защиты железной дороги на линиях Джанкой — Симферополь, Джанкой — Феодосия и Джанкой — Александровск — Екатеринослав.

Последующие события подтвердили своевременность принятых мер... 18 июня боевые корабли Антанты открыли интенсивный огонь по расположению советских войск. В районе Коктебеля и Судака высадились десантники. Конники «дикой» дивизии Шкуро прорвались к Мелитополю...

Дыбенко собрал экстренно совещание работников штаба и объявил порядок отвода войск; потребовал от командиров полков отходить постепенно, чтобы задержать противника, дать возможности вывести все тыловые подразделения, госпитали, гражданские учреждения.

— И что важно, — подчеркнул командующий, — сохранить боеспособность каждого полка, роты, взвода. Нам еще воевать надо, и не один день!

Приказ своего наркома воины Крымской Красной армии выполняли безукоснительно, отстаивали каждую пядь родной земли, сдерживали натиск превосходящих сил белых и по численному составу, и по обучению, и по вооружению. Эвакуация проходила организованно и в течение пяти дней была завершена. Геройски действовали красные заслоны Федько на пути конницы Шкуро...

24 июня Симферополь заняли деникинцы. «Позади Крым, наше отступление, — вспоминает Коллонтай. — В пять часов утра Крымское правительство собралось совещание. Деникин высадился на наш берег.

Отстоять Симферополь нет никакой возможности... Настал час эвакуации, держались до последнего. В нашем вагоне ехал и Дмитрий Ильич. Ему нездоровилось, нервы были подорваны. До Киева тащились больше недели, были всякие неизбежные преграды».

...Части Крымской Красной армии покинули Джанкой 26 июня; 30 июня по наплавному мосту через Днепр из Каховки в Борислав вступили последние группы красноармейцев.

При поддержке флота Антанты белые войска захватили Крым...

Еще в начале июня был расформирован Украинский фронт и вместо него созданы 12-я и 14-я армии. Командующим 14-й стал Климент Ефремович Ворошилов... Крымская армия вела тяжелые бои с деникинцами и одновременно переформировывалась в Крымскую дивизию, она вошла в состав 14-й армии...

Обстановка на деникинском фронте обострялась. 10 июля белые захватили Скадовск, Каховку, Никополь, Александровск... Около Одессы и Очакова курсировали французские корабли, обстреливали побережье.

Крымская дивизия заняла оборону по правому берегу Днепра — от Херсона до Екатеринослава, отбивалась от наседающего противника с востока. Ее правый фланг, подходивший к Днепровскому и Бугскому лиманам, был открыт. А когда советские войска оставили Екатеринослав, нависла опасность и над левым флангом. Чтобы надежно прикрыть его, Дыбенко принял решение нанести удар по Екатеринославу, отбить его у врага. Выполнить эту нелегкую задачу он поручил своему боевому заместителю, и Федько блестяще осуществил замысел командира. 15 июля 1919 года город был освобожден. Подтянув свежие полки, усилив их артиллерией, деникинцы перешли в контрнаступление. На окраинах, а затем в самом Екатеринославе более суток шли ожесточенные бои, доходившие до рукопашных схваток. Федько отвел войска из города и занял прочную оборону для защиты левого фланга Крымской дивизии на рубеже реки Мокрая Сура.

Неожиданно Дыбенко получил телеграмму от Подвойского: его вызывали в Киев. Не мог понять, зачем в столь неподходящее время понадобился начальству. За себя оставил Федько.

— Держись, Иван Федорович. Я быстро вернусь.

Очень хотелось встретиться с Коллонтай. Разыскал ее в агитпоезде. Уединившись, она составляла листовку-обращение к защитникам Киева. Александра Михайловна теперь народный комиссар агитации и

пропаганды УССР. «Как я счастлива, что я в Киеве, что я на созидательной работе», — вспоминает она о тех днях.

Коллонтай обрадовалась Дыбенко, но сказала, что, зачем его вызвали, она не знает; Подвойского в Киеве нет, он где-то на передовых позициях. Позвала Павла на завод «Арсенал».

— Оттуда сейчас отправляется очередной отряд на фронт. Выступишь, расскажешь о героях славной Крымской дивизии, воодушевишь людей... Это так важно, ведь враг у стен города...

Под Киевом шли кровопролитные бои, деникинцы рвались в город... Одесса, Вознесенск, Черкассы, Переяслав уже заняты белыми. На линии Жабокричь, Крыжополь действуют петлюровцы, далее к югу — румыны и рыскают шайки многочисленных атаманов, повсеместно терроризируют население, вселяют панику.

...Дыбенко встретился с Подвойским. Все выяснилось; вернувшись поздно вечером в гостиницу «Континенталь», где они жили с Коллонтай, увидел в номере Подвойского. Поздоровавшись, Николай Ильич без предисловий объявил, что ЦК принял решение послать группу заслуженных красных командиров в Москву, в Академию Генерального штаба.

— Ты в числе первых.

Дыбенко стоял ошеломленный. Ехать учиться в такое время?!

Заложив руки за спину, Подвойский молча ходил по комнате, потом, повернувшись, остановился перед Дыбенко, стал говорить как-то очень резко. Да, время действительно архитяжелое, но стране нужны свои полководцы, нужны не только для разгрома Деникина и прочих царских генералов; красные командиры нужны армии, которой предстоит защищать социалистическое государство. Напомнил, что академия создана по личной инициативе Владимира Ильича Ленина.

— Мы привлекаем бывших царских офицеров, — продолжал Николай Ильич, — а они нередко предают, бросают нас в критические моменты. «Попробуйте, — говорят, — большевики, сами командовать». Конечно, командуем неплохо, помогают и старые, верные нам кадры. Вот и в академии среди преподавателей встретишь старых профессоров — знатоков военного дела. Их опыт и эрудиция сослужат нам добрую службу.

Подвойский опять помолчал, походил по комнате, спросил:

— Правильно ли мы поступили, предложив Григорьеву и Махно служить Советам? — И сам ответил: — Да, правильно! Чтобы освободить Украину от кайзеровских войск и пришедших им на смену англо-французских оккупантов, от петлюровцев и белогвардейцев, требовалось

срочно создать регулярную Красную Армию; брали и таких, как Григорьев, Махно и им подобные, зная, что доверять им полностью нельзя, что они могут изменить, переметнуться на сторону врага... — И вдруг резко оборвал фразу, чуть помолчав, сказал, что Дыбенко должен выехать в Москву.

Дыбенко мечтал о военном образовании, не раз говорил с Коллонтай об этом. Но покидать фронт, когда враги захватили огромную территорию страны, находятся в Донецком бассейне, в Крыму, в Орловской и Воронежской губерниях, в Царицыне... Сказал об этом наркому.

Подвойский оставил Дыбенко на некоторое время в своем распоряжении..

Вернувшись за полночь в гостиницу, Коллонтай сообщила о гибели Анатолия Железняка 26 июня под станцией Верховцево. Он тоже воевал в 14-й армии, командовал бронепоездом. Попали в окружение, решили пробиться. Анатолий, высунувшись из тамбура, стрелял из нагана поседавшим белякам. Был смертельно ранен. Его похоронили в Москве на Ваганьковском кладбище.

Дыбенко любил этого славного матроса, много сделавшего для Советского государства.

— Теряем лучших моряков! Вечная тебе память, дорогой товарищ Железняк!..

Ожесточенные бои не утихали ни днем ни ночью. В двадцатых числах августа белополяки захватили Житомир и Новоград-Волынский, двадцать пятого петлюровцы ворвались в Фастов и Белую Церковь, тридцатого — в Киев. Назавтра в город пришли и деникинцы...

В тяжелое время уезжал Дыбенко на учебу.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПОСЛЕДНИЙ РЕШИТЕЛЬНЫЙ

...Академия Генерального штаба, так она тогда называлась, открылась в ноябре 1918 года в Москве, на Воздвиженке, в особняке бывшего «Императорского общества охоты». Но уже в апреле отправили сражаться на Восточный фронт всех слушателей — сорок «ускоренников» (так их называли). Перед ними с речью выступил Ленин. «Победа будет за нами», — сказал Владимир Ильич в заключение.

Через полгода, в ноябре девятнадцатого, занятия в академии возобновились. Вернулись «ускоренники» для продолжения учебы, прибыли новички — сто восемьдесят три красных командира. Все участники Октябрьской революции, герои гражданской войны, кавалеры ордена Красного Знамени. Первым в списках слушателей по алфавиту Дыбенко Павел Ефимович.

В одной из аудиторий он встретил тоже недавно приехавшего Ивана Федько. Оба несказанно обрадовались. «Будем вместе грызть гранит военных наук», — сказал Дыбенко, обнимая своего боевого заместителя.

После кипучей фронтовой жизни трудно привыкать к академическому распорядку — сидеть на лекциях, выступать на семинарах, решать тактические задачи, сдавать зачеты, экзамены. Преподаватели — виднейшие знатоки военного дела, профессора бывшей Николаевской Академии Генерального штаба.

Нелегко было Дыбенко учиться, ведь не имел даже среднего образования. Правда, в часы короткого затишья между боями Коллонтай и Дыбенко садились за учебники. Учились оба. Александра Михайловна, зная щепетильность мужа, неназойливо проводила «уроки» по общеобразовательным предметам, а потом просила: «Помоги мне, Павел, разобраться в некоторых военных вопросах».

Вскоре занятия пришлось оставить. Страну сжимало вражеское кольцо. Наступал Деникин. Пали Курск, Орел. Под угрозой находилась Тула. Добровольческая армия рвалась к Москве. Недобитые колчаковские войска в районе Тобольска. Миллер двигался к Вологде и Петрозаводску. Юденич прорвался в окрестности Петрограда. Войска буржуазно-помещичьей Польши заняли Минск.

Основным стал Южный фронт. Сюда партия направила и слушателей

военной академии. Дыбенко назначили начальником 37-й стрелковой дивизии 10-й армии. Накануне отъезда из Москвы его вызвали в проходную академии.

— Это я тебя побеспокоил, Павел, здравствуй.

Дыбенко с трудом узнал Свистулева. От прежнего бравого балтийского моряка одни глаза остались, и то потускневшие. Лицо серое, тощее, ссутулился; на голове изрядно поношенный картуз; потертая старенькая шинель, сбитые сапоги.

— Да что с тобой, Павлуша? — Дыбенко выпустил друга из объятий. — Откуда? Куда?

Свистулев рассказал:

— С Восточного фронта нашу 21-ю дивизию переправляют на Южный. Я политкомиссар артиллерийского дивизиона. Вид у меня действительно не военный. Правда, в наркомате друзья предлагали новую амуницию... Отказался. Пойми, Павел, красноармейцы в дивизии одеты хуже меня: как я, комиссар, явлюсь к ним франтом.

— Ты прав, братишка.

Рассказал Свистулев о своей жизни «на суше»: комиссарил в родных краях, на фронт пошел добровольцем.

— Как живут финские товарищи, которых ты вывез из Гельсингфорса?

— Живут и работают хорошо. Коммуна «Ауэр» крепнет. Эйве Карту, помнишь финского большевика, секретарь партийной ячейки, ему помогает сын Ирмаре. Все сердечно благодарны Советскому правительству, спасло оно их от неминуемой смерти. Всех бы истребили белофинны.

Свистулев уехал. Теперь оба балтийских матроса будут воевать рядом, на Южном фронте, только встретиться им уже не придется. Комиссар 2-го артиллерийского дивизиона 21-й стрелковой дивизии Павел Никандрович Свистулев 7 января был тяжело ранен в боях за Новочеркасск и умер в госпитале близ Воронежа 19 февраля 1920 года. Узнает об этом Дыбенко, когда вернется в академию...

Коллонтай проводила Павла на вокзал.

— Покончим с беляками, вернусь в академию, — сказал Дыбенко жене.

Но произойдет это не скоро...

После беседы с командующим 10-й армией А. В. Павловым и членом Реввоенсовета Б. Д. Михайловым 25 ноября Дыбенко отбыл в расположение своей дивизии. Поджарый рыжий конь шел тихо, времени для размышлений хватало. Дыбенко находился под впечатлением недавнего разговора в штабе, и перед ним все более четко вырисовывался план

готовящегося большого наступления советских войск. Шесть пехотных дивизий и кавалерийская бригада 10-й армии занимают фронт по линии Усть-Медведицкая — Качалинская — Дубовка. Своим правым флангом они наносят удар в направлении Нижне-Чирской, левым — ликвидируют белых в районе станицы Качалинской. Затем всеми силами переходят в общее наступление на Царицын. На флангах действуют 9-я и 11-я армии...

У Дыбенко в 37-й дивизии 3 пехотных полка и кавалерийская бригада. Штаб располагался в Дубовке, живописном городке на правом берегу Волги в 52 километрах к северо-востоку от Царицына... В небольшом домике собрались командиры. Начдив уже познакомился со всеми, убедился — народ обстрелянный, боевой.

— По берегу Волги бандитствует конный корпус генерала Топоркова, — зло говорил командир кавбригады Курышко, донской казак, бывший вахмистр, невысокий, плечистый, с крупным неласковым лицом. У него шестнадцать ранений — пулевых, осколочных, сабельных, кинжальных. — Товарищ начдив, ударить бы так, чтобы от топорковцев пух полетел!

— Давно пора! — поддерживает Курышко рыжеволосый, вихрастый, лет тридцати, ладно сбитый командир эскадры Гусев.

— Хорошо бы разбить Топоркова, — соглашается Дыбенко с командирами. — Об этом недобитом генерале и в штабе армии говорили: «Житья от него нет — всюду успевает». Вот и соседи — 38-я, 39-я дивизии — вынуждены отходить под натиском корпуса Топоркова. Правда, у нас пока тихо.

Тишина длилась недолго. Дыбенко читал донесение конной разведки: «На участке 37-й на основании сведений, полученных от пленных, действуют два полка белых». Начдив оживился: «Они-то покажут нам дорогу к штабу Топоркова...»

Кончался холодный ветреный декабрь 1919 года. 29-го рано утром Дыбенко вызвал Курышко.

— Останешься за меня дивизией командовать, а я с твоей кавбригадой «погуляю» по тылам белых. — Заметил, как насупился комбриг. «Обидел героя, сам рвется в бой». Тут же изменил решение: — Отправимся вместе.

Кавалеристы проворно оседлали коней. Затемно миновали пределы передовых застав дивизии. На рассвете внезапно напали на кавалерийский полк белых, за 30–40 минут разметали его. Около полусотни трупов осталось на снегу. 120 конников сдались, попросились в Красную Армию. Почти все оказались односельчанами бойцов кавбригады, насильно мобилизованными деникинцами. Красноармеец Гарбузов, весельчак с лихим рыжим чубом, встретил брата, румянощекого богатыря, толкнул в

грудь, сказал:

— Это тебе за то, что с беляками связался. А что к красным перешел, хвалю, Василий, — и крепко обнял.

— Родня, чай, мог и полегче. Так и зубы повываляются, — без злобы проговорил тот...

Захватили лошадей, пулеметы, сено, овес. После недолгого отдыха возвратились в Дубовку. Узнали, что соседняя 38-я дивизия под напором превосходящих сил противника оставила станицу Качалинскую. В полночь Дыбенко вызвали к аппарату. Командарм объяснил обстановку, сказал:

— Выручай 38-ю. Поднимай конников на рассвете — и в путь. — Помолчал: — Знаю, бойцы устали, кони не успели остыть и бой предстоит нелегкий. На тебя, Павел Ефимович, надеюсь... Приободрите народ, и, как говорят, с богом...

Дыбенко и Курышко едут рядом и, видимо, думают об одном и том же. На истощенных лошадях трудно по гололедице преодолеть эти семьдесят с лишним километров. А вступать в бой придется с ходу. У белых больше сил; около 6 тысяч сабель, пластунская бригада и пехотные части. У 38-й и 39-й дивизий не более 4,5 тысячи штыков и 300 сабель, еще в кавбригаде 420 сабель, 8 пулеметов и 2 орудия.

В два часа 30 декабря встретили медленно продвигавшуюся конную группу белых. Как видно, противник не ожидал появления в своем тылу красных. Подпустив конников на расстояние 600–700 метров, Дыбенко развернул кавбригаду, повел ее в атаку. Не приняв боя, белые отступили. 150 кавалеристов сдались в плен. Часть усталых, истощенных лошадей заменили трофейными, сытыми и сильными. Командиры и красноармейцы воспряли Духом.

Уже под вечер вышли во фланг 38-й дивизии, но помочь товарищам не смогли. Самых обнаружили, пришлось спешно отступить.

На хуторе Медведеве разгромили дивизион артиллерии противника, захватили большой обоз, лошадей, фураж. Дыбенко намеревался дойти до станицы Паныпинской, это не так далеко, устроиться там на ночлег. В отдыхе нуждались и бойцы и лошади. Но когда приблизились к станице, разведка донесла, что от Паныпинской, переправившись через мост к Качалинской, движутся пехотные и кавалерийские части белых. Дыбенко вызвал Гусева.

— Бери свой эскадрон и гони беляков обратно на мост, — приказал он. — Устрой им холодную купель. Нажмите с хвоста и флангов. Шумите громче, глоток не жалейте.

Гусев понял замысел начдива, лихо развернул коня и скрылся в ночной

мгле... Не выдержав внезапной дружной атаки, *белые* в панике повернули обратно на мост; образовался затор, опоры и настилы не выдержали, рухнули.

Дыбенко остался доволен, поблагодарил Гусева за сметливость, отлично выполненное задание.

Теперь кавбригада взяла направление на Качалинскую. В станицу вошли ночью, а здесь расположился штаб корпуса Топоркова. Что делать? Вступать в бой — сил мало. Отступить поздно, всех перерубят. «Пока нас не обнаружили, надо действовать», — молниеносно решает Дыбенко. Посоветовавшись с командирами, отдал приказ: охватить станицу с флангов, открыть огонь из всех видов оружия... Неожиданный шквал огня, крики, многоголосое «ура!», «вперед!» ошарашили белых; в одном белье в темноте выскакивали они из домов, без оглядки бежали, стреляя куда попало, больше по своим.

— До самой смерти не забудут и нас и Качалинскую, — весело проговорил Курышко. — Вот дали так дали!!!

— Не скоро опомнится генерал, — добавил Дыбенко.

Топорков потерял убитыми, ранеными и сдавшимися в плен три тысячи солдат и офицеров; без артиллерии, пулеметов и обозов, минуя Царицын, он спешно отходил к югу. Кавбригада увеличилась до 1650 сабель за счет пленных, перешедших на сторону Красной Армии; полностью обновили конский состав, захватили много продовольствия, оружия и фуража...

Получен приказ командарма Павлова — кавбригаде вернуться в район Дубовки и 29 декабря вместе с остальными частями 37-й дивизии наступать в направлении Рынок — Орловка — Царицын. Кавалеристы только этого и ждали, они горели желанием участвовать в освобождении Царицына, оставленного Красной Армией после упорных боев в конце июня 1919 года. Шли ускоренным аллюром. Близ города встречались беженцы, они говорили, что среди беляков наблюдается движение, будто покидают они Царицын. «Значит, надо действовать». Дыбенко принимает решение: не дожидаясь подхода всей дивизии, повести кавбригаду на штурм города с западной стороны.

Вот он, Царицын.

— Вперед! У-р-а-а!

Почти одновременно с левого берега по Волге по льду переправился 450-й полк 50-й дивизии под командованием начдива Е. И. Ковтюха.

3 января 1920 года Царицын снова стал советским.

Из приказа по войскам 10-й Красной Армии Кавказского фронта:

Город Царицын

№ 69

26 января 1920 г.

§ 2

Начдив 37-й стрелковой тов. Дыбенко награждается золотыми часами ВЦИК за № 266 за умелое командование кавбригадой в декабрьской операции, когда ловким маневром зашел в тыл противника и заставил его поспешно отступить, что способствовало успешному наступлению армии.

А несколько позже П. Е. Дыбенко удостоивается ордена Красного Знамени.

Из приказа РВСР № 97:

«Награждается... орденом Красного Знамени бывший начальник 37-й стрелковой дивизии тов. Дыбенко Павел Ефимович за то, что во время боев на подступах к г. Царицыну... командуя сводной бригадой, искусным маневром вошел в тыл кавалерийской группы противника, принудив ее поспешно отступить и бросить большое число орудий и прочего боевого имущества... Указанный маневр дал возможность частям 10-й армии занять прочное положение для дальнейших действий против Царицына, который 3 января 1920 г. пал под ударами 10-й и 11-й армий».

Позднее П. Е. Дыбенко напишет интересный очерк под названием «На подступах к Царицыну», в котором со всеми подробностями, с большой долей юмора расскажет о «прогулке» кавбригады по тылам белых. Очерк вошел в сборник «Оборона Царицына».

3 марта 1920 года П. Е. Дыбенко уже принял от Г. Д. Гая командование 1-й Кавказской (кавалерийской) дивизией, чтобы окончательно разгромить деникинские войска на Северном Кавказе. На коротком привале его встретил приехавший из Москвы товарищ и сообщил: «Коллонтай больна тифом, лежит в больнице в тяжелом состоянии». Весть ошеломила. «Что делать? Фронт не оставишь». Дыбенко не верил в приметы, но на сей раз загадал: «Если в ближайшие дни разгромим беяков, значит, Шура выздоровеет». Он был уверен — деникинцы на Северном Кавказе долго не продержатся. Так и произошло. Обстановка «разрядилась», и Дыбенко разрешили выехать в Москву.

Коллонтай застал в своем маленьком номере «Националя», куда она только на днях вернулась из госпиталя. Исхудала до неузнаваемости, в лице ни кровинки, острижена наголо. Очень обрадовалась появлению Павла.

Объяснила, как все случилось, что выжила чудом, ослабла так сильно, что ходить разучилась. «Проклятый тиф косит людей».

Недолго задержался Дыбенко у больной жены. Обстановка не позволяла.

Вновь сгустились грозовые тучи над страной: собрав в Крыму остатки Добровольческой армии, «черный барон» Врангель решил повторить «поход» Деникина — овладеть Донбассом и Кубанью. Его «...войска состояли почти сплошь из офицеров... Врангелевские войска снабжены пушками, тапками, аэропланами лучше, чем все остальные армии, боровшиеся в России»^[33].

28 апреля 1920 года Дыбенко вызвали в Реввоенсовет, вручили назначение на должность начальника 2-й кавалерийской дивизии имени Блинова. В тот же день он покинул Москву. На месте с большой радостью узнал, что Иван Федько находится по соседству, в той же 13-й армии, командует 46-й стрелковой дивизией и приданной ей 2-й бригадой 15-й стрелковой дивизии, что будут они поблизости друг от друга. Много придется им перенести: и радость побед и горечь поражений...

Несмотря на директиву штаба фронта от 13 мая 1920 года «не выпустить Врангеля из Крыма», командование 13-й армии не приняло необходимых мер по сооружению оборонительных позиций на возможных направлениях наступления врангелевцев, и войска «черного барона» вырвались из Крыма, устремились на территорию Северной Таврии.

Положение на фронте резко обострилось.

13 мая 1920 года, выступая на рабоче-красноармейской конференции в Рогожско-Симоновском районе Москвы, В. И. Ленин сказал: «В настоящий момент мы вынуждены опять бросить клич: «Все для войны». Все организации, и профессиональные и партийные, должны сейчас отдать все свои силы на помощь героической Красной Армии»^[34].

...Сдерживая рвущихся на просторы Таврии врангелевцев, войска 13-й армии в начале июня вели жестокие бои на открытых степных, не оборудованных в инженерном отношении позициях в 50–60 километрах от Каховки... В ночь на 10 июня Дыбенко повел 3-ю бригаду своей дивизии в лихой набег на Ново-Михайловку, в которой, по данным разведчиков, расположился на отдых генерал Ревшин со своим штабом.

Скрытно подошли к селу и стремительно атаковали. Ошеломленные внезапным появлением красных копиков, врангелевцы, не вступая в бой, сдались. Попал в плен и Ревшин. Генерал оказался весьма разговорчивым. Дыбенко отправил болтливого беляка в штаб армии.

25 июня Реввоенсовет 13-й армии докладывал В. И. Ленину: «Взятый нами в плен 10 июня на Крымском фронте боевой генерал Ревшин заявил: а) обмундирование, орудия, винтовки, танки, шашки врангелевские войска получают главным образом от англичан, а потом от французов; б) с моря обслуживают Врангеля английские крупные суда и французские мелкие».

Конечно, не в каждом бою удавалось одерживать подобные победы. Вооруженные иностранной техникой врангелевцы дрались как львы...

По приказу командования 13-й армии в районе станции Верхний Токмак, Берестовое, Поповка была создана ударная группа в составе конного корпуса Д. П. Жлобы, 2-й кавалерийской дивизии имени Блинова и 40-й стрелковой дивизии. Перед этой группой поставили задачу — разгромить Донской корпус генерала Слащева и отбить Мелитополь.

В полдень 28 июня ударная группа перешла в наступление, прорвала фронт и углубилась в тыл. У Верхнего Токмака и Черниговки разбили Гундоровский офицерский и 7-й казачий полки Донского корпуса, захватили пленных и начали успешно двигаться в юго-западном направлении. Врангелевцы перебросили в район прорыва 4000 кавалеристов и несколько бронемашин. В воздухе появилось 12 аэропланов, с которыми красноармейцы воевать не умели, боялись их... Завязались упорные бои, продолжавшиеся двое суток. Конный корпус Жлобы попал в окружение и понес значительные потери. Свою дивизию Дыбенко из окружения вывел мало пострадавшей.

...Все лето и осень 13-я армия воевала без передышки, измотала врангелевцев и остановила. «Черный барон» не прорвался в Донбасс.

...И снова бои.

В ночь на 8 ноября, когда советский народ отмечал третью годовщину Октябрьской революции, Михаил Васильевич Фрунзе повел войска Южного фронта на штурм Перекопских укреплений... Весной 1919 года Первая Заднепровская дивизия, которой тогда командовал Дыбенко, не встретила на Перекопе серьезных оборонительных сооружений. Прошел год, и белые превратили Турецкий вал, Сивашские и Юшуньские позиции в неприступные. «Крепким оказался орешек». Но Красная Армия преодолела эти грозные укрепления, барона и его войска сбросила в Черное море. Даже мощная английская техника не смогла остановить могучий напор красных чудо-богатырей!

В грандиозной битве войск Южного фронта участвовала и 13-я армия. Среди ее героев достойное место занимали бойцы и командиры дивизий имени Блинова под командованием Дыбенко и 46-й — Федько. Теперь оба комдива получили предписание возвратиться в Академию РККА для

продолжения образования. Вместе оказались в Севастополе.

Они стояли на бульваре как раз напротив памятника Затопленным кораблям. Слева синело неприветливое холодное море, справа — опустевшая бухта. Подходили севастопольцы, многие узнавали бывшего народного комиссара по военным и морским делам, матроса Дыбенко. Рассказывали, как интервенты хозяйничали тут и вместе с русскими беляками разворачивали черноморские боевые корабли, вывели из строя линкоры «Иоанн Златоуст», «Святой Евстафий», «Пантелеймон» (бывший «Потемкин»), «Три святителя», «Ростислав», «Двенадцать апостолов», «Память Меркурия», 13 подводных лодок... А что осталось в бухте? Крейсер «Адмирал Нахимов», два миноносца — «Завидный» и «Свирепый», три подводные лодки — «Нерпа» и пара «Агешек». Вот и весь флот.

— А ведь в мировую войну Черноморский флот насчитывал боевых 400 кораблей, — сказал старый моряк. — Интервенты и беляки угнали остальные корабли за границу. — И тут же спросил: — Неужели не вернут их нам?

Дыбенко посмотрел в глаза старого матроса и ответил громко, чтобы слышали все собравшиеся на бульваре:

— Не отдадут. У белых надежные покровители, они-то и будут держать корабли для нового нападения на Советскую страну. — А про себя с болью в сердце подумал! «Очень нужен флот для охраны морских рубежей Родины. Очень!»

...В Москве Дыбенко ожидал приятный сюрприз: в издательстве «Коммунист» вышла его книга «Из недр царского флота». Первая книга! Писал ее в разгар гражданской войны, в 1919 году, в промежутках между боями.

С волнением держал в руках своего «первенца», разглядывал обложку, погладил, наконец раскрыл, полистал. Вот страница, где рассказывается о посещении русскими дредноутами норвежского города Христианзанда в 1913 году. «Да, жизнь моя тогда могла резко измениться...» — «Но нет, — прочитал он громко, — Россия зовет, зовут память и заветы товарищей матросов, бунтарей, замученных царизмом! На дело! На борьбу!» — Закрыв книгу, произнес: — То был 1913-й. Теперь 1920-й. Мы победили! Одолели врагов! Разгромили интервентов и белогвардейцев. Если потребуется, снова пойдем сражаться! Завоевания Октября защитим!

ПОСТСКРИПТУМ К ПРЕДЫДУЩЕМУ И ПОСЛЕДУЮЩЕМУ

Бывший нарком Красного флота Дыбенко оказался прав: украденные черноморские боевые корабли так и не возвратят Советскому государству; их спрячут, поставят на прикол во французской военно-морской базе Бизерт на севере Туниса; французские власти откроют здесь школу для русских белогвардейцев, станут готовить «специалистов» для будущих авантур против СССР. «Мы прекрасно знаем, — говорил В. И. Ленин на VIII съезде Советов, — что остатки армии Врангеля не уничтожены, а спрятаны не очень далеко и находятся под опекой и под охраной и восстанавливаются при помощи капиталистических держав, что белогвардейские русские организации работают усиленно над тем, чтобы попытаться создать снова те или иные воинские части и вместе с силами, имеющимися у Врангеля, приготовить их в удобный момент для нового натиска на Россию»^[35].

Нет, не оставили битые Красной Армией белогвардейцы бредовую мечту о возврате старых порядков. На что же они рассчитывали? Конечно, не на побитых и вышвырнутых с советской земли врангелевцев, «спрятанных не очень далеко», не на белогвардейские организации за рубежом, не на «бизертскую эскадру», хотя все эти силы со счетов не сбрасывались; главная надежда возлагалась на могущественных покровителей, на капиталистические страны. Вот эти-то «богатые державы» и берегли черноморские корабли, не отдавали законному хозяину.

Шло время. В 1924 году многие капиталистические страны, и в их числе Англия и Франция, установили дипломатические отношения с Советским государством. Был поставлен вопрос о возвращении кораблей. В Бизерту направились специальная миссия во главе с академиком Алексеем Николаевичем Крыловым. После тщательного осмотра она пришла к выводу, что боевые суда поржавели и стали совершенно непригодными. Так и остались они в Бизерте.

Дряхлели, умирали и бывшие офицеры российского императорского флота; признавшие Советское государство получили паспорта и стали полноправными гражданами Союза Советских Социалистических Республик.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ КРОНШТАДТСКИЙ МЯТЕЖ

Победоносно завершив гражданскую войну, разгромив интервентов и белогвардейцев, Советская страна получила временную передышку. Антанта вынуждена была снять блокаду. Рабоче-крестьянское государство приступило к социалистическому строительству. В марте 1920 года Совнарком утвердил план ГОЭЛРО, который предусматривал постройку 30 крупных электростанций мощностью полтора миллиона киловатт. Владимир Ильич назвал ГОЭЛРО второй программой партии. Страна начала залечивать тяжелейшие раны, нанесенные войной промышленности и сельскому хозяйству...

Уже четвертый месяц Павел Дыбенко в академии; учился с увлечением, много читал, готовился сдать досрочно за весь академический курс. Как-то поделился с Иваном Федько:

— Задумал написать книгу, обобщить боевой опыт гражданской войны. Молодежи полезно знать, как мы сражались, победили Антанту и белых; для диплома я уже выбрал тему «Военная доктрина и эволюция армии». Возможно, и книгу так назову.

— Как вы время находите? — удивился Федько.

— Растягиваю каждые сутки на четыре часа. Простая арифметика, считай. — Дыбенко писал цифры в уголке блокнота. — В неделе семь дней, в месяце — 30, в году — 365. Сколько наберется! Ого-го!

У Дыбенко поразительная работоспособность! Он активный член военно-научного общества академии, не раз выступал с серьезными работами, а его доклад «Операция 37-й дивизии на участке Лозовая — Дубовка 23–24 декабря 1919 года» был очень высоко оценен маститыми учеными. Впоследствии эту работу он опубликует...

Много внимания уделили слушатели академии изучению политической обстановки в стране. А обстановка оставалась крайне напряженной. Враги, потерпев поражение на фронтах, искали новые способы борьбы с Советским государством. Военные действия «против нас приняли форму менее военную, но в некоторых отношениях более тяжелую и более опасную для нас»^[36], — говорил Ленин.

В начале 1921 года в стране возникли серьезные трудности. Политика

«военного коммунизма» в мирных условиях изжила себя. Среди крестьян и мелкобуржуазных элементов в городе росло недовольство. Этим и воспользовались остатки контрреволюционных партий — кадеты, эсеры, меньшевики, анархисты, буржуазные националисты, развернули лихорадочную деятельность против Советской власти. Им удалось поднять мятежи в Тамбовской губернии, в Поволжье, в Сибири, на Кавказе, на Кубани, на Верхнем Дону; на Украине зашевелился атаман Тютюнник в альянсе с остатками махновцев; в Средней Азии ожили басмачи — «хищники пустыни». По определению В. И. Ленина, это был «самый большой, — внутренний политический кризис Советской России. Этот внутренний кризис обнаружил недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих»^[37].

Политический кризис в стране отразился и на партии. Среди неустойчивых элементов возникли шатания. Троцкий навязал партии дискуссию о профсоюзах. В процессе дискуссии выступили и другие оппортунистические группы со своими платформами: «рабочая оппозиция», «демократический централизм», «буферная».

В обстановке огромных трудностей и мелкобуржуазной стихии, в условиях капиталистического окружения дискуссия, указывал Ленин, была непозволительной роскошью...

Дискуссии проходили и в академии. Дыбенко и большинство коммунистов, слушателей и преподавателей, горячо отстаивали ленинскую линию; выступали на предприятиях и в учреждениях Москвы против троцкистских крикунов. И дома Дыбенко приходилось спорить уже с женой, ставшей одной из лидеров «рабочей оппозиции».

И вот ошарашивающая новость: в Кронштадте мятеж!.. Будто земля под ногами закачалась. Вначале не поверил. Быть этого не может! Кронштадтские матросы всегда служили опорой большевиков за власть Советов, геройски дрались на фронтах гражданской войны.

1 марта Кронштадт захватили мятежники — нет на острове Котлин Советской власти...

«Кронштадтцы пошли на поводу врагов, опустили красные знамена, подняли черные флаги и потребовали: «Вся власть Советам, а не партиям!», «Советы без коммунистов!» Кронштадт призывает вернуться к старому, к власти помещиков и капиталистов. Нелепость какая-то». Дыбенко не переставал думать о случившемся...

Как сумели враги готовить мятеж под носом командования, Побалта? Где была Петроградская партийная организация? Эти и многие другие вопросы не давали Дыбенко покоя ни днем ни ночью. Понял: сегодняшний

Кронштадт резко отличался от революционного Кронштадта 17-го года. Пополнение гарнизона крепости и кораблей детьми зажиточных крестьян и даже деклассированными элементами способствовало возникновению мятежа, спровоцированного и подготовленного эсерами, анархистами при поддержке иностранных государств. Ожили прятавшиеся под маской «спецов» бывшие царские офицеры. Что главой мятежа стал генерал Козловский, явное тому доказательство. Дыбенко перечитывал подписанное В. И. Лениным постановление Совета Труда и Оборона РСФСР от 2 марта 1921 года: «1) Бывшего генерала Козловского и его сподвижников объявить вне закона; 2) Город Петроград и Петроградскую губернию объявить на осадном положении; 3) Всю полноту власти в Петроградском укрепленном районе передать Комитету обороны Петрограда».

В те тяжелые для страны дни Дыбенко искал ответ на многие волновавшие его вопросы. Побывал в наркомате у флотских товарищей, прочитал документы, послушал приехавших в академию делегатов X съезда РКП (б), работников ЦК. Размышлял, анализировал... Ему многое стало ясно: увидел обстановку хаоса, политической неразберихи в Кронштадте и на боевых кораблях; в новом свете увидел и руководителей Балтфлота. Многие работники Побалта и штаба флота занимались фракционной борьбой, оторвались от масс, ослабили революционную бдительность, боевой и политической учебой личного состава на кораблях и береговых частях не занимались. Все это помогло внешней и внутренней контрреволюции, используя экономические трудности в стране, подготовить мятеж...

В Центральном Комитете партии Дыбенко познакомился с телеграммой руководства Балтфлота, в которой указывалось, что личный состав флота стоит на стороне оппозиции. «Неужели такое случилось! Не верю я и убежден — будущее покажет, что это не так!» Своими мыслями поделился с Коллонтай. Александра Михайловна сказала:

— Мы вместе боролись за Советскую власть! Надеюсь, ты не забыл?

Дыбенко ответил:

— А я твердо верю — балтийцы поддерживают Ленина! Верю!

Дыбенко даже привскочил:

— Конечно, боролись, даже в одну тюрьму нас бросил Керенский. Однако прошлыми заслугами подлость не оправдаешь. Проверю, когда Красная Армия Кронштадт возвратит Советской Родине. Проверю досконально!

Просьба Дыбенко была удовлетворена, он отправился на подавление мятежа. Его примеру последовал Федько и некоторые слушатели академии. Все они спешили в Петроград, там под общим руководством командующего 7-й армией М. Н. Тухачевского были образованы две боевые группы войск: Северная — под командованием Е. С. Казанского и Южная — под командованием А. И. Се-дякина.

«Северная почти целиком состояла из курсантов, будущих командиров, — пишет М. Н. Тухачевский. — Южная группа состояла из частей разнокалиберных, мало спаянных и недостаточно стойких...

Задача на долю Северной группы выпала почти невыполнимая. Ей предстояло взять открытой силой (штурмом. — И. Ж.) пять неприступных фортов, обнесенных колючей проволокой и фугасами, и после этого ворваться в цитадель Кронштадта с северо-восточной стороны. Задачу Южной группы составляла атака Крондштадта с юго-восточной и юго-западной сторон, для чего ей необходимо занять левым флангом три форта».

Дыбенко — начальник Сводной дивизии, вошедшей в состав «южан». В его подчинении три бригады: 187-я — командира И. Федько, 167-я — Н. Боброва и 32-я — М. Рейтера... Все участники гражданской войны, имеющие богатый боевой опыт. Отличными были и политические комиссары...

...Еще надеялись, что мятежники одумаются, примут предложение сдаться без боя, не станут проливать кровь. К этому их призывали газеты, листовки, письма трудящихся, героев гражданской войны, старых матросов. «Теперь всякому ясно, что готовят красному Питеру его враги, — читал Дыбенко в «Петроградской правде». — Мы видели их немало на своем веку. Были Краснов и Алексеев, был Колчак, Миллер, Юденич, Врангель! Их разгромила Красная Армия, теперь новый козырь в руках Антанты — бывший царский генерал Козловский». «Товарищи моряки! — написал и Дыбенко в обращении к матросам мятежной крепости. — Спасайте честь славного революционного имени балтийцев, опозоренного ныне предателями! Спасайте Красный Балтфлот! Старый моряк «Республики», потом «Петропавловска», ныне начальник дивизии П. Дыбенко...»

Буржуазная пресса «подливала масло в огонь» — назвала кронштадтские события «народной революцией», «воодушевляла и подбадривала» мятежников, сулила им золотые горы. В Кронштадт спешили различные «эмиссары», «представители», «полпреды».

Сбежавшие из Кронштадта моряки рассказывали, что в прибалтийских государствах собралось огромное количество виднейших врагов Советской власти, ждут сигнала, чтобы двинуться в Кронштадт, а затем и в Петроград... Первым на мятежный остров прибыл в качестве уполномоченного американского Красного Креста бывший командир линкора «Севастополь» капитан 1-го ранга Вилькен («Старый знакомый», — подумал Дыбенко). Он, как говорили перебежчики, заверил руководителей мятежа, что «все лучшее из русского общества за рубежом к их услугам», настоятельно рекомендовал «не вступать в переговоры с Советами, не соглашаться на мир, держаться до весны, когда подоспеет помощь с моря». Вилькен не назвал, чья именно помощь, только намекнул, что «и наши отечественные корабли не замедлят появиться на Кронштадтском рейде», имея в виду «бизертскую эскадру» и другие суда, украденные белыми у Советской России. Поверили островитяне, отказались капитулировать. И неудачное наступление Красной Армии, предпринятое 8 марта, внесло уверенность — Кронштадт не взять никому.

В той неудаче повинен был Троцкий. Он поспешно прибыл в Петроград и потребовал незамедлительно начать штурм. А на замечание, что войск еще мало и они не готовы к штурму, ответил: «Кронштадт «выкинет белый флаг» после первого же нашего выстрела».

Для столь поспешного наступления у Троцкого имелись свои узкокорыстные цели: навязанная им дискуссия о профсоюзах потерпела крах, вот он и решил — взятие Кронштадта в канун открытия X съезда поднимет его репутацию. Троцкого поддержал Зиновьев. Наступление сорвалось.

Девять дней красные войска усиленно готовились к решительному штурму. Дыбенко все время в подразделениях. Политработники, коммунисты — они пойдут впереди — проводили беседы с красноармейцами и матросами, разъясняли контрреволюционную сущность мятежа, призывали к бою с подлыми изменниками. Приехавшие из Москвы делегаты и гости X съезда РКП (б), в подавляющем большинстве видные военачальники, участники Октябрьской революции, герои гражданской войны, рассказывали бойцам о новом курсе в экономической политике, о переходе к которой в эти дни принимает решение X съезд партии...

В ответ на телеграмму президиума съезда от 10 марта партийные организации северо-западных и некоторых центральных губерний направили в распоряжение Петроградского комитета обороны своих лучших представителей... Около полутора тысяч большевиков влились в

войска Северной и Южной групп.

Подготовка закончена... Полки к штурму готовы!

Под огнем дальнобойных тяжелых корабельных орудий и артиллерии фортов и самого Кронштадта предстояло преодолеть 8—10 километров ледяного покрова. «Это из района восточнее Ораниенбаума, откуда пойдет наша дивизия, — размышлял Дыбенко. — А от Сестрорецка, откуда будет наступать Северная группа, расстояние еще большее». Решено крепость взять ночью 17 марта. Ждать больше нельзя и так уж опоздали, на льду появилась вода, образовались озерки. Весенний лед толст, да прост: осенний тонок, да цепок. Освободившийся ото льда Финский залив откроет путь в Кронштадт вражеским эскадрам, на помощь которых так рассчитывают мятежники. Кронштадтцы отвергли предложение сложить оружие и сдаться.

...Скрытно, под покровом темноты в залив двигались заставы, разведчики пробовали прочность и толщину льда, связные тянули телефонные провода... Дыбенко побывал во многих подразделениях, расположившихся на заснеженном берегу Финского залива, разговаривал с красноармейцами и командирами. Везде много коммунистов, делегатов съезда партии. Настроение боевое. Все в белых маскировочных халатах. На санках пулеметы «максим», лестницы, доски различных размеров, шесты. Эти нехитрые приспособления помогут перебраться через пробоины, залезть на стены крепости.

...Обсудил с командирами бригад план штурма. Федь-ко, узнав, что его бригаде доверено первой ворваться в крепость, выразил удовлетворение и предложил направить головным 237-й полк под командованием буденновца Ивана Тюленева. Полк теперь укреплен петроградскими коммунистами.

Дыбенко и Федько беседовали с Тюленевым, еще раз в деталях рассмотрели план.

— Все понял. Мы выполним поставленную боевую задачу, — заверил командир...

«А вдруг подведут?» — мелькнула мысль. Для сомнения у Дыбенко имелись основания. Ведь именно 237-й Минский полк (а следом и 235-й) под влиянием «агитаторов» из мятежного Кронштадта три дня тому назад отказался идти в наступление. Узнав о случившемся, сюда поспешили комиссар Южной группы Ворошилов, Дыбенко, Федько и ряд делегатов X съезда. 14 марта около 17 часов с большим трудом навели относительный порядок, бойцов построили перед казармами в Ораниенбауме. Без особого энтузиазма слушали они выступление Ворошилова. Климент Ефремович разъяснил причины, по которым X съезд послал своих делегатов, смысл

происходящих событий, назвал действительных организаторов кронштадтского мятежа. Потом объявил решение командования 7-й армии и Южной группы войск: Минский полк объявлялся вне закона, лишался знамени, разоружался, зачинщики отдавались под суд. И, не давая опомниться ошеломленным бойцам, Дыбенко громко и четко подал одну за другой команды:

— Оружие и патроны клади перед собой! Кру-гом! В казармы ша-гом марш!

Сложенное оружие оцепил караул Особого полка...

Вот об этих-то неприятных событиях и припомнил сейчас Дыбенко.

Принимая во внимание, что основная масса красноармейцев признала свою вину и обещала искупить ее кровью в бою, командование сочло возможным отменить свое решение. Командиром 237-го Минского полка назначили бывшего комбрига 1-й Конной армии И. В. Тюленева. Ночью бойцам возвратили оружие, а утром — знамя.

...Красные воины Южной группы заняли исходные позиции в районе Ораниенбаума, Мартышкина и других пунктах.

Накануне наступления Дыбенко издал приказ:

«Наступающим частям соблюдать полную тишину, точность и стремительность движения, не допуская остановок. Двигаться колоннами или резервными строями, переходя к рассыпному строю лишь в случае действительной необходимости, так как иначе сохранение направления будет затруднительным для действий в городе. При каждой колонне иметь людей, хорошо знакомых с городом. При наступлении — единый клич «Вперед!». Отступления быть не может — умереть, но победить. В городе с мятежниками ни в какие разговоры не вступать, арестовывать и направлять в тыл, в распоряжение тов. Саблина. Город к 7 часам 17 марта должен быть очищен от мятежников...»

В Кронштадте вспыхивает прожектор; луч бежит по заливу, и в его свете блестит выступившая на льду вода. Ухает тяжелый снаряд. «Это «Севастополь», — определяет Дыбенко. — Скоро наступать. На льду не укроешься, окоп не выроешь. А на фортах и кораблях у мятежников 150 орудий калибра от 3 до 12 дюймов, 100 пулеметов и около 20 тысяч солдат и матросов. Огромное количество боеприпасов, большие запасы топлива и продовольствия. Бой предстоит упорный». Все эти мысли молниеносно пронесли в сознании.

...Последнее совещание перед штурмом. Дыбенко в присутствии комиссара Южной группы Климента Ефремовича Ворошилова слушал

доклады командиров бригад дивизии.

— Как будто все предусмотрено, все мелочи учтены. — Дыбенко сообщил об этом и добавил: — С дивизией идут прославленные герои гражданской войны, делегаты съезда партии — товарищи Фабрициус, Бубнов, Затонский... Их прислал Владимир Ильич Ленин. Заверяем X съезд нашей партии, что Кронштадт будет возвращен Родине!..

Закончилась артиллерийская подготовка.

Сводная дивизия устремилась вперед. То тут, то там рвутся снаряды, вздымая каскады ледяных осколков.

Многие падают в образовавшиеся полыньи, освещенная прожекторами вода красная от крови... О больших потерях докладывают связные, да и сам Дыбенко видит: лед усеян трупами, кругом стонут раненые...

Из воспоминаний Дыбенко:

«...Момент грозной развязки приближается. Нервы напряжены. Слух невольно ловит каждый звук.

В 4 часа 30 минут на левом фланге, возле фортов, сухо и как-то растерянно затрещал одинокий пулемет. Это полк Тюленева... Еще минута, и треск десятков пулеметов и дружные залпы винтовок разорвали царившую до того тишину...

Зазвонил полевой телефон. Донесение — форт Кронштадт взят.

Алло, алло!

Телефоны не работают. Временные порывы связи. Одна за другой сметены контрольные станции, а вместе с ними и беззаветные герои-связисты...

Дружные залпы стрелков, крики «ура!» оглушили залив. Снова заработали телефоны. Геройски погибших связистов сменили другие. Уже сотни храбрецов легли мертвыми на подступах к Кронштадту... Убийственный огонь противника не остановил и не удержал храбрецов.

Через 20 минут полки 32-й бригады ворвались на Петроградскую пристань Кронштадта. Опять донесение: командир бригады Рейтер ранен, командир полка Бураков ранен. Потери огромны, но бойцы безостановочно двигаются вперед, сметая на своем пути преграды. Потери в полках доходят до 30 процентов. Потери среди командного состава — до 40 процентов.

Полк Тюленева, геройски в неравном бою дравшийся в течение часа, понес потери до 60 процентов...»

Дыбенко бежал по талому льду, увлекая за собой воинов.

— Вперед! Только вперед! — кричал он.

Вот и Котлин. Земная твердь под ногами. Южная группа ворвалась в крепость в 6 часов утра. Почти одновременно вступили и части Северной группы войск...

«...Противник, не сумевший остановить колонны красных полков на подступах к Кронштадту, с остервенением и жестокостью дрался на улицах, — вспоминает Дыбенко. — Расстроенные в атаках и на подступах к фортам и крепости Кронштадт и понесшие значительные потери, особенно в командном составе, полки не смогли быстро овладеть всем городом и очистить его от мятежников. Не было артиллерии, бронемашин и минометов — тех средств борьбы, которые ускорили бы развязку боя и сохранили бы не одну сотню лучших бойцов. Каждый! квартал, отдельные дома, военно-морские школы приходилось брать приступом. С каждым часом наши потери увеличивались.

Во многих частях совершенно не осталось командного состава. В командование вступали оставшиеся в живых делегаты X съезда...»

...Бой за очищение Кронштадта от мятежников длился весь день и закончился только к 7 часам вечера.

Сильно огорчился Дыбенко, что не захватил руководителей мятежа, особенно Козловского. Матерый враг вместе со своим штабом бежал в Финляндию, захватив «полпреда» белой эмиграции, бывшего каперанга Вилькена. Где-то на запятках генеральских саней пристроился «предревком» Петриченко. Ревкомовцы не успели оглянуться, вожак уже исчезли... В Финляндию сбежало около восьми тысяч мятежников; убито свыше тысячи и ранено две тысячи.

Активных главарей трибунал приговорил к расстрелу. Сдавшихся и взятых в плен рядовых не судили.

Дыбенко назначили комендантом освобожденною Кронштадта. 18 марта 1921 года в первом номере газеты «Красный Кронштадт» опубликован его приказ, в котором сказано, что после 7 часов хождение по улицам воспрещалось; всем гражданам в течение 24 часов предлагалось сдать огнестрельное и холодное оружие; собрания и митинги на улицах и в помещениях воспрещались...

19 марта Дыбенко командовал парадом войск на Якорной площади. Выступил с речью. В ней он сказал, что красные воины совершили великий подвиг, еще раз подтвердили несокрушимость воли рабочего класса к победе над своими классовыми врагами.

— Кронштадт снова стал грозной крепостью и твердым оплотом для защиты морских подступов к Советскому Союзу, — закончил он. — Зорким часовым будет стоять теперь красный Кронштадт на страже Октября...

А Петроград провожал в последний путь павших смертью при штурме мятежной крепости. Погибло в бою, потонуло в ледяной воде Финского залива 527 героев, было ранено и контужено 3258 человек. Траурный митинг состоялся в Зимнем дворце. Затем от Дворцовой площади по Невскому сплошным потоком траурная процессия двигалась к Александровской лавре — месту погребения славных сынов, отдавших свои жизни за Советскую Родину...

В штабе коменданта все время люди, одни приходят с докладами, другие, получив задания, поспешно удаляются. Жители города жалуются на мародерство мятежников...

Перед отъездом в Москву в кабинете Дыбенко собрались боевые товарищи.

Иван Владимирович Тюленев вспоминает: «Он (Дыбенко. — И. Ж.) энергично приступил к установлению порядка в Кронштадте. И вот мы сидим с ним рядом в штабе, его товарищи: Иван Федько, Семен Урицкий, Юрий Саблин, я. Павел Ефимович Дыбенко делится с нами последними сведениями о мятежниках:

— Основная их масса осталась в городе. Они признают вину перед Советской властью и обещают честным трудом искупить свое преступление. Но часть мятежников и матерые контрреволюционеры убежали в Финляндию. Жаль!.. Кое-кто из этих негодяев хотел взорвать линкоры «Севастополь» и «Петропавловск», уже заложили под оружейные башни пироксилиновые шашки, но старые моряки поймали преступников. Команда «Севастополя» арестовала своих офицеров и отправила в Петроград радиogramму: «Сдаемся». А утром 18 марта сдался и линкор «Петропавловск».

...Вместе с прибывшими из Москвы комиссиями Дыбенко опрашивал участников мятежа, просматривал груды различных документов. Вот список членов так называемого «Временного революционного комитета», читал и головой покачивал: «Подобралась уголовная шпана и вовсе не беспартийная, как афишировали себя в «Известиях» — газете «ревкома». Среди «руководящей семерки» один беспартийный учитель и, пожалуй, самый порядочный явился с повинной, сказал: «Заблуждался я». Остальные — четыре анархиста, один меньшевик, один член партии народных социалистов, а один назвал себя «люмпен-пролетарием». Секретарь газеты «Известия» — поп-расстрига «отец Сергей».

Еще документ, разоблачающий настоящих хозяев, тех, кто

финансировал мятежников. Дыбенко прочитал: «Русский административный центр в Париже...» А, старые знакомые! Эсер Чернов и кадет Милюков внесли по 10000 франков, эсер Керенский — 1000 франков.

Не скупилась «деловые круги» и им подобные. Забрав «документы», Дыбенко поспешил на «Петропавловск» сообщить, что просьба группы матросов, не участвовавших в мятеже, удовлетворена: линейному кораблю «Петропавловск» присвоено новое название «Марат».

Экипаж в сборе. Дыбенко вглядывается в лица матросов, думает: «От снарядов, выпущенных вашими руками, погибли сотни прекрасных сынов Советской России. Как же вы пошли на это?» Рассказал о «беспартийном ревкоме», главаре мятежа — белогвардейском генерале Козловском и его ближайших помощниках, бывших царских офицерах Арканникове, Соловьянове, бывшем командире линкора «Севастополь», каперанге Вилькене, прибывшем из-за границы.

— Эта недобитая контра заставила вас убивать своих же братьев. — Дыбенко помедлил. — Так вот, запомните сами и передайте другим: Советская власть непобедима! Ее мы отвоевали у господ, за нее гибли лучшие люди на фронтах гражданской войны; эту родную власть мы будем защищать до последней капли крови!

В резолюции, которую читал уже немолодой боцман, говорилось: экипаж линкора опозорил славное революционное имя «Петропавловска»; нас ввели в заблуждение белогвардейские агенты. «Теперь мы знаем, что были обмануты низкими изменниками, скрывавшимися под маской беспартийности. Для нас, моряков, это был жестокий урок...»

Весь январь флотские коммунисты слушали и обсуждали доклады недавно назначенного комиссара Балтфлота Н. Н. Кузьмина, отстаивавшего ленинскую линию в вопросе о профсоюзах, и Раскольников, занимавшего троцкистскую платформу. Моряки-коммунисты решительно поддерживали Кузьмина. 10 января на дискуссионном собрании партактива Кронштадта за ленинскую платформу проголосовало 108 человек, за троцкистскую — 30; 14 января ленинцев поддержали 525 коммунистов, троцкистов — 96; 15 января партийное собрание Укрепленного южного побережья (УРЮП) Финского залива: за ленинскую платформу подали 91 голос, за «тезисы Троцкого» — 33. На собрание коммунистов-моряков, проходившее 19 января в Петрограде, оппозиционеры вызвали на помощь Троцкого. Газета «Правда», давая информацию об этом событии, сообщила: за «тезисы Троцкого» проголосовало лишь 10 процентов — 350 из 3500 присутствовавших. Провал явный. Однако оппозиционеры послали в ЦК партии телеграмму, в которой сообщили: «личный состав Балтфлота — на

стороне оппозиции».

Прочитал Дыбенко еще документы. 15 февраля 1921 года, за две недели до мятежа, флотская партийная конференция моряков в своем постановлении записала: «Побалт оторвался не только от масс, но и от активных партийных работников и превратился в бюрократический, не пользующийся авторитетом орган... Побалт уничтожил всякую инициативу мест...»

«Таковы, Шура, факты», — мысленно произнес Дыбенко.

Центральный Комитет и Совет Народных Комиссаров направили на Балтику большое число коммунистов. Раскольников заменил герой гражданской войны Иван Кузьмич Кожанов, активный участник подавления кронштадтского мятежа.

Дыбенко встретился с Кожановым. Вспомнили проводы его в 1918 году из Москвы на Волжскую военную флотилию. Кожанов во главе отряда моряков сражался с белочехами и белогвардейцами в Поволжье и на Каспии. В августе 1920 года командовал Морской экспедиционной дивизией на Азовском море, действовавшей против войск генерала Улагая на Кубани и войск Врангеля в Северной Таврии. И вот здесь, на кронштадтском льду, проявил отвагу и героизм. Именно такой человек и должен стоять во главе Балтийского флота.

Кожанов сообщил, что в Москве его принял товарищ Ленин. Владимир Ильич сказал, что ЦК готовит решение вернуть на флот бывших моряков-коммунистов. В ближайшее время по всей стране пройдет Неделя Красного флота. Теперь народ будет участвовать в строительстве морских сил республики.

И еще сообщил Кожанов: комиссаром морских сил назначен Иван Давыдович Сладков.

— С ним работать легко, — заметил Дыбенко. — Правда, требователен до предела.

Они еще долго беседовали. Вечером Дыбенко вызвали в Москву.

...22 марта в Кремле собрались делегаты X съезда партии, принимавшие участие в ликвидации кронштадтского мятежа. Перед ними выступил Владимир Ильич Ленин. Он рассказал об итогах X съезда, о замене продразверстки натуральным налогом, об анархо-синдикалистском уклоне и борьбе за единство партии. «Как-то восприняла Шура высказывание Ленина на съезде о «рабочей оппозиции», дискуссиях, уклонах? — рассуждал Дыбенко. — Ведь это касалось непосредственно ее

и ее «соратников» по оппозиции, когда Ленин говорил на съезде, «что между идеями и лозунгами этой мелкобуржуазной, анархической контрреволюции и лозунгами «рабочей оппозиции» есть связь». Ленин на съезде обратился к «рабочей оппозиции» в связи с брошюрой Коллонтай «Что такое «рабочая оппозиция»: «Вы признали, что остались в оппозиции. Вы на партийный съезд пришли с брошюрой, тов. Коллонтай, с брошюрой, на которой написано: «рабочая оппозиция». Вы сдавали последнюю корректуру, когда знали о кронштадтских событиях и поднимавшейся мелкобуржуазной контрреволюции. И в этот момент вы приходите с названием «рабочей оппозиции»! Вы не понимаете, какую ответственность вы на себя берете и как нарушаете единство! Во имя чего? Мы вас допросим, сделаем вам тут экзамен»^[38].

Прочитав материалы съезда, Дыбенко решительно осудил Коллонтай.

— Мятеж мы ликвидировали силой оружия, ценой сотен потонувших в Финском заливе и павших на улицах Кронштадта, — сказал он ей. — Мятеж, восстание можно подавить оружием. А как быть с мелкобуржуазной стихией, анархической контрреволюцией? По ней из пушек стрелять не станешь. А вот Ленин нашел такую силу! Он предложил ввести новую экономическую политику. Съезд единодушно поддержал. Здорово!

— Но это отступление, Павел, — возражала Коллонтай.

— На войне тоже не всегда одни победы... — И, помолчав, резко продолжил: — Ленин сказал, что русские эмигранты, которых выгнала гражданская война, «теперь заседают в Берлине, Париже, Лондоне и во всех столицах, кроме нашей». Кронштадтский мятеж — дело их рук. Ты и твои друзья из «рабочей оппозиции» помогаете нашим заклятым врагам уничтожить Советское государство.

Дыбенко сказал, что он всегда будет отстаивать единство, как того потребовал от всех членов партии X съезд, рекомендовал Коллонтай решительно порвать с «рабочей оппозицией», встать на твердые партийные позиции, не шарахаться из стороны в сторону.

Они остались недовольны друг другом.

Все это вспомнилось Дыбенко в Кремле, когда он слушал Владимира Ильича.

Перед отъездом в Кронштадт он зашел к Коллонтай, но примирения не получилось. Александра Михайловна упорно стояла на своем, продолжала защищать Раскольникову. Расстались холодно.

Дыбенко ехал в Кронштадт уже с третьим орденом Красного Знамени.

В приказе РВСР № 112 от 24 марта 1921 года отмечалось:

«Награждается орденом Красное Знамя... начальник Сводной стрелковой дивизии тов. Дыбенко за подвиги личной храбрости, самоотверженность и искусное управление частями войск, проявленные при штурме крепости Кронштадт и взятие гор. Кронштадт».

Дыбенко имел также именное революционное оружие, золотые часы, гнедого коня Ветра — награды за участие в сражениях гражданской войны.

Дыбенко вернулся к исполнению своих комендантских обязанностей. Работы хватало. Мятежники основательно разрушили хозяйство крепости, хотя и правили немногим больше двух недель.

Вместе с Иваном Кожановым и другими моряками налаживали жизнь в Кронштадте... Из Красной Армии, советских и партийных учреждений возвращались старые матросы-коммунисты, среди них были и центробалтовцы, бывшие подпольщики.

Балтийский флот после потрясений оживал, укреплялся, набирал силы.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ «ВЫДАЮЩИЙСЯ КОМКОР, ДОСТОИН ВЫДВИЖЕНИЯ»

В Москву Дыбенко приехал с окончательно созревшим решением в академию не возвращаться. «Окончу заочно», — написал он в рапорте. Уговоры друзей, особенно Коллонтай, не помогли. В Реввоенсовете даже обрадовались, особенно кадровики. Они подбирали замену В. К. Блюхеру, назначенному главнокомандующим Народно-революционной армии, военным министром и председателем Военного совета Дальневосточной республики. «На такую замену Василий Константинович согласится».

8 мая 1921 года П. Е. Дыбенко отправили в Одессу на должность начальника Черноморского сектора, а с 17 июня стал начальником 51-й Краснознаменной Перекопской дивизии.

Это была знаменитая дивизия. Дыбенко знал ее героические дела на Восточном фронте. А при штурме Турецкого вала на Перекопском перешейке вместе с воинами 2-й Конной армии дивизия 13 ноября освободила Симферополь; за боевые заслуги 51-я получила наименование Перекопской, а Блюхер был награжден орденом Красного Знамени...

Провожая в Москву Блюхера, Дыбенко обещал прославленному начдиву высоко держать знамя 51-й.

На первой встрече с командным и политическим составом дивизии в Доме Красной Армии Дыбенко сказал:

— Наша дивизия имеет богатые боевые традиции. Мы сохраним и умножим их новыми славными делами. Надо порох держать сухим!

В 51-й, как и прежде, проходили военные и политические занятия; бойцы бдительно несли внутреннюю и гарнизонную службу, активно вели борьбу с бандитизмом.

В Одессе орудовали жулики от мелких карманников до маститых воров и взломщиков сейфов — медвежатников.

В гостиницу «Пассаж», где размещался штаб 51-й дивизии, приходили жители, жаловались: от жулья и воров нет жизни. Павел Ефимович Дыбенко решил помочь одесситам. Своими мыслями поделился с руководителями местных партийных и советских организаций, его поддержали. А идея, высказанная начдивом 51-й, была предельно проста: привлечь всю эту «накипь» к полезному труду: «Пускай наводят порядок в

морском порту, очищают от хлама железнодорожную станцию, благоустраивают площади, скверы». Создали оперативные группы из чоновцев^[39], работников милиции, красноармейцев. Общее руководство взял на себя Дыбенко.

Дыбенко все время в подразделениях. Появлялся обычно внезапно рано утром, до подъема... Командиры полков просили комдива заранее предупредить о своем появлении, чтобы они подготовились к встрече.

Дыбенко лишь улыбался да говорил: «Зачем тревожить, начнете наводить блеск...»

«Чудаки, думают, инспектировать приезжаю... Что мне одному делать дома? Жена в Москве, у нее свои дела да заботы. А мой дом в казарме, среди красноармейцев. Разве полковым все объяснишь? Впрочем, нет худа без добра: здорово они подтянулись, в любое время дня и ночи готовы показать «товар лицом», без наспех ' наведенного лоска. По боевой тревоге полки поднимаются, перекрывая установленные нормативы».

Пятьдесят первая Перекопская оставалась лучшей. Это подтвердил заместитель председателя Совета Народных Комиссаров УССР, командующий войсками Украины и Крыма М. В. Фрунзе во время инспектирования. По всем показателям дивизия получила высокие оценки. А через некоторое время ее наградили Красным знаменем ЦИК УССР. Вручать знамя прибыл Фрунзе. Михаил Васильевич присутствовал на военной игре, на торжественном параде дивизии. Остался доволен.

Во время обеда Фрунзе сказал Дыбенко, что недавно в Москве встретил Коллонтай, она собирается в Одессу.

Михаил Васильевич пригласил Дыбенко на работу в наркомат, рекомендовал подумать.

Вскоре после отъезда Фрунзе Дыбенко был предоставлен десятидневный отпуск. В тот же день приехала Коллонтай. Узнав об отпуске, произнесла свое любимое «великолепно!» и предложила поехать в Крым. Дыбенко согласился.

Побывали они в Ялте, Гурзуфе, погуляли по Никитскому саду, осмотрели дворцы.

И снова Одесса.

Коллонтай по просьбе одесских товарищей написала брошюру под названием «Из моей жизни и работы»; Дыбенко заканчивал курсовой проект и книгу «Военная доктрина и эволюция армии»...

Дивизия оставалась передовой, но начдив не успокаивался и не позволял успокаиваться подчиненным. Его деятельность высоко оценивал командующий Харьковским военным округом А. И. Корк. Он любил

людей, обладающих сильной волей, энергией и решительностью. К таким относил и Дыбенко. Хотя в военной обстановке, отмечает Корк, я его не видел, но, судя по действиям в военной игре и отзывам старших начальников, Дыбенко быстро и правильно разбирается в обстановке. К подчиненным весьма требователен и пользуется среди личного состава несомненным авторитетом. Любит военное дело и работает добросовестно...

Отдавая всего себя службе, Дыбенко не запускать академические дела. Проводил большую общественную работу в партийных и советских организациях... А вот семейные дела не клеились: жили супруги в разных городах, виделись редко; Павел всегда помнил Шуру, заботился о ней, пользовался любой оказией, чтобы послать свежие фрукты — дары юга; а вот писать не любил, хотя и корил себя за это.

29 октября 1921 года П. Е. Дыбенко прибыл в академию на выпускные экзамены. К ним основательно подготовился и все предметы сдал блестяще. В июне 1922 года П. Е. Дыбенко вручили диплом. В этом же году вышел из печати его теоретический труд «Военная доктрина и эволюция армии». Отправил в издательство рукопись «Мятежники». Завершал мемуары «Из недр царского флота к Великому Октябрю». «Счастливей у меня год», — говорил он жене... Он радовался, что Коллонтай порвала с «рабочей оппозицией». Произошло это после III конгресса Коминтерна, делегатом которого она была. На конгрессе Коллонтай выступила в защиту «рабочей оппозиции», тем самым нарушила решение X съезда РКП (б), признавшего пропаганду идей анархо-синдикалистского уклона несовместимой с принадлежностью к Коммунистической партии. Никто не поддержал ее, Коллонтай оказалась одинокой на конгрессе. Делегаты единодушно одобрили доклад и тезисы В. И. Ленина о тактике РКП (б)...

Коллонтай и Дыбенко жили в Москве. Вроде у них все обстояло благополучно. Только Павел замечал, что жена последнее время сильно изменилась, часто раздражалась без всяких причин, на телефонные звонки отвечала резко: «Я сегодня занята»; «Срочно заканчиваю статью в «Правду»; «Задержусь в Коминтерне»; «Вызывают в Центральный Комитет»...

«Работала она всегда много, однако находила время для встреч, которые радовали, окрыляли обоих... Значит, дело в другом, — размышлял Дыбенко. — Разница в возрасте?.. Видимо, я виноват: был невнимателен, редко писал из Одессы... Часто спорю. Но ведь спорим по принципиальным, политическим вопросам. Вот хотя бы недавний резкий разговор. Так ведь он начался еще в Петрограде, даже до нашей женитьбы.

Шура дала мне свою книгу «Социальные основы женского вопроса», изданную в 1909 году. «Хочу знать твое мнение». Прочитал и высказал все, что думал: «Отличная книга, написана с большим знанием дела». Объяснил, с чем не согласен. «Ты пишешь: на смену принудительной форме брака идет свободный союз свободных индивидуумов. Идеал «свободной любви», рисующийся изголодавшемуся воображению борющейся за союз эмансипации женщин, несомненно, соответствует той норме отношений между полами, которую установит коллективное общество». В общем хорошо, хотя и заумно. Только вот насчет «свободной любви» и всего, что ты в нее вкладываешь, решительно не согласен. Нельзя об этом говорить сейчас, люди еще не подготовлены — не поймут или поймут извращенно, по-своему». — «Нет, не рано, Павел», — ответила с раздражением. Каждый остался при своем мнении.

Снова произошел неловкий разговор — теперь уже о художественных произведениях, только что написанных Коллонтай: «Дорогу крылатому Эросу»^[40] и «Любовь пчел трудовых».

— Ты, Шура, проповедуешь «свободную любовь». Не обижайся, не тем ты занимаешься. Да и выступления на диспутах пора прекратить... Прежде чем вступить в полемику с тобой, я проштудировал работу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и убедился в правоте своих выводов. Ты отрываешься от реальности, паришь в воздухе, перепрыгиваешь через целые эпохи...

— Но суть вопроса ты не отрицаешь?..

— Нет, но люди, к которым ты обращаешься, еще не родились. Давай вспомним, что говорит Энгельс в конце главы «Семья». «Когда эти люди появятся, они отбросят ко всем чертям то, что согласно нынешним представлениям им полагается делать; они будут знать сами, как им поступать, и сами выработают соответственно этому свое общественное мнение о поступках каждого в отдельности — и точка».

— Вот я и хочу помочь молодым людям вырабатывать это «общественное мнение»...

— Но пойми, этих людей еще нет! А современников, особенно молодежь, следует учить жить и строить нашу советскую семью!.. Именно советскую, сегодняшнюю! Твои же литературные вымыслы и разглагольствования на диспутах только засоряют мозги. Не давай повод обывателям (контрреволюционерам особенно!) орать на всех углах: «Сама большевичка Коллонтай против семьи, за «свободную любовь»!»

— Хватит, Павел! — строго произнесла Коллонтай. — Слова, подобные твоим, уже слышала. Не первый обвиняешь меня в смертных

грехах.

— Вот и делай правильные выводы... Ты выпустила, словно джинна из бутылки, своего «крылатого Эроса», теперь попробуй загони его обратно! Черта с два! Будет он порхать над землей да чирикать: «Любовь многогранна!», «Любовь многострунна!» И ссылаться будут: мол, сама Коллонтай утверждает, что идеология рабочего класса не ставит формальных границ любви. Калечишь ты, Щура, молодежь!

Дыбенко настоятельно рекомендовал Коллонтай прекратить литературную деятельность.

Коллонтай перестала заниматься беллетристикой.

Владимир Ильич Ленин считал требование «свободы любви» не пролетарским, а буржуазным. Об этом он еще в 1915 году писал Инессе Арманд в связи с ее намерением подготовить брошюру о семье. Владимир Ильич подчеркивал, что «помимо воли автора» требование «свободной любви» могло быть истолковано как требование свободы от серьезного в любви, от деторождения, как свободы адюльтера и т. п., то есть как понимают «свободу любви» представительницы буржуазии^[41].

Павел Ефимович все чаще задумывался о семье, которая так и не сложилась. Чувствовала это и Коллонтай.

...В солнечный день конца «бабьего лета» Дыбенко не спеша шел в «Националь», чтобы сообщить Коллонтай, что он дал согласие М. Н. Тухачевскому командовать 5-м стрелковым корпусом, расквартированным в Бобруйске, питал слабую надежду уговорить Шуру ехать с ним.

Александра Михайловна, казалось, ждала мужа, встретила приветливо и как-то сразу, без предисловий объявила, что она уезжает в Христианию^[42] на дипломатическую работу. На недоуменный вопрос Дыбенко, надолго ли, ответила — навсегда. Передала письмо, просила, чтобы прочитал дома.

— А сейчас попрощаемся.

Дыбенко ушел. Всю дорогу тревожила мысль — что произошло? Заперся в своей комнате, углубился в письмо; прочитал раз, другой. Коллонтай писала: «...Ведь я же вижу, знаю, что не умею, не могу дать тебе полного счастья... Я не та жена, какая тебе нужна...» Прервал чтение, почувствовал, что руки задрожали. «...Я все-таки больше человек, чем женщина. Этим все сказано...» Какая-то нелепость, бред. «Ты заброшен, у тебя нет «дома», нет «хозяйки», нет и просто близкого человека, который всегда был бы при тебе. Я на это не гожусь, как сам понимаешь. Но зачем

же обрекать себя на такую трудную жизнь?»

— Чертовщина! — воскликнул он.

Сунув письмо в карман, поспешил в «Националь», чтобы объясниться. Коллонтай в номере не оказалось. Ходил еще и еще. Бесполезно. Она уехала.

Некоторое время Дыбенко замещал заболевшего командира 6-го корпуса. Но его ждала постоянная должность. Еще когда сдавал экзамены, начальника Академии РКК М. Н. Тухачевского направили на Западный фронт, и он тогда пригласил Дыбенко к себе командовать 5-м стрелковым корпусом. 30 октября Дыбенко прибыл к месту службы в Бобруйск.

Однажды в кабинете Тухачевского произошла приятная встреча. Адьютант доложил: явился Шадуро. «Неужели тот петроградец?» Они не встречались с октябрьских дней. Конечно, он.

Комиссар авиабригады, член партийной комиссии Давид Антонович Шадуро и Дыбенко от Тухачевского вышли вместе. Бродили по узким пустынным улицам города с одноэтажными домиками, окнами, запирающимися на ночь ставнями. Вспоминали.

Впервые они встретились в Гельсингфорсе весной семнадцатого года на дредноуте «Андрей Первозванный».

— Здорово вы тогда крыли оборонцев, Павел Ефимович. Очень мне понравилась ваша речь. Все потом пересказал солдатам у себя в мотополку в Петрограде. Они меня и послали в Гельсингфорс. На «Первозванном» у меня земляк служил комендором...

— Да-а, бурлила тогда Балтика, — отметил Дыбенко. — Приходилось сдерживать матросов от преждевременных неорганизованных выступлений против Временного правительства. Я к Владимиру Ильичу в Питер за советом ездил... А на «Андрее Первозванном» большевики верховодили!

Разговорился Шадуро, и ему было что вспомнить. До Октябрьской революции в большевистскую партию вступил. Был инструктором, обучал красногвардейцев, по заданию ЦК партии готовил бойцов для свержения Временного правительства. На митинги любил ходить. Разных ораторов слушал. Бывал и на выступлениях Коллонтай. «Темпераментно говорила, каждое слово до сердца доходило».

«Наверняка не знает, что мы расстались», — подумал Дыбенко. Сказал, что Александра Михайловна теперь на дипломатической работе.

Оказывается, Шадуро об этом знает: Тухачевский на собрании жен комсостава выступал, хвалил женщин — солдат революции; многих называл, в том числе и Александру Михайловну.

Слова Шадуро разбредили душу. «Как-то нескладно у нас получилось. Я должен Шуру повидать».

Переключились на служебные дела. Говорил об учебе красноармейцев. После окончания гражданской войны обучение шло по-старому. Основное внимание уделяли строевым занятиям. «Боец обязан в совершенстве владеть винтовкой, хорошо ходить, быть выносливым». Старые кадровые офицеры, перешедшие на сторону Советской власти, говорили: «Мы обязаны научить красноармейца действовать автоматически и добиваться этого любыми средствами». Молодые командиры и политработники, выходцы из рабочих и крестьян, возражали: «Мы против голой муштры. Необходимо научить красноармейца сознательно и как можно лучше выполнять свой долг».

Дыбенко придерживался «золотой середины». Раз у нас боец сознательный, значит, он должен свои военные знания доводить до совершенства, до автоматизма; уметь, к примеру, с завязанными глазами разобрать и собрать винтовку, пулемет в наикратчайшее время, быть физически выносливым...

— Согласны со мной? — спросил он Шадуро.

— Безусловно.

...Дыбенко все время среди бойцов. Командиров не хватало, нередко комкор сам проводил занятия в подразделениях. В армию приходили в основном малограмотные, а то и вовсе неграмотные. Их учили не только владеть боевым оружием, но читать и писать. Своим энтузиазмом комкор увлекал весь личный состав. Красноармейцы и командиры трудились не за страх, а за совесть...

В январе 1923 года Дыбенко получил отпуск. Ему разрешили съездить в Христианию. Он с нетерпением ожидал встречи с Коллонтай.

В саквояже лежала еще пахнувшая типографской краской книга «Мятежники». На обороте титульного листа крупным курсивом набрано: «Посвящаются эти воспоминания другу и соратнику на революционном поприще А. М. Коллонтай. Автор».

Когда приближался к дому, где жила Коллонтай, сердце учащенно забилось.

Александра Михайловна обрадовалась. Поблагодарила за книгу, за дарственную надпись...

Ходили по городу. Съездили в Христианзанд, куда в 1913 году заходила бригада броненосцев во время заграничного похода эскадры Балтийского флота. Дыбенко признался, что ему тогда понравился город и об этом он написал в своей первой книге «В недрах царского флота».

— С тех пор в Христианзанде ничего не изменилось. — И, показав рукой на проходивший маленький нароходик, сказал: — На том месте стоял наш «Павел I». Вот к этому причалу подходил баркас, и мы сходили на норвежскую землю... Тот же темнеющий вдали лес; рассыпанные кругом дома, похожие один на другой, будто близнецы-братья. Одним еловом, все как было.

Коллонтай согласилась: действительно, за минувшие годы в Христианзанде, да и во всей Норвегии мало что изменилось. «Страна интересная, я обожаю ее трудовых, гостеприимных людей...»

Несколько дней быстро пролетели. Пора возвращаться домой... Коллонтай не передумала, осталась верна своему решению, повторяла все, что сказала тогда в «Национале» и написала в письме.

Закрывая дверцу машины, Коллонтай помахала рукой. Они расстались друзьями навсегда, до конца жизни... ^[43]

Он вернулся в Бобруйск, в корпус, к любимому делу — обучению и воспитанию воинов; радовался каждому успеху, огорчался неудачами.

«За несколько месяцев работы Дыбенко зарекомендовал себя отличным командиром: требовательным и справедливым, — писал в аттестации Тухачевский. — Хороший хозяин. Много занимается военно-научной работой. С оперативной стороны показал себя способным, твердым начальником. Чрезвычайно вынослив. В общем, выдающийся комкор, достоин выдвижения...»

3 мая 1924 года он становится командиром и комиссаром 10-го стрелкового корпуса, переведенного с Дальнего Востока в города Московского военного округа.

В Курск, где находился штаб, Дыбенко приехал ране утром. Первым встретил его постовой милиционер, уже немолодой, с короткими рыжими усиками. Блеститель порядка радостно заулыбался.

— Ждем вас, товарищ комкор. Особенно я. Как узнал, что именно вас назначили, обрадовался. Не удивляйтесь, я ведь служил в 37-й дивизии в кавалерийской бригаде Курышко. Вы-то меня забыли. Лёшин моя фамилия. Помните, как мы врезали генералу Топоркову?

Дыбенко смотрел на бывшего конармейца и мысленно извинялся: «Запамятовал я, братишка, ты уж прости, в кавбригаде вас было много, в дивизии и того больше, всех не запомнишь. А вот как «врезали» Топоркову, помню. Разве такое забудется!»

Милиционер объяснил, что из Красной Армии его уволили по сокращению, хотя он вполне здоров.

— Не тебя одного, дорогой товарищ, сократили, — сказал Дыбенко. — Совсем недавно в Красной Армии было 5,5 миллиона, а вот теперь осталось всего 562 тысячи, и они обязаны оберегать Родину... На боеспособности войск сокращение не должно отразиться, значит, мы, командиры, должны лучше учить людей.

Милиционер вызвался проводить Дыбенко до «халупы», так он называл штаб корпуса. «Уж не могли во всем Курске подобрать приличнее помещение, — ворчал он. — Сунули в старый барак, с крыши течет, в окна дует. Позор, да и только!»

Поблагодарив бывшего красноармейца, Дыбенко открыл дверь, переступил низенький порог и действительно очутился в «халупе». Молоденький дежурный командир доложил по всем правилам, осведомился, кто прибыл, и, услышав, что перед ним новый командир корпуса, подтянулся, молодцевато стукнул каблуками, сказал, что сейчас же пошлет за начальником штаба...

— За начштабом посылать не надо. Когда явится, передайте — буду в одиннадцать.

Отправился к губвоенкому, увидел уже немолодого, в недавнем прошлом боевого партизана. Представились. Дыбенко спросил, почему штаб корпуса в таком захудалом помещении. Не получив вразумительного ответа, попрощался и ушел.

Комкор познакомился с подразделениями. Размещены сносно. Рота связи, например, расположилась в бывшей церкви, можно создать приличные условия для красноармейцев. Есть и учебные классы. Рядом еще пустующее здание, но на дверях амбарный замок. Это бывший клуб чоновцев, доложил сопровождающий командир роты связи. Оказывается, помещение свободно, а связистам пользоваться не разрешают.

Дыбенко позвонил губвоенкому, спросил, нельзя ли открыть клуб. «Не можем, это хозяйство ЧОНа, а они нам не подчинены, у них свой хозяин». — «Разве хозяин не в Советском государстве живет? К тому же ЧОН уже упразднили». Командиру роты приказал снять замок, имущество описать, навести порядок и налаживать культурно-просветительную работу...

Собрал командный состав, рассказал о своих впечатлениях, обнаруженных недостатках, поставил задачи на месяц. Потом попросил всех высказываться без стеснения, предъявлять претензии, ничего не скрывать: «Говорите начистоту».

Внимательно слушал, делал пометки в блокноте.

Все жаловались на бытовую неустроенность.

Дыбенко сказал: знает, что с жильем плохо, придется временно

снимать квартиры у местного населения. Об улучшении быта обещал позаботиться.

Через день уехал в Воронеж, побывал также в Орле. Остался доволен, подразделения здесь размещены удачно, бойцы окружены вниманием и заботой местных партийных, советских и комсомольских органов. Возвращался с хорошим настроением. Сошел с поезда — и ахнул. Курск преобразился: все вокруг в бело-розовом наряде, цвели яблони, вишни, груши. Весна в полном разгаре.

Однако настроение испортилось: когда приближался к штабу, он ютился все в той же мрачной халупе. «Нужны срочные меры». Сходил Дыбенко в городской комитет партии и в горсовет. Добился, часть помещения военкомата решили передать штабу корпуса.

Дыбенко занял кабинет военкома. Все старье — просиженные, с торчащими пружинами кресла — приказал вынести во двор и сжечь. Оставил стол, два стула — для себя и посетителя...

Вскоре комкор принимал командующего Московским военным округом К. Е. Ворошилова. Вместе побывали в городах базирования полков корпуса, проверили боевую готовность. Перед отъездом Ворошилов сказал:

— Замечаний не имею. Так держать!

Дыбенко был человек пунктуальный, требовательный, не давал скидки ни себе, ни подчиненным. Не любил засиживаться в кабинете. К побудке он уже в казарме. Пройдет на занятия в класс, внимательно слушает, в конце выскажет свое мнение.

Досталось однажды дежурному командиру взвода связи С. М. Ватолину. Доложил дежурный как положено. Комкор пожал ему руку и направился к пирамиде, посмотрел одну винтовку, другую, обе поставил на место. Третью не разглядывал, передал Ватолину.

— Чтобы через час оружие сверкало как зеркало!

Ватолин командир грамотный, старательный, дело свое знал да еще учился на третьем курсе педагогического института, совмещение в то время редкое. Замечание расстроило, но порядок навел быстро. К вечеру комкор снова появился, посмотрел ту же винтовку и еще несколько, довольный, сказал:

— Хорошо... Как дела с учебой, товарищ Ватолин?

— «Хвостов» нет, а в общем трудно, товарищ комкор, не хватает времени.

— Мой вам добрый совет: не бросайте, кончайте институт во что бы то ни стало!..

Бывший чоновский клуб стал любимым местом отдыха и

красноармейцев, и молодежи Курска. В нем ставились шефские спектакли, читались лекции. И всегда в кругу бойцов и шефов — комсомольцев табачной фабрики — находился Дыбенко...

Загрустили бойцы и командиры, узнав, что нарком М. В. Фрунзе забирает в Москву их командира корпуса. Уж очень привыкли они к строгому, требовательному, но справедливому и чуткому начальнику.

В столицу Дыбенко приехал 3 мая 1925 года.

Большая и ответственная работа ждала его в Москве.

Много за последние годы произошло важных перемен в Красной Армии и Красном Военно-Морском Флоте. В январе 1925 года председателем Реввоенсовета СССР и народным комиссаром по военным и морским делам был назначен М. В. Фрунзе.

Целая система мер, осуществленных партией по совершенствованию военной организации, по совершенствованию организации и укреплению обороны страны в 1924–1925 годах вошла в историю нашей Родины и Вооруженных Сил как военная реформа, практически охватившая все сферы деятельности армии и флота, что способствовало постепенному преобразованию их в современных для того времени, вполне надежных защитников завоеваний социализма. Важную роль в укреплении Вооруженных Сил сыграло единоначалие, а также установление плановой системы обучения и воспитания личного состава, увеличение в войсках численности коммунистов и комсомольцев...

Дыбенко начал работать в наркомате РККА в очень ответственное и важное время. Решив основные задачи восстановительного периода, страна подошла к периоду социалистической индустриализации; в самое ближайшее время Красная Армия начнет получать мощную первоклассную боевую технику. Работа развернется широким фронтом.

8 мая 1925 года Дыбенко стал начальником Артиллерийского управления, а в ноябре следующего года возглавил Управление снабжения РККА.

Как-то к нему зашел Максимов. Встреча обрадовала обоих. Адмирал недавно вернулся после завершения похода на посыльном судне «Воровский» — это было первое после Великого Октября большое заграничное плавание. Команда состояла из комсомольцев — шефов Красного Военно-Морского Флота^[44] и курсантов — будущих штурманов. Покинув Архангельск летом 1924 года, пройдя через три океана и девять морей, оставив за кормой четырнадцать тысяч миль, в октябре «Воровский» бросил якорь в бухте Золотой Рог. В то время

дальневосточная государственная морская граница была плохо защищена. Весь флот состоял из двухмоторной парусно-винтовой яхты «Красный вымпел» (бывший «Адмирал Завойко») да нескольких переоборудованных и вооруженных старых пароходов, промысловых судов и портовых буксиров. Для укрепления флота и прибыл «Воровский», командовал им адмирал Андрей Семенович Максимов^[45]. Адмирал признался, что пишет книгу об артиллерии и минном деле.

— А зашел я пригласить вас на блины, Павел Ефимович, — сказал Андрей Семенович. — И жена Александра Ивановна очень просит. Вот и поговорим о походе «Воровского».

Побывал Павел Ефимович на Садовой-Кудринской в гостях у старого адмирала. Вспомнили о многом и разном. Конечно, и Гельсингфорс в грозном 1917-м, заседание Совета, на котором такую сердечную речь произнес избранный матросами командующий революционным флотом. Максимов, как в те дни, строен, бодр, жизнерадостен. Доволен старый моряк своим последним плаванием. Восторженно говорит о комсомольском экипаже «Воровского».

— Народ упорный, трудолюбивый, любознательный. Юноши будут строить корабли, создавать новый большой Советский Военно-Морской Флот! Им плыть дальше! — Верил адмирал в молодое поколение, верил в комсомол; говорил, что отличные из них выйдут мореходы.

Дыбенко радовали первые успехи Красного флота и его шефов — комсомольцев, о которых с таким молодым задором говорил адмирал Максимов... Павел поделился впечатлением о прочитанной в газете заметке, сообщавшей о походе кораблей Балтийского флота — крейсера «Аврора» и учебного судна «Комсомолец», — с курсантами командного, инженерного и военно-морского подготовительного училищ по маршруту Кронштадт — Берген — Архангельск — Тронхейм — Кронштадт. Во время стоянки в Бергене в гостях у советских моряков побывали представители общественных организаций и офицеры норвежского флота. В заметке также говорилось, что по поручению ВЦИК СССР Александра Михайловна Коллонтай вручила орден Красного Знамени курсантам-комсомольцам, проявившим отвагу и героизм во время взрыва в форту Павел.

— Знаю о том подвиге, — сказал Андрей Семенович.

— Герои, подлинные герои! — восхищался адмирал. — Действовали в лучших традициях русского флота: «Сам погибай, а товарища выручай».

Каждая встреча со старыми балтийцами и питерцами радовала Дыбенко. Какой восторг вызывало появление в кабинете С. Д. Павлова!

— Дорогой Сергей Дмитриевич! Товарищ мичман! Как давно мы не

виделись, но о твоих геройских делах кое-что знаю от Блюхера и Постышева. И за что получил ордена, мне известно...

В 1923 году Павлов окончил академические курсы высшего начсостава РККА. Недолго командовал 1-й Туркестанской стрелковой дивизией. Теперь он инспектор военно-учебных заведений Красной Армии...

— Научились мы воевать, Сергей Дмитриевич?

— Выходит, так, Павел Ефимович...

Дыбенко и Павлов служили в Наркомате обороны под руководством М. В. Фрунзе.

...Мужало и крепло Советское государство, совершенствовались Вооруженные Силы. По долгу службы начальник Артиллерийского управления РККА Дыбенко участвовал в разработке первой шестилетней программы военного судостроения, которую утвердил Совет Труда и Обороны 26 ноября 1926 года. Предусматривалось построить 12 подводных лодок «Декабрист», 18 сторожевых кораблей и 36 торпедных катеров. Оснащалась новой техникой и Красная Армия. Дыбенко часто выезжал на заводы, следил за выполнением важных заказов РККА и присутствовал на полигонах при испытаниях появлявшихся новых образцов оружия...

В январе 1927 года, в третью годовщину со дня кончины Владимира Ильича Ленина, Дыбенко опубликовал в Бюллетене отдела печати ПУ РКК и Центрального Совета Общества содействия обороне СССР статью под названием «Великий строитель Красной Армии»^[46].

В ней говорилось:

«Октябрьский переворот прошел под руководством Владимира Ильича Ленина. Приказ этого полководца пролетарской армии перед Октябрем гласит:

В бою с врагами комбинировать наши три главные силы: вооруженных рабочих, флот и войсковые части. В наступление перейти всеместно, единовременно. Идущие в бой должны знать, что они идут на вооруженную, кровавую, жестокую борьбу. Их лозунг — победить. Среди восставших и идущих в бой на врага должно быть презрение к смерти, дисциплина, сознание, что обеспечит победу. Нападение, а не защита. Идя на штурм капиталистической крепости, беспощадно выкидывайте из своих рядов трусов и предателей. Ваш спутник — решимость, смелость, отвага. Вера в свою правоту обеспечит победу. При первом же нападении на врага захватить и удержать: телефон, телеграф, железнодорожные станции, жизненные центры. Окружить и отрезать Питер; взять его

комбинированной атакой рабочих, флота и войск. На подступах к Питеру и для атаки «центров» врага — юнкерские школы, выделить самые лучшие отряды, хорошо вооруженные. Успех революции зависит от двух-трех дней борьбы. (П. Е. Дыбенко излагает отдельные положения работы В. И. Ленина «Советы постороннего»^[47]. — И. Ж.)

Вот лозунги, призыв и краткий всеобъемлющий приказ великого стратега, тактика и организатора. Если обратиться к истории военного искусства, мы не найдем более ясного, четкого и всеобъемлющего призыва...

...Вдохнув лозунги и призывы Ильича, шла на приступ в октябре Красная гвардия, с этими лозунгами и призывами шла умирать и побеждать Красная Армия. Красная Армия, оставаясь верной до конца заветам Ильича, победила, очистив необъятные равнины СССР от своих вековых врагов.

...Ильич умел вести армию в бой во имя победы рабочих и крестьян... под его непосредственным руководством Красная Армия быстро расправилась со своими врагами. Он... сумел быстро дать указания, как перестроить ее ряды после побед, как готовить ее к новым решительным битвам, как обучить и воспитывать в момент передышки. В 1921 году Ильич призывает крепить дисциплину, спайку с рабочими и крестьянами, повышать военные и политические знания, изживать все организационные недостатки военного времени.

Еще в 1921 году он указал на необходимость перехода к единоначалию и строительству армии на территориальных началах. Это его новый стратегический план.

...Вождь многомиллионной победной пролетарской армии ушел в могилу, оплакиваемый всеми угнетенными, оставив свои заветы как путь к конечной победе. Армия, победившая под его непосредственным руководством, в борьбе будущего пойдет к новым победам.

П. Дыбенко».

Более трех лет работал Дыбенко в Наркомате по военным и морским делам, выполнял ответственные поручения, связанные с обороноспособностью страны. Он активно работал во многих комитетах, комиссиях, подкомиссиях, в Химическом комитете Реввоенсовета, Бюджетной комиссии ЦИК СССР, Высшей аттестационной комиссии, Мобилизационном комитете. Совет Труда и Обороны утвердил его членом государственных заказов от Реввоенсовета...

Но Дыбенко тянуло в войска. При каждом докладе наркому напоминал

о рапорте, который он давно подал.

Только в конце 1928 года Ворошилов удовлетворил просьбу Дыбенко.

— Легкой жизни не обещаю, — сказал Климент Ефремович. — Впрочем, знаю, ты ее никогда не искал.

20 октября 1928 года Дыбенко стал командующим Среднеазиатским военным округом.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Дыбенко понравился шофер, красноармеец Борис Грендо^[48], подвижный, внимательный, машину знает отлично. Сразу Борис стал знакомить командующего с Ташкентом, даже отвез на старый базар. Попали они в «торговый день». Все вокруг запружено: разноязычные людские толпы, всадники на конях, осликах, верблюдах; повозки, арбы, телеги... Побывали за городом, где летом жили семьи военнослужащих, спасаясь в зелени деревьев от знойного южного солнца. Имелся там домик для командующего. Когда усталые, разомлевшие от невыносимой жары вернулись в город, Дыбенко попросил шофера остановиться около парикмахерской. Вскоре вышел наголо выбритый. «Чтобы жарко не было», — сказал удивленному Грендо.

...Среднеазиатский военный округ раскинут на сотни и сотни километров. Пять союзных республик! Обстановка там беспокойная. Шла необъявленная война, лилась кровь. Басмачи, или «хищники пустыни», не сложили оружия. Хотя еще в 1922 году основные силы их были разбиты Красной Армией, отдельные и довольно крупные банды, поддерживаемые иностранными разведками и штабами, продолжали бесчинствовать, пытались нанести поражение Советской власти в Средней Азии: они терроризировали и грабили население, угоняли скот, сжигали посевы, отравляли колодцы. Совершив разбойничий набег, бандиты скрывались на резвых скакунах за горные хребты, в бескрайние степи и песчаные пустыни...

На столе у командующего военным округом куча документов о злодеяниях «хищников пустыни», длинный список главарей бандитских шаяк. «В Каракулинской долине банды выжгли более 600 гектаров зерновых, — читал Дыбенко. — Огромные площади уничтожены в Локае... Басмачи, руководимые Берды-Дотхо, сожгли 250 кибиток, зарубили 238 жителей, в том числе 56 женщин и 106 подростков... Озверело действуют отряды Фазуиля Максумы, Шалтай-батыра, Джунаид-хана. Ибрагим-бека...»

«Это о них и рассказывал Федько», — подумал Дыбенко. Ивана Федоровича он встретил в Москве перед отъездом в Ташкент. Федько с апреля 1924 года по ноябрь 1925-го служил в Среднеазиатском военном

округе, командовал 13-м стрелковым корпусом, вел упорную борьбу с басмачами, действовавшими на территории Бухары.

Иван Федорович говорил, что особенно нагло вели себя отряды, руководимые Ибрагим-беком. Потрепанные Красной Армией в 1923 году, их остатки укрылись на левом берегу Вахша. После небольшого перерыва они собрали силы и снова начали совершать набеги на кишлаки и селения. В январе 1925 года Ибрагим-бек заслал в район Гиссара 500 джигитов, поручив им подготовить совещание курбашей. Там их и накрыли бойцы 3-й кавбригады нашего корпуса.

Побили тогда бандитов основательно, но полностью уничтожить не смогли. Удрал Ибрагим-бек, рассказывал Федько. Он посоветовал держать самую тесную связь с местным населением, в первую очередь дехканами, без их помощи с басмачеством покончить невозможно. На первом же совещании командного и политического состава округа, говоря об очередных задачах, Дыбенко потребовал, не ослабляя боевую и политическую учебу войск, как можно быстрее очистить Среднюю Азию от басмачества — таков приказ Родины. Рекомендовал каждому военному служащему — от рядового красноармейца до члена Военного совета — укреплять дружбу с местным населением, беднякам оказывать помощь в страдную пору посевной и уборки урожая.

...Первый тревожный сигнал: Фазуиль Максума захватил Гарм — крупный поселок, расположенный на берегу реки Сурхаб.

Дыбенко вылетел в Душанбе. Оценив обстановку, принял решение перебросить на самолетах в район Гарма подразделения красноармейцев. Приказ гласил: действовать быстро и решительно, не дать бандитам уйти в глубь республики.

От работников ОГПУ узнал, что родственники и приятели Максумы в Душанбе ждут удобного момента, чтобы начать резню. Бандиты даже проникли на совещание хлопкоробов, проходившее в Доме дехканина, единственном недавно построенном каменном здании. Туда и направился Дыбенко. Вход охранял среднего роста паренек с загорелым энергичным лицом.

— Вы кто? — спросил командующий.

— Комендант Николай Рожков, секретарь Душанбинского горкома комсомола. Кроме меня, дежурят еще пять комсомольцев. А вы кто?

Дыбенко был в военной гимнастерке без знаков различия, представился, потом сказал:

— Вот что, товарищ Рожков, из помещения никого не выпускайте. Сейчас к вам на помощь подойдут красноармейцы и работники ОГПУ.

Вошел в зал. Не спеша поднялся на сцену, приблизился к трибуне. Оттягивал время, чтобы успели подойти красноармейцы. В президиуме и в зале заволновались. Оратор прервал выступление.

— Я командующий войсками округа Дыбенко. — И повысив голос: — Сегодня Фазуиль Максума захватил Гарм. — Сделал паузу. — Нам известно, что большинство присутствующих здесь за Советскую власть и они вместе с нами пойдут сражаться в Гарм. Но в зале есть люди, открыто помогающие Максуме, басмачам. Их мы всех знаем, с ними разговор особый.

Многие вскочили с мест. Кто-то выстрелил в люстру. Послышался звон битого стекла.

Дыбенко решительно поднял руку, громко и властно крикнул:

— Всем сидеть на местах! Здание оцеплено! Оружие убрать! — Подошел к председателю: — Продолжайте работать, перерыва не объявляйте, пока не получите указание. — Спокойно прошагал через притихший зал.

Красноармейцы уже окружили Дом дехканина. «А могли ведь и опоздать, — подумал Дыбенко. — Внезапность и на этот раз выручила». Заметив все еще стоявшего около двери коменданта, сказал:

— Спасибо, товарищ Рожков, за бдительную службу. — Крепко пожал руку. — Передайте мою благодарность и остальным комсомольцам^[49].

Сподвижников Максумы арестовали.

В Гарме произошло вот что. Отряд Максумы численностью около 200 сабель сравнительно легко захватил поселок. Войск там не было, а 23 бойца местной самообороны — коммунисты, комсомольцы и активисты, — несмотря на исключительное мужество и отвагу, не смогли задержать бандитов; потеряв пять товарищей, отступили... По пути к Гарму после перехода афганской границы бандиты уничтожали представителей Советской власти; в одном из кишлаков повесили трех женщин за то, что те осмелились снять чадру...

Первая группа красноармейцев, высадившись с самолетов, вступила в бой. Басмачи вначале сопротивлялись, но, увидев в небе еще самолеты, отступили. У своего родного кишлака Калай-Ляби-Об Максума и его отряд были настигнуты. Потеряв в бою пятьдесят человек, бандиты, побросав коней и оружие, пешком удрали за границу. В этом бою Максума был ранен, а во время следующего набега опаснейший враг был убит.

Борьба с басмачеством с 1929 года стала вестись более эффективно;

войска Красной Армии и ОГПУ при активной помощи местного населения разгромили отряды Утан-бека, Керим-Берды, Аляр-бека... Однако многие шайки, поддерживаемые английской разведкой, все еще разбойничали. Великобритания обеспечивала «хищников пустыни» опытными инструкторами, оружием, снаряжением, деньгами.

...Сильный конный отряд басмачей совершил налет близ Кушки — самой южной точки Советского государства. На командный пункт Дыбенко со свистом и улюлюканьем устремилась большая группа бандитов. Взвод охраны не выдержал, отступил. Казалось, беда неминуема. Выручил летчик. Единственный аэроплан замаскированный стоял на маленьком аэродроме. Пилот быстро поднял машину в воздух и застрочил из пулемета. Перепуганные шумом мотора, лошади шарахнулись в стороны, сбивая друг друга, всадники падали. Перемешались и кони и люди. Образовалась свалка. В это время подоспело подкрепление. Лишь немногим бандитам удалось уйти за кордон...

Басмаческие шайки появлялись всюду, их не удерживали и безводные пески пустыни. В этих горячих барханах Дыбенко едва не погиб, на него наскочил всадник с поднятой шашкой. Беду предотвратил Борис Грендо, всегда находившийся рядом с командующим, успел метким выстрелом свалить бандита.

Нападали басмачи и с Каспийского моря. Их баркасы появлялись внезапно в Кара-Бугазе, Куули-Маяке и Красноводске. Но и морским разбойникам пришел конец...

Ранним майским утром 1929 года воинский эшелон прибыл в Красноводск. По приказу командующего Среднеазиатским военным округом П. Е. Дыбенко бойцы заняли все пункты, где обычно высаживались басмачи и откуда они начинали свои разбойничьи дела.

Жара стояла невыносимая, кругом все раскалено. Донимает жажда... Прошло несколько мучительных дней ожидания. Наконец «гости» показались. Дыбенко с КП смотрел в бинокль. «Вот они, сейчас встретим».

Бандитские баркасы спокойно швартовались в разных местах. Потом с шумом, гамом басмачи высыпали на берег, чувствуя себя в полной безопасности. Появление красноармейцев вызвало у них настоящий шок, ринулись было к берегу, но поздно, баркасы уже были захвачены. Бандитов окружили. Оказавших сопротивление перебили, сдавшихся арестовали.

В Красноводске, Кара-Бугазе, Куули-Маяке басмачи больше не появлялись. Ни разу! А вот в труднодоступных песках пустыни они все еще оставались, и борьба с ними предстояла нелегкая.

25 мая из Красноводска воинский эшелон отправился в обратный путь,

в Ташкент. Ехали по бескрайней, выжженной солнцем пустыне. Бойцы и командиры с волнением ждали 207-ю версту. Раздался протяжный свисток паровоза. Поезд остановился. Все высыпали из вагонов.

Дыбенко окинул взглядом окрестность: кругом рыжеватые барханы, словно застывшие морские волны; мысленно представил, как выталкивали прикладами из вагона окровавленных, в изорванной одежде товарищей Шаумяна, Азизбекова, Джапаридзе, Фиолетова, Полухина, Берга...

Дыбенко поднялся на сооруженную из ящиков трибуну и начал говорить:

— Здесь, на 207-й версте от Красноводска, на перегоне между станциями Ахча-Куйма и Перевал, в этих глухих песках под покровом глубокой ночи 20 сентября 1918 года английские интервенты совместно с местными эсерами совершили гнуснейшее преступление — зверски расстреляли двадцать шесть бакинских комиссаров. — Стал называть имена погибших, среди которых были и его друзья, балтийские матросы: Владимир Полухин — один из вожаков восстания на дредноуте «Гангут» во время мировой войны, Эйжен Берг — руководитель подпольной большевистской организации на дредноуте «Севастополь». Все расстрелянные — активные участники Октябрьской революции. И, повысив голос, закончил: — Совершили это бандитское убийство англичане — генерал Маллесон, капитан Режиальд Тиг-Джонсон и их наемники, закаспийские эсеры — Фунтиков, Дружкин и Кун... Поклянемся же, товарищи, на могиле 26 бакинских комиссаров очистить Среднюю Азию от басмачей, английских выкормышей!

Над пустыней прогремело многоголосое:

— Клянемся! Клянемся! Клянемся!

...Дыбенко был уверен, что с «хищниками пустыни» предстоит длительная борьба. «Хорошо бы поселиться в этих краях нашим воинам после службы в Красной Армии, — думал он. — Это укрепило бы нашу связь с населением, помогло бы искоренить врагов». Эту мысль Дыбенко высказал на одном из окружных совещаний командно-политического состава. Всем она понравилась. Началась разъяснительная работа в подразделениях. Уже в 1929 году из числа демобилизованных красноармейцев и младших командиров была подготовлена первая группа — около девяти тысяч шоферов, механиков, слесарей, связистов и других специалистов, пожелавших трудиться в сельском хозяйстве и на предприятиях Средней Азии. «Это уже успех!» — радовался командующий. Он верил, что примеру первых «поселенцев» последуют

многие воины, они внесут достойный вклад в преобразование этого сказочно богатого края...

Дыбенко вместе с местными органами занимался формированием национальных воинских подразделений, выделял для них наиболее подготовленных командиров и политработников... Особенно опекал он Среднеазиатскую военную школу имени В. И. Лепина (так в то время называлось Ташкентское высшее общевойсковое командное училище), состоял членом приемной комиссии. Часто читал в этой школе лекции, проводил беседы. Стал сам курсантом... почетным...

С каждым днем все труднее становилось разбойничать басмачам. Был разгромлен кровожадный «хищник пустыни» Джунаид-хан. Но еще чувствовал себя вольготно Шалтай-батыр. На его след напал дивизион пограничников под командованием Александра Васильева, лихого конника, активного участника гражданской войны. Кавалеристы преследовали бандитов от Сангу-Дагу до Казанджика и там их уничтожили.

Любил Дыбенко инициативных, смелых бойцов и командиров. Васильева перевел в 10-й кавалерийский полк. Вызвал к себе: «Пойманы Джунаид-хан и Шалтай-батыр. Но на свободе еще Ибрагим-бек». — «И он не уйдет от Красной Армии, — ответил Васильев. — Я знаю чайхану, где он встречается с приятелями. Местные ребята — дехкане помогут заарканить его». — «Поймаешь — представим к ордену Красного Знамени. Подбирай надежных бойцов и действуй. За помощью обращайся в любое время».

...Ибрагим-бек в Средней Азии считался командующим всеми «войсками ислама», располагал крупными силами, вооруженными первоклассной английской техникой. В начале июня 1931 года его многочисленный отряд переправился через государственную границу и угрожал Душанбе. На борьбу с коварными пришельцами были брошены находившиеся в городе немногочисленные подразделения Красной Армии, ОГПУ и добровольческие отряды...

В это тревожное время Дыбенко пришлось принимать группу прогрессивных писателей и художников из Польши, Чехословакии, Франции, Германии, США. Среди них Бруно Ясенский, Эрвин Киш, П. Вайян-Кутюрье и другие. Вместе с ними молодые киноработники, студенты ГИКа: В. Кузин, Б. Синеоков, В. Микшис и уже знакомый Николай Рожков. У ребят важное задание — снять кинофильм о пребывании иностранных гостей в Средней Азии и сделать ленту о поимке Ибрагим-бека. Гиковцев убедили — с бандой этого матерого врага будет покончено в ближайшие

дни. Рожков так и сказал Дыбенко: «Фильм вся страна увидит».

И не ошибся: 15 июня Ибрагим-бек был схвачен... в чайхане, банда его разгромлена. Васильев сдержал слово. По представлению штаба военного округа за поимку Ибрагим-бека ЦИК СССР наградил Александра Васильевича Васильева орденом Красного Знамени. Награду он получил из рук Михаила Ивановича Калинина.

Когда Ибрагим-бека доставили в Душанбе, Николай Рожков пришел к Дыбенко:

— Павел Ефимович! Мы не можем продолжать съемки. В тюрьме свет плохой. Разрешите работать во дворе.

— Разве могу я тебе отказать, Николай? — смеялся Дыбенко. — Ты же мне помог в 1928 году захватить друзей Максумы в Доме дехканина. Услуга за услугу...

Ибрагим-бека вывели в тюремный двор. Высокий, могучего телосложения, с копной черных волос. Держится надменно, охотно позирует перед кинокамерой, бойко отвечает на вопросы иностранных писателей.

— Ибрагим-бек, кто вас снабжал оружием, финансировал? — спросил Дыбенко.

— Англичане, конечно, друзья наши, — оживился бывший «главнокомандующий всеми войсками ислама». — Нам всего хватало, а платили не скупясь...

С «хищниками пустыни» нужно было кончать, и как можно быстрее. Такая задача стояла перед войсками округа, местными партийными и советскими органами в 1931 году.

28 августа 1931 года Дыбенко разослал в войска округа, ГПУ и пограничную охрану справку. «Наряду с активным уничтожением басмаческих банд в песках, — говорилось в ней, — важнейшей задачей является развертывание массовой политической и организационной работы среди населения в тесной связи с целой системой государственных мероприятий.

Средазбюро ЦК ВКП(б) всю сумму политических задач связывает с полным разгромом активно контрреволюционной и феодально-байской верхушки и разоружением басмаческих шаяков; с решительным отрывом бедняков и середняков скотоводов от классово враждебного влияния феодалов и баев, с организацией батрачества и бедноты как опоры и середнячества как союзника рабочего класса; с коренной советизацией кочевых районов и ясным выявлением перед трудящейся массой

скотоводов неискаженной классовой сущности Советской власти...

Мероприятия должны быть решающим поворотом к повседневному вниманию и систематическому руководству партийных, советских и кооперативно-колхозных организаций хозяйственно-политической жизнью скотоводческих районов в песках, к неуклонному осуществлению в них пролетарского организующего влияния и всемерной производственной мощи, направленных к быстрейшему преодолению крайней отсталости животноводства, к его мощному подъему и социалистическому переустройству...

К частям, действующим на определенном боевом участке, прикрепляется бригада ответственных работников во главе с членами ЦК и ЦКК, на обязанности коих возлагается как одна из задач руководство распределением конфискованного у байско-феодалской верхушки скота среди бедняцко-середняцкого населения и скотоводов...»

К началу октября было арестовано 75 руководителей банд и около трех с половиной тысяч басмачей. В 1931 году с «хищниками пустыни» было в основном покончено. Оставшиеся мелкие, разрозненные группки, лишившись поддержки населения, сами приходили с повинной.

В Среднеазиатских республиках широким фронтом начались социалистические преобразования, создались благоприятные условия для политического, экономического и культурного развития этого обширного края. Дехкане, которых совсем недавно за упоминание о колхозе убивали, теперь потянулись в коллективные хозяйства. Уже к 1 октября 1934 года на социалистические формы перешло подавляющее большинство дехкан...

У командующего округом появилось свободное время. Он посещал спектакли, концерты; сделал для морского землячества цикл докладов о руководстве Коммунистической партии революционным движением моряков Балтийского флота. Эти материалы легли в основу новой книги Дыбенко «Октябрь на Балтике». Павел Ефимович часто бывал в Ташкентском Доме Красной Армии, работе которого он придавал важное значение. Любил бывать на стадионе, следить за выступлениями армейских спортсменов. Среди рекорсменов на короткие дистанции особенно отличалась Зина Ерутина. Как-то она подошла к Дыбенко, шутливо спросила:

— Не надоела вам, товарищ командующий, холостяцкая жизнь?

Дыбенко рассказал о «Летучем Голландце»:

— Жил такой капитан, вечно он носился на своем корабле по бурным морям и океанам, никогда не приставал к берегу. Вот я и есть «Летучий Голландец».

Дыбенко и Ерутина стали встречаться, мечтали создать семью. В 1932 году у них родился сын, назвали Тауром, по имени одинокого колодца в пустыне Янга-Таур, где Дыбенко едва не погиб от удара басмаческой сабли. Однако Дыбенко вскоре понял — семья не получилась. Зина увлечена спортом, друзьями, ни дом, ни ребенок ее не интересовали. Разговоры о семейных обязанностях матери повторялись, и все безрезультатно. Ребенок оставался безнадзорным, на попечении старушки няни.

Дыбенко все время в разъездах. С шофером Грендо и порученцем колесили по гарнизонам Средней Азии.

10 ноября 1933 года вызвали в Москву. Ворошилов любил пошутить, а с Павлом Ефимовичем они были, как говорят, на короткой ноге.

— Может, хватит томиться под южным солнцем, — сказал Ворошилов. — Решили мы тебя перевести в Самару^[50] на место Федько. Его посылаем в Особую Краснознаменную армию заместителем к Блюхеру.

Дыбенко получил назначение на должность командующего Приволжским военным округом...

Когда процедуру «сдачи-приема» завершили, Федько пригласил друга к себе домой. Пока жена, Зинаида Михайловна, накрывала на стол, оба командующих сидели за шахматной доской.

Павел Дыбенко вернулся в Ташкент для передачи дел. К отъезду все подготовлено. В Самару взял Таура. И Борис Грендо собрался. «Разве я могу без вас?» Зина попросила: «Пускай Таур не забывает меня».

Из издательства принесли верстку новой книги «Октябрь на Балтике».

В книгу вошли выступления Дыбенко на собраниях морского землячества в связи с опубликованными «Воспоминаниями» Николая Ховрина, в которых он допустил серьезные ошибки. «Раньше бы следовало это сделать, да все некогда было», — сетовал на себя Дыбенко. Не мог он допустить искажения истории революционной борьбы моряков-балтийцев, принижения руководящей роли большевистской партии. По мнению Ховрина, писал в своей книге Дыбенко, «Февральская революция была не что иное, как стихия матросов, и что к восстанию никто не готовился...» «Вроде умный человек Ховрин, — рассуждал Дыбенко, — а главного не понял, не понял руководящей роли подпольных организаций большевиков... Не видел и не понимал той огромнейшей работы, которая действительно была проведена подпольщиками-большевиками среди всего Балтийского флота... Пропагандистская и организационная работа большевиков в подполье вывела Балтийский флот как организованную вооруженную когорту на баррикады октябрьских боев. Это была не стихийная сила, как думает Ховрин, а это была организованная

большевиками вооруженная сила пролетарской революции».

В своей книге «Октябрь на Балтике» Дыбенко прослеживает деятельность флотских партийных организаций на протяжении длительного периода и напоминает своему товарищу по подполью: «У тебя, Ховрин, короткая память; именно за подпольную деятельность царизм тебя в тюрьме держал; разве такое можно забыть!»

«Если некоторые из бывших моряков вроде Ховрина пытаются теперь заявить, что матросские массы не были подготовлены к восприятию большевистских лозунгов, то это сущая ерунда и полный абсурд», — пишет Дыбенко.

Передав подписанный экземпляр редактору, попросил, как только появится книга, прислать ее в Самару.

...Дыбенко прощался со Средней Азией. К ордену Трудового Красного Знамени, которым он был удостоен 22 февраля 1932 года «за долголетнюю работу... на посту командующего войсками Среднеазиатского военного округа и его огромную роль в деле организации таджикских национальных частей Красной Армии, а также его роль по ликвидации басмачества в 1929 году в Гармском округе», прибавился орден Трудового Красного Знамени Туркменской республики за победу над басмачами и за заслуги в деле установления и упрочения Советской власти в районах Средней Азии...

В Ташкентском Доме Красной Армии собрались представители воинских и гражданских организаций. Тепло и торжественно проводили трудящиеся Средней Азии своего «аксакала».

— Не заметил, как пролетело время, — говорил Дыбенко, прощаясь с друзьями. — Больше пяти лет! Это были годы тревог, упорной борьбы, радости за достигнутые успехи...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ ПОДАРОК МОРЯКОВ

2 декабря 1933 года Дыбенко вступил в должность командующего Приволжским военным округом. Все тут было на высоте: боевая и политическая выучка бойцов, крепкая дисциплина. Чувствовалась опытная рука Ивана Федоровича Федько. Однако Дыбенко всегда считал: для совершенствования военного мастерства нет предела. Да и международная обстановка не позволяла успокаиваться; мир жил в постоянной тревоге, второй год в Германии у власти фашисты; Гитлер вынашивал бредовые идеи завоевания мирового господства и об этом говорил открыто. Нужно было следить за происками врагов, держать Красную Армию в постоянной мобилизационной готовности. Съезды партии — XV, XVI и XVII, делегатом которых был Дыбенко, — требовали сосредоточить внимание народа на укреплении обороноспособности страны. Создались материальные возможности: советские люди выполнили первый пятилетний план и успешно трудились над осуществлением заданий второй пятилетки; войска в большом количестве получали новую технику — танки, самолеты, орудия разных калибров, скорострельное ручное оружие; возросла огневая мощь частей и соединений.

Поступало новое оружие и в Приволжский военный округ. На совещаниях начальствующего состава командующий разъяснял линию партии в вопросах укрепления Вооруженных Сил, резко критиковал командиров отстающих подразделений.

— Народ, страна дают войскам добротную технику, — говорил он, — наш долг — овладеть ею в совершенстве.

Конечно, не все шло гладко, случались и ЧП, особенно в авиации. О любом из них командующий требовал от подчиненных оповещать его немедленно. Звонок по прямому проводу мог раздаться в любое время дня и ночи.

Из авиаполка получен тревожный сигнал: опытный летчик, коммунист потерпел аварию; комиссия установила: самолет был в исправности. «Значит, причина иная?» — спросил Дыбенко. «Жена виновата, — ответил председатель комиссии. — Сварливая она. Накануне полета всю ночь скандалила, уже соседи по квартире просили уговорить. Теперь ревет».

«Печальный случай, — размышлял командующий, — подобное не

должно повториться». В авиаполках провели собрания жен летчиков. На окружном совещании женского актива с докладом выступил командарм Дыбенко (ему недавно присвоили звание командарма 2-го ранга). Рассказал о международной обстановке, о тружениках страны, которые своими делами приумножают славу Родины, о боевой и политической учебе воинов округа, особо подчеркнул роль жен командиров.

Павел Ефимович сказал, что хотя жены летчиков не числятся в списках личного состава подразделений, но «мы считаем вас своими, вы вместе с нами отвечаете за боевую готовность части».

Женщины восторженно аплодировали докладчику. А Дыбенко продолжал:

— Став женой военнослужащего, вы принимаете и ответственность за все дела мужа, за его жизнь. Вы, боевые подруги, верные и надежные помощницы, делайте все от вас зависящее, чтобы мужья-командиры могли спокойно выполнять свой долг по защите Родины!..

После совещания оживилась работа женсоветов; женщины-активистки стали частыми и желанными гостями, добрыми советчиками в семьях военнослужащих, брали шефство над казармами, активно участвовали в красноармейской самодеятельности...

Человек всегда был в центре внимания командующего. «Прежде чем наказать подчиненного, поговорите с ним по душам, расположите его к себе», — советовал он командирам всех рангов.

Работники Политуправления узнали, что в Оренбургском летном училище некоторые командиры нарушают воинскую дисциплину, недостойно ведут себя, а меры, принятые командованием училища и парторганизацией, не дают положительных результатов. Работники Политуправления округа представили материал командующему на увольнение летчика из армии. Они считали, что командующий согласится с нашими выводами, наложит резолюцию и летчик будет уволен.

Дыбенко вызвал провинившегося «летуна» в штаб округа.

— Садитесь, — предложил он. — Успокойтесь. Объясните, как вы, опытный летчик, дошли до жизни такой? Вас предлагают уволить из рядов Красной Армии. Но мне кажется, что вы не совсем потерянный человек. Подумайте хорошенько: сможете ли вы исправиться?

Летчик, волнуясь, откровенно рассказал о себе все, не утаивая и того плохого, что привело его на путь пьянства и недисциплинированности. А под конец заявил:

— Товарищ командарм второго ранга, даю честное слово командира, что стану примерным и хорошим летчиком. Положитесь на меня, и я ваше

доверие оправдаю. Вы за меня краснеть не будете. Если оставите служить, большое вам спасибо. До последнего дыхания буду честно выполнять военную присягу.

Пожимая на прощание руку летчику, Павел Ефимович сказал:

— Хорошо, я вам верю. Возвращайтесь в училище и передайте, что я вас оставляю, потому что вы дали слово исправиться и стать примерным командиром.

Летчик ушел, а командующий попросил начальника Политуправления А. И. Мезиса, чтобы он через свой аппарат проверил, как этот товарищ выполняет данное им обещание. Через несколько месяцев за отличную службу летчик был представлен к награде.

— Уволить легко, а чтобы подготовить летчика, требуются годы, — говорил Дыбенко на совещании командного состава. — К командным кадрам надо относиться бережно, с уважением. Запомните это, товарищи. А за необоснованные приказы к увольнению его авторы при аттестации получают служебное несоответствие.

Весной 1937 года из Ульяновска поступил тревожный сигнал. Дыбенко создал авторитетную комиссию и послал на место.

— Товарищи, — напутствовал он отъезжающих, — очень прошу вас вдумчиво и по-человечески честно отнестись к проверке. У нас появились политиканы, они себя считают борцами за Советскую власть, а на самом деле наносят непоправимый вред, занимаются подсиживанием, часто порочат честных, требовательных и дисциплинированных командиров, дезорганизуют нашу работу. Есть сведения, что в Ульяновской военной школе обнаружено вредительство в подготовке кадров, обвиняют руководящий состав и ставят вопрос об исключении некоторых командиров из партии. Разберитесь во всем, отнеситесь к командному и политическому составу чутко, внимательно... Если товарищи ошибаются, поправьте их, помогите им наладить работу. Если инспектировать формально, смотреть свысока, уподобляться чиновникам, можно наломать дров.

Речь шла о начальнике Ульяновской военной школы комбриге Т. П. Каргаполове. По ложному обвинению его исключили из партии. Дыбенко взял под защиту старого коммуниста, добился восстановления его в рядах партии. А создателям «дела» со свойственной ему резкостью заявил:

— Прекратите мышиную возню, не мешайте честному товарищу жить и выполнять возложенные на него обязанности. Я отвечаю за него.

Комбриг Каргаполов остался в партии, в армии, во время Великой Отечественной он, уже в звании генерал-майора, стал начальником связи Волховского фронта, затем возглавлял Управление боевой подготовки

войск связи Советской Армии. И поныне живет в Москве генерал-лейтенант в отставке, храпит в сердце дорогой образ командарма Дыбенко...

...Командующий часто бывал в подразделениях, на полигонах, аэродромах. Вместе со стрелковым полком в августе 1934 года совершил марш-бросок на 25 километров. С полной выкладкой! Такой переход боец-первогодок не выдерживал, поэтому в походе участвовали только красноармейцы второго года службы, но и они теряли до восьми килограммов веса... Подобные марши в довоенные годы проводились во всей Красной Армии, они помогали выработать у воинов выдержку и выносливость.

После окончания похода Дыбенко собрал младших командиров, попросил, чтобы они откровенно рассказали, как служит, какие трудности испытывают, что им мешает.

Услышанное удивило и встревожило. Оказывается, с младшими командирами в полках мало считаются, недооценивают их знания и опыт.

«А ведь именно младшие командиры все время с бойцами, их первые и ближайшие воспитатели. Знания и богатый опыт сверхсрочники должны передавать красноармейцам, да не только им; многому могут научить и командиров, только что пришедших в армию из военных училищ. Поднять авторитет этого звена», — сделал Дыбенко вывод после того откровенного разговора.

По его приказу провели конкурс полковых школ младших командиров, имена отличившихся стали заносить в книгу Почета, лучших награждали Красными грамотами. В войсках резко поднялся уровень боевой и политической подготовки; младшие командиры Приволжского округа заняли одно из первых мест в соревнованиях с другими военными округами и удерживали его твердо, надежно.

«Создадим книги, достойные армии и флота». Со статьей под таким названием 2 февраля 1934 года в «Литературной газете» обратился Дыбенко к советским писателям. Он обстоятельно, со знанием дела разобрал «Капитальный ремонт» Леонида Соболева, по достоинству отметил высокий художественный уровень произведения и заявил, что вот так же интересно и увлекательно следует писать о нашей славной Красной Армии.

Алексей Максимович Горький, далее писал в статье Дыбенко, поставил перед писателями задачу создавать произведения о тружениках заводов и колхозов, а почему бы такие же достойные произведения не

писать и о Красной Армии? Воины армии и флота проявляли невиданный героизм во время гражданской войны, и ныне, в мирных условиях, бойцы и командиры с высоким энтузиазмом, упорством и настойчивостью изучают боевую технику, зорко и бдительно стоят на страже революционных завоеваний, охраняют мирный созидательный труд своего народа, строящего социализм.

«Загляните в казарму, — призывает Павел Ефимович писателей, — взгляните на нашего младшего командира. Разве он похож в какой-то степени на бывшего унтер-офицера? Ни в коей мере. Это исключительно сознательный боец РККА».

В конце статьи командарм еще раз настоятельно призвал литераторов и художников почаще бывать в советских казармах.

...Много, увлеченно работал Дыбенко, успешно совмещал военные обязанности с гражданскими; был он депутатом городского и областного Советов, членом обкома и горкома партии, на все находил время; свет в его рабочем кабинете горел до поздней ночи. Привык к ночным телефонным звонкам. Вот только что говорил Климент Ефремович Ворошилов, справившись о делах, здоровье, просил незамедлительно приехать в наркомат, сказал, что есть важное дело...

В Москве Дыбенко не задержался, быстро возвратился. Встретила жена.

Пристал наконец «Летучий Голландец» к берегу. В Куйбышеве он познакомился с Зинаидой Викторовной Карповой. Через некоторое время она стала его женой. Дыбенко теперь отец двух детей, Таура и Левы, сына Зинаиды Викторовны от первого брака. В холостяцкой квартире Павла Ефимовича женские руки создали уют. Жена окружила всех теплом и заботой, стала настоящим начальником домашнего штаба, как называл ее глава семьи. Да и сам изменился, старался чаще бывать в кругу семьи. Дети, услышав шаги отца на лестнице, поднимали радостный гомон. Лева кричал: «Папа, папа идет!» Маленький Володя, так теперь звали Таура, подпрыгивал, бил в ладоши.

Объявил жене — надо срочно собираться в дорогу. С 11 мая 1937 года Дыбенко — член Военного совета Сибирского округа.

Последний раз съездил на заросший ивняком островок на реке. Любил тут с подсадной уткой поджидать селезней. «Прощай, матушка Волга».

...Снова позвонили из Москвы. На сей раз дежурный по наркомату сообщил, что послезавтра, 25 мая 1937 года, в десять ноль-ноль совещание у наркома товарища Ворошилова.

Во время перерыва Климент Ефремович вдруг спросил:

— В Ленинград, поближе к Балтике, старого моряка не тянет?

— Я человек военный. Служу там, куда посылает начальство, — ответил Дыбенко, — но Ленинград люблю.

— Дисциплинированный ты боец, — засмеялся нарком. — Так вот, Андрей Александрович Жданов просит, чтобы тебя назначили командующим Ленинградским военным округом.

— Но я уже вещи в Сибирь отправил. Ведь на днях я назначен членом Военного совета Сибирского военного округа.

— Переадресуем на Ленинград.

Когда окончилось совещание, Ворошилова и Дыбенко пригласили к Сталину. Беседа продолжалась недолго. Сталин сказал, что ЦК придает важное значение Ленинградскому военному округу, рекомендовал Дыбенко зайти к начальнику Генштаба Шапошникову.

Борис Михайлович дважды командовал Ленинградским округом, знал его досконально. Не торопясь он рассказал об особенностях округа, о возможностях ведения в этом пограничном районе боевых действий, о состоянии финской армии, которая «нависла» тогда над Ленинградом, об оборонительной полосе «линии Маннергейма». На самолете наркома обороны Дыбенко вылетел в Ленинград. Он был доволен, что вернулся в край своей революционной молодости.

Первый воскресный день решил посвятить ребятам, вместе с ними посетить зоопарк. Долго любовались «ушастым-хоботастым» слоном, потом пошли к барсам, тиграм, от них к медведям, верблюдам.

Началась беспокойная служба командующего Ленинградским военным округом.

Уехал в воинские части, дислоцированные в пригородах. Сразу ощутил значимость слов Шапошникова: «Пограничный район». «Граница рядом — 32 километра от моего кабинета в Главном штабе, а от Кронштадта — 30, — размышлял командующий. — И Ленинград, и остров Котлин, где стоит весь Балтийский флот, находятся на расстоянии орудийного выстрела...»

Разговаривал с начальником пограничной охраны Ленинградской области. Тот сообщил, что пограничную зону с противоположной стороны довольно часто посещают иностранные военные; германский генерал с группой офицеров с весны «изучает» нашу территорию.

...Двое суток провел командующий в Сестрорецком пограничном районе. Сидел с бойцами в секрете в кустах на берегу реки, смотрел в стереотрубу. Первым «объект» увидел молодой пограничник, показал: вот там, за рекой, слева от сухого дерева, стоят пятеро. Дыбенко заметил

отраженный от оптического прибора солнечный лучик. «Фотографируют наш берег», — определил командующий.

Именно здесь, у пограничников, Дыбенко пришел к твердому убеждению: оборону Северо-Западного района — приморской зоны в особенности — необходимо строить совместно, усилиями сухопутных войск и флота. Такого же мнения придерживался и командующий Балтийским флотом флагман 2-го ранга Иван Степанович Исаков, с которым Дыбенко встретился и беседовал в Кронштадте. Впрочем, никаких открытий командующие — морской и сухопутный — не сделали; во все времена все без исключения приморские государства имели армию и флот. Еще Петр I, основывая русский флот, образно сказал, затем и в Морском уставе записал: «Всякий патентат, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет».

Дыбенко и Исаков вместе осмотрели Кронштадт, побывали на боевых судах, беседовали с экипажами. Большие перемены увидел здесь Дыбенко. Новые подводные и надводные корабли, о которых когда-то мог только мечтать; особенно обрадовали расторопные, культурные, отлично знающие свое дело краснофлотцы. Своими впечатлениями поделился с Исаковым. Оба были единого мнения. Далеко шагнуло Советское государство, его индустриальная мощь позволила обеспечивать новой боевой техникой Вооруженные Силы.

В тридцатые годы на флоте появился класс новых боевых кораблей, лидеры — эскадренные миноносцы. Позже, в период Великой Отечественной войны, личный состав лидеров «Ленинград», «Москва», «Харьков», «Минск», «Баку», «Ташкент» творил чудеса невиданной отваги и мужества; лидеры ходили в конвоях, поддерживали своим огнем пехоту, высаживали десанты...

Тогда, в тридцатых, на стапелях судостроительных заводов закладывались могучий линейный корабль «Советский Союз», тяжелые крейсера типа «Кронштадт», автором которых был замечательный кораблестроитель Владимир Александрович Никитин.

Дыбенко видел, как претворяется предначертание X съезда партии, записавшего в своих решениях «необходимым в соответствии с общим положением и материальными ресурсами Советской Республики принять меры к возрождению и укреплению Красного военного флота».

Война нарушит наши планы, помешает достроить мощнейшие боевые корабли. Однако и недостроенный «Кронштадт» будет сражаться с фашистами, будет стрелять его пушка главного калибра, хотя и с полигона. Заготовленную для крейсера броню используют для строительства дотов...

Дыбенко посетил судостроительные заводы. Он увидел много нового на стапелях: легкие крейсера «Максим Горький», «Чапаев», подводные лодки. На Неве стоял вернувшийся после ходовых испытаний крейсер «Киров». Страна создавала могучий Военно-Морской Флот, достойный великого социалистического государства. Дыбенко ходил по палубам строящихся боевых гигантов, рассматривал орудия главных калибров, торпедные аппараты, зенитные установки. Бывал он и на специальных предприятиях, где создавалась боевая техника для Красной Армии.

Как и предшественники, а ими были М. Н. Тухачевский, И. П. Белов, Б. М. Шапошников, Дыбенко уделял главное внимание и время совершенствованию боевой и политической подготовки личного состава: за короткое время под его руководством были проведены в приграничных районах Порхов — Остров — Псков два двусторонних учения.

На окружных учениях у Дыбенко произошла встреча с журналистами. Они сидели на берегу речки, где-то между Псковом и Порховом, нервничали. Учения в разгаре. В небе идет «бой»: «красные» летчики «дерутся» с «синими». Где-то урчат танки. Грохочет артиллерия. Трещат пулеметы. А у газетчиков машина вышла из строя. Как быть? На дороге появились автомобили. Передний остановился. В нем Дыбенко. Узнав, кто такие, он приказал разместить журналистов в штабных машинах, показать все, что положено.

С КП, расположенного на возвышенности, хорошо просматривалась ровная, поросшая молодым смешанным лесом территория, разрезанная извилистой рекой. Шел жаркий «бой». Корреспонденты впервые наблюдали, как довольно громоздкие танки ТБ-5 с ходу погружались с крутого берега в воду, они были изумлены. Дыбенко пояснил:

— Настанет время, и мы Красную Армию механизуем. Пехота станет мотопехотой, будет передвигаться на машинах! Мощные многоместные самолеты перебросят крупные подразделения войск на сотни и тысячи километров. Но это в будущем...

На разбор учений командующий пригласил и журналистов. Отмечая умелые действия войск, особенно похвалил танкистов, авиаторов. Говорил об отстающих... Напомнил о тревожной международной обстановке.

— Она требует от нас быть готовыми ко всяким неожиданностям и случайностям. На маневрах и учениях действовать как на войне! Никаких условностей и послаблений! Всем командирам считать это обязательным для себя. — И повторил: — Обязательным! Это приказ!

Во время обеда Дыбенко рассказал несколько забавных историй и как-то незаметно перевел разговор на серьезные темы. Досталось тогда уже

немолодому, с блестящей лысиной командиру 56-го артиллерийского полка. Ночью на территорию хозяйственных складов этого полка проникла глухая старуха — заблудилась. Конечно, ни окрик «Стой, кто идет!», ни стрельбу «нарушитель» не слышал. Прибежавший по боевой тревоге начальник караула установил, что постовые успели израсходовать боекомплекты; к счастью, старушка не пострадала. Когда к ней подошел разводящий, она взмолилась: «Родненький солдатик, заплутала я. Помоги, касатик, пройти на вокзал».

— Так было?

— Так точно, товарищ командующий. — Комполка зарделся; отодвинул миску.

Все заметили, как лицо Дыбенко посуровело, глаза прищурились.

— Хорошо, что все кончилось благополучно. Ну а если бы проник диверсант?! — Командарм выпрямился, поправил гимнастерку, пригладил непокорные волосы, стал рассказывать о надвигающейся военной опасности, капиталистическом окружении. — СССР в кольце врагов. А мы с вами служим в пограничном округе. Об этом следует всегда помнить!

Конечно, в этот уж очень мирный, теплый осенний день никто не предполагал, что древняя русская земля, на которой только что завершились окружные учения, через четыре года превратится в арену жесточайших сражений.

И тогда мир был охвачен волнением. Шла война. Лилась кровь в Китае, Абиссинии, Испании.

Дыбенко хорошо понимал, сколь тревожна международная обстановка, он призывал людей к бдительности.

В сентябре 1937 года в Ленинграде гостила молодежная делегация республиканской Испании. 20 сентября в Таврическом дворце состоялась встреча комсомольского актива Ленинграда с молодыми представителями республиканской Испании.

В президиуме, кроме испанских товарищей, руководители партийных, советских и комсомольских организаций города. Был среди них и командующий военным округом Павел Ефимович Дыбенко. На его гимнастерке ордена — знаки боевой доблести и славы.

Заполнившие зал девушки и парни с нетерпением ждали его выступления.

— Фашизм — это война! — Голос твердый, бескомпромиссный. — Ее уже развязали. Муссолини захватил Абиссинию. Германия и Италия помогают мятежникам душить республиканскую Испанию. Фашисты варварски бомбят испанские города и деревни. Гибнут мирные люди. У

меня в руках текст речи писателя-гуманиста Хемингуэя, которую он произнес на втором конгрессе американских писателей. В ней есть такие слова: «Нам нужно ясное понимание преступности фашизма и того, как с ним бороться. Мы должны понять, что эти убийства — всего лишь жесты бандита, опасного бандита. А усмирить бандита можно только одним способом — крепко побив его». Коричневая чума угрожает человечеству! Я призываю молодежь учиться военному делу, — закончил Дыбенко свою речь.

Накануне 20-летнего юбилея Великого Октября Дыбенко часто выступал с воспоминаниями. Как-то Андрей Александрович Жданов сказал ему:

— В нашей стране выросло новое поколение молодежи, об Октябрьской революции она знает из рассказов старших да из книг. Вам, Павел Ефимович, есть о чем поведать молодым.

— На каждую просьбу райкомов комсомола откликаюсь охотно. Вот и сегодня, 20 октября, в Доме Красной Армии имени Кирова меня ждут красноармейцы гарнизона.

А 25 октября Павел Ефимович выступал в Доме культуры имени Горького. Через пять дней его слушали выборжцы. 4 ноября состоялся вечер ровесников Октября Красногвардейского района.

Выступления Дыбенко проходили в переполненных залах. Многим приходилось пристраиваться к радиорепродукторам.

В октябре 1937 года в стране началась подготовка к выборам в Верховный Совет СССР. Трудящиеся города Кингисеппа выдвинули своим кандидатом в верховный орган государственной власти Павла Ефимовича Дыбенко...

20 ноября Дыбенко приехал к своим избирателям. Он сидит в президиуме, слушает выступления. На трибуне доверенное лицо — уже немолодой псковичанин, участник штурма Зимнего, герой гражданской войны. Он рассказал о революционном пути человека, с которым вместе боролся за власть Советов, заверил избирателей, что Павел Ефимович достоин выдвижения, его дела проверены жизнью; горячо призывал присутствующих в день выборов отдать свои голоса за товарища Дыбенко, командующего войсками Ленинградского военного округа, кандидата блока коммунистов и беспартийных.

Этот призыв поддержали выступившие рабочий леспромхоза, колхозники, красноармеец, комсомолка, работница МТС.

Слово предоставили Дыбенко. Говорил о прошлом, о своем нелегком пути, о прекрасном настоящем, еще лучшем будущем. Сказал, что для достижения этого светлого будущего всем надо очень много трудиться.

— Что же касается меня, то служению Родине, народу готов отдать все свои силы, знания, опыт, а если потребуется, и жизнь] — произнес Дыбенко.

15 декабря 1937 года окружная газета «Красная звезда» опубликовала статью П. Е. Дыбенко. В пей указывалось:

«...Первое — основное и главное — это быть бесстрашным и беспощадным в бою с нашими классовыми врагами; быть неторопливым при решении сложных политических и деловых вопросов; быть правдивым и честным в отношении своей замечательной Родины и партии; никогда не спускаться до уровня политических обывателей; иметь всегда тесную связь с избирателями, помня, что у них я буду черпать все новые и новые знания, опыт и буду им помогать».

Новый, 1938 год Дыбенко встречал скромно. Днем собрались на елку мальчики и девочки — друзья Левы и Володи, а вечером пришли взрослые, самые близкие. Получил поздравления: из Новозыбкова от брата и сестер, от мичмана Сергея Павлова из Москвы. Из Ульяновска от Бориса Грендо, теперь курсанта-танкиста. Прислала телеграмму Коллонтай, она никогда не забывает поздравить с Новым годом, днем рождения, с каждым большим революционным праздником. Позвонил из Москвы Федько.

Гости разошлись. Тихо в квартире. Зинаида Викторовна на кухне мыла посуду. Лева давно уgomонился. Володя заявил: «Пойду спать, когда вы». И конечно, не выдержал, незаметно ушел в «папину комнату» да и заснул на диване, свернувшись калачиком...

Дыбенко любил свой рабочий кабинет — большой, светлый. Здесь под бдительным оком хозяина хранится старый чемоданчик, до отказа заполненный блокнотами, тетрадями, отпечатанными на машинке листами, газетными и журнальными вырезками — бесценные материалы и документы о В. И. Ленине.

Все, что находилось в кабинете, связано с флотом, армией: в шкафах различные справочники, уставы, любимые книги, многие с дарственными надписями. На стенах охотничьи ружья. Друзья и начальство знали его пристрастие к охоте, преподносили к разным юбилеям. Рядом со столом слева трехствольный «зауэр» — подарок наркома обороны в связи с присвоением воинского звания командарма 2-го ранга; надпись на серебряном ромбике: «Дыбенко от Ворошилова. 1935»... С подарочными ружьями Павел Ефимович не охотился, предпочитал заказную тулку 12-го

калибра... Над дверью большое панно «Ледовый поход». Подарок моряков к дню рождения. Было это в 1936 году. Уже поздно раздался звонок у входной двери. Сам пошел открывать. На лестничной площадке группа мужчин. Узнал Павла Малькова. «Видно, прямо с поезда», — подумал. Остальные — балтийцы, осевшие в Куйбышеве.

— Принимай, Павлуша, — сказал Мальков.

Двое стоявших за его спиной внесли в коридор укрытую полотном большую картину. Развернули. «Ледовый поход 1918 года», первый эшелон боевых кораблей Балтийского флота, совершающий героический поход из Гельсингфорса в Кронштадт.

Дыбенко стоял как замороженный...

А Мальков уже «от имени и по поручению» речь держал:

— Пусть этот скромный подарок всегда напоминает тебе о наших незабываемых днях. Ты, Павел, всегда служил для нас примером и всегда останешься в сердцах флотских любимым и желанным...

*

Прошли годы. Как и прежде, наш народ помнит славное имя большевика, героя Октября и гражданской войны, нестигаемого ленинца, бесстрашного военачальника, командарма 2-го ранга Павла Ефимовича Дыбенко.

С мешком за плечами да материнским напутствием «Чего не поищешь, того не сыщешь» отправился он на заре XX века искать неведомое счастье и отыскал его в борьбе за освобождение трудящихся от капиталистического ига; защите октябрьских завоеваний отдал он все свои силы, опыт, знания, огонь своего горячего сердца.

1970–1980

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1889, 16 февраля (28-го по новому стилю) — Родился в деревне Людково у крестьян-бедняков Ефима Васильевича и Анны Денисовны Дыбенко.

1898–1902 — Учится и кончает двухклассную сельскую, затем двухклассную городскую школу.

1902–1907 — Работает на маслобойне, спичечной фабрике. Сближается с местными подпольщиками. Расклеивает листовки.

1907–1908, март — Участвует в восстании крестьян Новозыбковского и Стародубского уездов. Арест. После четырехмесячного заключения освобожден. Занесен в «черный список».

1908, апрель — начало мая — Работает в городской управе, затем грузчиком на железнодорожной станции города Новоалександровска Ковенской губернии.

1908, май — 1909, май — Работает батраком близ Либавы, чернорабочим в Либавском военном порту и грузчиком в Рижском порту. Связывается с подпольщиками.

1909, 1 мая — За участие в первомайской демонстрации арестован. Обвинен в поддержке организации РСДРП и антиправительственной агитации среди рабочих. Освобожден, но с работы уволен.

1911, ноябрь — Арестован за неявку на призывной пункт. По этапу направлен в Новозыбков.

1911, конец ноября — Вместе с новозыбковскими новобранцами доставлен в Петроград в Крюковские казармы, затем в Кронштадт в учебный отряд.

1912, март — Назначен на учебный крейсер «Двина» (бывший «Память Азова»). Знакомится с подпольщиком, инструктором, унтер-офицером Охотой.

1912, июнь — июль — Вступает в РСДРП. Участвует в подготовке восстания на Балтийском флоте.

1912, декабрь — Назначен на линкор «Император Павел I». Специальность — корабельный электрик. Установил связи с подпольщиками.

1913, 12 августа — 15 сентября — Участвует в заграничном походе

эскадры Балтийского флота.

1915, первая половина октября — Установил прямую связь с Иваном Сладковым, руководителем Главного коллектива РСДРП в Кронштадте.

1915 — За организацию помощи восставшему экипажу линкора «Гангут» арестован, вместе с морским батальоном отправлен на сухопутный фронт.

1915, ноябрь — За агитацию среди солдат-сибиряков против войны арестован, вскоре возвращен на свой линкор.

1916, апрель — Приговорен к двухмесячному тюремному заключению с последующим переводом в разряд штрафников.

1916, конец года — начало 1917 — Назначен на транспортное судно «Ща».

1917, 23 февраля — 27 февраля — Участвует в Февральской буржуазно-демократической революции в Петрограде.

1917, 30 марта — При его участии выходит 1-й номер газеты «Волна».

1917, 5 апреля — Вошел в коллектив РСДРП Главной базы.

1917, 28 апреля — Во вновь образованном Центральном Комитете Балтийского флота — Центробалте — избран председателем.

1917, 25 мая — 15 июня — Участвует в работе I съезда моряков Балтийского флота.

1917, 18 июня — Выступает на митинге на Сенатской площади.

1917, конец июня — Первая встреча с В. И. Лениным.

1917, 6 июля — Посажен в тюрьму «Кресты».

1917, 4 сентября — Освобожден под залог и подписку о невыезде из Петрограда.

1917, 6 сентября — Прибыл в Гельсингфорс.

1917, 19 сентября — Председательствует на расширенном заседании Центробалта. Принята резолюция: «Больше распоряжений Временного правительства (Балтийский флот. — И. Ж.) не выполняет и власти его не признает».

1917, 25 сентября — 5 октября — Участвует в работе II съезда моряков Балтийского флота. Дыбенко: «...флот больше не знал приказов Керенского».

1917, сентябрь — Выдвинут кандидатом от Балтийского флота в Учредительное собрание.

1917, 11–13 октября — Участвует в работе съезда Советов Северной области. Включается в исполнительный комитет с пребыванием в Гельсингфорсе.

1917, 16 октября — Избирается председателем Центробалта четвертого состава (созыва).

1917, 17–25 октября — Отправляет моряков и боевые корабли в Петроград на свержение Временного буржуазного правительства.

1917, 25 октября — Включен в состав первого Советского правительства.

1917, 28 октября — По распоряжению В. И. Ленина прибыл в Петроград. Утром вместе с Антоновым-Овсеенко отбыл в район Пулкова для уточнения обстановки. Встретился с В. И. Лениным. В этот же день отправляет из Петрограда отряды моряков на фронт. Уезжает и сам.

1917, 30 октября — 7 ноября — Ведет моряков в атаку. Занято Детское. Принуждает казаков прекратить сопротивление, сложить оружие. Генерала Краснова отправляет в Смольный.

1917, 7 ноября — Приступает к исполнению обязанностей наркома Военно-Морского Флота.

1917, 18–25 ноября — Участвует в работе 1-го Всероссийского съезда военных моряков.

1918, 5 января — Обеспечивает порядок на улицах Петрограда во время открытия Учредительного собрания. По его приказу матрос Железняков разгоняет «учредилку».

1918, 29 января — Докладывает Совнаркому «О переводе Военно-Морского Флота на добровольческие начала».

1918, 15 февраля — Докладывает Совнаркому «О стратегическом положении на море в случае активных действий Германии».

1918, 17–28 февраля — Отправляет матросские отряды на фронт под Нарву и Псков. Едет в Гельсингфорс за матросами.

1918, 1–3 марта — Командует Первым Северным летучим отрядом революционных моряков Балтфлота под Нарвой. В результате возникшего конфликта с начальником Нарвского участка бывшим генералом Царским отстранен от командования.

1918, март — май — Предан суду Ревтрибунала.

1918, 17 мая — Ревтрибунал вынес оправдательный приговор.

1918, май — ноябрь — Направлен ЦК партии на подпольную работу на Украину. В Севастополе арестован, приговорен к смерти. Советским правительством обменен на группу пленных немецких генералов и полковников.

1919, 13 января ^[51] — Назначен командиром Особой группы войск.

1919 — Начальник Первой Заднепровской советской стрелковой дивизии. За освобождение Крыма награжден орденом Красного Знамени.

1919, 5 мая — Назначен командующим Крымской Красной армией.
1919, 24 октября — Направлен на учебу в Академию РККА.
1919, 24 ноября — Начальник 37-й стрелковой дивизии.
1920, 3 января — Освобожден Царицын. Награжден орденом Красного Знамени.
1920, 3 марта — Начальник 1-й Кавказской (кавалерийской) дивизии.
1920, 28 апреля — Начальник 2-й стрелковой кавдивизии.
1920, 4 октября — Слушатель Академии РККА.
1921, март — май — Участвует в подавлении кронштадтского мятежа. Командует Сводной дивизией Южной группы войск. Комендант Кронштадта и крепости. Награжден орденом Красного Знамени.
1921, 8 мая — Начальник Черноморского сектора, а с 17 июля и начальник 51-й Перекопской стрелковой дивизии.
1921, 29 октября — 1922, май — Слушатель академии. Кончает Академию РККА.
1922, 16 июня — Командир 6-го стрелкового корпуса.
1922, 30 октября — Командир 5-го стрелкового корпуса.
1925, 8 мая — Начальник Артиллерийского управления РККА.
1926, 16 ноября — начальник Управления снабжения РККА.
1928, 20 октября — 1933, декабрь — Командующий Среднеазиатским округом. Завершает ликвидацию басмачества. Награжден орденами Трудового Красного Знамени Таджикской и Туркменской советских республик.
1933, 2 декабря — Командующий Приволжским военным округом.
1937, 5 июня — Командующий Ленинградским военным округом. Депутат Верховного Совета СССР от трудящихся Кингисеппского района Ленинградской области.
1938, 12–19 января — Участвует в работе Первой сессии Верховного Совета СССР.
1938, 7 июля — Кончина П. Е. Дыбенко.

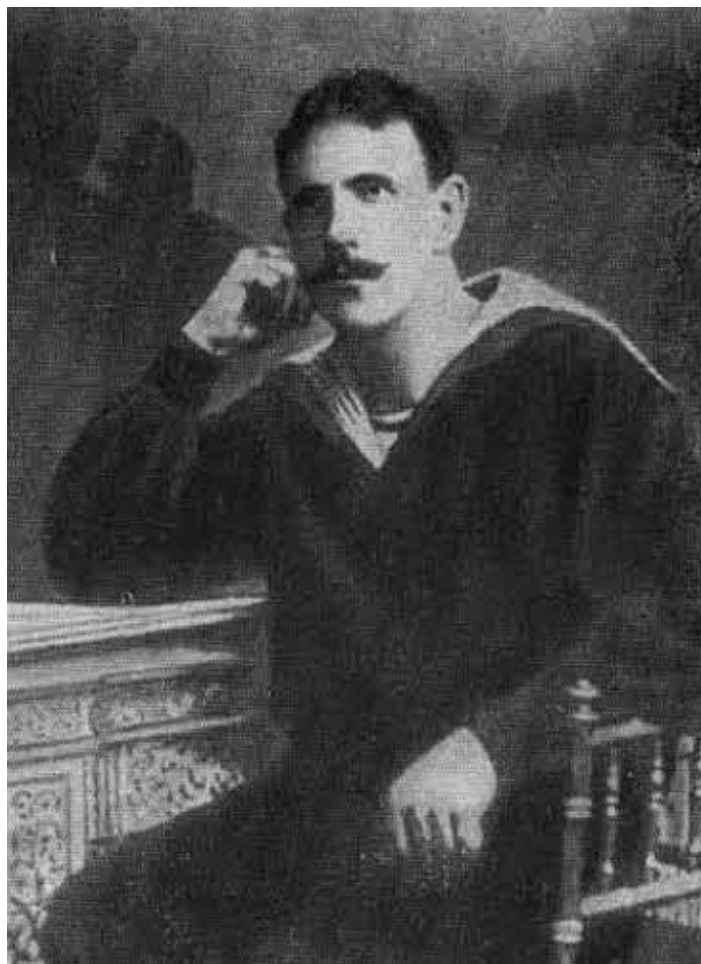
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Родители Павла Ефимовича Дыбенко —

Ефим Васильевич и Анна Денисовна.

П. Е. Дыбенко. 1913 г.

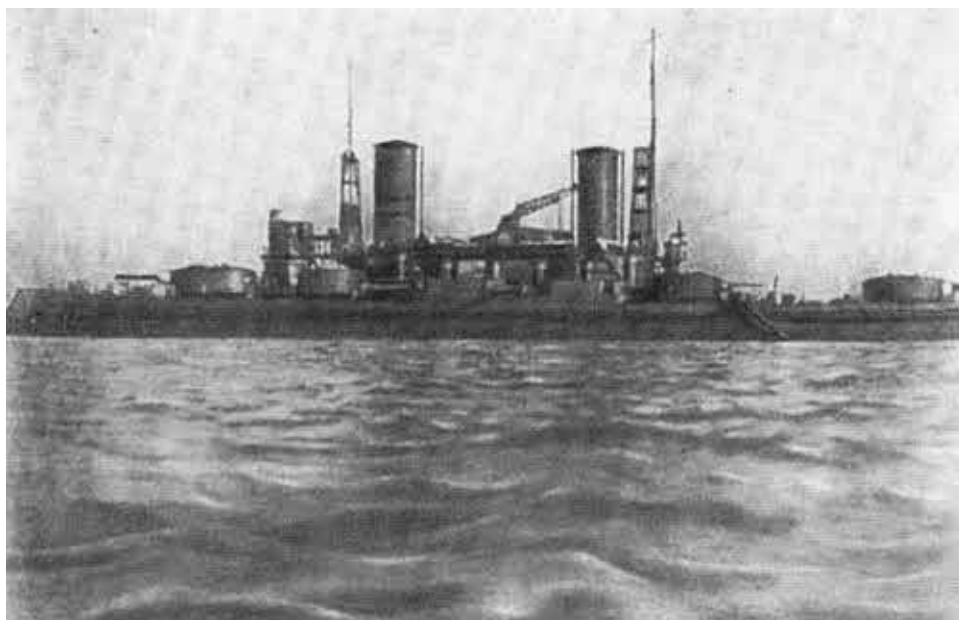
П. Е. Дыбенко (в центре) среди матросов линкора «Император Павел I». 1914 г.

З А Я В Л Е Н И Е

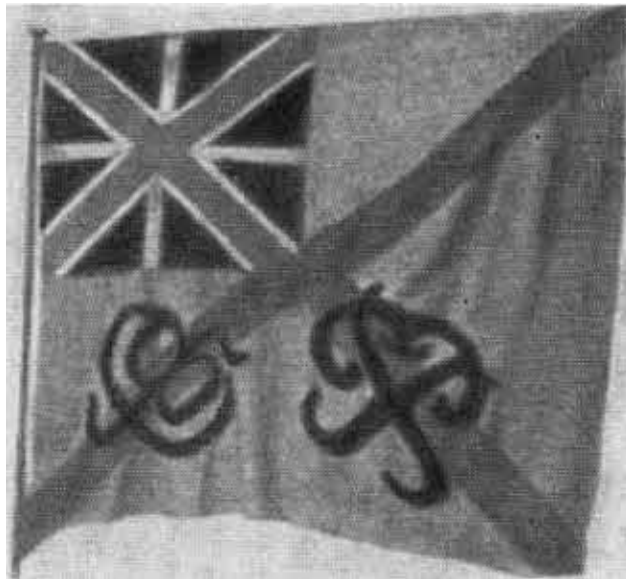
Я нижеподписавшийся *Павел Евграфович Дыбенко*
 №... симъ извѣщаю согласіе болатьроваться въ Учредительное
 собраніе отъ *Восточнаго флота* не возражаю
 противъ порядка помѣщенія въ списокъ, предложенномъ *Флоту*
 ...ской... организацией Р.С.Д.Р. П./большевиковъ/
 Адресъ *Восточнаго флота. 1-й батальон*
 Корабль *Петропавловскъ* *Павел*
Дыбенко

П. Е. Дыбенко, 1916 г.

Линкор «Республика».

Флаг военного отдела Центробалта.

В. А. Антонов-Овсеенко.

Радиотелеграмма принята в 4.30 мин. вечера 3 ноября.

Москва Введенский Народный дом.

Лефортовский Совет рабочих депутатов. Архангельск Совет рабочих и солдатских депутатов.

Окончательное поражение Керенского. От военно-революционного комитета. Войска Керенского разбиты. Арестован весь штаб Керенского с генералом Красновым, Вейтинским во главе.

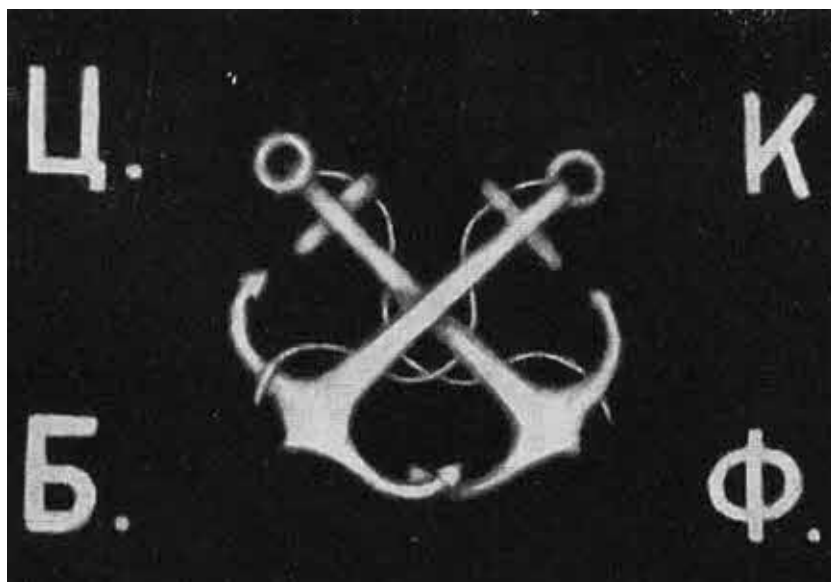
Керенский, переодевшись в матросскую форму, бежал. Казаки, перейдя на сторону революционных войск, ищут Керенского с тем, чтобы предать в руки военно-революционного комитета.

Авантюра Керенского может считаться ликвидирована. Революция торжествует.

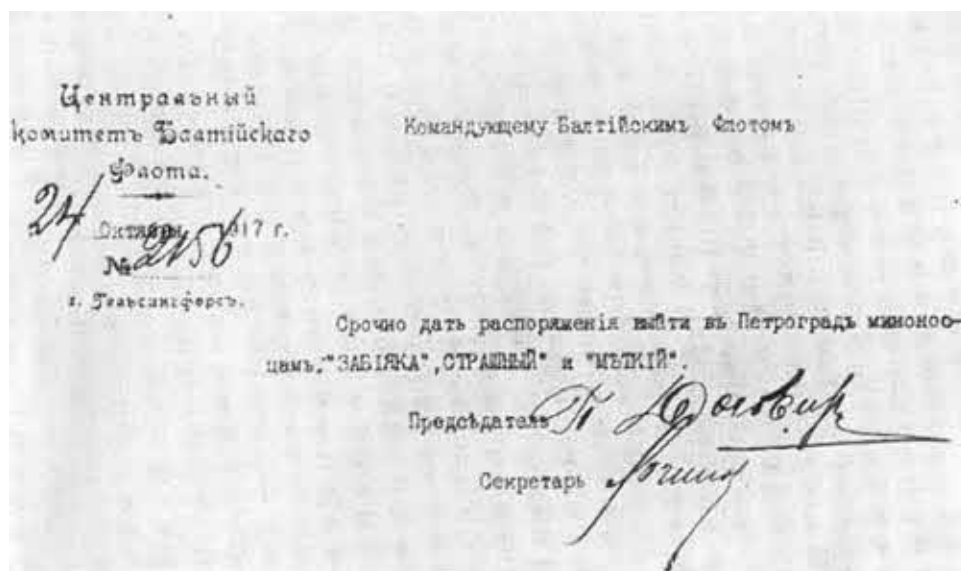
Часть ареста штаба Керенского принадлежит матросу Дыбенко.

За главнокомандующего Антонов

За начальника штаба Владимир Бонч-Бруевич.

Флаг Центробалта.

П. Е. Дыбенко с братом Федором и сестрой Анастасией. 1918 г.

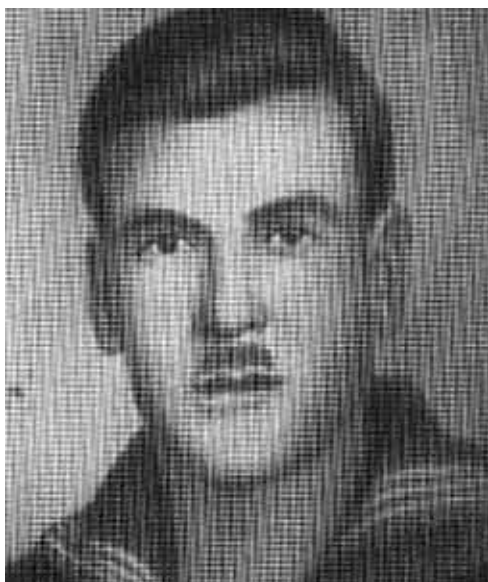

П. Е. Дыбенко — командующий Крымской Красной армией. 1919 г.

Т. И. Ульянов.

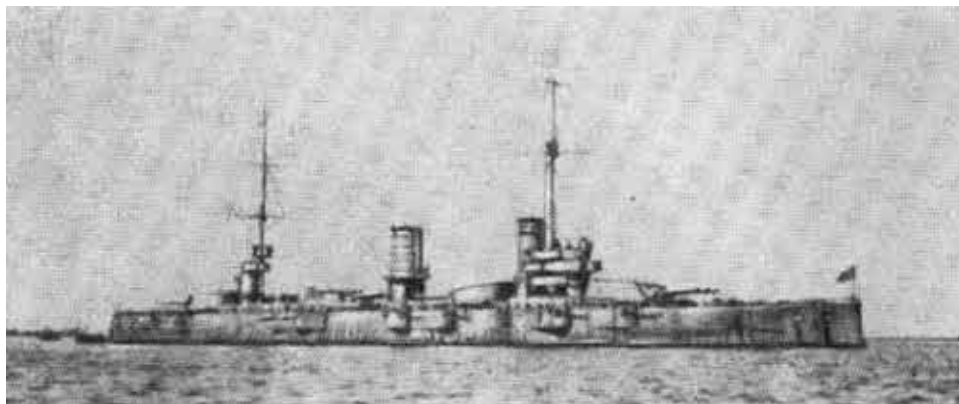
И. Д. Сладков.

П. Н. Свистулев.

И. И. Вахрамеев.

Линкор «Петропавловск».

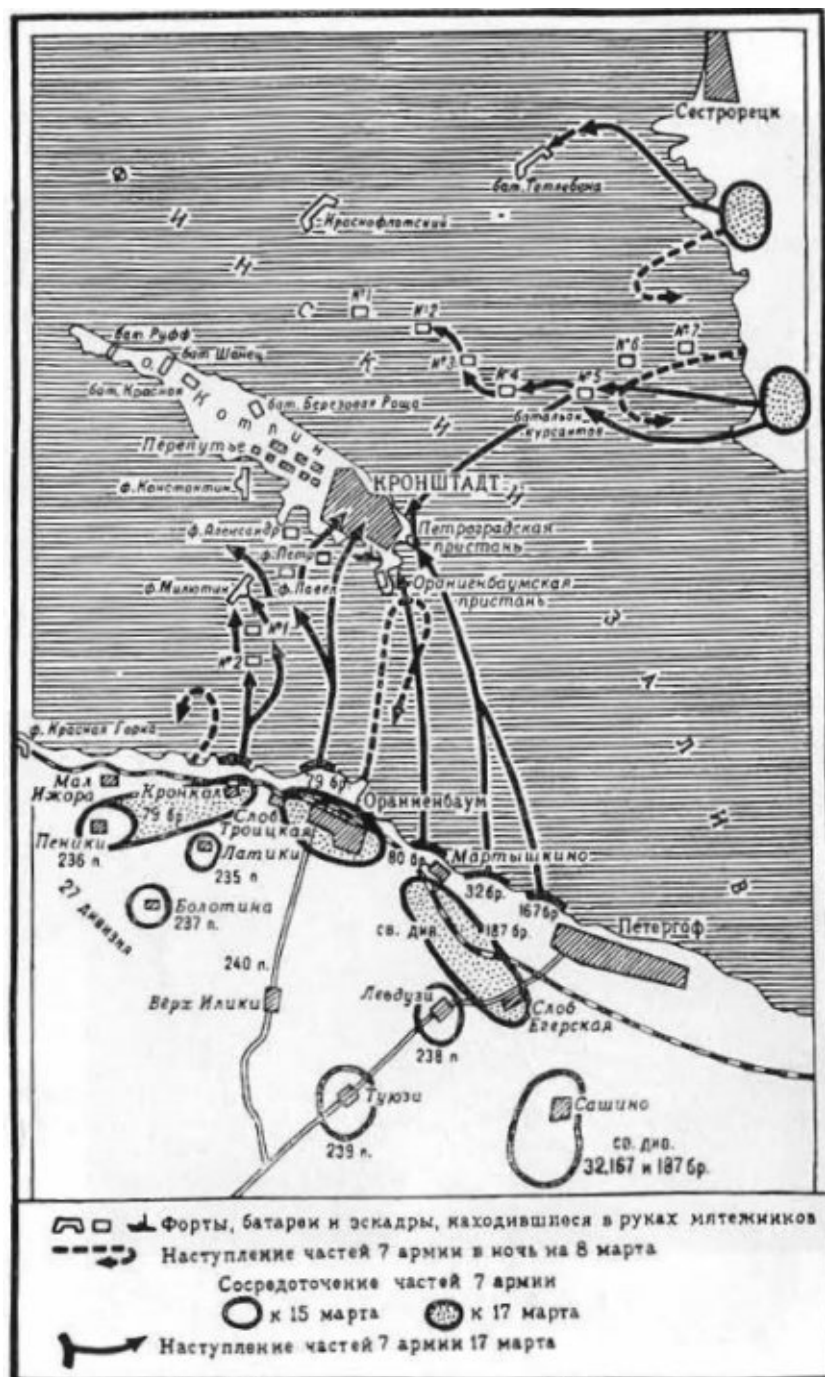
П. Е. Дыбенко и мичман С. Д. Павлов.

*Командующий 10-й армией А. В. Павлов и начальник 37-й стрелковой дивизии П. Е. Дыбенко.
1919 г.*

П. Е. Дыбенко. Январь 1920 г.

Ликвидация Кронштадтского мятежа (схема). Март 1921 г.

Резервная 80-я бригада Южной группы войск перешла в наступление. Март 1921 г.

П. Е. Дыбенко после осмотра мятежного линкора «Севастополь». Март 1921 г.

П. Е. Дыбенко на линкоре «Петропавловск»: «Присвоено наименование «Марат». Март 1921 г.

А. И. Седякин вручает орден Красного Знамени командиру полка И. В. Тюленеву. Слева — П. Е. Дыбенко. Март 1921 г.

М. И. Калинин.

М. В. Фрунзе.

П. Е. Дыбенко выступает на траурном митинге в г. Кронштадте на Якорной площади 19 марта 1921 г.

П. Е. Дыбенко среди участников подавления Кронштадтского мятежа. Март 1921 г.

Здание Адмиралтейства в Ленинграде.

П. Е. Дыбенко и А. М. Коллонтай. 1923 г.

П. Е. Дыбенко среди летчиков. 1922 г.

К. Е. Ворошилов.

А. Я. Пархоменко.

А. И. Корк.

И. Ф. Федько.

Командующий Среднеазиатским военным округом П. Е. Дыбенко во время учений в районе г. Кушки. 1929 г.

П. Е. Дыбенко с дехканами. 1930 г.

П. Е. Дыбенко приветствует участников автопробега Москва — Кара-Кумы — Москва. 1933 г.

П. Е. Дыбенко с женой Зинаидой Викторовной. 1936 г.

[illegible][illegible]

THE NEW PARADIGM

П. Е. Дыбенко с матерью Анной Денисовной. Август 1935 г.

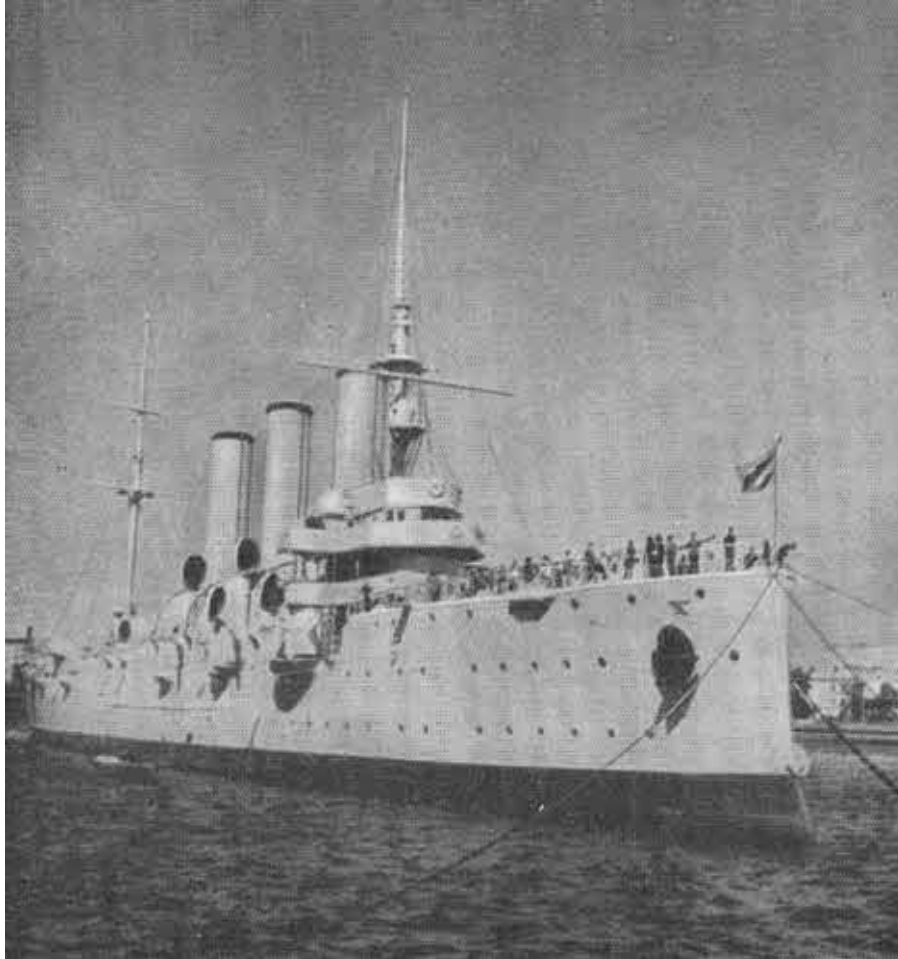
Военачальники Красной Армии (слева направо) И. Е. Славин, Я. Б. Гамарник, И. Н. Дубовой, К. Е. Ворошилов, П. Е. Дыбенко, В. К. Пунта.

Здание штаба в Ленинграде.

Крейсер «Аврора».

Книги П. Е. Дыбенко

Улица Дыбенко в Москве.

Улица Дыбенко в Ленинграде.

Стела с горельефом П. Е. Дыбенко, установленная в 1968 году в г. Симферополе.

Памятник П. Е. Дыбенко в г. Новозыбкове.

Имени Дыбенко.

Сбор пионерской дружины имени Дыбенко спецшколы № 40 Ленинградского района Москвы, посвященный 90-летию П. Е. Дыбенко. За столом сидит З. В. Дыбенко. 16 февраля 1979 г.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, 35, 36, 30 г 41, 42, 43, 45, 48, 49, 50.
Ленин В. И. Военная переписка (1917—1920). М., 1937.
Дыбенко П. Е. В недрах царского флота. М., 1919.
Дыбенко П. Е. Мятежники. М., 1922.
Дыбенко П. Е. Революционные балтийцы. М., 1959.
Дыбенко П. Е. Из недр царского флота к Великому Октябрю. М., 1958.
Дыбенко П. Е. Октябрь на Балтике. М., 1934.
Дыбенко П. Е. На подступах к Царицыну (1919—1920). — В кн.: Оборона Царицына. Л., 1937.
Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне. М.—Л., т. 1—4.
Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.—Л., 1957.
Голуб П. А. Партия, армия и революция. М., 1967.
Глебов Л. А. (Ленцнер). Кронштадт в 1905—1906 гг. М., 1956.
Гражданская война на Украине. 1918—1920. Киев, 1967.
Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957.
Жигалов И. М. Повесть о балтийском матросе. М., 1973.
Жигалов И. М. Штормовой океан. М., 1959.
Измайлов Н. Ф., Пухов А. С. Центробалт. М., 1963.
Иткина А. М. Революционер, трибун, дипломат. М., 1970.
История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971.
Кожичев В. Г. Воспоминания. Архив автора.
Крах контрреволюционной авантюры. Воспоминания участников подавления кронштадтского мятежа. Л., 1978.
Нелаев В. Павел Дыбенко. М., 1965.
Ольдерогге Г. Б. Модест Иванов. М., 1969.
Обертас И. Л. Командарм Федько. М., 1973.
Ордена Ленина Ленинградский военный округ. М., 1968.
Правда, ставшая легендой. М., 1969.
Петраш В. В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.—Л., 1966.
Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). М., 1958.
Ракитин Антон. В. А. Антонов-Овсеенко. Л., 1975.
Сивков П. Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов в 1917 году. М., 1946.

Тюрин В. М., Яковлев И. И. Ледовая одиссея Балтфлота. М., 1976.
Тюленев И. В. Через три войны. М., 1960.
Фрунзе М. В. О молодежи. М., 1937.
Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. М., 1971.
Ховрин Н. А. Балтийцы идут на штурм. М., 1966.
Чайкин В. И. Пламя юга. Львов, 1970.
Юнга Е. С. Путь матроса. М., 1958.

INFO

Ж-68

Жигалов И. М.

Дыбенко. — М.: Мол. гвардия, 1983.—287 с. — (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр. Вып. 18 (643)).

1 р. 40 к. 100 000 экз.

Ж 4702010200—315/078(02)—83 184-83

ББК 68.49(2)
355С

ИВ № 3587

Иван Матвеевич Жигалов
ДЫБЕНКО

Редактор *В. Левченко.*
Серийная обложка *Ю. Арндта*
Художественный редактор *А. Степанова*
Технический редактор *Т. Шельдова*
Корректоры *Г. Трибунская, Т. Крысанова*

Сдано в набор 31.01.83. Подписано в печать 30.11.83.
А05344.

Формат 84X108 1/32 Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 15,12+1,78 вкл. Учетно-изд. л. 18,2. Тираж 100 000 экз. (50 001—100 000 экз.) Цена 1 р. 40 к. Заказ 2325.

Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства
и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

---

notes

Примечания

1

Ныне Брянская область.

Даты до 4 марта 1918 года приводятся по старому стилю.

Боцман — специалист старшинского состава. Боцманмат — звание старшего унтер-офицера. Соответствует званию старшины 1-й статьи.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 84.

Вахта «собачья», или «собачка», в старом флоте называлась вахта с 0 до 4 часов.

«Фараон» — кличка городского.

Выделение *р а з р я д к о й*, то есть выделение за счет увеличенного расстояния между буквами заменено курсивом. (не считая стихотворений).
— Примечание оцифровщика.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 265.

Там же.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 347.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 404,

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 390.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 1.

Григорий Исаакович Чудновский (1894–1918), член Коммунистической партии с 1917 года, вместе с Н. И. Подвойским и В. А. Антоновым-Овсеенко входил в состав тройки, выделенной ЦК партии для непосредственного руководства взятием Зимнего дворца.

Борис Викторович Савинков (1879–1925) — один из руководителей партии эсеров, активный враг Советской власти. Летом 1917 года помощник военного министра (А. Керенского). После Октябрьской революции при помощи иностранных разведок организовал ряд заговоров и мятежей (ярославский, рыбинский, мурманский). Арестован в 1924 году при нелегальном переходе границы, осужден на 10 лет. В 1925 году покончил с собой в тюрьме.

Так называлась комиссия для сбора и изучения материалов по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии.

См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 156.

Баталер — специалист по продовольственному и вещевому снабжению.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 113–114.

Там же, с. 115.

Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» был принят 20 января 1918 года.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 357.

4 марта 1918 года Центробалт был распущен. Его заменил Совет комиссаров — Совкомбалт.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 21.

Умер В. М. Марусев в 1963 году. (Родился в 1890-м.)

За организацию контрреволюционного мятежа в минной гавани по решению Ревтрибунала в июне 1918 года Щастный расстрелян.

Генерал-майор в отставке И. С. Петриковский (Петренко) умер в 1964 году (родился в 1894 году).

В архивных документах того времени этот отряд назывался также «Особая группа войск Дыбенко», «Группа Дыбенко».

Приказ приводится с сокращениями.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 298.

Там же, с. 283.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 286.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 358.

Ленин В. И. Военная переписка (1917–1920), М., 1937, с. 239.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 130.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 4.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 282.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 36, 38.

ЧОН — части особого назначения, создавались из членов партии и комсомольцев для борьбы с бандитизмом. В 1924–1925 годах расформированы.

Эрос — бог любви в греческой мифологии,

См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 51–52.

Так называлась с 1624 по 1925 год столица Норвегии город Осло.

Из Норвегии Коллонтай уедет в Мексику. Вернется в Христианию. Станет полномочным представителем Советского Союза в Швеции, а затем в 1946 году советником Министерства иностранных дел СССР. Александра Михайловна Коллонтай умерла 9 марта 1952 года (родилась в 1872 году).

В октябре 1922 года V съезд комсомола взял шефство над Военно-Морским Флотом СССР.

А. С. Максимов умер в 1953 году (родился в 1866 году).

Публикуется с некоторыми сокращениями.

См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., с. 34, с. 382–384.

Борис Карлович Грендо жил в Ташкенте (умер в 1975 году).

Николай Васильевич Рожков, в 20-е годы секретарь Душанбинского горкома комсомола, ныне киносценарист, писатель, лауреат Государственных премий.

27 января 1935 года город Самара переименован в город Куйбышев.

Все даты в дальнейшем приводятся по Служебной карточке П. Е. Дыбенко.